КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXIX

1905 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 24 марта 1905 г.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА VI.

Эмансипаторская дѣятельность

(съ 1804 г.).

Новый характеръ дѣятельности. Положеніе крестьянскаго вопроса въ началѣ прошлаго столѣтія. Отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу. Повинности крестьянъ с. Кручика ихъ помѣщику. Сельскія учрежденія: дума (въ Кручикѣ и Анашкинѣ), сельская полиція, рекрутская повинность, крестьянская опека, сборъ податей, общественная сумма, школа, положеніе причта въ селѣ. Результаты сельскихъ нововведеній.

Занятія въ Кручикѣ; переписка, письма къ государю (1805—1809 гг.) и 3-ій арестъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ В. Н. Каразинъ является первымъ эмансипаторомъ изъ украинскихъ помѣщиковъ въ первую четверть прошлаго столѣтія. Реформы въ жизни обитателей села Кручика Василій Назаровичъ, какъ и слѣдовало ожидать, предпринялъ сразу и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ первый же (1805) годъ своего пребыванія тамъ Каразинъ началъ улучшать матеріальное положеніе своихъ крестьянъ, урегулировавъ отношенія ихъ къ помѣщику, переведя крестьянскія повинности на болѣе точный денежный счетъ рабочаго дня и признавъ ихъ право соб-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

ственности. Такимъ образомъ, онъ началъ образовывать «гражданъ» изъ своихъ крестьянъ; онъ далъ имъ право самоуправленія, право голоса въ ихъ дѣлахъ; такъ какъ человѣческая личность должна дополняться, по мнѣнію В. Н. Каразина, развитымъ умомъ и чувствами, то онъ открылъ школу для упражненія перваго съ малыхъ лѣтъ и хлопоталъ о бо́льшей независимости отъ прихожанъ *нравственнаго* воспитателя крестьянъ—священника, миссію котораго на упомянутомъ поприщѣ ставилъ очень высоко. Эти и другія мѣры, о которыхъ мы еще упомянемъ, клонились къ одной основной цѣли Василія Назаровича, той идеѣ, которую нѣкогда Каразинъ развивалъ императору Александру I въ его кабинетѣ—о постепенномъ приготовленіи крестьянства къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости [1]).

Въ то время вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ сильно затронутъ государемъ, и только его нерѣшительность, боязнь сильной оппозиціи этому начинанію, а также волненія крестьянъ, которыми споконъ вѣка стращали правительство крѣпостники, тормазили, а вскорѣ и совсѣмъ остановили дѣло. На дѣлѣ сочувствіе Александра угнетенному сословію выразилось въ немногихъ несущественныхъ мѣропріятіяхъ и, къ тому же, какъ полу-мѣрахъ, плохо прививавшихся. Изданъ только указъ о непринятіи объявленій для напечатанія въ вѣдомостяхъ относительно продажи людей безъ земли (*только изданъ—запретить* продажу людей безъ земли побоялись); о прекращеніи раздачи *въ собственность* населенныхъ имѣній (это послѣ царствованія императрицы Екатерины II, когда изъ 6 милліоновъ казенныхъ крестьянъ осталось ихъ 600 тысячъ), но, въ видѣ *наслѣдственныхъ арендъ* ихъ продолжали раздавать; объ учрежденіи «свободныхъ хлѣбопашцевъ», въ которыхъ помѣщики могли переводить своихъ крестьянъ, буде пожелаютъ (пожелали 160 помѣщиковъ, взыскавшіе при этомъ съ освобожденныхъ крестьянъ—45,153 души—въ среднемъ по 396 рублей съ души), и еще нѣсколько малозначительныхъ мѣръ. «Среди всѣхъ предпринятыхъ императоромъ Александромъ административныхъ преобразованій не было также позабыто и крестьянское дѣло, говоритъ Н. Шильдеръ. Государь не ограничился однимъ запрещеніемъ дѣлать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли и совершеннымъ прекращеніемъ раздачи населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ; онъ желалъ сдѣлать въ пользу этого сословія нѣчто бо́льшее. Поэтому крестьянскій вопросъ обсуждался не-

---

[1]) См. статья О. Николая Лащенко «Харьк. Сборникъ» 1887 стр. 59.

однократно въ негласномъ комитетѣ; но государь относился къ этому вопросу крайне боязливо и склонялся къ мнѣнію лицъ, предлагавшихъ принимать мѣры къ улучшенію быта крестьянъ такимъ образомъ, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ... Непрерывный рядъ внѣшнихъ войнъ похоронилъ крестьянскій вопросъ; къ тому же и императоръ Александръ не допускалъ въ дѣлѣ освобожденія проявленія частной инціативы, считая его своимъ личнымъ дѣломъ. Поэтому въ его царствованіе крестьянскій вопросъ не пошелъ далѣе смутныхъ филантропическихъ стремленій и разсужденій, оставшись безъ всякихъ практическихъ послѣдствій» [1]). Крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ, добавимъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ частныхъ лицъ (см. А. Н. Пыпинъ «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» Спб. 1900 г. 399), изъ которыхъ однимъ былъ Василій Назаровичъ Каразинъ.

В. Н. Каразинъ, какъ мы упомянули, развивалъ въ селѣ Кручикѣ идею объ освобожденіи крестьянъ и развивалъ ее до конца. Цѣлью его реформъ была независимость крестьянъ, средствомъ—признаніе правъ крестьянъ, какъ младшихъ членовъ того же общества, къ которому принадлежатъ помѣщики, правъ, которыя вытекали изъ взгляда Василія Назаровича на крестьянъ, или какъ онъ называлъ ихъ—«поселянъ». Въ письмѣ къ сл.-укр. губернатору Ив Ив. Бахтину отъ 30 янв. 1810 г. Василій Назаровичъ говоритъ: «я избѣгаю имени «крестьянинъ», котораго мы по справедливости чуждаться должны, ибо оно есть наслѣдіе отъ татаръ, нѣкогда тирановъ нашихъ: это уничижительная печать, положенная ими на чело нашихъ предковъ: «христіанинъ» или «крестьянинъ» и рабъ значило у нихъ одно и тоже. Намъ ли увѣковѣчивать этотъ синонимъ » [2]). Давая права своимъ крестьянамъ, Вас. Наз., по его собственному признанію, не дѣлалъ ничего новаго, а старался итти параллельно «указаніямъ, которыя давно существуютъ или въ смыслѣ государственныхъ законовъ, или въ умоначертаніи народномъ» [3]); онъ полагалъ, что крѣпостное владѣніе, какъ оно существовало въ его время, есть не право помѣщиковъ, а злоупотребленіе, явившееся результатомъ «незаботливости державной власти» и «вкравшееся къ намъ изъ чуждой для насъ системы» [4]). Право надъ имуществомъ не должно рас-

---

[1]) Н. Шильдеръ «Императоръ Александръ I», томъ II, стр. 109—110, стр. 111.

[2]) «Русская Старина» 1871 г., т. 3, 341 стр.

[3]) «Русская Старина» 1871 г., т. 3, 341.

[4]) Записки 1820-го года.

пространяться на личность; люди—не собственность; поэтому крестьяне обязаны помѣщикамъ по-стольку, по-скольку они пользуются его собственностью, землей, скотомъ, постройками и проч., что́, въ свою очередь, можетъ свободно сдѣлаться ихъ полной собственностью, коль скоро соразмѣрная сумма денегъ будетъ выплачена владѣльцу-помѣщику. По отношенію къ крестьянамъ и государству помѣщикъ долженъ быть «генералъ-губернаторомъ въ маломъ видѣ».

Исходя изъ такихъ положеній, Василій Назаровичъ, чтобы опредѣлить повинности своихъ крестьянъ, въ 1805-мъ году собралъ ихъ въ Кручикѣ вмѣстѣ, съ крестьянами сосѣднихъ имѣній, и на общемъ сходѣ была опредѣлена средняя цѣна рабочаго дня (30 к. на харчахъ работника), десятины пахатной и сѣнокосной земли (45 и 40 р.—150 и 133$^{1}/_{3}$ дня), матеріала, использованнаго крестьяниномъ на домъ, дворъ и всю усадьбу (100 руб.—333$^{1}/_{3}$ дней работы), кубической сажени дровъ (3 рубля—10 дней работы), цѣну ежегодныхъ потребностей разнаго рода на земледѣльческія орудія и ремонтъ построекъ поселянина вообще (3 р.—10 дней работы). За единицу платы помѣщику были приняты не деньги или хлѣбъ, какъ это по большай части дѣлалось, а рабочій день, цѣна котораго была гораздо устойчивѣе и не столько зависѣла отъ постороннихъ для жителей села вліяній [1]). Съ 1805 года В. Н. Каразинъ раздавалъ крестьянамъ на душу мужскаго пола [2]) по 7$^{1}/_{2}$ десятинъ пахатной, $^{1}/_{2}$ десятины усадебной и 1 десятину сѣнокосной земли, всего 9 десятинъ земли; 4 куб. сажени дровъ въ годъ изъ лѣсовъ помѣщичьихъ; кромѣ того, полагалось устройство и ремонтъ помѣщикомъ—дома, двора и земледѣльческихъ орудій крестьянина; по выработанной расцѣнкѣ крестьяне должны были вносить оброкъ помѣщику—6 процентовъ съ капитала, представляемаго землею и постройками крестьянина (процентъ законный въ то время), а также цѣнность ежегодно получаемыхъ дровъ и матеріала для ремонта, что въ общей суммѣ составляло 45 рублей въ годъ или цѣну 150 рабочихъ дней. Послѣдняя цифра двороваго оброка принималась за неизмѣнную, тогда какъ денежное опредѣленіе оброка должно было измѣняться соотвѣтственно измѣненію цѣнности рабочаго дня; опредѣленіе цѣнности раб. дня производилось по средней цѣнѣ его въ дан-

---

[1]) Какъ увидимъ, Вас. Назаров. Каразинъ въ 40-хъ годахъ пропагандировалъ на страницахъ «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» идею о кадастрѣ, при оцѣнкѣ земли рабочими днями.

[2]) Отца семейства.

ной мѣстности, черезъ каждые пять лѣтъ [1]). Оброкъ вносился четыре раза въ годъ по 11 р. 25 к. каждый разъ. Для предупрежденія захватовъ, запашекъ крестьянъ другъ у друга, требовалось отъ нихъ засадить рядомъ «дико-растущихъ» деревьевъ границу своего земельнаго владѣнія, и за подписью помѣщика выдавался каждому кусокъ картона (цидулка), имѣющаго форму отведеннаго участка земли съ указаніемъ его расположенія, географическимъ дѣленіемъ по четыремъ сторонамъ свѣта и означеніемъ его принадлежности извѣстному владѣльцу. Земля каждаго крестьянина дѣлилась на три части по $2^1/_2$ десятины каждая (т. е. на правильные параллелограммы 120×50 кв. саж.), а основаніемъ дѣленія приняты были дороги, для удобства наблюденія за работой крестьянъ. На цидулкѣ было обозначено, что земля «дана такому-то, безповоротно и наслѣдственно на такихъ-то условіяхъ», т. е., что земля составляетъ собственность крестьянина при честномъ исполненіи съ его стороны упомянутыхъ условій. Черезъ десять лѣтъ житель Кручика могъ даже продать или заложить свой участокъ кому-нибудь изъ сосѣдей Кручика или ближайшей деревни, лишь бы интересы помѣщика, т. е. плата узаконенныхъ 6 процентовъ, были поставлены въ условіе продажи или залога. Допущеніе «отчужденія земли нельзя не признать слабою стороною плана Каразина; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что оно являлось реальнымъ признаніемъ правъ собственности крестьянъ на землю» [2]). Упомянутый способъ несенія повинностей не былъ обязателенъ для нежелающихъ его крестьянъ. Въ Кручикѣ практиковался еще прежній способъ собиранія оброка съ крестьянъ, которые въ такомъ случаѣ назывались «половинщиками». Ихъ оброкъ былъ натурой и дѣлился на двѣ части— лѣтнюю и зимнюю: лѣтняя взносилась за полученную землю (т. е. вмѣсто 24 рублей или 80 рабочихъ дней) и равнялась половинѣ чистой прибыли съ обработки полей; счетъ основывался на числѣ копенъ при уборкѣ и на среднемъ вымолотѣ, а привозъ зерна долженъ быть произведенъ въ три срока: въ ноябрѣ, январѣ и мартѣ. Половинщики располагали, какъ полные хозяева, своимъ временемъ и вносили изъ собственныхъ заработковъ зимнюю повинность за избу, дрова и пр. (т. е., вмѣсто 21 рубля или 70 дней работы); кто не желалъ платить деньгами, могъ отработать деньги по вольному договору съ помѣщикомъ, работая въ качествѣ охотника за особую плату. Половинщики получали

---

[1]) «Отвѣтъ г-ну Оресту Миллеру» Фил. Вас. Каразина «Голосъ» 1871 г., № 38.

[2]) Абрамовъ, стр. 61. «В. Н. Каразинъ, его жизнь и общ. дѣят.».

отъ помѣщика половину сѣмянъ для посѣва; всякіе съ ними счеты велись по особымъ у каждаго имѣющимся книжкамъ. Замѣтимъ, что желающихъ пользоваться правомъ на послѣдній оброкъ, какъ менѣе опредѣленный, годъ отъ году становилось меньше и въ 1810 году почти никого не было.

Всю землю свою Василій Назаровичъ Каразинъ надѣялся передать указаннымъ образомъ въ руки крестьянъ и современемъ даже просить содѣйствія правительства въ обезпеченіи на такихъ же основаніяхъ землей своихъ разбогатѣвшихъ крестьянъ. (Тогда-то помѣщикъ вполнѣ долженъ былъ быть «генералъ-губернаторомъ» своихъ деревень). Покамѣстъ оставалась земля у Василія Назаровича, онъ обрабатывалъ ее при помощи нанимаемыхъ за особую плату своихъ крестьянъ. По мнѣнію В. Н. Каразина, «государственный порядокъ требовалъ, чтобы поселянинъ былъ земледѣльцемъ», и поэтому онъ не совсѣмъ сочувственно относился къ техническому, ремесленному образованію своихъ крестьянъ. «Не заграждая пути уму, расположенному къ искусствамъ и который одинъ можетъ приносить пользу» [1]), Каразинъ разрѣшалъ отдавать родителямъ дѣтей своихъ въ наученіе мастерству, но родители не могли тогда разсчитывать ни на какое «особливое пособіе». По совершеннолѣтіи ремесленникъ не получалъ, «какъ земледѣлецъ, земельнаго надѣла, по обязанъ былъ нести за него повинность такъ, что, пользуясь одной усадьбой, онъ несъ полный оброкъ въ 150 рабочихъ дней деньгами или цѣной работы. «Излишняя, повидимому, плата, состоящая въ цѣнѣ 80 дней, есть какъ бы *пеня за устраненіе отъ хлѣбопашества*»... «Хорошій мастеровой, думалъ Каразинъ, легко уплачиваетъ пеню; для плохого же, неуспѣвающаго выработать столько, она служитъ указаніемъ возвратиться въ состояніе родительское, и земля отводится ему, коль скоро онъ этого потребуетъ». Если хорошій ремесленникъ, уплачивающій сполна оброкъ, пожелалъ бы продолжать работать внѣ села, повинности его еще болѣе увеличиваются: онъ лишается и данной ему усадьбы, но продолжаетъ нести и за нее повинности. Слѣдовательно, за занятіе ремеслами налагался своего рода штрафъ.

Остается намъ коснутся еще одного типа кручанскихъ жителей—дворовыхъ людей. Василій Назаровичъ не хотѣлъ, чтобы при домѣ служили по принужденію люди, способные воздѣлывать землю и приносить, так., обр., гораздо больше пользы обществу. Онъ поощрялъ переходить свою дворню въ землепашцевъ, а слугъ

1) «Русская Старина». 1871 г., т. 3, стр. 347.

въ домъ набиралъ по вольному найму, или бралъ дѣтей у тѣхъ родителей, которые не могли за большимъ числомъ дѣтей прокормить и воспитать ихъ.

Слѣдить за исполненіемъ обязанностей крестьянъ по отношенію къ помѣщику и другъ-другъ лежало въ кругу дѣятельности «сельской думы» и «сельской полиціи», дѣйствовавшихъ совмѣстно. Сельскую думу В. Н. Каразинъ учредилъ въ своемъ Кручикѣ еще въ 1793 г., когда ему было только 19 лѣтъ; крестьянскій вопросъ уже тогда сильно интересовалъ его. Дума была учреждена по образцу городскихъ; состояла изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ самими крестьянами, и самаго Каразина, въ качествѣ предсѣдателя. Былъ писарь, записывавшій ходъ засѣданій, суммы денегъ для общественныхъ нуждъ и нѣкоторыя правила учрежденія. Отлучки по дѣламъ службы, жизнь въ Петербургѣ—лишили Вас. Наз. возможности усовершенствовать свое учрежденіе, которое онъ заново принялся реформировать тотчасъ послѣ отставки въ 1804 году. Новая сельская дума существовала съ 1805 года на слѣдующихъ положеніяхъ: она имѣла для своихъ занятій отдѣльное зданіе, расположенное посреди села (прежде домъ отца Василія Назаровича), напротивъ церкви и барскаго дома, немного влѣво отъ колокольни. Составъ думы былъ изъ 6 членовъ: предсѣдателя—самого Каразина, старшаго выборнаго, который былъ въ то же время церковнымъ старостой, младшаго выборнаго или «благочиннаго», завѣдывавшаго одновременно сельскою полиціей, священника кручанской церкви Алексѣя Иванова, надзирателя должностей (отставной офицеръ, послѣ 35-тилѣтней службы жившій у В. Н. Каразина на покоѣ), представлявшаго изъ себя «прокурора», замѣнявшаго предсѣдателя въ его отсутствіе и въ томъ случаѣ, когда бы хотѣлъ судиться самъ Каразинъ (такъ какъ «истецъ и судья не могутъ быть въ одномъ лицѣ»), и письмоводителя изъ воспитанниковъ мѣстной школы. Этимъ лицамъ, кромѣ помѣщика и священника, должность которыхъ должна была оплачиваться общимъ уваженіемъ и «довѣренностью», полагалось жалованіе изъ общественной суммы (о которой скажемъ ниже); «надзиратель должностей», какъ тратившій весь свой досугъ на разборъ дѣлъ думы, получалъ и наибольшее жалованіе—120 руб. въ годъ (по оцѣнкѣ перваго пятилѣтія 400 дней работы): «старшій выборный»—42 р.» «младшій выборный»—60 руб. (200 дней), больше старшаго (140 дней), такъ какъ обязанность его, какъ завѣдывавшаго и полицейской частью, на пользу общества требовала больше заботъ и времени. Писарь получалъ опредѣленнаго жалованья 24 руб. въ годъ (80 дней работы), но кромѣ того имѣлъ право получать два процента съ денежныхъ договоровъ крестьянъ, имъ закрѣпляемыхъ. На обязанности писаря лежала,

между прочимъ, забота стараться помирить полюбовно тяжущихся до начала разбора дѣла, «предупреждая тѣмъ развитіе духа сутяжничества», и за это онъ имѣлъ право получать отъ помирившихся небольшіе подарки.

Засѣданія думы происходили по четвергамъ, разъ въ недѣлю. Рѣшенія думы производились по общимъ государственнымъ законамъ, а по дѣламъ крестьянъ, не имѣющимъ указанія въ законахъ («въ случаяхъ касающихся полиціи, нравовъ и проч.»), судъ производился согласно особымъ постановленіямъ, со ссылкой на нихъ всякій разъ въ книгахъ; уголовныя дѣла передавались разсмотрѣніе «верховному» правительству, какъ это предусмотрѣно закономъ.

Дѣлопроизводство думы вносилось точнѣйшимъ образомъ въ три для того приспособленныя книги. Въ одной записывались предметы обсужденія думы и рѣшенія ея, время производства дѣла и исполненія приговора; въ другую вносились условія, дѣлаемыя жителями села между собой и съ помѣщикомъ; тутъ утверждались и права крестьянъ на землю помѣщика по указаннымъ обязательствамъ; третья книга представляла собою какъ бы собраніе формулярныхъ списковъ крестьянъ; сюда заносились краткія характеристики всѣхъ дѣлъ сельской думы, родъ вины судившихся, за который они несли наказанія. Книга эта велась въ интересахъ сельской полиціи, которая при помощи ея могла оріентироваться въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ крестьянамъ. Существовали еще двѣ книги, хранившіяся въ зданіи думы—это счетныя книги общественной суммы. Всѣми дѣйствіями думы долженъ руководить принципъ законности; самому Каразину далеко не была предоставлена неограниченная власть; онъ имѣлъ въ сельской думѣ права губернатора въ губернскомъ правленіи, и, въ случаѣ нарушенія имъ какого-либо закона въ производствѣ дѣла или пристрастнаго рѣшенія, дума чрезъ посредство своего прокурора—надзирателя должностей—имѣла право аппеллировать въ высшую губернскую инстанцію, губернатору или губернскому предводителю дворянства.

На обязанности думы лежали, главнымъ образомъ, не «механическія» распоряженія, а нравственное воздѣйствіе; этой цѣли служилъ между прочимъ священникъ, принимавшій участіе въ засѣданіяхъ думы. «Приходскій нашъ священникъ А. Ивановъ,—писалъ В. Н. Каразинъ харьковскому епископу Христофору Сулимѣ, испрашивая законнаго разрѣшенія на присутствіе священника при разборѣ думскихъ дѣлъ,—нерѣдко съ нами присутствуетъ въ лицѣ миротворца, столько приличномъ почтенному ему зва-

нію» [1]). Власть думы была «нелицепріятная, неумолимая»; «по сей причинѣ не отринуто (въ уставѣ думы) тѣлесное наказаніе. «Дѣти и народъ, который едва ли не повсюду въ состояніи же дѣтей по разуму не развитому въ однихъ лѣтами, а въ другомъ образованіемъ, не могутъ быть закономъ освобождены отъ такого наказанія». Наказанію было положено извѣстное ограниченіе: «оно должно имѣть мѣсто тамъ, гдѣ стыдъ не дѣйствуетъ еще, и опредѣляется съ крайнею бережливостью и постепенностью». Наказаніе допущено только лозою, а не палкою. По уставу можно было давать отъ 3 до 20 ударовъ за проступки, представлявшіе явное противодѣйствіе установленному порядку или злоупотребленіе властью (непослушаніе начальству, нарушеніе довѣрія, взятки при исполненіи порученія, кражу, драку въ обществѣ, неуваженіе къ старшимъ родственникамъ, и къ дѣламъ касающимся религіи). Три удара могъ нанести благочинный, отецъ семейства въ кругу своей семьи, безъ суда, непосредственно за поступкомъ; на 10 и свыше ударовъ требовался приговоръ думы. Когда наказанія думы не дѣйствовали на судившагося, онъ отдавался на руки помѣщику, который удалялъ его изъ села или отдавалъ въ солдаты, или, если онъ не подходилъ подъ условія пріема рекрутъ, помѣщикъ пользовался правомъ продать его («это единственный случай, въ которомъ подобное право можетъ быть употреблено»). Вырученныя деньги отъ продажи или рекрутская квитанція поступаютъ въ пользу крестьянскаго общества, вознаграждая его тѣмъ за лишеніе одного члена. Тѣлесныя наказанія, все-таки, были явленіемъ исключительнымъ; преимущественно наказанія налагались деньгами (пеня) или работой на общество.

Таковъ уставъ Кручанской сельской думы, въ дѣлопроизводствѣ которой В. Н. Каразинъ принималъ непосредственное и особенно дѣятельное участіе; кромѣ этого устава, имъ же былъ составленъ временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями» [2]),

---

[1]) Просьба Каразина была уважена:... «представляю собственной вашей волѣ приглашать его (священника) къ сему похвальному занятію; прошу только напоминать ему, чтобы онъ между тѣмъ не дѣлалъ упущенія въ обязанностяхъ священнической должности», отвѣчалъ архіерей Христофоръ письмомъ отъ 1 февр. 1806 года. (Харьк. Сборникъ, 1887, 60).

[2]) «Украинскій Вѣстникъ», 1818 г., май, IV; смѣсь: стр. 231—242.

Этотъ уставъ былъ изданъ въ 1819 году отдѣльной брошюрой подъ названіемъ „Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣ-

полученнаго имъ въ приданое за женой и находившагося въ звенигородскомъ уѣздѣ Московской губерніи [1]). Этотъ уставъ былъ почти сходенъ въ существенныхъ частяхъ съ вышеописаннымъ и представляетъ интересъ только для болѣе точной характеристики взглядовъ В. Н. Каразина на идеальное управленіе помѣщиковъ крестьянами, такъ какъ изложенъ по пунктамъ (21 §), а не въ формѣ разсказа, какъ Кручанскій. Отличіе отъ устава Кручика заключалось въ томъ, что тамъ допускались мірскія сходки «изъ отцовъ семействъ не обезславленныхъ явно» (статья 5) для выбора должностныхъ лицъ думы; выборы происходили по числу голосовъ при помощи маленькихъ жеребейковъ изъ бѣлыхъ и черныхъ прутиковъ. Составъ думы тотъ же; тѣлесныя наказанія достигали до 70 ударовъ, причемъ количество ударовъ ставилось въ зависимость отъ многократности преступленія; за каждый повторенный проступокъ сверхъ указаннаго числа ударовъ прибавлялось 5, 10 15 и т. д. ударовъ. Власти имѣли право безъ суда на 9 ударовъ (§ 12); власть старосты совершенно не ограничена; его голосъ рѣшителенъ во всѣхъ случаяхъ; онъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія лишь помѣщику. Авторитетъ старосты въ Анашкинѣ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что самъ Каразинъ жилъ въ Кручикѣ и лишь изрѣдка наѣзжалъ въ московскую деревню [2]). Въ 17 § говорится, что въ случаяхъ особенно затруднительныхъ дума сносится съ господиномъ, который отсутствуетъ [3]). Мы не находимъ совсѣмъ

нія, состоящаго на оброкѣ", пополненный предисловіемъ и примѣчаніями, которыя не были напечатаны вмѣстѣ съ „Временнымъ уставомъ"... въ „Укр. Вѣстн.» 1818 г. (стр. 231—242), кн. 5. Цѣль отдѣльнаго изданія устава была побудить русскихъ помѣщиковъ къ полезному подражанію (В. Н. Каразину, который всегда старался пропагандировать свои предпріятія); цензурный комитетъ, разсматривавшій упомянутую брошюру, получилъ замѣчаніе за разрѣшеніе напечатать ее („Рус. Стар. 1901 г., янв. 244, Письмо В. Н. Каразина въ С.-Петербургскую цензуру отъ 29 окт. 1819 г.)

[1]) Согласно копіи съ формулярн. списка В. Н. Каразина 1830 г. «въ сельцѣ Онашкинѣ» числилось 240 душъ крестьянъ на 2000 десятинъ земли.

[2]) Вспомнимъ и идею его о необходимости монархическаго начала въ жизни людей.

[3]) Вотъ полный „Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями: уставъ для крестьянъ оброчныхъ въ отличіе кручанскаго „для поселянъ разнаго званія" Василія Назаровича Каразина: 1) „съ поселянъ прежде всего взыскивается, чтобъ они были христіане и

извѣстій о непосредственномъ управленіи и даже пребываніи Василія Назаровича Каразина въ Анашкинѣ до 1830-ыхъ годовъ; вѣроятно, личное участіе его въ жизни этого села было невелико.

вѣрные подданные царя своего не по имени только, но *самымъ дѣломъ:* т. е., исполняли бы все то, что законы Божій и царскій предписываютъ, любили бы ближнихъ своихъ, удалялись отъ всякой вражды и неправды, почитали всякое высшею властію установленное начальство и вносили безнедоимочно установленныя подати". 2) Староста и два помощника составляли сельскую думу. 3) Жалоба на выборныхъ—въ думу, на старосту—помѣщику. 4) Дума собирается по субботамъ; въ исключительныхъ случаяхъ мірская сходка подъ предсѣдательствомъ священника; 5) сходка съ письменнаго разрѣшенія помѣщика или послѣ оповѣщенія думы; на сходкѣ лишь лучшіе отцы семействъ. 6) Ежемѣсячно отчетъ о дѣйствіяхъ думы составляется писаремъ и за подписями думцевъ отсылается помѣщику. 7) Староста имѣетъ въ сельской думѣ *рѣшительный* голосъ, т. е., его мнѣніе исполняется, хотя бы и оба выборные не согласны; мнѣнія ихъ, впрочемъ, записываются. 8) Въ дѣлѣ собиранія податей дума пользуется неограниченною властью. 9) Сборы: а) подать, б) содержаніе полицейск. повинн., в) содержаніе сельской думы, г) взносъ долга въ общую сумму, д) оброкъ помѣщику. Все въ приходо-расходной книгѣ. 10) Раскладка податей думою «помня *правду Божію и любовь къ ближнему* производится». 11) Дума заботится, чтобы поселяне были «благочестивые и честные люди». 12) Тѣлесныя наказанія (лозою; несовершеннолѣтнихъ—розгами), «только за непокорство и лживый поступокъ предъ начальствомъ» отъ 1 до 70 ударовъ (послѣднее въ рѣдкихъ случаяхъ); за каждый вновь сдѣланный проступокъ прибавлялось 5 или 10 ударовъ. Члены думы въ правѣ безъ приговора думы дать 1—9 ударовъ. 13) Кража вознаграждается въ 10 разъ: 5 частей идетъ въ общую сумму, 3—владѣльцу, 2—доносчику. Если украдено у общества или начальства, то сверхъ пени тѣлесное наказаніе, соотвѣтствующее винѣ. 14) Послабленія со стороны думы—не должно быть. 15) Къ старостѣ—уваженіе, въ противномъ случаѣ—наказаніе. 16) Староста дѣйствуетъ, на основаніи законной довѣренности, самостоятельно. Довѣренность по выходѣ старосты отбирается. 17) Въ затруднительныхъ случаяхъ дума относится къ господину; мірскія сходки рѣдко: 1—2 раза въ годъ. 18) Разсужденіе на сходкѣ начинаютъ по предложенію священника или старосты. Срокъ совѣщанія—два часа; черными и бѣлыми прутиками рѣшеніе по большинству голосовъ. 19) Помѣщикъ платилъ въ общую сумму 500 р. ежегодно, съ обязательствомъ думы устроить оспопрививаніе, надзирать за больными и содержать школу. 20) Общая сумма на прежнемъ положеніи (какъ въ Круч.). 21) Строго блюдется неприкосновенность личности и имущества крестьянъ, дозволяется увольненіе изъ общества (какъ въ Кручикѣ). Сборы лишь законные.

Въ частности, кромѣ судопроизводства, въ сферѣ обязанностей сельской думы былъ надзоръ за благоустройствомъ села; для этого учрежденa сельская полиція съ «благочиннымъ» во главѣ, который засѣдалъ въ сельской думѣ. Дума же наблюдала за правильнымъ ходомъ рекрутской повинности въ селѣ, дѣйствуя всегда вмѣстѣ съ полиціей, за правильнымъ сборомъ податей, вела счеты «общественной суммы», книги которой хранились въ зданіи думы, надзирала за опекой и наслѣдствами, заботилась объ образованіи односельчанъ.

Организація полиціи была слѣдующая: благочинный стоялъ во главѣ внутренней полиціи села и, завися отъ думы, въ то же время сносился съ уѣздной полиціей; онъ принималъ отъ нея предписанія для исполненія того или другого требованія. Распоряженія, которыя должны быть вѣдомы всему селу, оповѣщалъ благочинный черезъ десятниковъ. Все село было разбито на участки, называвшіеся 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и т. д. десяткомъ: каждый десятокъ состоялъ приблизительно изъ 10 дворовъ. Всякій домохозяинъ отвѣчалъ по очереди, въ теченіе трехъ дней, за порядокъ въ своемъ десяткѣ, и ежедневно вечеромъ рапортовалъ благочинному о состояніи своего участка. Во время исполненія полицейскихъ обязанностей, крестьянинъ пользовался нѣкоторой властью, нужной для исполненія порученій благочиннаго, а въ исключительныхъ случаяхъ, требовавшихъ немедленныхъ мѣропріятій, правомъ самостоятельныхъ распоряженій, о коихъ обязанъ былъ только извѣстить своего начальника.

Рекрутская повинность, до изданія устава объ общей воинской повинности, ложилась страшнымъ бременемъ на народъ. Тягость ея еще усиливалась при крѣпостномъ правѣ еще тѣми злоупотребленіями, которыми сопровождалась сдача въ рекруты. Достаточно вспомнить о торговлѣ людьми для сдачи въ рекруты и сдачи крѣпостныхъ въ видѣ наказанія по прихоти помѣщиковъ, узаконенной еще Екатериной II-ой въ 1787 г. Каразинъ, чтобы облегчить отбываніе этой тяжелой повинности для своихъ крестьянъ, установилъ законный порядокъ отбыванія сельскимъ обществомъ рекрутской повинности. По полученіи требованія извѣстнаго числа рекрутъ, благочинный извѣщалъ о томъ черезъ десятниковъ односельчанъ, а дума составляла списокъ всѣхъ крестьянъ въ возрастѣ отъ 19 до 29 лѣтъ. Эта норма лѣтъ считалась подходящей для того, чтобы послѣ службы сильный еще крестьянинъ могъ снова обзавестись хозяйствомъ. На этихъ крестьянъ разлагалась цѣна рекрута, которая, вмѣстѣ съ расходами по сдачѣ и содержанію рекрута, опредѣлена была разъ навсегда стоимостью 2000 рабочихъ дней или 600 руб. по расцѣнкѣ рабочаго дня въ первое пятилѣтіе учрежденій Кручика. Раскладка

дѣлалась неравномѣрно, соображаясь съ ростомъ, лѣтами, семействомъ и достатками крестьянина. Въ 1810 г. сборъ этотъ колебался между 2 и 20 рублями. Лица указаннаго возраста, но по своимъ тѣлеснымъ недостаткамъ не удовлетворявшія требованіямъ военной службы, не освобождались совершенно отъ несенія повинностей; они обязаны были внести цѣну 10 рабочихъ дней (около 3 руб.), «ибо наборъ есть повинность общественная, въ которой неминуемо должно всякому участвовать, если не лицомъ своимъ, то по крайней мѣрѣ вспоможеніемъ» [1]). Тѣ, кто подходилъ по росту, здоровью къ установленнымъ требованіямъ, могъ или внести причитающуюся на него долю платежа, или явиться къ вынутію жребія. Жребіи вынимались въ думѣ, послѣ чего по старшинству номеровъ вынувшіе жребій представлялись на заключеніе рекрутскаго присутствія, которое дѣлало послѣднюю сортировку людямъ; негодящіеся въ военную службу или излишекъ людей, когда комплектъ по призыву былъ удовлетворенъ, водворялись на мѣсто жительства. Въ случаѣ внесенія паевъ всѣми призванными къ набору, дума предоставляла себѣ право раздать призывные номера по своему усмотрѣнію, согласуясь съ выгодами и невыгодами общества отъ удаленія его членовъ. Въ послѣднемъ случаѣ паи призванныхъ возвращались.

Изъ паевъ, внесенныхъ уклонившимися отъ военной службы, и денегъ негодящихся въ службу, составлялся капиталъ для облегченія призваннымъ крестьянамъ тягостей служенія, такъ что косвеннымъ путемъ, дѣйствительно, всѣ несли военную службу. Изъ денегъ, собранныхъ такимъ путемъ, уплачивались расходы по доставкѣ рекрутъ, снабженію ихъ бѣльемъ и одеждою, уплачивались «рекрутскія деньги» и долги взятыхъ въ рекруты; оставшаяся сумма хранилась въ общественной кассѣ, откуда въ видѣ поощренія и награды за службу «вѣрѣ и отечеству» взятый въ рекруты получалъ 6% съ этой суммы всякій разъ, какъ извѣщалъ о своемъ мѣстонахожденіи и присылалъ аттестатъ отъ начальства роты, въ которой служитъ, въ безупречности исполненія своихъ обязанностей. Когда же взятый въ рекруты, окончивъ службу, возвращался домой или водворялся въ гарнизонъ, хранившаяся и причитавшаяся на его содержаніе сумма выдавалась полностью ему на руки. Если отставной солдатъ пожелалъ бы продолжать жизнь на родинѣ въ с. Кручикѣ, занимаясь земледѣліемъ, онъ немедленно получалъ отъ кручанской думы дворовое мѣсто, а отъ по-

---

[1]) «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ о существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ». «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1861 г., т. 3, стр. 162.

мѣщика, какъ тягловой крестьянинъ, $8^1/_2$ десят. земли, причемъ поземельныхъ и другихъ повинностей онъ, какъ «послужившій за вѣру и отечество», не несъ. Такимъ образомъ, благодаря заведенному Каразинымъ порядку, исчезалъ произволъ въ сдачѣ людей въ рекруты; взятые на службу имѣли постоянное денежное пособіе при нахожденіи на службѣ, а при выслугѣ избавлялись отъ того ужаснаго безпомощнаго положенія, въ которомъ оказывались отставные солдаты до введенія новаго устава о воинской повинности. Въ случаѣ десятилѣтней неизвѣстности о рекрутѣ или смерти его, «капиталъ его возвращается въ пользу общества, которое его составило», т. е., причисляется уже къ общественной суммѣ. Заботясь объ интересахъ непосредственно несшихъ военную службу, Вас. Наз. обращалъ вниманіе и на безвыходное положеніе семей, оставленныхъ своими кормильцами. Каразинъ старался не отдавать въ рекруты крестьянъ съ большимъ семействомъ, а если почему-либо этого нельзя было избѣгнуть и въ семьѣ еще не было сильнаго работника, способнаго поддерживать ее, жена и дѣти отданнаго «переходили въ состояніе сиротъ», забота о которыхъ входила въ кругъ обязанностей общины.

Крестьянскія опеки представляютъ до сихъ поръ жгучій вопросъ деревенской жизни. И въ настоящее время опека надъ крестьянскими дѣтьми поставлена до того неудовлетворительно, что сплошь и рядомъ служитъ къ полному разоренію сиротъ и необходимости имъ питаться отъ «міра». Въ прежнее время не было вовсе никакого опредѣленнаго попеченія объ имуществѣ сиротъ. Въ виду этого Каразинъ рѣшилъ помочь бѣдственному положенію лишенныхъ хозяина семей и установилъ въ такихъ случаяхъ слѣдующій порядокъ. Земельный надѣлъ отдавался по смерти отца назначенному имъ или думой сыну. Остальные сыновья получали надѣлы отъ помѣщика, но, повинностей, до совершеннолѣтія и возможности самимъ обрабатывать землю, не несли. Отрѣзанные участки малолѣтнихъ поступали до поры до времени подъ опеку, избранному отъ думы и пожелавшему того, крестьянину, который обязывался заботиться о приращеніи имущества опекаемаго и получалъ десятую долю собираемаго съ полей дохода. Опекунъ имѣлъ право и самъ обрабатывать землю сиротъ, при чемъ несъ поземельныя повинности за вычетомъ 10% слѣдующихъ ему за заботы. Послѣднимъ облегченіемъ Каразинъ имѣлъ въ виду привлечь крестьянъ предпочитать обработку сиротской земли помѣщичьей, развивая въ нихъ такимъ образомъ духъ общественности. Если не находилось крестьянъ, желавшихъ принять на себя заботу о сиротахъ, Каразинъ самъ обрабатывалъ при помощи наемныхъ людей сиротскія земли. Деньги, собира-

емыя тѣмъ или другимъ способомъ, за вычетомъ стоимости содержанія опекаемаго (которое почти ничего не составляло, такъ какъ «въ деревнѣ начиная съ пяти лѣтъ снискивають уже себѣ собственнымъ трудомъ пропитаніе»), вносятся въ общественную кассу. Дума вела счетъ этимъ деньгамъ, отдавала ихъ въ ростъ съ «преимущественными процентами», а по совершеннолѣтіи хозяина выдавала ему весь накопленный капиталъ, достигавшій нерѣдко до 300 р., на обзаведеніе. Особенно интересно отношеніе Каразина къ сиротамъ женщинамъ.

Матерей сиротъ опекунъ содержалъ на счетъ всѣхъ ихъ до совершеннолѣтія сына, получающаго отцовское наслѣдство, оставляя въ ея распоряженіи полученное за собственный трудъ. Если послѣ умершаго крестьянина остались одни дочери, то одна изъ нихъ, или вдова, получала отцовскіе или мужнины участки. Остальныя дочери отдавались по усмотрѣнію думы въ науку какому-нибудь ремеслу или получали на одинаковыхъ основаніяхъ съ сиротами—мужчинами надѣлы, за которые также не несуть повинностей до совершеннолѣтія или выхода замужъ. Въ послѣднихъ случаяхъ повинности женщинъ составляли *половину* повинностей мужчинъ за землю. Вдова несла тоже половинную долю платежа за участки мужа. Въ случаѣ перехода земли въ руки мужчинъ, повинности достигали обыкновенныхъ размѣровъ. Когда вдова или дѣвушка-сирота выходила замужъ не за жителя Кручика, онѣ теряли право пользоваться и кручанской землею [1]), но по добровольному условію могли уступить землю помѣщику или прежнему односельчанину. Плата за вывозъ невѣстъ изъ села, практиковавшаяся въ то время, была отмѣнена: сосѣдніе казенные и помѣщичьи крестьяне имѣли право свободно жениться на жительницахъ Кручика, и родители невѣсты обязаны были только извѣ-

---

[1]) Въ экземплярѣ устава объ устройствѣ крестьянъ въ Кручикѣ, напечатанномъ въ Рус. Старинѣ 1871 г., т. 3, послѣднее положеніе измѣнено: «Въ случаѣ выхода въ замужество вдовы, значится тамъ, или дѣвицы... въ другое селеніе... она съ мужемъ своимъ *властна* продолжать пользоваться ими съ тою же повинностью», и что только «дѣтямъ, прижитымъ съ иносельнымъ мужемъ, въ наслѣдство земли (изъ Кручика) оставить не можетъ», (стр. 357). Полагаемъ, что редакція этого сочиненія, напечатаннаго въ «Чтеніи» 1861 г., т. 3, подъ названіемъ: «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ» и т. д.—вѣрнѣе, такъ какъ послѣдняя редакція несравненно полнѣе и, будучи нѣсколько разъ напечатана въ современно В. Н. Каразину издаваемыхъ журналахъ, не встрѣтила съ его стороны поправокъ.

стить думу, куда они выдають свою дочь. Такъ разумно заботился о благополучіи сиротъ, до и послѣ ихъ совершеннолѣтія, Каразинъ; онъ старался вселить упомянутыми мѣрами крестьянамъ «увѣренность въ собственности», которой не могло быть у тогдашнихъ забитыхъ крѣпостныхъ, «уважить слабость пола» и дать въ силу матеріальныхъ выгодъ «новыя побудительныя причины къ бракамъ»; чтобы пристроить, такимъ образомъ, одинокихъ сиротъ женщинъ [1]).

Сборъ подати въ Кручикѣ отличался оригинальнымъ характеромъ, сообщеннымъ ему Каразинымъ. Прежде сборъ государственныхъ повинностей съ крестьянъ производился подушно (еще со времени Петра Великаго 1722 г.), причемъ число душъ и количество взноса въ селѣ опредѣлялось производимыми чрезъ извѣстные промежутки времени ревизскими сказками. Конечно, если подобная раскладка повинностей и была удобна государству, она далеко не была въ интересахъ крестьянской семьи (которая могла до новой ревизской сказки значительно увеличиться или уменьшиться), такъ какъ могла лечь на нее иногда слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Разорять крестьянъ не было и въ интересахъ помѣщиковъ, которые прибѣгали въ то время къ разнымъ способамъ болѣе равномѣрнаго расклада податей. Обыкновенно такія раскладки производились каждый годъ; подушный взносъ умершихъ или бѣжавшихъ крестьянъ налагался на новорожденныхъ, или равномѣрно увеличивался взносъ всѣхъ крестьянъ села. Иногда помѣщики раскадывали повинности по тягламъ или отчуждали кусокъ земли, который крестьяне обязаны были обрабатывать сверхъ барщины и доходами съ него уплачивались всѣ казенныя повинности. Каразинъ практиковалъ такой порядокъ сбора податей въ казну. Главной его задачей было—*равномѣрные взносы поселянъ, сообразно съ трудоспособностью каждаго.* Для достиженія этой цѣли съ 1800 г. въ с. Кручикѣ мѣрою казенной повинности отъ каждой души мужскаго пола была принята цѣна *четырехъ* рабочихъ дней въ годъ (по расцѣнкѣ 1805—1810 г.— 1 р. 20 к.). Такъ какъ цѣна рабочаго дня колебалась, а требованіе узаконеннаго двухрублеваго взноса съ крестьянина, предъявляемое помѣщику со стороны правительства, оставалось неизмѣнной цифрой, то Василій Назаровичъ недостающую сумму вноситъ изъ своихъ средствъ, ибо помѣщикъ, по мнѣнію Каразина, обязанъ заботиться о благѣ *ввѣренныхъ* ему поселянъ, помогать имъ, а не быть простымъ зрителемъ собиранія съ нихъ податей. Подать вносилась крестьянами только съ 20-тилѣтняго возраста.

---

[1]) «Чтенія» 1861 г. т. III. Смѣсь, стр. 165.

За это время крестьянинъ, такъ сказать, должалъ государству ежегодно цѣну четырехъ рабочихъ дней, что составляло за весь 20-тилѣтній промежутокъ 44 рубля [1]). Эти деньги вмѣстѣ съ наросташими на нихъ процентами долга, вплоть до погашенія, крестьянинъ обязанъ былъ вносить въ теченіе слѣдующихъ 20 лѣтъ, т. е. до 40-лѣтняго возраста; такимъ образомъ, ежегодная сумма взноса съ шестью годовыми процентами и приложеніемъ текущей подати—1 р. 20 коп.—достигала до 5 р. 60 к. въ годъ [2]). Когда исполняется 40 лѣтъ крестьянину, онъ уже не несетъ недоимки и ограничивается взносомъ одной подати, что продолжается до 60 лѣтъ, когда крестьянинъ совсѣмъ свободенъ отъ повинности. Итогъ описанныхъ мѣропріятій выражался въ 1805—1810 гг. въ такихъ цифрахъ: по счету съ уѣзднымъ казначействомъ Каразинъ обязанъ былъ внести съ крестьянъ Кручика двухрублевой подати 612 рублей. Съ крестьянъ онъ получилъ (съ крѣпкихъ работниковъ считая по 5 р. 60 к. и съ 40-лѣтнихъ по 60-лѣтнихъ по 1 р. 20 к.) 558 р.; осталось доплатить изъ помѣщичьихъ доходовъ 54 рубля, «сумма малая, за которую благословенія добрыхъ людей моихъ съ излишествомъ меня вознаграждаютъ», говоритъ Василій Назаровичъ. Такимъ образомъ, Каразинъ, сообразовавъ платежъ повинностей съ естественными періодами человѣческой силы, заставилъ больше работать молодыхъ и крѣпкихъ крестьянъ, облегчивъ уже пожилыхъ и освободивъ отъ тяжелаго труда стариковъ, недоимки которыхъ пополнялъ своими добавочными взносами, благодаря чему и дѣти, у которыхъ доживали вѣкъ престарѣлые родители, не несли еще особой тяжести по внесенію за отцовъ податей. Приближеніе 20-тилѣтняго возраста, соединеннаго съ обязательствомъ вносить довольно крупную сумму каждый годъ (казенная повинность присоединялась къ арендной платѣ помѣщику, взносами въ общественную сумму) поощряла крестьянъ къ вступленію въ бракъ, для пріобрѣтенія себѣ помощниковъ въ лицѣ жены и дѣтей, не требующихъ за себя взноса, но могущихъ принесть пользу семьѣ еще подростками, т. е. за нѣсколько лѣтъ до окончанія двойного платежа отца и до наступленія ихъ собственнаго.

Мы уже говорили, что Каразинъ смотрѣлъ на свой Кручикъ, какъ на государство въ маломъ видѣ; съ этой точки зрѣнія онъ

---

[1]) Расчисленіе суммы (съ процентами, вѣроятно) мы производимъ согласно расцѣнкѣ перваго пятилѣтія введенія въ Кручикѣ уставовъ. Такой расцѣнки придерживался, судя по «Практическому защищенію противъ иностранцевъ»..., самъ Вас. Наз. Каразинъ.

[2]) Сюда же входилъ и нѣкоторый процентъ на случай смерти крес[redacted]

опредѣлялъ свои отношенія къ крестьянамъ, какъ старшаго члена общества, отношенія крестьянъ другъ къ другу, ихъ обязанности, гражданскія права и проч. За предоставленныя льготы, право суда, полиціи, возможности образованія, медицинской помощи и др., крестьяне должны были нести еще повинность, налоги, можно сказать, внутренніе, сельскіе, въ отличіе отъ государственнаго, казеннаго взноса. Этотъ новый налогъ лежалъ уже не на лицахъ, какъ казенный, а на имуществѣ крестьянъ, данномъ имъ въ пользованіе, и помѣщика. За единицу взноса была принята сумма, получающаяся отъ дѣленія цѣны десятины земли на цѣну четырехъ рабочихъ дней. Этимъ пріемомъ регулировался устойчивѣе взносъ, такъ какъ въ зависимости отъ вздорожанія земли падала заработная плата, слѣдовательно, частное отъ дѣленія измѣнялось очень мало; въ тоже время крестьяне побуждались,—въ интересахъ большей продуктивности поля, размѣръ взноса за которое оставался почти одинаковымъ,—культивировать усерднѣе свои участки. Изъ взносовъ за имущество составлялась *общественная сумма*. Каждый крестьянинъ-хозяинъ платилъ 3 р. 33⅓ коп. въ годъ [1]; Каразинъ, какъ членъ того же сельскаго общества и пользовавшійся доходами съ тѣхъ же крестьянскихъ земель, несъ повинность равную взносамъ всѣхъ крестьянъ, т. е. *половину* общей въ годъ вносимой суммы. Помѣщикъ считался принадлежащимъ къ двумъ обществамъ: къ своему сельскому и другому «большому обществу»—государству, поэтому долженъ былъ удовлетворять требованіямъ обоихъ. Для этой цѣли сумма, вносимая Каразинымъ, дѣлилась на двѣ части: одна пополняла непосредственно капиталъ общественной суммы, другая служила для огражденія крестьянской общины отъ экстраординарныхъ государственныхъ налоговъ. Въ пользу общественной суммы шли добровольныя приношенія крестьянъ, также штрафы, присужденные думой, сборъ, установленный за отлучку изъ села, напр., ремесленниковъ, «для обузданія тѣхъ земледѣльцевъ, кои, по дурной привычкѣ къ промысламъ, среди самаго лѣта не оставляютъ оныхъ», сборъ двадцатаго улья съ пасѣчниковъ, производимый каждою осенью, и прочія повинности (не исключая и по-

---

[1] По редакціи „Русс. Старины", за 1871 г., т. 3, стр. 362—363, сборъ этотъ равнялся цѣнѣ полутора рабочихъ дней съ десятины пашни и составлялъ всего посему цѣну 1500 рабочихъ дней; при такомъ разсчетѣ повинность въ пользу общественной суммы, считая 30 к. рабочій день, опредѣлялась въ 2 р. 25 к. съ крестьянина—владѣльца (дес. сѣнокоса и ½ дес. усадьбы не считались), а не въ 3 р. 33⅓ коп., какъ опредѣлилъ это Вас. Наз. въ „практич. защищеніи"...

мѣщика). Въ 1809-мъ году весь взносъ въ общественную сумму равнялся 1717 руб. съ копѣйками (включая казенныя повинности—478 р. 89 к.), а въ слѣдующемъ 1810 году одинъ поземельный сборъ достигъ 675 рублей [1]). Изъ общественной суммы покрывались общественные расходы: жалованіе священнику (250 рублей или цѣну 833⅓ дней работы), дьячку и пономарю (вмѣстѣ 100 р., или цѣну 333⅓ дней работы), расходы на ремонтъ церкви, жалованье членамъ думы и ея содержаніе, расходы на пожарныя средства и пути сообщенія (мосты, дороги), содержаніе сельской школы, аптеки, врача и фельдшера, наконецъ, награды лучшимъ земледѣльцамъ, изъ которыхъ одинъ получалъ цѣну 80 дней работы, а другой 20. Это награжденіе торжественно производилось по окончаніи жатвы въ храмовой праздникъ села, Воздвиженіе Креста (14 сент.), въ присутствіи Каразина, членовъ думы и почетныхъ поселянъ, тотчасъ послѣ церковной службы [2]). За покрытіемъ всѣхъ общественныхъ расходовъ получался остатокъ, служившій для образованія общественнаго капитала. Капиталъ этотъ служилъ для выдачи ссудъ крестьянамъ изъ 6% годовыхъ. Для той же цѣли служили, какъ объяснено выше, суммы, принадлежавшія сиротамъ и крестьянамъ, отданнымъ въ солдаты. Итакъ, назначеніе общественной суммы—помогать во-время бѣднымъ поселянамъ въ ихъ крайнихъ нуждахъ; таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ на это учрежденіе самого В. Н. Каразина; «вспоможеніе получаютъ только тѣ, которые имѣютъ въ немъ прямую нужду», писалъ онъ въ уставѣ [3]). «Намѣреніе мое, при установленіи записью моею 1805 г. постоянной церковной суммы, было то, чтобы изъ остатковъ ея вспомоществовать поселянамъ Кручика не инымъ, какъ только нужду имѣющимъ, и по малой части, а не тѣмъ, кои достаточнѣе и притомъ большими количествами, неоставляющими уже ничего для прочихъ дѣйствительно нуждающихся», говорилъ В. Н. Каразинъ въ письмѣ отъ 2 августа 1809 года къ протоіерею богодуховскаго собора Николаю Кременецкому [4]). Въ зависимости отъ взгляда на благотворительное назначеніе части общественной суммы, вся она называлась, отъ имени церкви, Крестовоздвиженской общественной суммой или, какъ часто называлъ ее В. Н. Каразинъ, церковной

---

[1]) „Чтенія“ 1861 г., т. 3, 155.

[2]) См. статью Каразина въ „Сынѣ Отечества“ за 1820 г. № 5 стр. 240 „Языческій праздникъ въ Европѣ“.

[3]) „Чтенія“ 1861 г., 3, 155.

[4]) О. Николай Лащенко. „Василій Назаровичъ Каразинъ какъ помѣщикъ с. Кручика“. „Харьковскій Сборникъ“ 1887 г., стр. 61.

суммой, и непосредственное распоряженіе ею предоставлялось представителю христіанской религіи—священнику, и старшему члену думы—церковному старостѣ [1]). Общественныя деньги хранились въ особомъ сундукѣ, находившемся въ сельскомъ училищѣ; этотъ сундукъ отпирался двумя ключами, изъ которыхъ одинъ хранился у помѣщика, а другой у священника, которые въ случаѣ необходимости прикладывали къ сундуку и свои печати («Харьк. Сборникъ» 54). Счетъ деньгамъ велся по двумъ книгамъ, хранившимся въ думѣ. Одна—книга приходовъ и необходимыхъ расходовъ общественной суммы, которую велъ думскій писарь [но деньги получалъ или отпускалъ при одномъ изъ выборныхъ]. Другая—«долговая»—содержала записи собственно благотворительныхъ денегъ, т. е. остатковъ отъ сборовъ, отдаваемыхъ въ ссуду бѣднякамъ. Правда, остатки эти не были особенно велики. Такъ, отъ 1808 по 1809 годъ перешло остатка всего 90 р. 46 коп. Въ 1807 году роздано было взаймы кручанскмъ поселянамъ 62 рубля; въ 1808 году—61 р. 50 к., но въ крестьянскомъ обиходѣ, да при тогдашней рѣдкости денегъ, такая помощь могла быть существенной [2]). Деньги выдавались по приговорамъ думы, основаннымъ на поручительствахъ [3]), причемъ срокъ займа не былъ опредѣленъ; онъ могъ простираться на годъ, два, три и болѣе. Заемъ одному лицу только въ рѣдкихъ случаяхъ допускался свыше 10 руб. Процентъ (съ 10 руб.—отъ 50 к. до 1 руб. въ годъ) взимался по взаимному соглашенію съ заемщикомъ и смотря по состоянію послѣдняго. Въ долговую книгу условія о займѣ вносились такимъ образомъ: въ первой ея графѣ обозначалось время выдачи займа—годъ, мѣсяцъ и число—во второй—фамилія лица, коему заняты деньги, срокъ займа и фамилія его поручителя, въ третьей отмѣчалось, сколько отъ кого получено изъ занятыхъ денегъ, сколько процентовъ и за какое истекшее время. Вотъ, напримѣръ, запись изъ долговой книги за 1806 годъ: «Сего августа 10-го мною, священникомъ А. Ивановымъ, и ктиторомъ Антономъ Зинченкомъ дано изъ церковной суммы взаймы кручанскому жителю Ивану Геценку пять рублей срокомъ на цѣлый годъ». Къ записи приложенъ поручительный

---

[1]) Надо замѣтить, что упомянутая церковная сумма была совершенно отдѣльна отъ суммъ собственно—церковныхъ, т. е. свѣчныхъ и кошельковыхъ. Эта сумма находилась исключительно въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства. („Харьковскій Сборникъ"). Хотя счетъ имъ иногда велъ самъ В. Н. К-нъ.

[2]) «Харьковскій Сборникъ».

[3]) Уставъ, «Чтенія» 1861, т. 3, Смѣсь, стр. 155.

билетъ, предъявленный Геценкомъ священнику Иванову со слѣдующей надписью Каразина: «если церковная сумма позволяетъ сдѣлать подателю сего вспомоществованіе, то я могу быть за него порукой. Онъ поведенія самаго хорошаго. В. Каразинъ, апрѣля 14-го 1805 года. Билетъ данный Ивану Геценкѣ». Въ послѣдней графѣ такъ отмѣчено: «1809 года, августъ; сіи деньги взысканы съ подлежащимъ за три года процентомъ». Вотъ запись за 1807 годъ: «сего апрѣля 27-го мною, священникомъ А. Ивановымъ, и ктиторомъ Антономъ Зинченкомъ дано взаймы села Кручика жителю Іоакиму Зинченку изъ церковныхъ денегъ 10 руб. съ условіемъ за содержаніе черезъ два года уплатить процентовъ одинъ рубль». Въ послѣдней графѣ въ 1809 г. сдѣлана слѣдующая отмѣтка: «два года не уплочены деньги и проценты, коихъ въ наличности Зенченко не имѣетъ, обѣщаетъ взнесть по собраніи оныхъ». Нѣкоторыя записи велись очень коротко; такъ напримѣръ: «сего 1808 года, апрѣля 20-го дано кручинской вдовѣ Евдокіи Бороховичевой денегъ рубль пятьдесятъ копѣекъ». Въ послѣдней графѣ нѣтъ никакой помѣтки. Можно думать, что эти деньги выданы вдовѣ въ видѣ пожертвованія. Вотъ еще одна болѣе подробная запись за тотъ же годъ: «Сего іюня 10 дня дано мною, священникомъ А. Ивановымъ, денегъ взаймы 10 руб. села Кручика подданному Якову Зайцу срокомъ впредь на годъ. Поручитель по немъ старшій членъ думы А. Зинченко». Отмѣтка въ послѣдней графѣ: «сего 1809 года въ весеннее время, онъ, Заяцъ, въ число занятыхъ десяти рублей, отдалъ самому старостѣ Зинченко 5 руб. и процентовыхъ одинъ рубль, а 5 руб. осталось у него, Зайца, по согласію старосты Зинченко еще на одинъ годъ». Приведенныя выписки характеризуютъ способъ развитія Каразинымъ духа общественности и самостоятельности въ крестьянахъ. Ссуды являлись при наличности *довѣрія* односельчанина, наградой за порядочность и въ тоже время не могли вліять растлѣвающимъ образомъ милостыни на должниковъ, такъ какъ каждый рубль долженъ былъ быть выплаченъ имъ самимъ сполна съ причитающимися ежегодно процентами.

Какъ уже сказано, главной обязанностью думы Кручика было нравственное воспитаніе крестьянъ. Этой цѣли способствовалъ справедливый судъ, законно-разлагаемыя повинности, распоряженія полиціи и прочія, нами перечисленныя, мѣры. Прямымъ воздѣйствіемъ на развитіе нравственности служила Кручинская школа и содержимый думой же причтъ сельской церкви. Въ школѣ должны были быть «употреблены всѣ средства, чтобы у молодыхъ крестьянъ уваженіе къ вѣрѣ, законамъ и порядку, также и къ чистотѣ нравовъ вошли въ привычку гораздо прежде, не-

жели сіе будетъ изъясняться разсудку ихъ» [1]). Для этого Каразинъ написалъ въ руководство учителю школы два катехизиса: религіозный и гражданскій. Предметы преподаванія составляли чтеніе—азбука, часословъ, псалтирь, чтеніе гражданской печати, чистописаніе, счетъ и стройное церковное пѣніе [2]). Никакихъ спеціальныхъ задачъ не преслѣдовалось Каразинымъ. Составленные имъ катехизисы не сохранились до нашего времени, но о его гуманномъ взглядѣ мы судимъ по нѣкоторымъ даннымъ устава поселянъ Кручика и письмамъ его. Василій Назаровичъ хотѣлъ отъ народной школы одного—чтобы выходилъ оттуда человѣкъ съ его человѣческимъ значеніемъ и достоинствомъ. Онъ сильно интересовался дѣятельностью своей школы, которую, какъ и всѣ свои сельскія учрежденія, хотѣлъ выставить образцовымъ примѣромъ для подражанія сосѣдямъ. Онъ отъ себя лично награждалъ способныхъ и старательныхъ учениковъ и по временамъ самъ давалъ уроки ребятишкамъ. Дѣды кручанскіе разсказывали мнѣ, что не только ребятишекъ обучалъ В. Н. Каразинъ грамотѣ: онъ нерѣдко собиралъ стариковъ со всего села и «училъ» ихъ, главнымъ образомъ, молитвамъ: «иные и «Отче нашъ» не могли прочесть». Вообще, изъ отношенія В. Н. Каразина къ религіи, его собственной набожности, вытекали и тѣ воспитательные пріемы, какіе онъ практиковалъ у себя въ деревнѣ [3]). О. Николай Лащенко приводитъ изъ архива Харьков. консисторіи любопытное

---

[1]) Уставъ, «Чтенія» 1861 г., т. 3; Смѣсь, 158.

[2]) «Предметы ученія совершенно присвоены ограниченному кругу земледѣльца; даже преподаются они такимъ образомъ, что, представляя назначеніе учениковъ самымъ благословеннымъ и уваженія достойнымъ, они не производятъ въ ихъ сердцахъ другихъ желаній». (Тамъ же, стр. 166).

[3]) Передавали мнѣ еще одну подробность религіознаго воспитанія поселянъ Кручика. Замѣтивъ, что крестьянинъ не ходитъ въ церковь, Каразинъ посылалъ за нимъ и приковывалъ его за правую руку къ стѣнѣ притвора (подъ колокольней) церкви; съ поднятой выше головы рукой провинившійся долженъ былъ стоять въ продолженіе всей литургіи. Для этой операціи въ правой сторонѣ притвора была придѣлана изогнутая желѣзная пластинка, которой захватывалась рука у основанія кисти, такъ, что ее нельзя было вынуть, и запиралась въ петлѣ замкомъ. Желѣзная скобка виситъ до сихъ поръ на томъ мѣстѣ и о употребленіи ея трудно что-нибудь предположить: если защелкнуть руку въ скобку, то оказываешся лицомъ къ лѣстницѣ, ведущей на колокольню. Притворъ совершенно пустъ; судя по мѣстоположенію скобы, нельзя думать, что она служитъ для поддержки хоругвей.

письмо Каразина изъ с. Анашкина отъ 31 іюля 1807 г. къ священнику Кручика А. Иванову, гдѣ высказываются мысли В. Н. Каразина на дѣло школьнаго образованія: «Почтеннѣйшій отецъ Алексѣй! Благодарю васъ за письмо ваше отъ 25 мая и съ удовольствіемъ ожидаю то увѣдомленіе о приходскомъ училищѣ, которое вы обѣщали въ ономъ. Пожалуйста напишите мнѣ объ отличающихся ученикахъ, чтобы я могъ отсюда прислать имъ гостинцы и по природному расположенію каждаго имѣнія(?), имѣть о нихъ дальнѣйшее попеченіе. Заохочивайте всѣми образами поселянъ отдавать въ училище дѣтей ихъ. Внушайте имъ простымъ ихъ языкомъ и соотвѣтственно ихъ понятію и чувству, что намѣреніе какъ высшаго правительства въ большомъ и обширномъ кругу, такъ и мое въ маломъ семъ есть не то, чтобы отвлекать дѣтей отъ земледѣлія, но чтобы къ сему же самому былъ открыть ихъ разумъ; чтобы сдѣлать ихъ благонравнѣе и прилежнѣе къ своему долгу, чтобы чрезъ наученіе книгамъ дать имъ способы и праздное время отъ трудовъ проводить съ пользою и пріятностью, вмѣсто безчувственнаго пьянства. Когда Богъ дастъ мнѣ возвратиться восвояси, то и самъ я примусь за дѣло въ вѣренномъ вамъ училищѣ. Попытаюсь давать старшимъ изъ нихъ маленькія наставленія въ томъ, что принадлежитъ къ ихъ состоянію и роду жизни. Назначу для этого какой-нибудь день въ недѣлѣ. Батюшка! Я васъ усердно прошу уважать святою вашею должностью! Всевышній сторицею вознаградитъ васъ. Представьте, какія радости изготовите вы духу вашему въ старости. Воспитанники ваши будутъ *люди!* Истинное христіанское просвѣщеніе водворится въ маломъ селеніи нашемъ: «се мы, Господи, и чада наши, ихъ же намъ далъ еси», можемъ мы съ вами тогда сказать. Объ обязанностяхъ помѣщика и священника въ селѣ, я имѣю высокое понятіе: это не родъ лишь жизни, не способъ лишь одинъ, данный къ пріобрѣтенію и насыщенію: это званіе, врученное Всевышнимъ, чтобы руководствовать къ добродѣтели и блаженству людей, доставшихся на удѣлъ намъ. Ихъ *судьба*, такъ-сказать, намъ ввѣрена: и горе намъ, если мы не въ состояніи будемъ дать въ ней отчета» [1]). Такъ быстро и легко получали осуществленіе у Каразина мечты его

Мы описали назначеніе школы, теперь перейдемъ къ ея организаціи и ходу преподаванія въ ней [2]). Во главѣ школы стоялъ, какъ видно изъ приведеннаго письма, священникъ. Кромѣ него, думой на-

[1]) «Харьковскій Сборникъ» 1887 года, стр. 63.

[2]) Объ этомъ черпаемъ свѣдѣнія изъ *устава;* «Украинск. Стар.» и «Харьк. Сборн.» 1887 г.

нимался учитель съ платой цѣны 100 рабочихъ дней въ годъ [1]). Училище помѣщалось въ простой, но отдѣльной и просторной избѣ. Школа помѣщалась влѣво отъ церкви и барскаго дома, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ новая школа (кстати сказать, очень убогаго вида для нашего времени). Полное содержаніе школы обходилось думѣ въ 250 рублей въ годъ, что для того времени составляло очень изрядную сумму. Кромѣ расходовъ думы, родители учениковъ обязаны были платить учителю, согласно предварительному съ нимъ условію, за каждаго отъ 3 до 30 рабочихъ дней, смотря по состоянію. Школа была основана «на началахъ христіанской религіи», поэтому всѣ средства, несогласующіяся съ нею, напр., возбужденіе тщеславія въ воспитанникахъ, были исключены изъ ея дѣйствій; потому же во время экзаменовъ въ школу не допускались посторонніе посѣтители. Экзамены производились въ присутствіи смотрителя уѣзднаго училища, нарочно для этого случая приглашаемаго, членовъ думы и родителей учениковъ. Родители учениковъ, кончившихъ курсъ въ школѣ Кручика, могли отдавать ихъ въ уѣздное училище, гдѣ должны были содержать ихъ на собственный счетъ. Если въ уѣздномъ училищѣ мальчикъ оказывалъ выдающіеся успѣхи въ наукахъ, то Каразинъ давалъ таковому вольную съ тѣмъ условіемъ, чтобы освобожденный изъ крѣпостного состоянія, лишившій, такимъ образомъ, общество одного работника, обязался заплатить при первой возможности цѣну 2000 дней работы въ пользу общественной суммы. Эта мѣра вела также къ тому, чтобы преградить выходъ изъ крестьянской общины людямъ неспособнымъ и немогущимъ зарабатывать большую сумму. Упомянутая сумма вносилась въ кассу Кручика чрезъ извѣстные сроки, о чемъ по условію съ помѣщикомъ заботилось губернское начальство. На свою школу В. Н. Каразинъ возлагалъ, какъ мы видѣли, богатыя надежды. Онъ былъ увѣренъ, что поселяне его гораздо разумнѣе поведутъ свое земледѣльческое дѣло, что въ часы отдыха будутъ читать полезныя книги и въ «маломъ» селеніи водворится истинно христіанская жизнь. Заботы Каразина по образованію пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что они происходили по его доброй волѣ, въ силу его убѣжденій, что Кручинская школа была единственной сельской школой во всей тогдашней слободско-украинской губерніи, что она была открыта 100 лѣтъ тому назадъ, когда «не было ни правительственнаго акта, гарантирующаго самостоятельность школъ, ни заботъ о подготовкѣ духовенства къ школьному

---

[1]) Т. е., считая оцѣнку рабочаго дня (1805 г.) въ 30 коп.— 30 рублей въ годъ.

дѣлу, ни постоянныхъ мѣстныхъ и правительственныхъ источниковъ содержанія, ни училищныхъ совѣтовъ, ни попечителей и наблюдателей за школами, ни строго опредѣленной программы, ни учебныхъ руководствъ, ни даже книгъ для чтенія народу» [1]).

Каразинъ очень высоко ставилъ миссію священника села въ дѣлѣ переустройства быта и улучшенія нравовъ своихъ крестьянъ. Но отъ зоркаго взгляда Каразина не ускользнуло то ненормальное отношеніе, въ которомъ стояло тогдашнее духовенство къ своимъ прихожанамъ, получая отъ нихъ плату за требы и становясь такимъ образомъ въ зависимость отъ своихъ духовныхъ питомцевъ. Уже правительство и общество обратило вниманіе на то же обстоятельство, но В. Н. Каразинъ опередилъ современниковъ 100 лѣтъ тому назадъ, задумавъ излѣчить упомянутый недугъ, и въ томъ его особая заслуга. Съ этой цѣлью онъ составилъ запись, по которой лично отъ себя обязывался давать священнику содержаніе и поставилъ его въ положеніе независимое отъ прихожанъ, запретивъ и давъ ему возможность не брать съ нихъ платы за требы. Считая несовмѣстимымъ паханіе земли и служеніе спасенію душъ Василій Назаровичъ требовалъ, чтобы священникъ отказался отъ занятій хлѣбопашествомъ и владѣнія церковною землею. Въ 1805 г. въ Кручикѣ умеръ приходскій священникъ; Вас. Наз. пріискалъ себѣ изъ курской епархіи священника Алексѣя Иванова, даровитаго человѣка [2]) и вполнѣ раздѣлявшаго благія мечты Каразина. Руководимый тѣми же благородными побужденіями, онъ оставилъ богатый и многолюдный приходъ (въ с. Комышинѣ, хотмижскаго уѣзда) и перешелъ въ Кручикъ. Чтобы придать записи силу закона и упрочить новое положеніе священника въ Кручикѣ «въ роды родовъ», Каразинъ 8-го декабря 1805 года въ присутствіи четырехъ свидѣтелей—сосѣднихъ помѣщиковъ—совершилъ ее у крѣпостныхъ дѣлъ Слободско-Украинской палаты гражданскаго суда, а 29 янв. 1806 г. вмѣстѣ со священникомъ Ивановымъ представилъ ее къ утвержденію на всегдашнія времена епископу Христофору Сулимѣ. По этой записи [3]), которая состояла изъ 10 §§-овъ), содержаніе при-

---

[1]) О. Николай Лащенко. «Харьковскій. Сборникъ» 1887 г. стр 64.

[2]) Изъ формулярнаго его списка видно, что въ 1801 году онъ окончилъ курсъ въ Бѣлгородской семинаріи «съ похвальнѣйшими успѣхами»; тогда же былъ рукоположенъ во священники, а на другой годъ былъ уже благочиннымъ; въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей «весьма искусенъ», поведенія „примѣрно похвальнаго". „Харьк. Сб." 1887 г., стр. 53.

[3]) Запись помѣщена тамъ же; стр. 54—55.

чта и церкви обезпечивалось взносомъ 250 руб. въ годъ со стороны помѣщика и 150 рублями, собранными съ крестьянъ «нетяготительною раскладкою, при случаѣ сбора казенныхъ податей»; дьячку и пономарю полагалось по 50 руб. въ годъ, священнику 250, остальные 50 рублей шли на утварь и ремонтъ церкви. Жалованіе причту выдавалось по третямъ. Священникъ, дьячекъ и пономарь получали въ собственность отъ помѣщика дома, обстроенные службами, и усадьбы. Топливо и ремонтъ давалъ тоже помѣщикъ безвозмездно. Священникъ и дьячекъ имѣли, кромѣ того, право пользоваться доходами съ участковъ поля и сѣнокосной земли, равныхъ участкамъ поселянъ Кручика. За перечисленные доходы священникъ обязывался не брать съ прихожанъ платы за требы, исполнять обязанность школьнаго учителя, обучать церковному пѣнію учениковъ и отказаться отъ пользованія 33-мя десятинами подцерковной земли. Запись эта вызвала сочувственное отношеніе епархіальной власти и св. Синода, но была утверждена послѣ продолжительной переписки и съ нѣкоторыми ограниченіями. Епископъ Христофоръ отдалъ на заключеніе запись въ консисторію, которая хоть и одобрила запись Каразина и позволила привести ее въ исполненіе, но за исключеніемъ статьи объ отчужденіи церковной земли, такъ какъ согласіе на него стояло бы въ прямомъ противорѣчіи съ высочайшимъ указомъ отъ 3 го апрѣля 1801 года о неотъемлемости церковной земли отъ церкви. Кромѣ того, заключеніе консисторіи предоставляло право священнику и церковнымъ служителямъ соглашаться или не соглашаться подчиненію записи. Архіерей подтвердилъ заключеніе консисторіи, но В. Н. Каразинъ остался недоволенъ рѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что, при несоблюденіи условія отчуждаемости церковной земли, нарушался тотъ принципъ, который лежалъ въ основѣ его записи, и что значеніе церковнаго нововведенія теряло свой смыслъ, коль скоро будетъ «одного упрямаго или неблагоразумнаго церковника довольно, чтобы опрокинуть постановленіе, сдѣланное на счетъ моей собственности въ роды родовъ», какъ писалъ Каразинъ Христофору Сулимѣ, прося его утвердить запись безъ ограниченія. Послѣдній хотя и сочувствовалъ идеѣ Каразина, но былъ поставленъ въ безвыходное положеніе: надо было рѣшиться или отмѣнить состоявшееся утвержденіе заключенія духовной консисторіи или дать рѣшеніе противное указу 3 апр. 1801 г. Чтобы выйти изъ своего затрудненія епископъ Христофоръ обратился съ письмомъ къ митрополиту Амвросію Подобѣдову, первенствующему члену синода, которое поручилъ отвезти В. Н. Каразину. Митрополитъ Амвросій встрѣтилъ Василія Назаровича какъ человѣка коротко ему знакомаго, заинтересовался его проектомъ и предложилъ еписк. Христофору войти съ фор-

мальнымъ представленіемъ въ Синодъ для оффиціальнаго же утвержденія просьбы Каразина. Преосвященный Христофоръ 24-го нояб. 1803 года доставилъ требуемое представленіе и въ собственной пояснительной запискѣ весьма сочувственно высказался о планѣ Каразина. «Въ предположеніяхъ записи Каразина я вижу примѣрную пользу и выгоду священно- и церковно-служителей, преимущественнѣйшую, нежели паханіе подцерковной земли, тѣмъ наипаче, что сіе самое время, употребляемое обыкновенно на земледѣліе, остается имъ, священно-церковнослужителямъ, на упражненія для нихъ приличнѣйшія и свойственнѣйшія» [1]). Но всѣ усилія Каразина отстоять свою запись въ полной неприкосновенности не привели къ желаемой цѣли. Митрополитъ сдѣлалъ только слѣдующія уступки: 1) церковная земля передавалась помѣщику *временно*, не обращаясь въ его собственность; 2) священникъ и церковники Кручика могли нарушить запись только съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, а не по своей волѣ, какое толкованіе записи было придано консисторіей и 3) помѣщикъ Кручика, доказавшій неисполненіе священникомъ условій записи, имѣлъ право просить у архіерея смѣны виновнаго «и получать въ семъ удовлетвореніе». Съ такими добавленіями, но съ изъятіемъ параграфа объ отчужденіи въ пользу помѣщика церковной земли, запись Каразина была утверждена св. Синодомъ 23 марта 1807 года за № 1265, который поручилъ епископу Христофору привести ее въ исполненіе [2]).

Матеріальное содержаніе кручанскаго причта, опредѣленное въ записи, вполнѣ удовлетворяло его и онъ былъ имъ вполнѣ доволенъ. Священникъ, свободый отъ занятій по хлѣбопашеству, съ большимъ удобствомъ могъ посвящать время «на упражненія для него приличнѣйшія и свойственнѣйшія». «Отношенія прихожанъ къ причту и причта къ прихожанамъ сами собою измѣнились къ лучшему—они сдѣлались болѣе близкими, живыми и добрыми» (о. Н. А. Лащенко). Каразинъ, въ свою очередь, заботился о причтѣ и годъ-отъ-году увеличивалъ свое содержаніе, такъ что ко времени продажи Кручика священникъ получалъ вмѣсто 250 р.—688 р. въ годъ, а причетники вмѣсто 50—120 р. Насколько дорожилъ причтъ своимъ независимымъ положеніемъ и источникомъ жалованія, свидѣтельствуетъ его просьба отъ 22 іюля 1824 года къ епископу Павлу Саббатовскому, подписанная священникомъ Петромъ Базилевичемъ отъ имени всего причта: «Покорнѣйше прошу ваше преосвященство ходатайствовать пе-

---

[1]) „Харьковск. Сборникъ" 1887 г., стр. 57.

[2]) „Харьков. Сборникъ", 1887 г., 57.

редъ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы настоящій порядокъ въ селѣ Кручикѣ былъ соблюдаемъ, какъ и прежде, безъ всякой перемѣны, дабы мы продолжали пользоваться принадлежащимъ намъ содержаніемъ»,—писалъ онъ, напуганный заявленіемъ новаго распорядителя въ Кручикѣ, который по собственному заявленію въ присутствіи чиновниковъ земскаго суда «съ прежними установленіями Каразина соображаться не намѣренъ» [1]).

Описаніемъ положенія духовенства въ Кручикѣ мы закончимъ изложеніе реформаторской въ немъ дѣятельности Каразина. Было еще нѣсколько учрежденій въ селѣ. по медицинской, пожарной части, но о нихъ мы имѣемъ лишь упоминаніе.

Такъ смотрѣлъ Каразинъ на крѣпостное право или, какъ онъ самъ выражался, на «подчиненность поселянъ помѣщикамъ», которое, какъ мы видѣли, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ крѣпостнымъ правомъ, которое существовало въ дѣйствительности; для насъ теперь кажутся странными нападки современниковъ и біографовъ Каразина на его «крѣпостничество», которому, кстати, противорѣчили и его мысли, выраженныя въ письмахъ и сочиненіяхъ, разборомъ которыхъ мы займемся ниже [2]). Мѣропріятія

---

[1]) „Харьковскій Сборникъ", 1887 г. стр. 59.

[2]) Насколько мало знакомы съ жизнью и дѣятельностью В. Н. Каразина подобные біографы, можетъ служить то обстоятельство, что Пассекъ, главарь одного изъ тайныхъ обществъ, слѣдовательно либералъ въ полномъ смыслѣ слова, употреблялъ по отношенію къ крестьянамъ пріемы, совершенно одинаковые съ таковыми „крѣпостника" Каразина: „Онъ всегда былъ добръ для своихъ крестьянъ, но съ этихъ поръ (со вступленія въ тайное общество „Союза благоденствія") онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали, разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ „О правахъ и обязанностяхъ гражданина", изданной при имп. Екатер. и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія Алекс. (религ. и *гражданскій* катехизисы Каразина). Курсъ ученія кончался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя тетрадку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ, между прочими правами, предоставлены были въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу". (Пыпинъ, Общ. движ. Ал. I, Записки Якушкина, стр. 399). Либералъ и „крѣпостникъ" достигали одной и той же цѣли и одинакими средствами! Разница лишь въ томъ,—что Каразинъ на десять лѣтъ опередилъ своими учрежденіями Пассека („Союзъ Благоденствія", послѣ 1815 г. 1).

В. Н. Каразина дѣйствовали до 1824 г., т. е. до времени передачи Кручика графу Подгоричани, и привели къ противоположнымъ результатамъ для него самого и его крестьянъ. Послѣдніе, по словамъ Ф. Вас. Каразина, «считали себя вполнѣ счастливыми. Были поселяне, которые владѣли не однимъ десяткомъ воловъ [1])... Въ селѣ вовсе не было кабаковъ и всѣ веселились безъ пьянства. По прошествіи очень немногихъ лѣтъ, было уже много выкуповъ земли въ собственность... По прошествіи 15 лѣтъ у всѣхъ крестьянъ Василія Назаровича были свои участки земли, узаконенные договоромъ съ помѣщикомъ и засвидѣтельствованные начальствомъ» [2]). Изъ статистическихъ свѣдѣній по метрическимъ и исповѣднымъ книгамъ, приложеннымъ къ отчету филотехн. общ. за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 года, видно, что, несмотря на одинаковость пахатной земли въ Кручикѣ и трехъ сосѣднихъ казенныхъ деревень, Павловки, Губаровки и Никитовки, несмотря на неблагопріятное для здоровья географическое положеніе Кручика, смертность въ немъ оказалась почти вдвое меньше, а рождаемость больше, чѣмъ у сосѣдей, хотя число браковъ въ Кручикѣ было значительно меньше. Статистику Вас. Наз. произвелъ на основаніи цифръ съ 1808 г. по 1818 г., т. е. за десятилѣтіе, немного спустя по введеніи своихъ учрежденій; изъ того же отчета видно, что благосостояніе кручанскихъ крестьянъ значительно возросло, а статистика показала, что сборы хлѣбовъ въ Кручикѣ гораздо больше, чѣмъ въ сосѣднихъ частно-владѣльческихъ и казенныхъ селахъ, крестьяне которыхъ «не различествуютъ отъ кручанскихъ *ни чьмъ*, кромѣ образа управленія» (стр. 30). Какъ чувствовали себя эмансипированные крестьяне Каразина, о томъ служитъ наглядно письмо каразинскаго крестьянина Ѳедора Манжаренка, занимавшаго сперва должность писаря въ сельской думѣ Кручика, а потомъ домашняго секретаря Василія Назаровича. Письмо написано было *по смерти* Каразина: «Не могу забыть,— пишетъ Манжаренко,—всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ наставленій дражайшаго нашего, въ Бозѣ почивающаго, благодѣтеля, которыя сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ, по истинной страстной приверженности моей. Вѣчно буду сожалѣть на южный берегъ (Крыма), который лишилъ нашего благодѣтеля и присвоилъ къ своему поприщу. Во всякомъ мѣстѣ да наслѣдуетъ благодѣтель нашъ царствія небеснаго. Не надѣюсь я до смерти моей осчастливиться

---

[1]) Это въ крѣпостное время начала прошлаго столѣтія. О богатствѣ крестьянъ при В. Н—чѣ утверждаютъ и теперь ихъ потомки Кручанцы.

[2]) Ф. В. Каразинъ. „Голосъ". 1871 г., № 38.

видѣть подобія въ мірѣ семъ, кольми паче при такомъ аристократическомъ управленіи въ Кручикѣ (по смерти его крестьяне начали быть управляемы на манеръ общій, не такъ, какъ было при немъ). Лишась генія правды, истиннаго патріота и друга человѣчества, отверзлись врата неправды и совершенно ликуетъ несправедливость, страждутъ сироты и плачутъ юные воспитанники; страдальцы выглядываютъ отрады, но нѣтъ ея здѣсь,—она покоится на лонѣ Авраамлѣ! При этомъ то несчастномъ случаѣ, который невозвратно отнялъ у меня здоровье, лишился я и семейство мое всѣхъ утѣшительныхъ воздаяній и счастія въ продолженіе моей службы, почти двадцати-семи-лѣтней, которая теперь числится ни во что и повсечастно приводитъ меня въ уныніе и заставляетъ горько плакать. . Съ чувствомъ христіанина стараться буду перенести все иго, заслуживать у новыхъ господъ то, что потерялъ нещастно... Марта 25, 1846 года, с. Кручикъ». Вотъ какъ могъ писать воспитанникъ кручанской школы и учрежденій В. Н. Каразина [1]). Самъ же онъ, увлекаясь учеными и хозяйственными опытами, требовавшими большихъ затратъ, и строго храня права крестьянъ, дарованныя имъ, разстроилъ свое имущество и былъ принужденъ въ 1824 году отдать имѣніе свое въ чужія руки. Припомнимъ также, сколько личныхъ средствъ стоило Василію Назаровичу открытіе и хлопоты по харьковскому университету. Каразинъ сильно горевалъ о потерѣ родового Кручика; особенно жаль было ему разстаться съ приходской церковью, гдѣ покоился прахъ его отца и гдѣ въ 1819 году онъ приготовилъ и себѣ мѣсто. Впослѣдствіи, въ 1833 году, Кручикъ снова перешелъ во владѣніе В. Н. Каразина [2]), но уже не жилъ по прежнимъ порядкамъ; такой порядокъ, какъ мы видѣли, тре-

---

[1]) Сѣверная Пчела. 1860 г. № 90 прим. О любви и признательности къ Каразину крестьянъ см. въ прилож. „Поѣздка въ Кручикъ“.

[2]) Объ этомъ судимъ, во 1-хъ, по письму Каразина къ Т. И. Селиванову, въ которомъ Каразинъ съ радостью извѣщаетъ его о возрастѣ „отторженнаго имѣнія“ (въ февр. 1833 года, неизданыя письма къ Т. И. Селиванову, хранящіяся у проф. Д. И. Багалѣя), и, во 2-хъ, по упоминанію въ неизданныхъ рукописяхъ Чирикова о „дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ харьк. губерн. правленія за № 23, 1833 года: «Каразинъ, о выдачѣ ему свидѣтельства о свободности имѣнія; на 13 листахъ». Въ январѣ 1833 года совѣтъ харьковск университета и городское управленіе прислало Василію Назаровичу Каразину деньги для уплаты неустойки за имѣніе его. („Украинская Старина“ Г. П. Данилевскій, стр. 150—151).

бовалъ значительныхъ жертвъ со стороны помѣщика, а Василій Назаровичъ по разстроенному состоянію не могъ больше этого дѣлать.

Административная дѣятельность Каразина, разработка крестьянскаго вопроса занимала его, главнымъ образомъ, въ 1805, 1806 и въ началѣ 1807-го года, и мы видѣли, какъ пришла къ благополучному разрѣшенію послѣдняя забота его о деревенскомъ духовенствѣ. Одновременно В. Н. Каразинъ занимался улучшеніемъ сельскаго хозяйства, сообщеніемъ ему высшей культуры и научными работами, преимущественно примѣняя ихъ къ интересамъ хозяйства. Въ это время Каразинъ уже занимался культивированіемъ въ Кручикѣ разныхъ родовъ иноземныхъ деревьевъ и другихъ растеній. Начало этихъ занятій относится даже къ болѣе раннему времени, именно—когда Василій Назаровичъ заботился о благоустройствѣ харьковскаго университета. Составляя библіотеку, минералогическій и другіе кабинеты, онъ одновременно устраивалъ и ботаническій садъ для своего дѣтища. Нѣсколько экземпляровъ выписываемыхъ деревьевъ и растеній Василій Назаровичъ отвозилъ къ себѣ, въ Кручикъ, и въ Основинцы, къ брату своему, Ивану Назаровичу Каразину, который одинаково горячо интересовался рѣдкостями молодой флоры. Въ 1803-емъ году получены были имъ и братомъ экземпляры канадской тополи. 25-го мая этого года состоялся указъ о принятіи пожертвованныхъ харьковцами суммъ на открытіе харьковскаго университета. Въ память объ этомъ событіи Иванъ Назаровичъ Каразинъ посадилъ въ саду своего имѣнія канадскую тополь, которая донынѣ носитъ названіе «ровесницы харьковскаго университета».

Есть основаніе предполагать, что уже въ 1805 году въ Кручикѣ былъ устроенъ кожевенный заводъ. Мастера были приглашены изъ числа тѣхъ «художниковъ», которыхъ выписалъ В. Н. Каразинъ для университета [1]).

---

[1]) Въ „Описи дѣлъ Правленія Импер. Харьковскаго университета отъ 1805 до 1820 г.“ значится за 1805 годъ подъ № 47-мъ такъ: „По прошенію Статскаго Совѣтника и кавалера *Каразина* о сдѣланіи надлежащаго полиціи отношенія въ отношеніи свободнаго выѣзда въ деревню его Кручикъ мастерамъ“ на 6 листахъ. Дѣла этого разсмотрѣть мы не могли, ибо въ концѣ описи за 1805 годъ значится, что дѣло это уничтожено. Другое дѣло за тотъ же годъ за № 78, о жалобѣ кожевенника Гренегросса на Шеперлина (тоже мастера) въ харьковскій университетъ, за несправедливое обвиненіе Шеперлиномъ въ тайной продажѣ *съ завода* Василія Назаровича Каразина тридцати паръ голенищъ; прошеніе было написано на нѣмецкомъ

Извѣстно, что Вас. Наз. велъ дневникъ своей жизни въ деревнѣ; но дневникъ до 1821 года сгорѣлъ во время пожара господскаго дома въ Кручикѣ, и о занятіяхъ Каразина до этого года мы будемъ судить по оставшимся немногочисленнымъ источникамъ—его сочиненіямъ въ этотъ періодъ времени, перепискѣ, свидѣтельствамъ сына его Ф. В. Каразина и хорошо знавшихъ Василія Назаровича лицъ.

Первое время по удаленіи въ Кручикъ Каразинъ еще жилъ общей жизнью, его живо интересовали событія въ отечествѣ и за границей и, какъ мы уже говорили, онъ велъ дѣятельную переписку съ многими даже высокопоставленными лицами по разнымъ вопросамъ жизни. Онъ старался воспользоваться своими еще не порванными связями для исполненія составленныхъ имъ проектовъ въ области сельскаго хозяйства и различныхъ практически-примѣнимыхъ наукъ, мечтая все время о благѣ своей родины, поддерживалъ своимъ вліяніемъ полезныя по его мнѣнію предпріятія даже малознакомыхъ людей. Изъ письма, напримѣръ, къ Каразину Трощинскаго отъ 25 янв. 1808 г. можно заключить, что онъ хлопоталъ передъ людьми сильными о поддержкѣ только что предпринятаго изданія С. Н. Глинки «Русскаго Вѣстника», направленнаго противъ рабскаго поклоненія въ то время всему иностранному, преимущественно французскому, и поставившаго себѣ задачей защиту добраго отечественнаго [1]). Ставя очень высоко значеніе прессы, какъ носительницы «общественнаго мнѣнія», Каразинъ въ 1806 году задумалъ самъ издавать журналъ подъ названіемъ «Собесѣдникъ изъ Украйны» и въ апрѣлѣ обратился къ попечителю харьковскаго учебнаго округа съ просьбой о передачѣ ему изъ университетской типографіи одного печатнаго стана за 50 руб. въ годъ на три года. Попечитель охотно согласился на эту передачу, замѣтивъ, что «оный журналъ будетъ здѣсь первое произведеніе въ семъ родѣ» [2]). Планы Кара-

---

языкѣ и переведено, какъ видно, на русскій самимъ В. Наз Каразинымъ. Мотивомъ жалобы выставлялось, кромѣ обиды, нежеланіе чувствовать на себѣ подозрѣніе хозяина. Не по желанію ли самого Василія Назаровича возникло это дѣло?

[1]) Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX ст. Русс. Стар. 1900 г., октябрь.

[2]) „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія" 1872 г., CLIX, 102. Объ этомъ журналѣ Каразина находимъ упоминаніе въ сборникѣ Домбровскаго „Славинъ". Здѣсь между прочимъ помѣщено письмо къ Домбровскому проф. Харьк. ун. Стойковича, гдѣ послѣдній пишетъ, что онъ вмѣстѣ съ «штатсратомъ» Каразинымъ собирается издавать журналъ подъ названіемъ Собесѣдникъ изъ Украйны, имѣющій своею задачею изслѣдованіе и развитіе южной Россіи. (Докладъ пр. М. С. Дринова въ засѣданіи Историко-Филолог. Общ. при Харьковск. ун. 10 февр. 1904 г.).

зина дѣйствовать по прежнему на широкую руку изъ Кручика не были однако приведены въ исполненіе.

Въ 1805 году въ октябрѣ мѣсяцѣ В. Н. Каразинъ, «мало заботясь о личныхъ для себя послѣдствіяхъ», въ виду мрачнаго политическаго горизонта «отправилъ государю бумагу предъ событіями подъ Аустерлицомъ, въ которой со слезами убѣждаемо было не отваживать славы Россіи, до *тѣхъ поръ* въ крайнемъ почтеніи бывшей у непріятеля, но единымъ страхомъ оной вынудить себѣ выгоды и то преимущество, на которое мы имѣемъ право, предоставя и Наполеону слѣдующій ему удѣлъ выгодъ и значенія» [1]).

Въ 1808 году императоръ Александръ I отправился въ Эрфуртъ для свиданія и переговоровъ съ Наполеономъ. Каразинъ, будучи освѣдомленъ черезъ своихъ знакомцевъ о положеніи политическихъ отношеній Россіи, всегда интересуясь этимъ вопросомъ и замѣчая стремленіе государя вмѣшаться снова въ европейскія дѣла, рѣшилъ употребить всю силу своего краснорѣчія, чтобы отклонить имп. Александра отъ пагубнаго, по его мнѣнію, намѣренія. По почтѣ онъ отправилъ на имя государя записку [2]). Письмо это имѣло непріятныя для Каразина послѣдствія, можетъ быть и потому, что получено было государемъ не до поѣздки въ Эрфуртъ, какъ это назначалъ самъ авторъ, а *послѣ*, чего Каразинъ, конечно, не предвидѣлъ, составляя записку. «Указомъ, объявленнымъ слободско-украинскому губернатору чрезъ статсъ-секретаря Молчанова, повелѣно: «статскаго совѣтника и кавалера Каразина, за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его подъ карауломъ, *посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней.* Послѣ чего истребовать у него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ *жесточайшаго наказанія, не отваживался* болѣе безпокоить *Его Величество*». Этимъ распоряженіемъ государя было отмѣнено разрѣшеніе Каразину писать съ откровенностью въ руки государя, данное 22 марта 1801 года, какъ писалъ самъ В. Н. Каразинъ [3]). Тѣмъ не менѣе 9-го октября

[1]) „Чтенія“ 1863 г., т. III, стр. 123—124.

[2]) О содержаніи ея мы ничего не знаемъ. В. Н. Каразинъ такъ пишетъ о немъ: „Омега. Послано чрезъ почту въ 1808 году предъ отъѣздомъ *Его Величества* въ Эрфуртъ, но получено по возвращеніи“. „Отчетъ Импер. Публичн. библ.“ 1879 г., Спб. стр. 24.

[3]) Собственноручная приписка Василія Назаровича Каразина къ оригиналу своего письма, хранящемуся въ „Импер. публ. библіотекѣ. „Отчетъ Императ. Публичной Библіотеки“ за 1878 г., стр. 24—25.

1809 года, когда приговоръ надъ нимъ, по поводу записки 1808 года, былъ приведенъ уже въ исполненіе, онъ пишетъ вновь государю письмо, озаглавленное: «О невмѣшательствѣ въ дѣла Европы». Каразинъ просилъ государя не связываться съ англичанами, подготовляя тѣмъ разрывъ съ сильнымъ Наполеономъ, которые купили бы въ такомъ случаѣ «за нѣсколько гиней» потоки русской драгоцѣнной крови, такъ какъ сами англичане исторически ненадежные союзники. Наступательный союзъ съ Наполеономъ также вреденъ Россіи, разстроенной и неустроенной во многихъ отношеніяхъ. Каразинъ умолялъ Александра 1-аго бросить политическіе конфликты, столь дорого обходившіеся въ теченіе прошлаго столѣтія бѣдному русскому народу и ничего не приносившіе существеннаго въ замѣнъ, кромѣ изрѣдка удовлетворяемаго тщеславія. Преуспѣяніе страны и славы царствованія надо искать въ исполненіи столь разумно начатыхъ просвѣтительныхъ реформъ, такъ какъ «благословенія тысячей и темъ народа» не могутъ быть сравниваемы «съ эфимерной хвалою или хулою нѣсколькихъ журналистовъ». «При совершенномъ *отчужденіи себя отъ Европы*, мы, съ одной стороны, не имѣя пустыхъ надеждъ, *лучше* воспользуемся собственными силами, съ другой, мы отнимемъ у Наполеона важнѣйшій предлогъ на случай дѣйствія его противъ насъ наступательно: мы не личные ему враги».

Предсказывая безполезную трату русскихъ силъ и, въ случаѣ вмѣшательства въ европейскія дѣла, рѣки русской крови, такъ какъ «сердца русскихъ всякаго состоянія закипятъ во всемъ пространствѣ имперіи», если непріятель коснется русской земли, Каразинъ предостерегалъ государя отъ вліянія «льстецовъ», отмѣчая честное происхожденіе своего письма: «клянусь Вамъ предъ престоломъ Божіимъ, страшнѣйшимъ всякаго престола земного самодержавія, что чувство, влекущее меня, чувство доброжелательства Вамъ и моему отечеству сильнѣе всѣхъ причинъ, которыя должны бы были меня удерживать. Время, въ которомъ мы находимся, есть *рѣшительное и важное*», пророчествовалъ Василій Назаровичъ. «Вся внутренность моя трепещетъ, заканчивалъ онъ, когда я пишу эти строки. Но я долженъ сдѣлать послѣднее дерзновеннѣйшее примѣчаніе, долженъ, ибо знаю совершенно, что нѣтъ у тебя человѣка, который отважился бы быть столько откровененъ... Монархъ! Здѣсь лежу я въ прахѣ моемъ, и ожидаю моей участи» [1]). Дошло ли послѣднее письмо до государя или нѣтъ, не-

---

[1]) «Чтенія» 1863 г., 3 т., «Смѣсь, стр. 123—130.

извѣстно [1]). Какъ бы то ни было, приведенный въ исполненіе приговоръ государя, а можетъ быть и безрезультатность своихъ моленій ради блага любимой родины прекратила писанія В. Н. Каразина, и онъ почти 10 лѣтъ не обращался къ государю. Оффиціальное запрещеніе писать лично къ государю заставило Каразина еще больше углубиться въ свои сельско-хозяйственно-научныя занятія.

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 9 окт. 1809 года упоминается еще объ одной бумагѣ В. Н. Каразина къ государю съ разсужденіями по тому же предмету отъ 4 числа того же мѣсяца (см. «Чтенія» 1763 г., 3 т. Смѣсь стр. 126 и 223). Каразинъ высказывалъ убѣжденіе, что эта бумага не дойдетъ до государя (стр. 126). Мы ничего объ этой бумагѣ болѣе подробнаго не знаемъ.

Vae victis!..

(Оповидання).

I.

Смеркало, колы скинчылось повечеріе и зъ церквы почалы помалу выходыты ченци, послушныкы й килька душъ мырянъ.

Було холодно и кропывъ дрибный осинній дощъ. Теперъ винъ трохы прытыхъ и тильки, колы часомъ зрывався витеръ, то буйни й холодни крапли злиталы зъ пожовклого лыстя деревъ, що обступалы дорижкы манастырського подвирря, и дружно падалы до-долу. Ченци й мыряне щильно закутувалысь у одижъ и похоплыво прямувалы до будынкивъ, де булы келіи братіи и помешкання для богомольцивъ.

Нарешти зъ церквы выйшовъ игуменъ и зъ нымъ рызнычый. Обыдва высоки й огрядни, у чорныхъ кереяхъ и высокыхъ клобукахъ, воны, не хапаючысь, йшлы до свого помешкання по шырокій середній аллеи, про щось розмовляючы. Колы воны пидходылы до будынку, де жывъ игуменъ, и колы той, прощаючысь зъ рызнычымъ, поважно кывавъ ёму клобукомъ, до ёго пидійшовъ, нызько уклоняючысь, увесь мокрый, молодый послушныкъ и подавъ пакунокъ.

— Пошта,—сказавъ винъ.

Игуменъ взявъ пакунокъ, розгорнувъ папиръ и мовчкы передывывся адресы лыстивъ, що булы прыслани до манастыря.

— Оци два виддай епытымыстамъ!—сказавъ винъ, оддаючы назадъ два лысты послушныкови, и, повернувшысь, пишовъ у будынокъ.

Послушныкъ знявъ шлыка, трусонувъ мокрымъ волоссямъ, що спускалось ёму на плечи, и подався у другый край подвирря.

— Олексіе!.. А Олексіе!—поклыкавъ ёго зъ другои аллеи старый, сухый и згорбленый, увесь сывый, зъ велыкымы навыслымы бровамы чернець.—А йды, лышень, сюды!..

Старый стоявъ и, хытаючы головою туды й сюды, мовъ гадюка, що плыве по води, чекавъ послушныка. Той щось пробубонивъ стыха, але повернувъ и пишовъ до старого.

— Зъ пошты прыйихавъ?—запытавъ винъ, вдывляючысь олывъянымы слезлывымы очима въ Олексія.

— Эге.

— А це лысты кому?

— Епытымыстамъ.

— А ну, покажы.

И старый взявъ лысты тонкымы кощавымы пальцямы и, шамкаючы щось беззубымъ ротомъ, перевертавъ ихъ зъ боку на бикъ, мовъ вышукуючи въ ихъ щось небезпечне, щось таке, що треба знайты и зныщыты.

Але такого ничого не знайшлось, и винъ ткнувъ ихъ послушныкови.

— Эге, лысты!.. Не втерплять, щобъ не пысать. И въ манастырь!..

Олексій узявъ лысты одъ Пафнутія,—такъ звалы старого,—и подавсь своею дорогою, зъ ненавыстю шепочучы:

— У, ироде, и тутъ тоби треба! Колы вже ты здохнешъ...

Дощъ знову прыпустывъ. Дмухнувъ витеръ и хряснувъ манастырськымы воритьми, що саме въ тій хвылыни зачынявъ наничъ воротарь.

Пафнутій прыпынывся на дорози и довго стоявъ пидъ дощемъ, дывлючысь на браму й на воротаря и ворожо хытаючы головою.

Подекуды по келіяхъ заблымало свитло. Смеркло. На манастырському подвирри було зовсимъ тыхо, тильки пидъ довгою повиткою, у однимъ кинци ёго, було чуты гоминъ. То биля своихъ возивъ та коней розмовлялы богомольци-селяне. Кони гучно жувалы сино и часомъ порскалы.

Пафнутій пишовъ у той край.

Олексій зновъ перебигавъ двиръ зъ одного ряду будынкивъ до другого. Винъ шукавъ штрахвованого воропановського попа, щобъ передаты ёму лыста. Въ келіи, одведеній пидъ епытымыстивъ, ёго не було,—кудысь пишовъ. Олексій шукавъ ёго по всёму манастырю и нарешти дизнався, що той пишовъ до о. економа.

Теперъ Олексій бигъ туды.

— Молытвамы святыхъ отець нашыхъ Господы, Іисусе Христе, Сыне Божый, помылуй насъ!—выгукнувъ винъ тонкымъ завченымъ гласомъ установлене витання, увійшовшы въ сины помешкання о. економа и стоючы пидъ дверыма ёго келіи.

— Аминь!—почулось видтиль черезъ килька хвылынъ.—Увиходь.

Олексій одчынывъ двери и увійшовъ.

У келіи булы: самъ господарь іи, манастырськый економъ, о. Помпей, середнёго зросту товстый чернець, зъ повнымъ спокійнымъ облыччямъ и блыскучою шырокою лысыною, и сухый, безгрудый, молодый ще, воропановськый батюшка, о. Сергій. Винъ усе кашлявъ и крывывся, мовъ ёго що мъяло. И гисть, и хазяинъ сыдилы биля столу и збиралысь пыты чай.

Олексій уклонывся имъ нызькымъ поклономъ, передавъ лыста о. Сергію и, зновъ уклонывшысь, выйшовъ зъ келіи.

О. Сергій якось несмилыво взявъ у рукы вохкого, заляпаного лыста, пиднисъ ёго до свитла и слабозорымы очима подывывся на надпысь.

Рука була знаёма.

Винъ осмихнувся крывою болизною усмишкою и положывъ лыста биля себе на стилъ, не розрываючы конверта.

— Що жъ вы не чытаете? Рвить та чытайте!—промовывъ ласкаво о. Помпей, помитывшы на облыччи о. Сергія ту знаёму усмишку, видъ якои ёму самому завше ставало якось ніяково, мовъ почынало що ссаты за серце.

— Ничого, ще встыгну,—одповивъ о. Сергій, съ тіею самою усмишкою дывлячысь кудысь въ кутокъ, и глыбока морщына биля правого ёго ридкого русявого вуса зробылась ще глыбшою и крывишою, и Помпею на хвылыну здалось, що саме въ ій, у тій морщыни, и боляче о. Сергію.

— Ну, то будемо чаюваты.

Помпей билою пухкою рукою посунувъ склянку чаю до о. Сергія, кынувъ сахарю въ свою склянку и почавъ ёго розмишуваты. Тильки ёго брала цикависть, що то за лыстъ лежыть на столи, и чомъ ёго не чытае о. Сергій?

— Выбачте, мени треба на хвылыну выйты, де що сказаты людямъ. Я заразъ вернусь,—сказавъ винъ, устаючы зъ-за столу.

— Ничого, йдить...

— Я заразъ прыйду!—И Помпей выйшовъ зъ келіи, думаючы, що ёго гисть не хоче чытаты лыста пры чужій людыни.

И винъ не помылывся.

Якъ тильки Помпей выйшовъ изъ келіи, о. Сергій, хвылыну попрыслухавшысь до ёго важкои ходы, узявъ у рукы лыста й розирвавъ конверта. Винъ хутко пробигъ очима лыста, и блиде ёго облыччя зробылось мовъ ще блидишымъ, и знову на ёму зачорнила та глыбока морщына биля правого вуса, яка такъ угрущала Помпея.

— И тутъ не кыдають—у цій могыли!—зъ прытыскомъ сказавъ винъ, важко пидвився, мовъ розбытый, зъ свого мисця, постоявъ хвылыну, мовъ вагаючысь, и пидійшовъ до невелычкои шаховкы, що чорнила въ кутку келіи.

Винъ одчынывъ дверци тіи шаховкы, узявъ видтиль якусь посудыну—одну бильшу, другу меншу, налывъ зъ одніи въ другу разъ и выпывъ, налывъ у-друге й выпивъ. Хвылыну зновъ ва-

гався, нибы прыслухаючысь, чы не йде Помпей, и выпывъ у-трете. Тоди прычынывъ дверци шаховкы, пишовъ и сивъ на свое мисце.

Колы увійшовъ Помпей, то винъ зразу помитывъ, що лыста на столи немае и що ёго гисть бувъ биля шаховкы.

— Выбачте, отче, я трошкы выпывъ,—хытнувъ головою въ кутокъ о. Сергій и выпувато осмихнувся.

— Ничого, на здоровья!.

— На що мени здалось те здоровья, колы на свитъ дывытысь гыдко. Эхъ, отче Помпее, важко жыты на свити и гыдко дывытысь на людей и на вчынкы людськи!.. Вырыють воны могылу для свого брата, шпурнуть ёго туды жывого, кыдають у ту могылу каминнямъ, та ще й заглядають: чы попавъ ихъ каминь у ёго, чы боляче вдарывъ?...

— Се вы про лыста?

— Та вже жъ про що друге!—гирко мовывъ о. Сергій и закашлявся.

Помпей похытавъ головою:

— Въ мыру жывуть люде — мырськи й дила творять.

— А вы думаете, у васъ краще?.. Вы певни, що оце заразъ не стоить Пафнутій у васъ пидъ дверыма й не прыслухается до нашои розмовы, щобъ завтра пійты зъ доносомъ до игумена?

— Ну, заразъ то ёго немае, ще десь понадвиррю, мабуть, вештается, а иншымъ часомъ то справди...—и Помпей покрутывъ головою, прыжмурывшы око.

— А вы думаете, видкиля берется ёго прозорлывисть? Оце теперъ тамъ пидъ повиткою мужыкы зъ Перещепынои, то винъ биля ихъ десь у пытьми стоить, прыслухается. А завтра, якъ пидуть пытаты порады святого старця, то старець имъ такои закрутыть, такъ имъ розскаже про все, що ихъ турбуе, що воны въ ногы ёму кланятымутся, якъ святому. И скризь по селахъ будуть трубыты ёго славу.

— Богъ зъ нымъ, отче, не чипайте ёго, не согришайте: передъ Богомъ коженъ дасть одповидь за себе. Немае бо людей, щобъ не булы грышни!—заспокоювавъ Помпей о. Сергія.

Але той не скорявся. Лыстъ збентежывъ усю жовчъ, що зибралась у ёго серци, а горилка пиддала смилывосты ёму, хочъ винъ завше бувъ чоловикомъ деликатнымъ и боязькымъ. Помпей добре ёго взнавъ за ти пивтора мисяци, що винъ пробувъ на послушаніи въ манастыри, и теперъ збагнувъ, що мабуть дуже паганого лыста прынисъ сёгодня Олексій отій бидній, зпивечыній жыттямъ людыни, колы вона насмилюется такъ казаты про Пафнутія, що панувавъ надъ усимъ манастыремъ, якого боялысь вси, одъ игумена до останнёго послушныка.

— О, я знаю, що винъ корыстный для манастыря,—казавъ дали о. Сергій,—хто про те каже! Але жъ це чыстый...

И винъ сказавъ таке слово, що Помпей ажъ пидскочывъ зъ свого мисця.

— Цсъ!.. цытьте!—жахлыво прошопотивъ винъ, озыраючысь на двери, и въ ту саму хвылыну хтось досыть смилыво постукавъ у двери келіи.

О. Помпей на хвылыну мовъ стерявся, але скоро оправывся и спокійнымъ голосомъ гукнувъ:

— Увиходьте!

Двери одчынылысь, и въ келію увійшовъ другый манастырськый епытымыстъ—священыкъ Аркадій Завадовськый.

Якъ тильки винъ переступывъ порігъ, то зразу здалось, що келія полюднищала й зробылась меньшою, бо о. Аркадій бувъ чоловикъ высокого зросту, зъ видкрытымъ облыччямъ, зъ вильнымы роскыдыстымы рухамы всёго тила и буйнымъ, якъ у Авесалома, волоссямъ. Зпидъ густыхъ, трохы навыслыхъ надъ прямымъ носомъ бривъ у ёго дывылысь велыки сири очи, и здавалось, що зъ ихъ иде якесь проминня. Выглядъ тыхъ очей бувъ гострый, мовъ у дуже нервовои, або дуже талановытои и енергичнои людыны.

— Се казна що,—ви сыдыте сами тутъ, а мене не поклыкалы!.. Та вы на суху?..—иронично запытавъ винъ, пидходячы до столу и бачучы на ёму тильки чай—А-ну отче економе, чы не добудете вы чого-небудь до чаю. Дайте горилкы!.. Це ни

на що не похоже, се не манастырь, а тюрма...—зминывъ винъ одразу тонъ, мовъ демено ходъ човна.

— А що таке?

— Якъ, що таке? Запруть чоловика въ оцій хурдызи, а тамъ дома симья умирае. Никому порады даты, никому за дохторомъ послаты, бо ничымъ и заплатыты. У-у-у!..—застогнавъ винъ, хапаючи себе за груды,—надало мени оцю хламыду на себе натягты!..

И винъ рванувъ на грудяхъ своихъ рясу, скынувъ іи зъ себе и шпурнувъ геть, не дывлючысь.

— Дайте горилкы!.. гукнувъ винъ зновъ до хазяина келіи, що вже вештався биля шаховкы у темному кутку.

— Заразъ, заразъ!.. Що се вы сёгодня таки зтурбовани?—казавъ о. Помпей, пидносячы до столу пляшку й чаркы и йдучы до дверей, щобъ на всякый случай взяты ихъ на гачокъ.

— Чого зтурбованый?.. Лыста сьогодня мени прыслано. Такого лыста, що краще бъ винъ десь въ дорози застрявъ!..

О. Сергій глянувъ на ёго и мовъ хотивъ сказаты очима, що й винъ мае въ кешени такого лыста, але тильки осмихнувся.

— Пыше жинка, що трое дитей лежать въ скарлатыни, а одну въ понедилокъ на кладовыще однеслы. Того й дывысь, що й други диты захворіють. А у неи ни хлиба, ни топлыва, ни копійкы грошей!.. А я туть сыды, та додержуй строку, якый велемудрій консисторіи завгодно було мени прызначыты!.. Давайте горилкы!

Помпей давъ ёму чарку, и винъ зъ розгону, мовъ вона була порожня, перевернувъ іи соби пидъ вуса, скрывывся, крекнувъ и пидставывъ, щобъ той налывъ у-друге. Такъ саме винъ спорожнывъ и другу чарку и поставывъ іи на стилъ.

— Теперъ чаю!

Помпей давъ чаю, и о. Аркадій, вылывшы половыну склянкы въ блюдце, почавъ жадлыво пыты гарячый напытокъ.

Теперъ графынчыкъ зъ горилкою стоявъ на столи, и хазяинъ и гости, пьючы чай, часомъ черкалы й по чарци, бильше мовчкы. Коженъ зъ ихъ думавъ про свое, и невесели булы ихъ думы.

Колы въ келіи робылось тыхо, то було чуты, якъ на двори шумыть дощъ, що, здавалось, зарядывъ на всю пичъ, и той шумъ дощу й витру такъ гармонирувавъ зъ настріемъ гостей о. Помпея и ёго самого.

Сумъ стыскавъ ихъ серця.

— Я уявляю соби,—говорывъ о. Аркадій,—що тамъ теперъ робытся у мене дома!.. Ничъ, нетоплена хата, вымучена, знесылена маты и хвори диты... лежать въ жару, червони, непрытомни. Никому ихъ доглянуты, бо й наймычкы немае. Баба тамъ стара ходыть... яка зъ неи корысть! А я тутъ сыды... А на якого греця я тутъ кому потрибенъ, яке я дило тутъ роблю!

Та може жъ дома вже й не такъ погано, якъ вамъ здается,— вставывъ свое слово о. Сергій.—Правда, скарлатына важка хвороба, але, дасть Богъ, вси одужають.

— Вси одужають... а Шура, моя найкохانиша дытына, одужае?.. Я бъ шматъ серця свого одирвавъ, щобъ вона була жыва, и може бъ вона не вмерла, колы бъ я бувъ дома!

— Пагана, пагана справа.

— Слидъ бы вамъ буты дома—сказавъ о. Помпей.—Я такъ думаю: идить вы завтра ранкомъ до игумена, визьмить у ёго „удостовиреніе“, що вы поводылы себе въ манастыри прыстойно и послушаніе неслы, якъ слидъ, нехай винъ пустыть васъ до архырея. Пойидете вы завтра ранкомъ до архырея й попросыте...

— Я й самъ знаю, але просыть оцёго вашого... хама, щобъ винъ давъ мени похвального лыста?.. Николы я сёго не зроблю. До ёго що-дня Пафнутій ходыть и морочыть ёму голову. Ще вчора винъ докорявъ мени, що я пизно прыхожу до службы. Низащо я ёго не прохатыму!

И вси зновъ замовклы, мовъ прыслухалысь до дощу.

— Ни, ніякого добра я не знавъ и не бачывъ у нашому званію. Якъ тильки вырвусь изъ ціеи хурдыгы.—говорывъ немовъ тильки про себе о. Аркадій,—то буду клопотатысь, щобъ хочъ перевестысь у военни священныки. Все-такы тамъ бильшъ воли, все-такы мы тамъ бильшъ на людей похожи. Заберусь куды-небудь у Мервъ, або въ Фергану и визьмусь зновъ за му-

зыку й композицію. Тутъ же я, въ оцій мизерній Нехворощи, по пивъ року й инструменту въ рукы не беру. Одставъ, обледащивъ, на чоловика переставъ буть похожымъ! А тамъ я зновъ ожыву!

И винъ задумлыво дывывся черезъ самоваръ кудысь въ далечинь, и передъ нымъ проносылась осяяна сонцемъ далека Фергана, смырни й ледачи сарты и весели охвыцерськи кумпаніи, а въ души почыналы зароюваться незнаёми, нови мелодіи, шыроки й вильни, и ёму стало зразу сумно-сумно и жалко свого молодого мынулого, свого загубленого жыття й талану.

— Выпьемо ще!—промовывъ винъ, щобъ вырватысь зъ тыхъ думъ.

— Выпьемо!—видповивъ ёму о. Сергій.—За ваше нове жыття, воно ще для васъ може буты. А для мене все загублено. Мени зосталось тильки могылы ждаты соби!

— Чому жъ такъ?—вы ще жытымете; вы ще зовсимъ молода людына.

— Де тамъ мени жыты,—зъ сухотамы довго не прожывешь! Туберкулёзъ не шуткуе, а певно веде въ могылу. Яке вже тутъ жыття, колы...

О. Сергій закашлявся и не змигъ доказаты того, що хотивъ. Винъ схопывся за груды, мовъ хотивъ выдавыты зъ ихъ щось, и очи ёго зъ натугы блыщалы, мовъ скляни.

— Краще выпьемо за вашу военну карьеру!—сказавъ винъ оддыхавшысь.—Бувайте здорови, бажаю вамъ усякои удачи!

— Спасыби!

— И я бажаю, — прымовывъ о. Помпей.

— Колы будете десь у Фергани, то зійдить на саму найвыщу гору, на самый що ни на есть выщый шпыль и згадайте мене, Сергія Вышынського, воронанивського попа: бувъ пипъ— и немае ёго, бувъ чоловикъ—и зныкъ безъ слиду, а якъ винъ любывъ оти шпыли высоки та горы! Якъ винъ...

Кашель зновъ почавъ ёго душыты.

Було вже пидъ пивничъ. У келіи стало душно. Чуты було, якъ на двори шумыть витеръ, але чы йде дощъ, чы вже переставъ,—розибраты було неможно.

Помпей и о. Сергій увесь часъ сыдилы биля столу, а о. Аркадій все ходывъ изъ кутка въ кутокъ келіи. Голова его палала и видъ думокъ и видъ выпытого. Въ роздратованій его уяви, зминяючы одна одну, поставалы ясни й палки картыны того жыття, якого винъ такъ жадавъ. Винъ бачывъ осяяну сонцемъ Фергану, били, на сонци мовъ ще билиши, сорочкы салдативъ и кители офицеривъ... Блыщать мидяни військови сурьмы и гремыть оркестръ. Винъ грае его боевый маршъ...

Потимъ ему вразъ уявляется, що винъ чуе свій похоронный маршъ, якый уже давно, несвидомо склався у его въ голови у оцимъ манастыри. Офицери несуть труну товарыша... Гремыть маршъ, потимъ затыхае. Салдаты спивають: «Хрыстосъ воскресе»... значыть се умеръ хтось на Велыкдень. А винъ, о. Аркадій, йде передъ труною и кадыть и те-жъ спивае: «Хрыстосъ воскресе»...

О. Аркадій зупынывся биля викна келіи. Воно було зачынено виконныцями зъ середыны и не було выдно, що діется на двори, але винъ почувъ, що йде дощъ.

И зразу вси думкы о. Аркадія одминылы свій ходъ.

Тамъ, у Нехворощахъ, умирають диты, выбывается зъ сылы жинка, а винъ тутъ марыть про якусь Фергану и ничого не робыть, щобъ допомогты имъ, вырятуваты ихъ зъ биды.

— Йиду, заразъ йиду! — гукнувъ винъ, повертаючысь одъ викна до свитла.

— Се куды?—запытавъ Помпей.

— Въ городъ, до архырея! Скажу, що нехай що хоче робыть, а пустыть мене въ Нехворощи!

— На чому жъ вы пойидете? Пидводы жъ немае, тай ничъ теперъ!

— Чого тамъ ничъ,—скоро буде ранокъ, а немае пидводы, то й пишки пиду!

И вже винъ надягавъ рясу й шукавъ брыля.

— Прощайте!

— Отець Аркадій, та куды се вы? Пождить же хочъ ранку, заявыте игуменови.

— И безъ игумена обійдется, нехай дрыхне соби! Прощайте! И винъ хутко выйшовъ зъ келіи.

II.

Въ кимнати зосталысь о. Сергій и Помпей.

Здывовани, воны першу хвылыну мовчкы дывылысь одынъ на одного: такъ несподивано покынувъ ихъ третій бесиднык. И хочъ воны зналы характеръ о. Аркадія, але все-такы не сподивалысь такого вчынку. На двори ничъ, дощъ; вси выходы зъ манастыря позапирано и безъ дозволу игумена никого не выпустять. До города, це жыве архырей, добрыхъ девьять або й десять верстовъ; дорога—то лисомъ, то болотомъ, а потимъ по кучугурахъ писку до ричкы, а тамъ зализнычый мистъ, черезъ ёго тежъ у ночи можуть не пустыты... Все це зналы и о. Сергій и Помпей, и имъ не вирылось, що о. Аркадій справди здійснить свій замиръ, що прыйшовъ ёму до головы такъ несподивано, пидъ чаркою.

И воны ждалы, що о. Аркадій скоро вернется зновъ у келію, але винъ не вернувся.

— Оце такъ!.. Надумавъ и зразу зъ хаты. Тильки наврядъ, щобъ владыка Мемнонъ пустывъ ёго...

— А може й пусте.

— Наврядъ. Не такый винъ.

О. Помпей потягся й позихнувъ. Винъ уже бувъ не геть видъ того, щобъ роздягатысь и лягаты спать, але о. Сергій, здавалось, и не думавъ кыдаты ёго теплои кимнаты. Теперъ винъ вставъ зъ свого мисця и ходывъ по хати слидомъ о. Аркадія и про щось думавъ.

— Знаете, про що я думаю,—сказавъ винъ перегодя до Помпея,—я завыдую о. Аркадію. Все-такы у ёго есть симья, есть мисце, де винъ потрибенъ людямъ, есть у ёго характеръ,—бачыте, якый винъ! А головне—есть талантъ. Колы бъ вы зналы, якый винъ музыкантъ!.. Мени довелось разъ ёго чуты, якъ я ще

бувъ семынарыстомъ, а винъ уже бувъ у ряси, и я сыдивъ и плакавъ, слухаючы, якъ плаче скрыпка въ ёго рукахъ, и уявляючы соби ёго долю, якъ вона ёго скрутыла...

— Що жъ, кожному своя доля прызначена видъ Бога. А у васъ хиба немае симьи?

— И у мене есть, але ричъ не въ тимъ: нащо одному дается сыла, здоровья, счастя, а другому ничого не дается? Нащо, колы людына почне липыты свое счастя, якъ ластивка гниздо, хтось визьме, зирве те гниздо й шпурне ёго геть? Кому потрибни мукы милліонивъ зовсимъ, здается, ни въ чимъ неповынныхъ людей? Визьмемо мене. Вы жъ мене знаете...

Помпей хытнувъ головою, пидтвержуючы ёго слова.

— Бувъ я звычайнымъ хлопцемъ, добре вчывся въ бурси й семынаріи...Ніякыхъ провынъ за мною не було. Кинчывъ семынарію, думавъ: пиду служыты народови, темнымъ людямъ... зроблю хочъ малу корысть имъ. Видкрыю въ парахвіи школу, буду казаты що недили проповиди...

О. Сергій засміявся й разомъ закашлявся, и неможна було розибраты, чы винъ властыво сміется, чы кашляе.

— Ще будшы въ семынаріи, цилу сотню понавыризувавъ я зъ усякыхъ збирокъ тыхъ проповидивъ та позаводывъ у палитуркы—говорывъ винъ гирко, трохы оправывшысь видъ кашлю.— Златоустомъ думавъ буты... безсребреныкомъ! Хотивъ ничого не браты зъ мужыкивъ за требы. А ось теперъ що таке я?... Сами бачыте.

— Що жъ, о. Сергіе, кожному, кажу, своя доля. Одбудете епытымію, пойидете въ свою Воропанивку, тамъ одпочынете. поправыте здоровья и будете жыты, Бога хвалыты!

Помпей говорывъ се, абы утишыты о. Сергія, але й винъ самъ не вирывъ ни крыхты въ те, що говорывъ. И винъ добре бачывъ, що цей молодый батюшка зовсимъ зломана рослына, що въ грудяхъ у ёго гниздятся сухоты, а въ серци якесь важке, непереможне горе. Що саме завдае ёму суму, винъ не знавъ и ніяково було зачипаты й розъятрюваты чужу пекучу рану, але

чулось, що горе велыке и що недаромъ ся людына такъ жадлыво пье горилку, хочъ та горилка зовсимъ не до смаку ій.

— Ни, не буде того, що вы кажете,—сказавъ о. Сергій, пидходячы до столу и налываючы въ чарку остатню горилку.—Николы не буде! Вы прочытайте тильки оцёго лыста, и сами побачыте, що то марни слова, що то полова... дмухнувъ витеръ и розписъ іи!..

— Ну, навищо я буду чытаты чужи лысты,—одмовлявся Помпей, хочъ въ души ёму дуже хотилось знаты, що тамъ у тому лысту напысано.—Лучче такъ скажить, колы вже на те пишло.

— Ни, вы прочытайте, вы прочытайте, тоди не будете сміятысь зъ мене!

И голосъ Сергія затремтивъ.

— Боже мене спасы!.. Хиба я думавъ сміятысь зъ васъ?.. Голубчыку, вы простить мене, колы я необережно сказавъ зайве слово.

И Помпей досыть проворно схопывся зъ стильця, не вважаючы на те, що бувъ чоловикъ досыть огрядный, и взявъ о. Сергія за руку.

— Богъ зъ вамы, що це вы выгадалы?.. У мене й на думци николы того не було!

— Ну, отъ прочытайте, тоди й знатымете... все знатымете!..

Винъ сунувъ у руку Помпея лыста, той поклавъ ёго на стилъ, взявъ зъ викна окуляры и прысивъ до столу, щобъ чытаты лыста.

О. Сергій ставъ проты ёго, спершысь бокомъ объ стилъ, засунувъ рукы у карманы пидрясныка и мовъ замеръ; тильки очима моргавъ проты свиту.

Помпей чытавъ не скоро, мовъ обмирковувавъ кожне слово.

— У, мерзота!..—пробурчавъ винъ у одпимъ мисци.

Перевернувъ лыста на другый бикъ, дочытавъ до краю, звернувъ ёго, якъ винъ бувъ, положывъ на стилъ, накрывъ рукою и, дывлячысь черезъ очкы на о. Сергія, промовывъ:

— Такъ онъ воно якъ!..

— Якъ бачыте.

— И се правда?..

— Правда.

Помпей дывывся на Сергія шыроко роскрытымы очима, мовъ бачывъ его вперше.

— Що жъ теперъ робыть,—пытався винъ,—якъ же теперъ буты?

— А ничого не робыты,— ждаты смерты й умираты.

— Ни, такъ не може буты, се неправда, вы помыляетесь!

— Правда, гирка, гола правда!.. Вы не вирыте, то я вамъ все розскажу. Усе оте настояща правда, що пыше пысарь. Я знаю, що то пысарь пыше, хочъ винъ и руку одминывъ. Уже, може, десятый лыстъ винъ мени такый пыше.

— Та невже матушка... того... зъ отымъ учытелемъ?

— Правда.

Помпей журлыво покрутывъ головою.

— И вы зрозумійте, що такъ мене мучать уже тры рокы. Я вамъ усе розскажу. Ще я не скинчывъ семынаріи, якъ уже мене засваталы. Не я сватався, а мене сваталы! Бачыте, мои батько й маты люде бидни, темни... дякъ та дьячыха, покладалы на мене вси свои надіи, хотилы вывесты въ люде. Воны спалы й увиʼсни бачылы мене попомъ, бо имъ здается, що кращого й вы́щого надъ попивство ничого немае. Ну, не встыгъ я ото скинчыты курсу, якъ саме пидъ часъ экзаменивъ умирае въ нашому сели, Веселыхъ Тернахъ, пипъ, о. Петро. Нашымъ заразъ и впады въ голову думка: отъ гарно було бъ, колы бъ нашъ Сергій зайнявъ сю парахвію! Але якъ іи добуты? Зъ того то й вся бида счынылась. Писля о. Петра зосталась жинка й тры дочкы. Дви ще невелыки, а одна, старша, саме кинчала вчення въ епархіальному. Наши й надумалы зъ удовою: поженымо дитей, ублагаемо архырея, щобъ давъ парахвію Сергіеви, то буде усимъ добре—и нашымъ честь та пошана, й удови зъ дитьмы не треба выбиратысь зъ церковнои хаты.

Помпей зновъ сыдивъ и уважно слухавъ оповидання о. Сергія, а той ходывъ по кимнати, згорбленый, немовъ увесь побытый, спыняючысь часомъ, щобъ видкашлятысь. Въ ламни чы догорявъ гасъ, чы нагорявъ фитиль, и въ кимнати було темнувато, а зъ-на-двору часомъ доносывся шумъ витру и торохтиння зализнои покривли..

— Тильки я прыйихавъ до-дому, якъ наши й почалы мене умовляты: женысь та й женысь на Оксани! И нашу старисть заспокоишъ, и семьи Дашевськихъ добро зробышъ, та й самому буде добре. Однымъ словомъ, накрылы мокрымъ рядномъ, не далы й свиту Божого побачыты. Зъ Оксаною мы булы знаёми, але такъ, щобъ почуваты симпатію одне до одного, того не помичалось. Чужи булы зовсимъ. А тутъ почалы насъ що дня зводыты: то у ихъ чай, то у насъ, то у ихъ вечеря, то у насъ. Сыдымо звычайно у вéчери въ зали, колы, дывысь, стари зморгнутся й одно по одному повыходять у другу кимнату, зоставлять насъ на самотыни.

— Це такъ звычайно роблять Стара штука,—вставывъ слово Помпей.

-- А мы сыдымо та мовчымо: чужи зовсимъ мижъ собою. А тутъ батько й маты що-дня прыстають: «сватай Оксану та й сватай! Не упускай часу, бо Дашевська була у архырея й прохала даты мисто іи зятеви, и винъ буцимъ на се згодывся». Отакъ крутылы-крутылы, самъ батько у старои Дашевськои посватавъ для мене дочку, а та дала слово за Оксану, та черезъ мисяць и повинчалы насъ. Хотивъ бувъ я просто зъ-пидъ винця пійты пидъ повитку та надить петлю на шыю, та, знаете, проклята логыка та фылософія: треба, бачъ, не буты эгоистомъ, не про свое счастя треба дбаты, а про счастя другыхъ людей... треба себе прыносыты въ жертву людямъ. Отъ и прынисъ жертву, та не одну, а цилыхъ дви заразомъ!

— Эхъ, колы бъ я знавъ, що такъ буде,—говорывъ о. Сергій, хапаючысь рукою за голову,—то я бъ зъ-пидъ винця утикъ свитъ за очи!

Ёму теперъ знову згадалось все мынуле, тильки теперешній настрій ёго усе те обкрасывъ у чорный колиръ, не оставывъ а ни одного просвиту. Теперъ мынуле здавалось ёму якоюсь ниччю, въ котрій винъ блукавъ, безсылый и затурбованый, и якись темни, ворожи сылы кыдалы ёго зъ одного боку въ другый, топталы и рвалы ёго. Якъ тильки винъ скинчывъ семынарію, то уже й не бачывъ соби ніякои удачи, мовъ разомъ хтось одибравъ у ёго й право на неи.

— Тильки женывся,—мовъ самому соби розсказувавъ дали о. Сергій,—пойихалы зъ жинкою та зъ тещею до архырея прохаты Веселыхъ Тернивъ. Пишла теща сама, думала ублагаты владыку, а той іи, звычайно, прогнавъ: «выдала дочку замижъ за «кончывшого курсъ», то й буде зъ тебе! Нехай соби зять шукае другои парахвіи, а на сю вже есть пипъ. Не стану я передаваты парахвіи родычамъ, мовъ яку спадщыну!»...

— Вернулась стара у номеръ, посылае мене. Пишовъ я— те жъ саме, та ще каже: «що ты за чоловикъ, якый зъ тебе буде пипъ, колы ты за бабивъ ховаешся, черезъ ихъ языкъ та слёзы хочешъ соби парахвію добуты»! Отъ якъ!

— О, владыка Мемнонъ суворый!..

О. Сергій хытнувъ головою й подывывся на Помпея. Той, обпершысь ликтемъ на стилъ и схылывшы голову на руку, сыдивъ и слухавъ.

— Вернулысь до-дому. Дома слёзы та досада. Прыйихавъ новый пипъ, выселывъ зъ хаты тещу. Прыйнялы іи наши. Тиснота така, що нигде повернутыся, а тутъ зима заходыть. Послалы мене знову до архырея: «просы хочъ якои-небудь парахвіи, та забирай свою симью на свій хлибъ, Чуете?—«свою симью»... Писля семынаріи ще копійкы грошей не заробывъ, а вже у мене «своя симья»!

— А такы справди, довелось вамъ того... крутенько.

— Пойихавъ, ублагавъ владыку, давъ винъ мени парахвію въ Воропанивци. Забравъ симью, пойихалы туды... Ще на дорози чуемо: «еге-ге! се та Воропанивка, що все попы мруть!» Оттаке! выгралы справу. Теща заразъ въ слёзы, а жинка сы-

дыть на брычци та насиння лускае. Ій усе одно, куды іи не повезуть, сыдыть, мовъ деревьяна!... Ни до мене, ни до матери. Николы я одъ неи й доброго слова не чувъ.

— Прыйихалы въ Воропанивку. Село чымале, люде заможни и хата для священныка церковна гарна: така весела камъяныця, ще й не стара. Якось и не вирытся мени, щобъ тутъ попы мерлы... Оселылысь мы, зибралы по-трохы хазяйство, не я, а теща та жинка. Я зразу поставывъ таке правыло, щобъ брать те, що дають, и люде давалы такъ, що можно було жыть. Ну, а теща звыкла, щобъ, якъ прыйде мужыкъ чы сына женыть, чы батька ховать, то вже якъ узяты его за чуба, такъ щобъ и чубъ въ рукахъ зостався. Чоловикъ иде одъ мене, уже умовылысь про все, а вона у синяхъ его пидстерегае, почынае знову умовлятысь, почынае крутыты его й сюды, й туды, покы не выкрутыть всёго, чого ій бажается...

— А вы думаете якъ? — перебывъ ричъ о. Сергія Помпей, и все товсте облыччя его наче засвитылось. — Зъ имы такъ и треба робыть! Я ихъ добре знаю: якъ бувъ дякомъ, то натерпився, трохы зъ голоду не опухъ бувъ зъ симьею.

О. Сергій глянувъ на его повне облыччя, и болизна усмишка перебигла по его облыччи.

— Знаете, коженъ дывытся на людей своимы очима и баче те, що бачать его очи, а въ людей очи неодынакови. Одному здается, що мужыкы хамы й духовенству не дають тому, що не хотять даваты, а якъ я ихъ розумію, то воны мало дають тому, що у ихъ и самихъ мало.

— Ни, я зъ вамы въ симъ не згоденъ. Отъ хочъ визьмемо й теперъ, у манастыри...

— Ну, та Богъ зъ ными, — перебывъ его о. Сергій, — коженъ робыть по своій совисти. Такъ и мы робылы: я роблю одне, а теща зъ жинкою друге, бо вона пидлягла пидъ матерыну волю цилкомъ. Сварывся, сварывся я зъ ными, ничого зъ того не выйшло! Поприкають, що я дячкивськый сынъ, що звыкъ до хамського жыття, а воны...

— Пхе, мовъ дякы такъ и не люды! — образывся Помпей.

— А воны, бачъ, звыклы до кращого жыття. Ну, выйшло, що я стою на своему, а воны на своему, и забралы воны въ свои рукы все хазяйство. Понакуповувалы дорогои мебели, гардынъ всякыхъ, посуду разного, повдягалысь въ шовкы... Чую, вже й фаетонъ прыторговують: будуть йиздыть знаёмытысь зъ сусидамы—попамы, панамы та полупанкамы! У ихъ ключи, у ихъ гроши, а у мене ни копійкы. Хотивъ бувъ старымъ послать якусь дещыцю, такъ и того не найшлось: усе забирають въ свои лапы.

— Ну, а жинка зъ вамы якъ?

— А ніякъ!.. Мовъ чужа. Разъ-у-разъ зъ матирью, разъ-у-разъ зъ гистьмы, а до мене ридко й слово скаже. Та мени й николы було на першыхъ порахъ зъ нею й дила маты, бо все тягався по парахвіи, по требахъ. А тамъ пидийшла осинь, роботы ще бильше пидбавылось, бо треба було ще вчыты дитей у двохъ школахъ. Писля Риздва я застудывся, зъ мисяць пролежавъ, а потимъ зновъ за роботу. А тамъ велыкый пистъ, сами знаете, Велыкдень. А потимъ того, тильки поздавалы хлопци въ школахъ экзамены, я зновъ злигъ. Поклыкалы дохтора, подывывся винъ на мене, выслухавъ скризь, та й каже мени одынъ на одынъ: «а знаете, що я вамъ скажу, батю,—треба вамъ все кынуты, та йихаты кудысь въ тепли краи, бо я боюсь за ваши груды!»

— Роспыталысь, ажъ выходыть, що попередъ мене на сій парахвіи тры священныка видъ сухотъ умерлы. Вси молоди люде. И выдно стало такъ, що зараза та гниздытся у самому будынкови и въ рызахъ, и въ другыхъ речахъ...

О. Сергій зупынывся и мовъ обдывлявся думкою по всихъ тыхъ зараженыхъ микробамы речахъ. И передъ нымъ ясно, мовъ винъ заразъ бачывъ, выявылысь одни стари, вытерти, чорного плысу, зъ потемнилымъ срибнымъ брузументомъ, рызы воропанивськои рызныци. У ихъ мабуть бильше всёго гниздылось микробивъ. О. Сергій ажъ скрывывся одъ гыдлывосты, и морозъ пишовъ у его по спыни. А винъ же ихъ такъ спокійно, такъ безпечно одягавъ, якъ ховавъ людей!..

— Якъ пойихавъ дохторъ, то я тильки рукою махнувъ: усе одно пропадать! Знаю, що одъ сухотъ немае рятунку. Не сказавъ своимъ ничого, тай доси не кажу. Теперъ то воны сами бачать..

Новый прыступъ кашлю схопывъ о. Сергія и зигнувъ всёго. Нарешти винъ откашлявся въ хустку и гыдлыво сховавъ іи въ кышеню.

— Ну, якъ ото пойихавъ дохторъ, якъ подывывся я навкругы, та розмиркувавъ свое становыще, то така журба взяла мене, такый сумъ непроглядный обгорнувъ мою душу, що й сказаты не можна: пропало жыття низащо!..

— А такъ!

— Було, тикаю зъ дому, блукаю по-за селомъ... Дило зъ рукъ валытся, а тутъ бачу, що й жинка вже веремія крутыть зъ земськымъ учытелемъ. А я що можу зробыты, якъ наладыты жыття?.. А ніякъ! Ну, й почавъ я пыть. Выпью, то пеначе мени легше. Про все забудешъ. Отъ и теперъ выпыть бы!...

Винъ подывывся на стилъ, але тамъ въ графынчыку було пусто.

— Можно, отець Помпей, ще трохы добуты?—кывнувъ винъ головою въ кутокъ на шаховку.

— Пизнувато вже, та... трохы можно.

— Ну, й дайте!

Помпей вставъ и пишовъ, розмыпаючы на ходи ногы, въ кутокъ, а о. Сергій на хвылыну спынывся, мовъ дожыдаючысь, покы Помпей увилье горилкы, а потимъ зновъ почавъ ходыты по кимнати.

Колы на столи появылась нова горилка й закуска, то гисть и хазяинъ зновъ прысилы до столу и пылы, й закусювалы, и розмовлялы, довиряючы одинъ одному свое горе. Помпей росказувавъ про свое жыття. Було добре выпыто.

— Вамъ то добре, вы хочъ жылы!.. — выслухавшы Помпееву сповидь, говорывъ о. Сергій. — А я що знавъ? Тамъ каторга була, а теперъ въ манастыри мучытысь... Та й тутъ не дають вильно дыхаты и сюды лысты шлють!.. Думають, що я ни-

чого не знаю, — очи одкрывають... Добре я знавъ и знаю все, та терплю, бо все одно: не поможе баби кадыло, колы бабу сказыло!

— А за що саме вы до насъ отсюды попалы? — спытався Помпей, бо винъ и доси настояще того не знавъ.

— За піяцтво, отче, за злодійство! — одповивъ зхвылёвано зовсимъ пидпылый о. Сергій. — Хотивъ церкву спалыты, хотивъ село дымомъ пидъ хмары пустыты!.. Хотивъ... хотивъ... ха-ха-ха! — винъ махнувъ рукою и недомовывшы схылывся, мовъ упавъ, на стилъ рукамы й головою. — Пьяный, стари рызы попалывъ!.. — гукнувъ винъ тремтячымъ голосомъ. — Щобъ... щобъ и други отакъ, якъ я, не набиралысь зъ ныхъ сухоть!..

И винъ зарыдавъ. Зарыдавъ, типаючысь всимъ тиломъ и все, чымъ дали, бильше збираючысь въ одну грудочку. Теперъ винъ здавався зовсимъ малымъ.

— Не треба... не треба такъ!.. — схопывся до его Помпей. — Не треба такъ!.. — утишавъ винъ его, мовъ дытыну, и прыгортавъ до свого мьякого й теплого боку. — Буде!.. На що плакать?..

Але о. Сергій не заспокоювався.

Лампа пидслипуватымъ окомъ дывылась на ихъ обоихъ и иноди моргала: вона збиралась погаснуты.

III.

Колы о. Аркадій выйшовъ одъ Помпея, то въ голови ёго шумило и винъ зъ хвылыну вагався, чы слидъ ёму зайты въ свою келію, щобъ узяты про всякый случай свои паперы й деяки речи, чы ни, але махнувъ рукою: на що воны ёму, адже жъ и архырей и въ консисторіи знають ёго. И винъ просто пишовъ у той край двору, де були манастырськи стайни. Винъ тамъ сподивався выбратысь зъ манастыря, бо знавъ, що черезъ браму въ-ночи никого не выпускають.

Дощъ то йшовъ, то буцимъ перестававъ и знов почынавъ накрапаты. Небо було мутне й темне, безъ жодного просвиту.

Прынаймни такъ здавалось о. Аркадію писля свитла въ кимнати. Блымало тильки два лыхтари манастырськыхъ у двохъ протылежныхъ кинцяхъ ёго двору. На свитъ одного зъ ихъ и попрямувавъ о. Аркадій.

Пидгорнувшы свое кучеряве волосся пидъ комиръ рясы и пидибравшы полы, винъ пидійшовъ до стины биля стаень, знайшовъ невелычку драбынку, зъ якою послушныкъ Порфырій свитыть лыхтари, пидставывъ іи до стины, злизъ на стину и на рукахъ спустывся на другый бикъ іи. Пустывшы держатысь за верхъ стины, винъ стрыбнувъ до долу, попавъ на якыйсь каминь, чы колоду и дуже забывся.

Колы винъ пидвився и оглядився, то ничъ ёму здалась не такою темною, и винъ побачывъ, якъ тутъ же недалеко чорніе лисъ, а пидъ лисомъ ледве мріе якась худоба. По згуку, якъ вона рветь траву, й по фырканню догадався, що то пасутся кони.

О. Аркадій спершу пишовъ по-пидъ манастырською стиною ажъ до брамы и видтиль выйшовъ на дорогу. Колы винъ писля травы и бурьяну почувъ пидъ собою грузьку, розбыту дорогу и зъ лису дмухнувъ холодный витеръ и обдавъ ёго дощемъ, то винъ подумавъ, — чы гараздъ винъ робыть, чы не краще було диждатысь ранку й наняты соби пидводу?

Але теперъ уже пизно було розмирковуваты й вертатысь, и винъ, натягшы тугише бsyля на голову, пидобравшы до колинъ полы, ришуче подавсь по дорози въ лисъ.

Теперъ уже очи ёго, звыкшы до питьмы, добре розбиралы усе навколо, и винъ ишовъ досыть певною и скорою ходою понадъ дорогою, по трави. Скоро вже винъ почувъ, що чоботы ёго промоклы, але не жалкувавъ, що не взявъ калошъ, бо все бъ одно порозгублювавъ ихъ по дорози.

Винъ ишовъ и прыдывлявся навколо. Все було незнаёме и незвычайне, и се ёго цикавыло, бо николы ёму не траплялось буты пры такыхъ обставынахъ. Просто передъ нымъ чорнила грузька дорога, якои винъ мусывъ остерегатысь, щобъ не загрузнуты въ болото, а праворучъ и ливоручъ стоялы чорни, неначе жыви, лавы дубового лису. И ти лавы шумилы и колывалы

то дужче, то тыхше, мовъ скаржылысь на витеръ, або сварылысь на кого. А дощъ тежъ то прыпускавъ, то затыхавъ.

«Эхъ, жыття бидолашне!.. — думавъ о. Аркадій. — Чы сподивався я колы оттакъ тынятысь, якъ злодій, по нетряхъ! Утикаты зъ манастыря, мовъ острожныкъ, плентатысь вночи пишкы до архырея... Що то ще архырей заспивае!»

И винъ соби уявывъ высоку й шыроку, велычню постать архырея, сывого й поважного, и передъ нымъ свою фыгуру у мокрій, закаляній болотомъ, одежи, у такыхъ саме й чоботяхъ, — блиду й прыныжену. Той сывый и велычный гризно дывытся на ёго й пытае:

«Ты чого сюды прыйшовъ? Твое мисто въ манастыри!»

«Ни, мое мисто не въ манастыри, — одмовляе винъ, — а биля хворыхъ и умырающыхъ дитей моихъ, въ моій симьи холодній и голодній, покынутій!»

«Ты самъ іи покынувъ, ты самъ іи морышъ холодомъ и голодомъ! Ты понызывъ свій санъ, ты, мовъ пьяный мужыкъ, кынувся на старшого видъ тебе!»

«Я не кыдався».

«Ты не вырышъ у Бога, ты не ёму служышъ своею музыкою та спивамы, а діяволови!»

«Колы я служу діяволови и, значыть, вирю въ ёго, то якъ же я можу не вирыты въ Бога?..»

«Ты вольнодумець, ты ныгылыстъ! — гукае архырей. — Ты не скоряешся начальству. Я рясу зъ тебе здійму!»

«Я самъ іи скыну! — одмовляе о. Аркадій, и серце ёго тремтыть и болизно стукае въ грудяхъ, а десь, мовъ у другимъ поверси ёго увы, въ тактъ того, якъ стукае ёго серце и дыбають ногы, несвидомо снуется мелодія:

У сусида хата била,
У сусида жинка мыла,
А у мене ни хатыны,
Нема жинкы, ни дытыны!..

— Тьху, брыдня яка!.. — сплёвуе о. Аркадій, — оступывшысь въ якусь яму, повну воды, и збывшысь зъ такту. — Тамъ диты умираютъ, а тутъ — «У сусида хата била!»

Хмиль ёго уже пройшовъ, и теперъ винъ, идучы, обмиркувавъ, якъ бы краще налагодыты справу и выкрутытысь зъ петли, въ яку завела ёго доля. Винъ зновъ бадёро ступавъ по дорози, а въ голови ёго зновъ, у тактъ ходы, одбывалысь слова писни:

А у мене ни хатыны,
Нема жинкы, ни дытыны!..

Та писня дратувала ёго, але выгнаты іи зъ своеи головы винъ не мигъ: почынавъ иты тыхше—й вона задержувала темпъ, надававъ ходы — й писня снувалась скорійше.

«Скынешъ рясу зъ мене?.. Скыдай! Не пожалкую за нею. Хиба я хотивъ натягаты іи на себе, — говорывъ зновъ о. Аркадій до того сывого й велычнёго, — жывосыломъ на мене натяглы іи. Жывосыломъ утовкмачылы у болото попивське, та ще теперъ и глузуютъ, та ще теперъ и жалкуютъ: «пропавъ чоловикъ!» Та ни, ще не пропавъ... ще побачымо... Але жъ диты!.. «Куды васъ подиты?» — прыйшлы ёму на умъ вирши Шевченка.

«Куды васъ подиты?—пытався винъ зновъ черезъ хвылыну, переходячы на другый бикъ дорогы, де, якъ здавалось ёму, не такъ було грузько йты. — Куды васъ подиты?.. Подинетесь вы сами кудысь!.. На цвынтарь... Оттакъ, якъ Шурочка!»

И серце о. Аркадія стыслось и защемыло такымъ жалемъ, такою тугою, що винъ зупынывся и схопывся рукою за груды.

Шура, ёго любыма, найдорожча дытына, вмерла!... И винъ сылкувався уявыты соби іи образъ, але не мигъ: той дорогый образъ тильки намалёвувався и заразъ же росплывався.

Вона умерла, іи немае межъ жывыхъ.

«Лежышъ ты, серденько мое, теперъ въ холодній земли, въ глыбокій ями, й залывае твою могылу дощъ, осинній дощъ! Бидна, бидна моя пташечко, моя крышечко! Доглядилы тебе батько й маты!.. Довелы до пуття! Зумилы жыття тоби даты, та не зумилы зберегты ёго. Прокляти!..

Слёзы клубкомъ пидгорталысь пидъ горло о. Аркадія, а думкою винъ шукавъ по цвынтарю Шурынои могылкы, и ёму здалось, що винъ знае, де вона саме, та могылка, у якому мисци: биля могылы Лоначевськои. Тамъ гарне, чысте мисце. Влитку тамъ росте лыстя полуныць.

«Моя ягидко!.. Не врятувалы тебе батько й маты одъ смерты!.. Умилы мылуватысь тобою та втишатысь, а тутъ, якъ смерть прыступыла, то й осторонь сталы!»

Видъ скорои ходни й видъ журбы теперъ о. Аркадій зразу почувъ себе слабымъ и безсылымъ. Винъ шукавъ пенька або колоды, щобъ прысисты й трохы видпочыты, бо й витеръ и дощъ мовъ затыхлы и по земли почавъ снуватысь туманъ. Углядившы геть видъ дорогы щось чорне, о. Аркадій звернувъ туды. То бувъ старый пенёкъ, и винъ сивъ на ёго.

Винъ сыдивъ и почувавъ, що винъ теперъ едына жыва душа въ оцёму лиси, що почавъ угортатысь въ пелены туману. Одынъ, якъ палецъ!.. И енергія покыдала ёго. Куды йты, по що йты?.. Прохаты у архырея отпуску? А якъ винъ не дасть ёго? А хочъ и дасть, то що винъ може зробыты дома, колы дохторъ жыве за двадцятъ пьять верстъ, колы ни винъ самъ, ни ёго попадя ничого не тямлять у тимъ, якъ гоиты хворобы, отаки, якъ скарлатына або дифтеритъ!

Що винъ може зробыты?

И колы о. Аркадій пидвивъ одъ земли очи и побачывъ скризь навколо себе тильки туманъ и мряку, то роспука вразъ пустыла свои мицни, холодни пазури ёму, мовъ шулика курчати, въ саме серце. Винъ увесь зигнувся й зибрався докупы видъ болю й холоду, що ёго вразъ обгорнувъ. И ёму здавалось, що колы бъ винъ мигъ узяты зъ плечей въ рукы свою голову, то винъ отакъ бы іи и вдарывъ объ оцей пень, щобъ и слиду іи не зосталось!

Нащо жыты, яка есть мета въ ёго жытти? Те жыття— блукання безъ цили, безъ дорогы, у мряци й тумани ночи. А хиба винъ того бажавъ, того шукавъ, винъ—«Аркадій прекрасный», якъ узывалы ёго товарыши?

И о. Аркадію знов згадався, якъ и завжде въ важки часы ёго жыття, одынъ эпизодъ зъ ёго мынулого,—ти часы, колы обставыны зламалы уси ёго замиры и повернулы на той шляхъ, що прывивъ ёго у манастырь и на оцей пень.

То ёго несчасный концертъ у Клынгороди.

Першый и останній.

Скинчывшы курса семынаріи, винъ хотивъ питы въ консерваторію, але батько одмовывъ ёму въ пидмози въ сій справи. Винъ не хотивъ, «щобъ ёго Аркадій, сынъ ёго, гравъ по весилляхъ у жыдивъ»! Дарма той упевнявъ старого, прохавъ ёго,—батько стоявъ на своёму, и воны нарешти посварылысь. Аркадій надумавъ йты въ земськи вчытели, перебуты въ школи рикъ, зибраты яку копійчыну и тоди податься до консерваторіи.

Винъ такъ и зробывъ, и мисце ёму попалось пидъ Клынгородомъ.

Скоро винъ ознаёмывся зъ де-кымъ зъ Клынгородськои интелигенціи, и ти нараялы ёму даты концерта въ Клынгороди. Нашлась акомпанаторша, те жъ зъ учытельского кола й духовного роду—дочка протоерея-благочынного Клынгородського. Ихъ звелы и познаёмылы, хочъ воны й ранишъ, ще въ губерніи, чулы одне про одного.

Воны дружно взялысь за роботу, и скоро по городу красувалысь афиши про концертъ «молодого скрыпача Аркадія Завадовського».

Концертъ бувъ въ зали клуба и мавъ велыкый поспихъ. Писля першои вже піесы весь залъ плескавъ у долони, а писля «Легенды» Венявського ёму зробылы цилу овацію.

Писля концерту, ледви винъ устыгъ подякуваты своій помошныци, Ганни Петровни, якъ ёго пидхопыла наелектрызована его грою молодижъ и потягла зъ собою вечеряты.

Цилу ничъ йилы й пылы и говорылы промовы, и героемъ тіеи ночи бувъ винъ, Аркадій Завадовськый. Ничъ мынулась, мовъ якыйся хымерный, чудовый сонъ.

Опамьятався Аркадій тильки на другый день пидъ полудень и згадавъ, що винъ учора не встыгъ, якъ слидъ, подяку-

ваты Ганни Петровни за іи працю, и ёму захотилось заразъ же побачыты іи, побалакаты, роспытаты, яке вражиння на неи зробыла ёго гра, ти оплескы, словомъ, все те, що вчора було. Захотилось ще разъ пережыты вчорашній вечиръ, розмовляючы зъ людыною, яка почала ёго дуже цикавыты и симпатіи до якои винъ помичавъ у соби

Колы винъ прыйшовъ до протоерея-благочынного, то побачывъ, що ёго тамъ ждалы и ждалы нетерпляче. Ганна Петровна прызналась, що вона не спала всю ничъ, пережываючы вчорашній вечиръ, и вона була така схвылёвана, экзальтирована, така молода и вродлыва, що Аркадій мовъ зновъ учадивъ, якъ учора писля концерту.

Ёго оставылы обидать, а писля обида винъ запрохавъ Ганну Петровну прогулятысь по городу.

Вона нышкомъ видъ ёго спыталась у матери, и воны пишлы.

День бувъ хочъ осинній, але чудовый, такый, якый буває на пивденній степовій Украини. Повитря було наповнене наркотычнымы пахощамы вялого лыстя мійськыхъ садивъ и блыщало срибнымы ныткамы летючого павутыння.

Воны ходылы по городу, якъ зачаровани, розмовлялы и не моглы наговорытысь, и обомъ имъ було тисно й душно въ городськихъ вулыцяхъ. И колы Аркадій запрохавъ Ганну Петровну пройихатысь на звощыку въ село, де винъ учытелювавъ, подывытысь, якъ винъ жыве, и зновъ вернутысь до вечера въ городъ, то вона, не вагаючысь, згодылась на се.

Воны силы й пойихалы.

Йидучы, воны марылы, якъ удвохъ пидуть до консерваторіи и будуть вчытысь и будуть велыкымы музыкантами. Прыйихалы въ село. Аркадій показувавъ ій свою школу, ставокъ биля неи, церкву—и все було таке гарне, таке вродлыве, що очи обохъ ихъ не хотилы видрыватысь одъ всёго того.

Звощыка воны пустылы на хвылыну до ёго знаёмого. Але винъ не вертався черезъ годыну й дви, и вже почало смеркаты.

Ганна Петровна стурбовалась и, колы сонце почало сидаты за гору й погасло тамъ, то й вона немовъ погасла. Теперъ вона схаменулась: щó вона зробыла, щó скажуть батько й маты, щó будуть говорыты знаёми, колы дизнаются, якъ вона йиздыла «зъ молодымъ чоловикомъ» удвохъ до ёго и зáвыдна не вернулась до-дому... може й на ничъ тамъ зоставалась?

Аркадій бигавъ по селу й шукавъ звощыка и ледве-ледве найшовъ ёго край села: винъ бувъ на пидпытку и прохавъ зостатысь ще на хвылыну, щобъ докинчыты зъ кумомъ справу.

Але Аркадій сёго не дозволывъ, и воны пойихалы.

Прыйихалы въ Клынгородъ уже поночи. Ихъ шукалы скризь по городу и не знайшлы, и вже хтось сказавъ матери Ганны Петровны, що вона пойихала удвохъ зъ якымся чоловикомъ за городъ. Аркадія навить не попрохалы зайты до хаты, и що тамъ творылось у хати, не було видомо никому, окримъ домашнихъ. Але Аркадій дуже здывувався, колы черезъ тыждень до ёго въ Ступкы, де винъ жывъ, завитавъ самъ протоерей, батько Ганнынъ.

Винъ, якъ тильки вступывъ до хаты, то зразу жъ сказавъ, чого прыйихавъ. Дило було въ тимъ, «що вы своимъ необмиркованнымъ вчынкомъ, може безъ усякои злои думкы, ославылы на увесь Клынгородъ и ёго повитъ мою дочку; колы вы чоловикъ чесный, то вы мусыте на ій оженытысь».

Аркадій стерявся зъ-несподиванкы, прохавъ даты часу подуматы, хочъ тыждень якый, и ничого не надумавъ. Хотивъ бувъ кынуты «и всихъ, и вся» й утикты зъ губерни, але, якъ почувъ, якъ батько та маты мучать Ганну Петровну, якъ іи никуды не пускають, точать іи докорамы та всякымы натякамы, то ёму стало жалко іи... такъ жалко, якъ никого въ свити.

Винъ махнувъ рукою на будучыну, посватався и одружывся.

А такъ якъ имъ двомъ ничого було йисты въ одній школи, а про консерваторію безъ копійкы грошей—тесть не давъ ніякого вина—ничого було й думаты, то Аркадій знову скорывся воли тестя. Той поворожывъ уже не въ консерваторіи, а въ кон-

системіи; на Аркадію опынылась ряса, и винъ «прыложися къ праотцемъ своимъ».

«И такъ все въ жытти робытся: ты хочешь отакъ робыты, а воно онъ куды повертае!»—зъ гиркымъ почуттямъ думавъ о. Аркадій, сыдячы на пни и почуваючы, якъ холодъ зновъ почынае браты ёго кризь намоклу рясу за плечи.

Думка про Фергану, про подорожъ кудысь у далеки краи, теперъ ёму здавалась такою чудною, дывацькою, що винъ навить дывувавсь, якъ вона могла зародытысь у ёго посывилій голови,

— То дурныця, ка́зна що,—тре́ба дитей та жинку рятуваты!

И о. Аркадій разомъ пидвився зъ пенька, пидибравъ зновъ полы и пишовъ у той край, де мусивъ буты городъ.

Туманъ стоявъ и хвылювався и то зовсимъ закрывавъ собою й дорогу й дерева лису, то росплывався, и о. Аркадію выдно було й дорогу, и купы мокрыхъ, сумныхъ дубивъ. Часомъ на неби показувалысь и зиркы.

Скоро мусивъ буты свитъ, але до города було ще далеко. Выйшовшы зъ лису, ще треба було йты верстъ пьять до мосту черезъ ричку—по лугу, а потимъ по кучугурахъ писку.

Нарешти такы о. Аркадій выйшовъ зъ лису. Чоло й спына у ёго булы мокри, а ногы млилы зъ утомы и грузлы въ болоти. Биля дорогы въ тумани паслысь кони. Не довго думаючы, якъ и завжды, о. Аркадій попрямувавъ до одніи конякы.

— Тпру-тпру!..—озвався винъ до неи, беручы за мокрый чубъ.

Коняка оторопила й фыркнула.

— Тпру!.. Не бійся дурна!..—говорывъ винъ, гладячы рукою теплу товарыну и нахыляючысь до пута.

Путо було прядивьяне, и винъ ёго жыво знявъ, накынувъ коняци на шыю, ухопывъ іи за край грывы, стрыбнувъ и опынывся верхы.

Коняка кынулась въ бикъ, але о. Аркадій сивъ добре и скоро винъ справывъ іи на дорогу й пойихавъ до мосту.

— Отъ якъ, по-запорожськы!.. Мовъ злодій якый.

Теперъ о. Аркадій почувавъ себе краще и тильки стежывъ, щобъ коняка не завезла ёго кудысь въ другый край,—праворучъ въ село, до свого хазяина, або що. А утома брала свое; хотилось тепла, хотилось спаты, и о. Аркадій зъ завдоволеннямъ почувавъ нидъ собою теплу коняку.

«Колы бъ уже скорище мистъ. . Колы бы уже скорище!»...—сумно думавъ винъ, колы, якъ стій, разомъ зъ туману передъ нымъ вырнулы якись будивли.

«Що се таке?.. А, се заводъ!.. Вже скоро ричка».

О. Аркадій звернувъ трохы зъ дорогы коняку, щобъ бува одъ заводськыхъ воритъ хто не побачывъ ёго й не прызнавъ за злодія, объйихавъ заводъ лугомъ и зновъ выйихавъ на дорогу.

«Чысто такъ, якъ злодій!»—думавъ винъ.

Въ тумани жовтымы плямамы замрилы лыхтари на мосту и видтиль почувся грюкитъ и клацання.

То по мосту йшовъ пойииздъ.

Ось нызка огнивъ вырнула зъ млы и зъ сычаннямъ и торохтиннямъ полынула зновъ у питьму, туды, въ той край, куды треба йихаты ратуваты симью и о. Аркадію.

Винъ спынывъ коняку й дывывся у слидъ пойиздови. Уже мыготивъ тильки одынъ червоный вогныкъ и, блидніючы и зменшаючысь, ишовъ у питьму. Затыхало и гуркотиння колесъ вагонивъ. О. Аркадій зитхнувъ и злизъ зъ конякы.

— Спасыби!—сказавъ винъ ій, потрипавшы по шыи, и повернувшы назадъ, провивъ килька крокивъ и пустывъ.—Иды додому!—а самъ по насыпу почавъ збиратысь на мистъ.

«Що то скаже архырей?»—думавъ винъ, йдучы по верхнёму поверси мосту и дывлячысь внызъ на ричку.

Воды за туманомъ не було выдно, але чулась вона блызько, и вже було чуты, що тутъ недалеко городъ. Зъ вокзалу доносылысь свысткы паровозивъ, чуты було торохтиння колесъ по мощеныхъ каминемъ улыцяхъ. Ось могутно загувъ на якомусь заводи гудокъ, черезъ хвылыну въ терцію ёму озвався другый. Десь мовъ

дали, ныզькымъ сыпкымъ басомъ, неначе зъ-просоння, заревивъ третій, и ихъ голосы оддалысь луною десь далеко на ричци, на островахъ.

— Се, мабуть, пять годынъ,—промовывъ о. Аркадій.—Куды жъ я пиду?

И винъ уявывъ соби весь планъ городу, шырокый ёго проспектъ, що тягнется зъ долыны на гору, а тамъ майданъ, соборъ и архырейське подвирря, и поклавъ иты просто туды, на архырейське подвирря, щобъ, якъ тильки буде можно, доступытысь до архырея, прохаты ёго, щобъ давъ дозволъ йихаты до-дому. Але колы винъ дійшовъ до краю моста и поглянувъ на ту вулыцю, по якій ёму треба було йты, то вона була така мертва й непрывитна и така ще темна, що винъ, не завертаючы, пишовъ просто на вокзалъ.

Тамъ хочъ йе свитъ, йе люде.

IV.

Вокзалъ ще наполовыну спавъ, колы въ ёго увійшовъ о. Аркадій.

Задыхаючысь видъ важкого духу, винъ пройшовъ залу третёго класу, де по лавахъ и на доливци лежалы й сыдилы люде, повыти табашнымъ дымомъ. Винъ зупыняючысь пройшовъ въ залу другого класу.

Тамъ було тежъ душно, але все такы краще. Було досыть свитло, и тутъ о. Аркадій побачывъ, якымъ винъ выйшовъ зъ своеи незвычайнои подорожи. Зъ нигъ до головы винъ бувъ заляпаный болотомъ, и сонни лакеи дывылысь на ёго, мовъ на яку прояву. Винъ було почавъ шукаты соби мисця, щобъ систы видпочыты, але, помитывшы ти здывовани погляды, не сидаючы въ зали, пишовъ въ уборну.

Тамъ винъ роздягся, роззувся и почавъ даваты соби ладъ, на скильки се було можно зробыты.

«Онъ якъ довелось тоби, брате, поратысь!»...—говорывъ винъ до себе въ думци, зоскрибаючы зъ чобота лыпку грязюку пальцямы и пидставляючы ёго пидъ крантъ въ умывальныку.—

«Оттакъ, оттакъ-о!.. щобъ чысто було!.. Щобъ не сказалы люде, що пипъ волоцюга, щобъ не соромъ було передъ владыкою явытысь!»—жартувавъ винъ.

Вода въ кранту была ключемъ на чобитъ и звидтиль брызкала ёму въ бороду й очи. Винъ одвертавъ облыччя, отдувався и такы доводывъ чобитъ до путтяѵ.

Зъ уборнои винъ выйшовъ зовсимъ прычепурывшысь, и тильки руди плямы на мокрій ряси свидчылы, що винъ сю ничъ бувъ у бувальцяхъ. Винъ попрохавъ соби чаю й хлиба и жадлыво пывъ той чай и йивъ той хлибъ, бо за свою подорожъ добре выголодався. Все тило у ёго болило и въ мокрыхъ чоботяхъ и одежи винъ тремтивъ, мовъ у пропасныци.

Уже зовсимъ свитало, и по вокзальныхъ стинахъ почалы вымалёвуватысь велыки блиди викна. Денный свитъ змагався зъ свитомъ электрычнымъ. О. Аркадій пидвився, щобъ иты на архырейське подвирря, на другый край города. Покы дійде, то вже й день буде, уже може й архырей почне прыёмъ.

И винъ пишовъ.

Дощу вже не було, и туманъ помалу сплывавъ у гору й летивъ за витромъ кудысь геть на захидъ. Мокри дерева, зъ наполовыну опалымъ помарнилымъ лыстямъ, стоялы вдовшъ проспекту рядамы и мовъ показувалы о. Аркадію, куды йты: оттуды-о, спершу нызомъ, а тамъ на гору, де ледве мріе водокачка! Туды тяглысь и рельсы трамваю, але вагоны по ихъ ще не ходылы.

И дывна ричъ: чымъ дали видъ вокзалу йшовъ о. Аркадій, тымъ бильше винъ почынавъ боятысь иты до архырея

«Прожене!.. Прожене, не выслухавшы!.. Не дасть усёго сказаты. Ёму що? хиба винъ знае наше горе?.. Хиба у ёго есть симья, хиба винъ знае, що таке злыдни, що таке не маты шага за душею?

И о. Аркадій несвидомо полапавъ свій гаманець у кышени: тамъ було всёго-на-всего рубъ шистьдесятъ чотыри копійкы срибломъ и мидью. Ото увесь ёго капыталъ. Колы доведется йихаты до-дому, то ни зъ чымъ буде, — десь прыйдется добуваты грошей.

«Опъ яки наши статкы! А винъ думае, що мы багачи, що капыталысты!.. Есть и мижъ нашимъ братомъ, та не вси! Нехай погляне хочъ на о. Сергія, — тежъ пипъ, золотый снипъ!»

Пры згадци про свого товарыша по манастырю, досада й злисть раптомъ заворушылысь въ души о. Аркадія.

«Хиба вы знаете, кого карать, кого мылувать?»—докорявъ винъ въ думци усихъ тыхъ, що мають владу надъ людьмы.— Хиба вы що думаете, якъ пидпысуете паперы?.. Де тамъ! Самихъ бы васъ посадыть у нашу шкуру!»...

За думкамы о. Аркадій не помитывъ, якъ винъ пройшовъ увесь городъ, выйшовъ на гору й прыйшовъ до архырейського подвирря. Було ще дуже рано, хочъ ворота подвирря булы видчынени и звидты выйиздывъ на малій дебелій брычци, запряженій тежъ невелычкою конякою, товстенькый чернець. Конякою правывъ послушныкъ.

То бувъ архырейськый економъ. Винъ йихавъ на базаръ.

И економъ, и послушныкъ здывовано дывылысь на о. Аркадія: чого винъ тутъ такъ рано? О. Аркадій знявъ мокрого брыля:

— Що, владыка дома?

— Дома,—одповивъ чернець, кываючы головою и спыняючы визныка.

— Винъ якъ... ще спыть, чы вже вставъ?

— Уже давно вставъ, тильки прыёмъ просытеливъ зъ девяты годынъ.

— А теперъ скильки?

— Та мабудь шисть.

— Шкода.

— А вамъ треба до владыки заразъ?—запытавъ чернець.

— Та хотилось бы заразъ побачыты.

— То йдить у садъ: владыка тамъ моціонъ робыть. Отамъ биля флигеля хвирточка.

О. Аркадій подякувавъ и пишовъ до саду.

«Ну, Аркадіе, набирайся, братъ, духу: або панъ, або пропавъ!»—подумавъ винъ, и серце прудко застукотило у ёго въ грудяхъ, а кровъ ударыла въ выскы.

Сылкуючысь буты спокійнымъ, винъ одчынывъ хвирточку и увійшовъ въ садъ. Одъ хвиртки йшло килька вузькыхъ стежокъ и одна, посередыни межъ ными, шырока аллея. О. Аркадій пишовъ по ій.

Скоро винъ дійшовъ до такои жъ другои шырокои аллеи, що перехрещувалась зъ тіею, по якій винъ ишовъ. Винъ подывывся праворучъ и ливоручъ, въ таемныци серця боячысь зразу побачыты владыку, але ёго не було выдно.

О. Аркадій хвылыну постоявъ на перехрести и звернувъ праворучъ, де по мокрому писку выдко було чыись слиды. Ся аллея упыралась въ стину, а по-падъ стиною зновъ ишла друга, и въ ій ливоручъ майнула на самому кинци чыясь огрядна постать, повернула въ бокову аллею и зныкла.

— Винъ!

О. Аркадій пишовъ у той кинець саду и колы дійшовъ до мисця, де, якъ ёму здалось, винъ побачывъ архырея, та сама огрядна постать чорнила вже въ другому кинци аллеи.

«А жваво ще ходыть владыка!»—подумавъ о. Аркадій.— «Чы наздогоняты ёго, чы иты навпереймы?.. Наздогоняты краще, а то десь розмынемось».

И винъ наддавъ ходы. Зновъ поворотъ, и зновъ зныкла чорна постать. Теперъ о. Аркадій пишовъ такъ прудко, якъ тильки мигъ. Ось поворотка и зновъ шырока аллея, по-пидъ самымъ архырейскимъ домомъ, але архырея немае,—мабудь скинчывъ свій моціонъ и пишовъ зъ саду въ хату.

Що ёго робыть?

О. Аркадій спынывсь и замыслывсь: ждаты прыёму незручно й не скоро се буде; иты до владыкы чорнымъ ходомъ, въ оти двери, тежъ незручно, — може прогнать. Але може прыняты й неоффиціально и може запроста выслухае...

— Пиду, — що буде, те буде!

Винъ пидійшовъ до дому, зійшовъ на невысокый ганокъ, одчынывъ двери и увійшовъ у невелыки сины. Дали просто булы други двери и зъ-за ихъ долиталы голоса.

О. Аркадій спынывся. Хтось старый и старшый шкылювавъ когось молодшого.

— Оселедець готовый?

— Отъ заразъ, тильки порижу...

— Ачъ якъ готовый!.. Давай сюды, самъ порижу! Тоби скильки не говоры, ты николы не зробышъ такъ, якъ треба! Не мигъ у економа взяты для владыкы кращыхъ оселедцивъ!..

«Се мабуть сварятся архырейськы келейныкы»—подумавъ о. Аркадій,—пиду»!

Винъ одчынывъ двери и увійшовъ въ чымалу кимнату. Тамъ винъ побачывъ тихъ людей, чыи голосы чувъ зъ синей. Старишый, огрядный сывый чоловикъ, той що сварывся за оселедця, стоявъ до дверей спыною и, држучы оселедця рукамы за голову й хвоста, безъ хлиба выгрызавъ ёму товсту, смачну спыну просто зубамы.

— А самоваръ готовый у тебе? — незадоволено пытавъ винъ, не обертаючысь назадъ.

— Шумыть, владыко святый! — одмовывъ другый, тежъ уже зъ сывыною невелычкый сухый чоловикъ.

— Я у тебе пытаю: самоваръ готовый?

— Шумыть, владыко святый,—говорю.

— Оть, бачышъ, до чого ты дожывъ,—вередлыво грымнувъ, не выпускаючы зъ рукъ оселедця старый,—уже кажешъ: шумыть владыка святый!.. Це на Афони ты такъ навчывся поводытысь зъ архыреямы?

«Се самъ архырей!»—стрельнула думка въ голови о. Аркадія.—«Оце такъ ускочывъ!»—и винъ хотивъ бувъ утикты геть зъ хаты, колы архырей повернувся назадъ и побачывъ ёго.

— Ты хто такый и чого тутъ тоби треба?—гризно й незавдоволено гукнувъ винъ, наступаючы на о. Аркадія зъ недойиденымъ оселедцемъ у правій руци.

Се бувъ справди архырей,—гризный и велычній, якымъ ёго знавъ о. Аркадій,—хочъ и бувъ винъ одягненый у старенькый, засмальцёваный каптанець и державъ зъ хвость того оселедця зъ

выгрызеною спыною въ одній руци, а другою втыравъ замаслени губы. Облыччя его було червоне—чы зъ гнива, чы зъ того, що винъ тильки що вернувся зъ свижого повитря, а гострый поглядъ сирыхъ очей пронызувавъ усёго о. Аркадія.

— Ты чого тутъ, кажу тоби!

О. Аркадій стерявся. Винъ спершу хотивъ бувъ пидійты пидъ благословеніе, але, глянувшы на рукы владыкы, зоставея на мисци биля дверей.

— Я... священныкъ Аркадій Завадовськый. Я... я... у мене несчастя въ семьи, то прыйшовъ прохаты отпуску... дозволу пойихаты туды,—затынаючысь, говорывъ о. Аркадій, почуваючы, що не такъ бы слидъ говорыть и досадуючы за те на себе.

— А отпускъ отъ твого начальства у тебе йе? Зъ манастыря?..

— Я несподивано... в-ночи выбувъ зъ манастыря, бо... скарлатына! Ждать не можно.

— Кажу,—отпускъ йе?

— Нема... але...

— Ну, такъ вертайся въ манастырь,—роблено спокійно мовывъ архырей.—Що ты, порядкивъ доси не знаешъ?—грымнувъ винъ разомъ слидъ за тымъ.—Нема тоби отпуску й не буде!

— Але жъ диты умирають: голодни, холодни, безъ копійкы грошей!

— Диты!.. Вы на дитей все звертаете. Всяки мерзоты робыте, а дитьмы захыщаетесь. Не буде тоби отпуску! Йидь назадъ въ манастырь!

Владыка одвернувся и рищуче кыпувъ на тарилку недойиденого оселедця и хотивъ йты въ другу кимнату.

— Ваше преосвященство!.. Окажить мылость!—прохавъ о. Аркадій, пидступаючы блыжче до архырея.—Уже одна дытына... дочка умерла, а трое лежать хвори. Жинка биля ихъ сама!..

— А, умивъ рясы зъ благочынныхъ рваты, а епытымію несты не хочешъ?

— Я не рвавъ рясы зъ о. благочынного, то неправда! — спалахнувъ о. Аркадій.

— А, неправда?.. Ну, те консисторія краще знае. Не буде тоби отпуску, и геть звидсы!—одрубувавъ кожне слово владыка.— Хиба ты не знаешъ порядкивъ, хиба ты не знаешъ, де прыёмна архырейська?.. Якъ мужыкъ ломышся туды, куды не слидъ.

— Простить, ваше преосвященство! Тильки несчастя въ симьи заставыло мене... Я можу спизнытысь на пойиздъ. Въ девять годынъ...

Архырей хвылыну помовчавъ, гризно моргаючы очыма.

— Несчастя несчастямъ, а все такы ты вернешся въ манастырь, и я тоби побильшу срокъ епытыміи за «самовольну отлучку»,—сказавъ винъ спокійно, але твердо.—Йды!

О. Аркадій побачывъ, що справа ёго рушылась, и досада и видчай обхопылы ёго.

— Я не пиду звидсы, покы не буду маты отпуску!..

— Ты, ты сміешъ мени, своему архыреeви, се говорыты, такъ розмовляты?.. Пишовъ геть видсиля, щобъ твого й духу тутъ не було!—скрыкнувъ архырей, показуючы на двери, увесь червоный и страшный.

— Я не пиду!—уперто стоявъ на своёму о. Аркадій, мнучы брыля въ рукахъ.

— Я рясу зъ тебе здійму!

О. Аркадій мовчавъ.

— Я тебе згною въ манастырю за твою упертисть! Я выжену зъ тебе іи! Я выжену зъ тебе діявола!

— Ваше преосвященство!—голосъ о. Аркадія здригнувъ и зъ образы слёзы пидступалы ёму до горла.—Ваше преосвященство! Не діяволъ сыдыть у мени й упорствуе, а горе... несчастя прымушуе мене гниваты ваше преосвященство. И я, во имя того горя, во имя мылосердія людського, во имя дитей—благаю ваше преосвященство, змылуйтесь!.. И у васъ була маты...

И о. Аркадій несподивано для самого себе впавъ на колина, прыпавъ головою до доливкы й зарыдавъ.

— Встань!—сказавъ владыка, одвертаючысь до викна и прутко моргаючы очима.—Ты скильки сыдышъ въ манастыри?

О. Аркадій вставъ и, тежъ одвернувшысь до дверей, вытыравъ облыччя мокрою й брудною хусткою.

— Пивтора мисяци.

— Скильки тоби ще зосталось?

— Два тыжни.

Надія майнула въ души о. Аркадія, але винъ, знаючы поводження владыкы, не нявъ їй виры.

Владыка мовчавъ.

— А все такы я не можу тоби даты отпуску. Се буде потачка всимъ другымъ такымъ, якъ ты.

И мовъ згадавшы щось прыкре, владыка зновъ насупывся.

— И такъ онъ въ Синоди про мою епархію йде неслава! И такъ онъ говорять: «тамъ владыка старый, роспустывъ духовенство!» Онъ якъ! Черезъ васъ и нашому братови, архыреямъ, грызота. Йды въ манастырь та досыжуй, а тоди вже пойидешъ до-дому.

— А диты, ваше преосвященство?—зъ видчаяннямъ скрыкнувъ о. Аркадій.

— Шо мени диты,—спалахнувъ зновъ архырей,—самъ наплодывъ, то самъ и думай про ихъ! Вы вси тильки й знаете: «диты!» А навищо наплодывъ ихъ стильки, а навищо рясу зъ благочынного рвавъ?

— Ваше преосвященство!

— Чувъ я це: «ваше преосвященство!» Черезъ тыждень подавай прошеніе зъ видозвою видъ игумена, то тоди може й пустю. Йды!

Владыка повернувся до умывальныка, засукуючы рукава пидряспыка, щобъ мыть рукы.

— Не пиду я,—сказавъ о. Аркадій, зновъ одступаючы до дверей.

— Ну, якъ хочешъ: не хочешъ иты, то будешъ сыдиты въ манастыри увесь срокъ,—упевнено сказавъ винъ и пишовъ у свои покои. - Самоваръ подавай!—гукнувъ винъ келейныкови.

— Заразъ, владыко святый!

Якъ тильки зачынылысь двери за архыреемъ, о. Аркадій, мовъ пидбытый, упавъ на стилець: «не пиду никуды!»—думавъ винъ.—«Що буде, те й буде! Нехай побье, нехай самъ вышпурне звидсиль!...»

Келейныкъ однисъ самоваръ и вернувся назадъ. Пораючысь зъ посудомъ, винъ повернувъ голову до о. Аркадія и стыха сказавъ:

— Ничого. Пождить трохы,—владыка змылуется. Се зъ нымъ неридко бувае!

О. Аркадій сыдивъ увесь розбытый, знесыленый. За що така наруга, за що така немылость одніи людыны до другои? И се епыскопъ, пастыръ духовный, що мусивъ бы зъ одного слова зрозумиты чоловика, прыбытого горемъ, чоловика зъ розидраною душею! Падавъ передъ нымъ на колина, валявся на доливци, плакавъ!.. и все такы мылосердіе не прокынулось въ ёго серци.

«Чого жъ я ще буду тутъ сыдить? Чого ждаты? Пойиду просто до-дому,—нехай що хоче, те й робе зо мною!»

— Де владыка?—спытавъ винъ келейныка.

— Отутъ, у сій кимнати. Але не ходить: владыка дуже гниватыметься,—боязлыво шепнувъ винъ о. Аркадію, помитывшы, що той хоче йты туды.

— Все одно.

О. Аркадій ришуче одчынывъ двери и увійшовъ въ архырейську йидальню. Владыка сыдивъ за столомъ и пывъ зъ блюдця чай.

— Ты чого сюды лизешъ, непроханный?—грizно гукнувъ винъ, пидводячысь зъ стильця.

— Я прыйшовъ, ваше преосвященство, ще разъ прохаты васъ: пустить мене до-дому, бо колы не пустыте, то я не ручаюсь за себе!—твердо сказавъ винъ.

— Якъ се такъ?

— А такъ, що я або самовольно утечу до-дому, або наложу на себе рукы.

— А, онъ якый ты... Такъ ты лякаты мене?.. Геть же зъ моихъ очей!!..—скрыкнувъ архырей такъ, що луна озвалась у викнахъ.

Облычча о. Аркадія пересмыкнулось.

— Розидралы вы мени серце!—гукнувъ винъ, не чуючы себе, и рвучы на соби рясу.—Вырвалы вы ёго зъ грудей, то никого я теперъ не боюсь,—Богъ мени суддя! Та знайте, що винъ и вашъ суддя!

О. Аркадій увесь преобразывся, и се бувъ уже не смыренный штрахованый пипъ, а гризный, роздратованый левъ. Неначе й кучеряве волосся ёго настобурчылось.

— Богъ вамъ суддя. Прощайте!

Винъ повернувся и, не поклонывшысь и не зачыняючы за собою дверей, выйшовъ зъ йидальни архырейськои и зъ синей и, несучы въ руци брыля, прудко пишовъ черезъ садъ на подвирря.

— Чы винъ пьяный, чы винъ божевильный?—пытався здывованый и оторопилый владыка.—Протасій! Верны ёго назадъ!..

Протасій побигъ слидъ зо о. Аркадіемъ.

— Батюшка! Батюшка!..—гукавъ випъ.—Верниться, владыка зволыть клыкаты до себе!

— Геть!—не дывлячысь, одмахнувся рукою одъ його о. Аркадій и выйшовъ зъ двору.

V.

Колы о. Сергій прокынувся вже не рано, весь розбытый, зъ важкою головою, то винъ зразу не мигъ прыгадаты, що зъ нымъ и де винъ. Тильки оглядившысь, винъ побачывъ що лежыть у своій кимнати, на лижку о. Аркадія и нероздягненый.

Сыдячы на лижку, винъ прыгадувавъ учорашній вечиръ и ничъ и не мигъ усёго гараздъ уявыты соби. Помпей... о. Аркадій... воропанивськый пысарь, жинка и теща,—все те мовъ щось робыло учора, мовъ винъ мавъ до ихъ якесь дило, але яке саме—уявыты не мигъ. Здается, плакавъ...

Колы задзвонылы до церквы, то о. Сергій не пишовъ туды, а лигъ на свое лижко и укрывся, якъ тильки мигъ, теплице; ёго была пропасныця.

— День!.. День-день!—жалибно вымовлявъ невелыкый дзвинъ.

И о. Сергій думавъ, що справди уже день, хочъ и знов похмурый день, а о. Аркадія немае: значыть, такы пишовъ... значыть, десь добывается свого, робыть свое дило. Не такъ якъ винъ... пропащый чоловикъ. Ёму ничого не треба робыть, на ёго долю зосталось тильки лежать и умирать. Але ще кинець не скоро. Сухоты—хвороба затяжна.

И винъ зъ болемъ у лоби пидвивъ угору очи и повивъ ихъ по стинахъ.

Биля дверей у кутку воны спынылысь на дебелому гвиздку, забытому въ стину, щобъ вишать одижъ.

«Онъ винъ, самый пидходящый! Взяты поясъ, зробыты петлю, вильный кинець замотаты за гвиздокъ — винъ выдержыть,—а петлю зъ пряжкою на шыю... И кинець, и капутъ!.. Зоставайтесь соби сами, друзи мои и знаеміи!.. Мало побувъ зъ вамы и ще менше добра зазнавъ видъ васъ,—буде зъ мене!»

О. Сергій поворухнувся й застогнавъ, але видъ чого бильше— чы видъ болю въ тили, чы видъ болю души,—того бъ и самъ винъ не сказавъ.

Винъ лежавъ, дывывся на гвиздокъ и уявлявъ, якъ на ёму высыть ёго тоще тило. Высыть якась никчемна торбына зъ бактеріямы... «Не руште іи, нехай высыть, вона була за жыття така болюча, що ій потрибенъ спокій».

И винъ дывывсь въ кутокъ, на ту торбыну, и плакавъ... Не руште іи!»...

— День... День-нь!..—скыглывъ мызерный дзвинъ.

У кимнату увійшовъ послушныкъ Олексій, щобъ прыбрать іи.

— А до церквы що жъ и не пидете?—пытався винъ, пидмитаючы пидлогу и дывлячысь, якъ о. Сергій одвернувшысь до стины, трется у пропасныци.

— Не пиду. Не здужаю.

— А сёгодня тежъ увесь день мабуть буде дощъ.

— Ты бъ, голубчыку, протопывъ добре грубу, та сходы до о. Помпея, попрохай ёго зайты сюды!

— Добре. А де жъ о. Аркадій?

О. Сергій помовчавъ и потимъ сказавъ:

— Далеко теперь о. Аркадій,—у городи мабуть!

— Онъ якъ!.. Колы бъ же винъ устыгъ туды добратысь?..

— Устыгъ.

Олексій прычепурывъ кимнату, затопывъ зъ синей грубу и пишовъ. О. Сергій зновъ остався самъ. Дзвону уже не було чуты, и тильки за викнамы шумивъ витеръ, а може то такъ здавалось о. Сергію, а шумила кровъ у ёго въ выскахъ, а може стугонивъ огонь у груби.

«Бидолашна ходяча торба зъ бактеріямы! Гыдка ты й небезпечна для людей... Кынуты бъ тебе въ вогонь, щобъ и слиду не зосталось!»—думавъ о. Сергій, стыскаючы щелепы.

Такъ винъ пролежавъ, покы выйшлы зъ службы, и почавъ було дриматы, якъ почувъ, що хтось иде до ёго въ кимнату.

«Мабуть, Помпей!»

Але винъ помылывся. У хату війшлы игуменъ и за нымъ, хытаючы головою, Пафнутій.

О. Сергій пидвився и сивъ на лижко.

— Здрастуйте, здрастуйте, отче!—мовывъ игуменъ, озыраючысь по кимнати.

— А мы зъ о. Пафнутіемъ, почувшы, що вы нездужаете, зайшлы до васъ, навистыты.

«Се на допросъ прыйшлы»,—подумавъ о. Сергій и сказавъ:

— Спасыби. Сидайте, будь ласка!

Гости силы. Одынъ товстый и дебелый, мовъ злытый, другый сухый и зигнутый, але обыдва воны булы владарямы манастыря, котримъ усе мусыло скорятысь. Обыдва воны булы темни, неосвичени люде, одынъ зъ крамарського, а другый зъ мужычого роду, и добылысь становыща—той, виддавшы на манастырь чы-малу суму грошей, спадщыны видъ батькивъ-крамаривъ, и черезъ те доскочывшы игуменства, а другый—выключно своимъ жыттямъ и поводженнямъ. Про ёго й далеко видъ манастыря уже йшла слава, що се святый чоловикъ, прозорлывець. Обыдва воны наскризь бачылы одынъ одного и ненавыдилы одынъ одного, й боялысь, и у всихъ справахъ манастырського жыття бралы участь

разомъ, нибы пособляючы одынъ одному, а на дили—выслиджуючы одынъ одного.

Такъ иноди въ одному ярми ходять два ревныви вола и завжды потай змагаются одынъ за однымъ.

— Занедужалы?—пытается игуменъ.

— Та трохы прохватыло.

— А о. Аркадій де?

— Отправывся въ городъ до владыкы прохаты отпуску додому. Въ симьи не благополучно.

— Колы жъ винъ пойихавъ?—зъ робленымъ здывуванням̆ъ, поглянувшы на Пафнутія, пытався игуменъ.

— Учора зъ вечора.

— Та винъ же не пытався у мене! И прывратныкъ каже, що никого не выпускавъ зъ манастыря...

«Ага, голубчыкы,—подумавъ о. Сергій,—уже й тамъ булы!»

— Ничого не знаю.

— Акы тать въ нощи,—хытнувъ головою Пафнутій.

— Дывно мени!.. Заперлы ворота—бувъ чоловикъ дома, а вранци немае. А що скаже владыка? Що подумае про наши порядкы?..

Очи Пафнутія занялысь якоюсь потайною думкою.

— Мырськи люде, до мыру й тикають, бо тамъ гусли и органы и плясанія... Хе-хе!..—сухо и коротко осмихнувся винъ.

О. Сергій зъ мукою дожыдався, щобъ воны скорище покынулы его хату, щобъ ему не бачыты ихъ и щобъ зновъ можна було лягты й не держаты на плечахъ важку, мовъ налыту олывомъ, голову.

Нарешти незвани гости такы пишлы зъ хаты робыты допытъ,—хто выпустывъ зъ манастыря о. Аркадія, а колы нихто не выпускавъ, то якъ винъ змигъ самъ выбратысь за его стины.

О. Сергій зновъ упавъ на лижко. Ему хотилось, щобъ скорійше прыйшовъ Помпей, але винъ боявся, що теперъ Помпей, бачывшы або прочувшы, що игуменъ зъ Пафрнутіемъ пишлы по манастырю, поостережется заразъ прыйты до его.

Але винъ зновъ помылывся. Скоро щось рыпнуло дверыма, и до хаты увійшовъ Помпей. У хати мовъ свитлище стало.

— А я васъ ждавъ.

— Що зъ вамы, занедужалы?

— Та есть трохы... Умирать, мабуть, пора!

— Ну, що вы кажете!—засміявся Помпей, и колы о. Сергій поглянувъ на його, то йому справди здалось, що винъ говорыть дурныцю, и туга трохы видлягла у його видъ серця.

Помпей ходывъ по хати такый свижый и здоровый и такъ легко носывъ на соби чымалу вагу рокивъ и жыру, що, дывлячысь на його, якось легше стало на серци о. Сергія: старый чоловикъ, а бачъ якый здоровый та моторный!

— Олексій сказавъ, що васъ пропасныця бье, то ось вамъ хына.

— Спасыби!—сказавъ о. Сергій, встаючы зъ лижка.—Хына хына, а може у васъ йе що й до хыны?

Помпей зупынывся проты о. Сергія и засміявся.

— А хиба хочется?

И по його облыччю було выдно, що у його есть те, чого прохавъ о. Сергій.

— Дайте!

— Ни, спершу хыны выпыйте, а то тоди вже... Бо ще можуть наши зъ обходу зайты сюды. Шукають, де перелизъ черезъ стину о. Аркадій. Що зъ того, де само перелизъ? Скризь можно перелизты! Мы, було, въ бурси зъ третього поверху спускаемось безъ драбыны по карнызахъ та рынвахъ.

О. Сергій выпывъ хыны, а потимъ и того, що прынисъ Помпей, и свитъ немовъ прояснывся йому

Съ того часу, якъ винъ почавъ ужываты горилку,—а се почалось скоро по прыйизди на парахвію,—винъ пывъ іи чымало, и чымъ дали, тымъ бильше. Вона йому давала забуття, давала сонъ, хочъ не давала спокою. И винъ давно уже знавъ, що таке за штука похмилля, и держався думкы дидивъ и прадидивъ, що клынъ треба выбываты клыномъ, а то чоловикови лыхо,—хочъ у петлю лизь!

Винъ разомъ выпывъ «сотку», що ёму прынисъ Помпей, и облыччя ёго блиде, ажъ сыне, засяло усмишкою:

— Отче, друже,—прышлить або прынесить бильше! Рады спасенія, рады родытеливъ вашихъ!

— Добе, добре... трохы погодя.

Воны не крылысь одынъ одъ одного и знады обыдва свои грихы, и що воны не одни въ манастыри гришни въ тимъ. У Помпея, якъ у економа, завжды бувъ запасъ всякихъ напыткивъ, и винъ дилывся имы зъ братіею. И, знаючы ёго, треба було дывуватысь, чого пишовъ у ченци цей чоловикъ.

Бувъ винъ дякомъ, мавъ симью, бувъ зъ ёго велыкый дока въ рыбальстви и мало винъ тямывъ у сильскому господарстви, за те умивъ чудово дзвоныты у дзвоны, розсказувать усяки байкы й небылыци, кохався у бджильныцтви и любывъ добре выпыты въ пидхожій кумпаніи. Повыдававъ винъ замижъ дочокъ, оженывъ сына и слидъ за тымъ поховавъ жинку. Тоди у ёму мовъ що перевернулось: почавъ цуратысь людей, ставъ журытысь, и все це скинчылось тымъ, що одного разу, у вечери, выйихавъ винъ верхы зъ свого двору, никому не сказавшы ни слова, и пропавъ безъ висты. Не скоро вже дійшла до симьи звистка, що бачылы ёго люде, якъ винъ продававъ коня на базари у повитовому мисти, а рокивъ черезъ тры довидалысь, що винъ жывый и вже давно пробувае въ ченцяхъ.

А въ ченцяхъ винъ зновъ ожывъ, и хочъ попередня веселисть цилкомъ уже не вернулась назадъ, але винъ бувъ такый ласкавый, прывитный до всихъ, що вси ёго въ манастыри любылы.

Любылы ёго и вси епытымисты, якыхъ чымало перебувало въ манастыри и якыхъ манастырське начальство почытало за кару Божу для себе й манастыря и ненавыдило всимъ серцемъ. Бо все то бувъ народъ самовольный и неуривноваженый, звысока дывывся на ченцивъ за ихъ неосвиченнисть и ображавъ ихъ гордисть тымъ, що хочъ и бувъ доручений пидъ манастырськый доглядъ, але не прызнававъ ніякого авторитету за манастырськымъ начальствомъ.

Але Помпея епытымысты любылы, и винъ умивъ зъ нымы поводыться. Игуменъ се помитывъ и мовчкы нибы доручывъ ихъ ёму: нехай винъ панькается зъ нымы, якъ знае!

Тильки Панфутій не любывъ Помпея и скризь назыравъ за нымъ и за епытымыстамы и, де тильки мигъ, точывъ ихъ, мовъ шашиль сухари. И якъ ёго ненавыдилы вси въ манастыри! Але нихто не смивъ и не мигъ зачепыты ёго.

— Якъ выпьешъ, то иначе легше видкашлюватысь,—казавъ о. Сергій, трохы оправывшысь писля прыступу кашлю, гирко усмихаючысь, якъ завжде своимъ зламанымъ зивъялымъ усомъ.—Ваши то, ваши—пишлы шукаты, звидкиль вылетивъ птахъ! Шукайте, усе одно не поможется!.. А гарно, плюнуты бъ на все оце и податысь, куды очи дывлятся. У-ухъ, пагано тутъ! А ще краще було бъ скорише здохнуты!—додавъ винъ.

И мовъ хмара набигла на о. Сергія. Винъ одразу потемнивъ и пропасныця зновъ ударыла ёго.

— Отче, прынесить алкоголю!

— Добре, добре. А теперъ лягайте, та укрывайтесь, а то вамъ холодно. Лягайте, я укрыю!

— Укрыйте, справди холодно.

Помпей укрывъ о. Сергія и выйшовъ зъ келіи. Хмара, що набигла на о. Сергія, зробылась чорнійшою, важчою. Холодъ обхопывъ ёго тило й душу. А на двори зновъ збиралося на дощъ.

Игуменъ и Пафнутій обійшлы увесь манастыръ, додывляючысь и выпытуючы, де мигъ выбратысь зъ манастыря о. Аркадій, але ничого не дизналысь. Игуменъ сердывся, а Пафнутій бувъ радый, але ни той ни другый не выявлялы того, що було у ихъ на души.

Воны верталысь зъ обходу.

— Я думаю, що владыка спросыть ёго, де жъ отпускъ зъ манастыря? И винъ мусыть сказаты, що винъ утикъ безъ отпуску. Тутъ моеи выны немае ніякои. Жывосыломъ чоловика не вдержышъ!

— А якъ винъ скаже, що манастыръ стоить безъ догляду и хто хоче, той вночи входе й выходе зъ ёго?..

— Такъ се жъ неправда! Хто жъ се може сказаты? Се треба зовсимъ загубыты совисть.

-- Блюдите, како опасно ходыте: днiе лукави суть, а люде ще лукавищи.

— А я напышу рапортъ ёго преосвященству, що такъ и такъ: священныкъ-епытымыстъ, Аркадiй Завадовськый, вночи утикъ зъ манастыря, невидомо куды, и ще доси не вернувся. Нехай знае, а я покрываты никого не хочу. Треба й за другымъ стежыты...

— Ни, сей не втиче!—якось загадково усмихаючысь, сказавъ Пафнутiй.

— Хто ёго знае!

И вони розiйшлысь. Игуменъ пишовъ до себе, а Пафнутiй, не дывлячысь на дощъ, пишовъ по двору. Зробывшы, мовъ заиць, кильки петель, винъ завернувъ въ келiю о. Сергiя.

«О, зновъ ужака повзе!»—подумавъ той, побачывшы ёго.

— А я до васъ. Дощъ иде, а у васъ тепленько... Хе-хе!

О. Сергiй ничого не сказавъ, тильки поворухнувся, лежачы, и кашлянувъ.

— Такъ, хе-хе, немае о. Аркадiя?—говорывъ Пафнутiй, трохы помовчавшы и мовъ дожыдаючы, що о. Сергiй щось скаже.

О. Сергiй мовчавъ.

— Чого жъ тутъ у манастыри сыдиты?.. У насъ тыхо, сумно: що-дня до церквы ходыть треба. Уставъ нашъ суворый!.. А въ мыру весело, шыроко тамъ и вильно, що хочешъ робы, куды хочешъ иды. Де жъ тутъ усыдить... у манастыри!

Пафнутiй помовчавъ, мовчавъ и о. Сергiй.

— У манастыри народъ темный, неосвиченый... Сами мужыкы. Зъ нымы нй про що розмовляты, окримъ слова Божого, а це у насъ не въ моди,—ще по семынарiяхъ набрыдло. Хе-хе.

О. Сергiй лежавъ и думавъ: «чого винъ прыйшовъ сюды,—пылять мене, чы що? Хочъ бы скорише убырався геть!»—и поклавъ мовчаты до краю.

А Пафнутій сыдивъ и не думавъ выходыты. Очи ёго ятрылысь якымысь недобрымы, потайнымы огныкамы—«гадючымы», якъ здавалось о. Сергію, а голова докирлыво хыталась и трусылась, и си іи рухы додавалы словамъ Пафнутія якоись надзвычайнои уйидлывости и докирлывости.

— Тамъ кони й колесныци... тамъ, хе-хе, попадди молоди, а тутъ що?.. Га?.. А не чыны беззаконій, а не заводь гульбыщъ зъ дивкамы та парубкамы, не вчы ихъ, колы ты пипъ, писень бисовськыхъ! А прыйихавъ благочынный, щобъ образумыты тебе, на добрый шляхъ наставыты, побачывъ усе твое сборыще, почувъ, якъ ты самъ тыхъ писень спиваешъ, та до дивчатъ моргаешъ, та шырокымы рукавамы надъ ихъ головамы махаешъ, сказавъ тоби слово, а ты ёму два, а ты ёго за рукы та зъ хаты, а ты рясу зъ ёго рваты? Онъ якъ!.. Ну, и йды въ манастырь... на смырепіе. На смыреніе духу непокирного!.. А?.. Не подобается?.. Хе-хе!

«Господы, за що винъ мене муче? Ще трохы, и я ёго выжену зъ хаты, якъ о. Аркадій благочынного зъ сторожкы!»

И справди, въ серци о. Сергія збиралась злисть и вже не лежала смырно, а мовъ ій хотилось. вырватысь на поверхъ.

«Выжену гаспыда!»—думавъ о. Сергій. Але винъ никого въ жытти ще не выганявъ отакъ, винъ боявся людей, а найбильше людей старыхъ, у соби упевненыхъ. Винъ и доси почувавъ себе якось мовъ не за повноправну людыну, а мовъ за хлопця и боявся старшыхъ за себе.

Але Пафнутій сыдивъ и все торочывъ свое, провадывъ дали.

— Святи рызы палышъ, церкву хочешъ спалыты, подвирря церковне дымомъ пустыты, — у манастырь на смыреніе, на послушаніе, на чорный хлибъ! — мовъ шыломъ шпыгавъ Пафнутій, переходячы видъ о. Аркадія до о. Сергія, а той уже ледви лежавъ на лижку.

— А тамъ жинка молода... хе-хе!.. а тамъ...

— Геть, гаде, звидциль!.. — несподивано схопывся зъ лижка самъ не свій о. Сергій. — Геть звидсы! — крычавъ винъ не своимъ голосомъ, наступаючы на Пафнутія.

— Хто, ты?.. мене?!.. — блиднiючы спытавъ Пафнутiй.

— Я!.. Тебе!.. Геть, кажу, звидциль!

— А, не любышъ?.. не подобается?.. — шыпивъ той, встаючы зъ стильця и вьючысь усимъ тиломъ. — За красуню свою боишся? Га?.. Женешъ, хе-хе!..

— Геть звидсы, а то я не знаю, що зроблю зъ тобою!

Блидый, якъ смерть, зъ роскудовченымъ волоссямъ и червоными очима, о Сергiй бувъ страшный. Рукы ёго тремтилы и готови булы вчепытысь у Пафнутiя и вышпурнуты ёго зъ хаты.

— Пиду, хе-хе! Пиду, голубчыку! Не гнив..... — хытаючы головою, мовъ озыраючысь, чы нихто не баче, якъ ёго женуть, кыдавъ слова Пафнутiй.

И винъ зныкъ за дверыма.

— О прокляти, о мучытели! Вымоталы вы мени душу!.. — рвучы на соби волосся и тремтючы видъ гниву, крычавъ о. Сергiй, ходячы по хати. — О, будьте вы прокляти!..

VI.

Въ обидню пору дощъ розгулявся и, то затыхаючы, то зновъ прыпускаючы, йшовъ до вечера. По манастырському подвиррю стоялы калюжи. Надъ нымы, поспускавшы обважени виты, журлыво похытувалысь мокри дерева и дощъ збывавъ зъ ихъ останне лыстя. Важки, мокри вороны сыдилы й по деревахъ и на хрестахъ церквы и сумно каркалы, а проворни, чорни, якъ вугиль, галкы, зъ сывымы ошыйныкамы, моторно нышпорылы понызу.

Почало смеркаты дуже рано. На дзвиныци теренькнувъ дзвинъ, склыкаючы ченцивъ до церквы, и ти, товсти й поважни, зъ клобукамы на головахъ, велычно пидбираючы полы рясъ и мантiй, ишлы до церквы.

Чепурни галкы цикаво дывылысь на ихъ, згынаючы на бикъ голивкы и клыпаючы своимы чорнымы оченятамы, а вороны непрывитно каркалы имъ у слидъ:

— Кравъ!.. Кравъ!..

Прудко пробигалы послушныки у пидрясныкахъ, стягнутыхъ ременнымы поясамы. Имъ хотилось скорише проскочыты до церквы, щобъ не помочыты свого пышного кучерявого волосся.

И въ сёму манастыри, якъ и въ багатёхъ другыхъ, вси послушныкы запускалы соби довге волосся и що-дня на ничъ заплиталы дрибнымы кискамы, щобъ воно, якъ росплесты ёго, було кучеряве. Копыця такого волосся на плечахъ була такъ само потрибна послушныкови, якъ коса дивчыни.

Пройшовъ до церквы Пафнутій, пройшовъ и игуменъ.

Почалась видправа повечерія.

О. Сергій зновъ не пишовъ до церквы. Винъ сыдивъ у своій келіи, темный и суворый, мовъ серце ёго було налыте вщерть тугою и роспукою. Кильки разивъ, писля того, якъ винъ выгнавъ Пафнутія, винъ лягавъ спаты, але не мигъ зимкнуты очей. Мозокъ не мигъ заспокоитысь, и въ ёму безладно спувались думкы одна надъ другу чорниши й невидраднійши.

А ни искры свиту винъ не бачывъ у своій будущыни.

Безжалисна хвороба, безладдя въ симьи, манастырська покута... А тамъ зновъ покута за Пафнутія, бо винъ буде скаржытысь и архырей дасть виры ёго скарзи. А тамъ... що таке тамъ?.. Смерть, невблагана й немынуча смерть.

А писля смерты?..

И тутъ думкы о. Сергія спынялысь, якъ морськи хвыли биля скель, и змишувалысь, и винъ не мигъ даты ладу. Бо у останни часы, найбильше въ манастыри, безвирря заповзло въ ёго душу и, якъ морозъ квиткы, побыло й повьялыло увесь мистычный садъ ёго души, вси наросты виры, що такъ пышно въ нимъ розросталысь у стинахъ школы. Теперъ вира була безсыла податы ёму рятунокъ, навить даты пораду. И се бильшъ усёго мучыло о. Сергія и лякало, и жаль стыскавъ ёго серце, жаль за тіею вирою, що винъ мавъ іи и теперъ не мае, и вже николы, николы вона не загоить пекучыхъ ранъ ёго души и не закрые рожевымъ серпанкомъ чорнои страшнои безодни—смерты.

Колы такъ, то скорише бъ умерты!

Колы такъ, то нащо терпиты си мукы, се поныження!

Колы такъ, то бунтъ проты всёго!..

Бунтъ... Але во имья чого бунтъ, якымы сыламы ёго зняты?..

И тутъ винъ зновъ почувавъ пидъ собою страшну безодню и падавъ у неи.

Бунтъ—во имья людыны и іи повагы.

Се во имья Пафнутія, во имья жинкы и тещи, во имья пысаря и всихъ тыхъ, имъ же есть имья тьма темъ?..

Ни!

Бунтъ—во имья тыхъ славныхъ и велыкыхъ, яки велы й ведуть людей до кращои доли.

Але хиба та краща доля не омана, хиба то не золотый туманъ, за якымъ роззявляе пащу та жъ сама безодня—смерть, смерть кожнои окремои людыны, смерть народивъ и націй, смерть усёго людського роду?

Во имья жъ чого бунтуваты?..

Де воно, те имья?..

— О, Боже! — стогнавъ о. Сергій, — дай мени виру, або знищъ мене, зовсимъ, безъ слиду!

И винъ ждавъ сёго чуда, але ёго не було, и винъ почувавъ себе никчемнымъ и безсылымъ, усимъ свитомъ забутымъ, и никому було пожалиты ёго

— Молытвамы святыхъ отець нашыхъ... — чуе винъ за дверыма голосъ послушныка Олексія и, мовъ прокыдаючысь за важкого сну, говорыть:

— Увиходь!

Увійшовъ Олексій и поздоровкався.

— Ось вамъ, що загадувалы, — сказавъ винъ, передаючы о. Сергію пляшку зъ клеймомъ монополіи. — А тутъ вамъ есть видкрытка. Колы хочете, то прочытайте заразъ, а я потимъ покажу о. игуменови и прынесу іи до васъ.

Олексій тильки що вернувся зъ почты и не встыгъ показаты лыстивъ игуменови.

— Давай.

О. Сергій взявъ видкрытку. Вона була видъ о. Аркадія. Пидійшовшы до викна, о. Сергій прочытавъ:

«Пышу вамъ, любымый мій соузныку, зъ станціи Вовтузивкы. Йиду до-дому. Безъ дозволу. Нехай робыть, що хоче. Позбирайте въ манастыри мои манаткы, звьяжить у вузлыкъ. Колы йихатымете до-дому, або пры якій нагоди, перешлить ихъ мени. Бо я до манастыря не вернусь. Годи!.. А не буде случаю, то спалить ихъ, щобъ и духу мого не було у тій берлози чернечій! Вашъ А. Завадовськый».

О. Сергій прочытавъ видкрытку и вернувъ іи Олексіеви. Той пишовъ зъ хаты.

— Онъ якъ роблять сыльни й смилыви! — у голосъ сказавъ самъ соби о. Сергій, безсыло зновъ сидаючы на лижко.

«Винъ не побоявся боротьбы зъ сыльнымъ, боротьбы зъ людською неправдою, и винъ переможе ихъ. А я?.. Я навикы пропаща людына. Vae victis!.. Горе знесыленымъ, ни на що непотрибнымъ! Нема имъ миста на симъ свити!.. Смерть имъ»!..

Vae victis!..

Си слова невидступно стоялы въ голови о. Сергія, и ёму уявлялась картына, яку винъ десь бачывъ, якъ смерть, верхы на вороному кони, простягшы передъ себе руку, йиде вночи по полю боротьбы людськои и все умирае передъ нею и навкругы неи.

— Vae victis!.. Азъ есмь владыка земли и пиднебесnои и я кажу вамъ: vae victis!.. Смерть вамъ!..

О. Сергій вставъ зъ лижка. Стогнучы видъ болю тила й души, винъ почавъ ходыть по келіи.

Зовсимъ стемнило, але винъ не свитывъ свитла. У пітьми краще. Винъ одкупорывъ прынесену Олексіемъ пляшку и, черезъ якый часъ пидходячы до столу, пывъ зъ неи нахыльци.

Винъ ходывъ по келіи, и въ думци ёго стоялы едыни и непорушни слова: vae victis!.. Винъ самъ, никчемный воропанивськый іерей Сергій Вышынськый, и есть той victus, и ёму— смерть! Рано чы пизно, але смерть.

И винъ дывывся у темный кутокъ, де бувъ забытый дебелый гвиздокъ, и чувъ на своему болючому тили ременный поясъ, а ногы ёго, стукаючы пры ходи чобитьмы по пидлози, мовъ вымовлялы:

— Онъ-тамъ! Онъ-тамъ!

«Ни, не буде сёго. Се жахлывисть передъ жыттямъ, се легкодухисть. А я никого не боюся ни тутъ, ни выще»!..—упевнявъ себе о. Сергій и несподивано для себе заспивавъ писню, яку винъ такъ любывъ спиваты колысь въ семынаріи:

Ой не стелысь, хрещатый барвинку,
Тай по крутій гори,
Ой не дывуйтесь, зліи вороженьки,
Тай прыгодонци моій...

У ёго колысь бувъ путящый голосъ—тенорь, и винъ добре спивавъ, але теперь ёму спиваты було важко, и винъ скоро кынувъ писню, зновъ пидійшовъ до столу, прыпавъ вустамы до горла пляшкы и потимъ зъ рештою горилкы шпурнувъ іи до дверей. Вона брязнула й розлетилась на скалкы, а по хати пишовъ горилчаный духъ.

О. Сергія хытало, але винъ усе ходывъ по хати, натыкаючысь то на стилъ, то на стильци, а въ голови йшла своя робота: тамъ ворушывся невсыпущый червякъ и точывъ ёму мозокъ. И хтось невидомый, але блызькый, нашиптувавъ ёму въ уши усе одно слово: «смерть!.. смерть!.. смерть»!..

— Сухоребрыця!.. Ха-ха-ха!..—зареготався о. Сергій, прыгадавшы бурсацькый анекдоть, де ораторь-пипъ узываe смерть сухоребрыцею.

«Смерть!.. смерть!..» ще зъ бильшею упевненностью згучало въ ёго мозку.

— Смерть?.. А хочь бы й смерть!.. А хочь бы й смерть!..—говорывъ о. Сергій, мацаючы гвиздка въ кутку.

— А, ты тутъ!.. Ты дожыдаешся?.. Добре. А чы ты жъ выдержышъ?..

Винъ повысъ на ёму на рукахъ. Гвиздокъ тильки злегка подався.

— Добре... Молодчына!..

Винъ пустывъ рукы и зновъ выразно почувъ на своему тили поясъ, знявъ ёго зъ себе и озырнувся, мовъ боючысь, щобъ нихто не побачывъ, що винъ робыть.

Але у хати було зовсимъ темно и тильки черезъ викно у мряци було выдно манастырськый лыхтырь. Ёго свитъ ледви пробывався кризь тмяну завису.

О. Сергій одвернувся одъ викна въ самый кутокъ...

«Смерть!.. смерть»!..

«Нема на свити ничого страшнишого надъ смерть, — думавъ винъ,—и немае ничого найзвычайнишого: вси люде умирають, милліоны милліонивъ... и будуть умирать».

«Смерть!.. смерть»! .

. . . .

Олексій нисъ лыста о. Сергію и посміювався, що игуменъ вычеркнувъ у ёму слова: «у тій берлози чернечій». Не знае, що о. Сергій уже прочытавъ того лыста!

У синяхъ винъ проказавъ свое звычайне витання, але одповиди не почувъ. «Мабуть, уже заснувъ, сердега, въ самотыни»— подумавъ винъ. Тоди винъ постукавъ у двери, але о. Сергій зновъ не обизвався.

Олексій видчынывъ двери и увійшовъ въ келію.

Горилчаный духъ забывъ ёму дыхання.

«Эге, добре выпыто, тому й не озывается».

Олексій черкнувъ сирнычка.

Свитъ осяявъ кимнату, але въ ій никого не було, тильки по пидлози блыщалы склянкы видъ пляшкы. Сирныкъ догоривъ и погасъ. Олексій черкнувъ другого, озырнувся навкругы и, скрыкнувшы—ай!, кынувся геть зъ хаты.

За його спыною, у кутку, прытулывшысь до стинкы и якось незвычайно пидигнувшы колина й опустывшы рукы, стоявъ о. Сергій.

Очи його булы шыроко розплющени, а ротъ роззявленый. Мовъ винъ побачывъ щось надзвычайно страшне, посунувсь до стины, прысивъ и омертвивъ зъ жаху.

М. Чернявськый.

Литературный Банавентура.

(Замѣтки читателя [1]*).*

(Окончаніе).

III.

Прежде чѣмъ перейти къ образцамъ драматическихъ произведеній, принадлежащихъ настоящимъ, болѣе или менѣе признаннымъ писателямъ, я позволю себѣ остановиться на типичнѣйшемъ Банавентурѣ, благополучно совершившемъ уже свою «банавентурную» карьеру и достигшемъ въ данной области всего, о чемъ только можетъ мечтать подобнаго рода «литературный» дѣятель: положенія, обезпеченности и даже своеобразной, если хотите, извѣстности. Дѣло въ томъ, что дѣятель, о которомъ идетъ рѣчь, подвизаясь на задворкахъ литературы и театра, этой стороной примыкаетъ къ самороднымъ Банавентурамъ; но въ то же время предъявляя громкія претензіи на всенародное признаніе своихъ заслугъ, онъ стремится пристегнуть себя къ настоящей литературѣ и придать своей дѣятельности общественный характеръ. Соприкасаясь такимъ хотя бы чисто внѣшнимъ образомъ съ литературой и примыкая по характеру своей дѣятельности всецѣло

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

къ самородкамъ, неназванный пока дѣятель занимаетъ, такъ сказать, срединную позицію, почему наиболѣе подходящее для него мѣсто именно здѣсь, между Банавентурой самороднымъ и Банавентурой высшаго полета. Этотъ срединный Банавентура—не кто иной, какъ г. Суходольскій, Алексѣй Львовичъ Суходольскій, какъ неизмѣнно полностью значится на обложкахъ изданныхъ въ 1902 г. въ Ростовѣ на Дону его драмъ. Какъ сообщали газеты, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтенный Алексѣй Львовичъ отпраздновалъ уже 25-лѣтіе своей службы украинскому театру и литературѣ. Правда, юбилей этотъ возбудилъ въ свое время среди круговъ, прикосновенныхъ къ украинскому движенію, большое недоумѣніе, порождаемое полною неизвѣстностью на счетъ того, въ какомъ смыслѣ и съ какого именно момента заслуженный, надо полагать, юбиляръ изволитъ приносить честь нашей литературѣ и сценѣ своимъ благосклоннымъ участіемъ. Недоумѣніе еще больше поддерживалось тѣмъ соображеніемъ, что вообще исторія нашего постояннаго театра начинается лишь съ 1881 года и, значитъ, только въ будущемъ году исполнится 25-лѣтіе его существованія; съ другой стороны, и среди первыхъ дѣятелей не дожившаго до 25-лѣтняго возраста театра мы опять таки не встрѣчаемъ имени Алексѣя Львовича, уже, какъ оказывается, этотъ возрастъ пережившаго. Предположеніе, что сынъ, какъ бы ни былъ онъ геніаленъ и достоенъ юбилеевъ, старше возрастомъ своего отца — слишкомъ нелѣпо, и потому остается допустить одно изъ двухъ: или Алексѣй Львовичъ началъ свою блестящую дѣятельность во времена, такъ сказать, доисторическія и при томъ на амплуа для публики незамѣтномъ, или же... или же послужилъ прототипомъ упомянутаго г-на Кулиды и, «будучи знаменытымъ въ оные времена и до ціеи поры пысателемъ», какъ выражается одинъ изъ его персонажей, самостоятельно «сочинилъ» себѣ юбилей. И одно, и другое предположеніе едва ли способно было устранить вопросительный знакъ и разсѣять недоумѣнія, связанныя съ именемъ неизвѣстнаго въ литературѣ и въ исторіи театра Алексѣя Львовича, но какъ бы то ни было, юбилей былъ отпразднованъ,—кажется, въ Одессѣ; на немъ, по всей вѣроятности,

говорились рѣчи, читались адреса и привѣтствія и, конечно, въ этихъ рѣчахъ, адресахъ и привѣтствіяхъ восхвалялись невѣдомые намъ труды и заслуги юбиляра. Воспоминаніе объ этомъ случаѣ съ бюилеемъ между прочимъ, и заставило меня познакомиться съ литературной физіономіей г. Суходольскаго, а познакомившись, я отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія —говорить исключительно о новинкахъ драматической литературы и рѣшилъ сдѣлать исключеніе для одного изъ трудовъ юбиляра, извиняясь передъ послѣднимъ лишь за то, что нѣсколько запоздалъ съ оцѣнкой его дѣятельности. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда,—и я льщу себя надеждой, что предлагаемыя замѣчанія пригодятся, хотя бы въ видѣ справки, для одного изъ будущихъ юбилеевъ, которые Алексѣй Львовичъ несомнѣнно не замедлитъ столь же неожиданно отпраздновать. Пусть же внезапность не застанетъ въ будущемъ насъ не приготовленными...

Литературныхъ трудовъ юбиляра мнѣ извѣстно два: «Помста або Загублена доля», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, и «Хмара», имѣющая однимъ дѣйствіемъ больше. Кромѣ того, на сценѣ ставится еще что-то въ родѣ «Чортового Кубла», но къ сожалѣнію съ названнымъ «кубломъ» мнѣ не пришлось познакомиться и потому—чтó тамъ, въ этомъ «кублѣ», гнѣздится, я не знаю, хотя a-priori готовъ допустить, что это что-нибудь въ высокой степени особенное.

Занавѣсъ поднимается. Предъ нами знаменитая въ своемъ родѣ «Помста або Заґублена доля», драма «зъ писнямы, хорамы (?) и танцямы». Пройдя мимо перечня «лыцедиивъ» и, должно быть, многозначительной, но для меня оставшейся непонятною ремарки: «вси указы видъ лыцедія»—начинаю вчитываться въ содержаніе драмы и, къ удивленію своему дѣлаю неожиданное открытіе: произведеніе отпраздновавшаго юбилей г. Суходольскаго весьма напоминаетъ въ одномъ отношеніи «комедію малороссійську» подлиннаго Банавентуры,—ту самую, которая, какъ помнитъ читатель, начиналась словами: «Еней бувъ парубокъ моторный». Я говорю не о сюжетѣ, а о нѣкоторыхъ пріемахъ, позволяющихъ соединять несомнѣнныя на посторонній взглядъ позаимствованія съ хвастов-

ствомъ, что это, молъ, «мои стыхы». Вѣроятно, въ упоеніи процессомъ творчества при составленіи своей драмы г. Суходольскій,—о. конечно, не намѣренно—слишкомъ близко положилъ возлѣ себя экземпляръ «Безталанной» (г. Тобилевича) и незамѣтно для него эта близость сказалась нѣкоторыми невольными чертами и на сюжетѣ его произведенія. Но опять таки «будучи знаменытымъ въ оные времена и до ціеи поры пысателемъ», г. Суходольскій обработалъ сходный сюжетъ совершенно самостоятельно и независимо отъ образца, а потому съ понятной гордостью могъ бы повторить вслѣдъ за Банавентурой: «теперь вси пышуть: крадуть у другыхъ и выдають за свое, а якъ я напышу, то буде сама правда» («Сто тысячъ»). О правдѣ г. Суходольскій при обработкѣ сюжета особенно заботился, и потому его драма полна чрезвычайно жизненныхъ подробностей. У него дѣйствующія лица изъ пейзанъ прогуливаются на лодкѣ при лунѣ и вообще чувствують большую склонность къ занятіямъ «навукою гостромынською», съ увлеченіемъ наблюдая за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ; танцують они много и съ ожесточеніемъ, распивають «горилку» до бѣлой горячки, припадки которой тутъ же на сценѣ авторомъ и демонстрируются; наконецъ, они шагу безъ соотвѣтственнаго и приличнаго случаю пѣснопѣнія не могуть сдѣлать. Да и пѣсни какія — начиная отъ собственныхъ г. Суходольскаго «стихей»:

На те въ мене въ горли дирка,
Щобъ лылась туды горилка,—

и оканчивая «Заповитомъ» Шевченка, воспроизводимымъ, впрочемъ, въ исправленномъ видѣ (удерживаю поучительную орѳографію г. Суходольскаго):

Щобъ ланы *широке поле*
И днипро и кручи
Було *бъ* выдно, було *бъ* чуты,
Якъ реве реву*че*! (стр. 30).

Несомнѣнная оригинальность г. Суходольскаго сказывается и въ другихъ мелкихъ, но крайне интересныхъ деталяхъ, которыя онъ

первый и пока единственный использовалъ, изобразивъ, напр. «хвостыкъ зъ сорочкы» у маленького еврея или же заставивъ одну изъ кумушекъ разсказывать: «я жъ, голубонькы мои, якъ прысила—та на кропыву... А тутъ кропыва якъ вогнемъ пече! Дывиться, яки пухыри поздиймалыся». Читатель съ ужасомъ ожидаетъ, чтó она еще вздумаетъ показывать, но, къ счастью, на этотъ разъ дѣло ограничивается лишь руками... Жизненная правда у г. Суходольскаго торжествуетъ не только, впрочемъ, въ деталяхъ, но и въ общей разработкѣ сюжета. Степанъ Карабутъ, любившій Оксану, неизвѣстно почему и неизвѣстно гдѣ—выкралъ Галю и моментально, во время ярмарки, сочетался съ ней законнымъ бракомъ; Оксана же на зло Степану вышла замужъ за перваго попавшагося икса. Этого послѣдняго скоро взяли въ солдаты, и Оксана опять свободна и опять Степанъ чувствуетъ къ ней адскую страсть. Галя, конечно, плачетъ а чѣмъ больше она заливается слезами, тѣмъ сильнѣе тянетъ Степана къ Оксанѣ, а одновременно и къ водкѣ. Такъ дѣло продолжается цѣлыхъ три акта, а въ четвертомъ Галя, окончательно убѣдившись въ измѣнѣ мужа, рѣшаетъ, что дѣлать ей здѣсь больше нечего, и уходитъ за кулисы. На несчастье, ее опять возвращаютъ на сцену, говорю—на несчастье—потому, что Оксана, воспользовавшись ея отсутствіемъ, подговариваетъ Степана убить жену, даже снабжаетъ его. ножемъ для этой цѣли, оставляя для себя лишь пассивную роль посторонняго наблюдателя. Степанъ, надъ которымъ авторъ только что замѣчательно тонко демонстрировалъ delirium tremens, стаскиваетъ съ постели больную жену, гоняется за ней нѣкоторое время по сценѣ съ ножемъ и, догнавъ наконецъ, хватаетъ за волосы, опять тянетъ ее въ такомъ видѣ чрезъ всю сцену и затѣмъ убиваетъ, при чемъ трогательная подробность: «Галя хотила його поцилувать, але померла». Вбѣгаетъ, конечно, безмолствующій «народъ» и не успѣлъ онъ и глазомъ мигнуть, какъ съ героемъ кровавой расправы начинается столь же неожиданный и быстрый припадокъ раскаянія: «Степанъ хутко схопывъ нижъ и порснувъ (!) себе у груды». И опять трогательная подробность: подползши къ трупу жены, онъ «хотивъ поцилуваты Галю въ

лыце, але зтикшы кровью (во мгновеніе ока!) прыпавъ головою до грудей и вмеръ». Благодаря покушеніямъ на поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ, символическое примиреніе состоялось, добродѣтель соединилась въ одномъ общемъ порывѣ нравственнаго торжества съ раскаяннымъ порокомъ, а нераскаянный, въ лицѣ Оксаны, «злодывыться» на происходящее, предчувствуя грозное наказаніе въ будущемъ. Народъ продолжаетъ безмолствовать, въ публикѣ смятеніе, обмороки, истерики. Банавентура съ юбилеемъ превзошелъ Банавентуръ безъ юбилея и даже самъ себя. Занавѣсъ тихо опускается...

Занавѣсъ поднимается. Предъ нами драматическое произведеніе, во-первыхъ, несомнѣнно популярное, что доказывается фактомъ выхода его въ свѣтъ уже повторнымъ изданіемъ; во-вторыхъ—несомнѣнно отъ литературы, такъ какъ подписано именемъ извѣстной писательницы, г-жи Яновской. Г-жа Яновская имѣетъ вполнѣ заслуженную репутацію талантливой и серьезной писательницы; разсказы ея встрѣчаются благосклонными отзывами со стороны критики и по справедливости пользуются успѣхомъ въ публикѣ. И тѣмъ не менѣе изъ-подъ того же пера, какое написало «Смерть Макарыхы», вышла и драма: «Повернувся изъ Сибиру» (Кіевъ, 1904), какъ бы для иллюстраціи извѣстнаго изреченія: «изъ одного куска дерева—и крестъ, и лопата»...

Читатель навѣрное знаетъ, что словами «Повернувся изъ Сибиру» начинается весьма популярная пѣсня о всѣмъ извѣстномъ Кармалюкѣ; но онъ можетъ не знать, что драма съ тѣмъ же заглавіемъ г-жи Яновской не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ этой весьма популярной пѣснѣ, ни къ самому Кармалюку. Это произведеніе вполнѣ современное—къ сожалѣнію, въ указанномъ смыслѣ—и по содержанію, и по пріемамъ. Степанъ любитъ Марыну, Марына любитъ Степана; но кромѣ того Марыну же любитъ и Дмытро, исчадіе ада въ образѣ человѣка. Не встрѣтивъ со стороны Марыны взаимности, Дмытро прикидается другомъ Степана и устраиваетъ дѣло такъ, что Степанъ совершаетъ нечаянное убійство въ дракѣ и, конечно, попадаетъ въ

Сибирь. Но разсчетъ Дмытра, что Марына забудетъ о возлюбленномъ и сдѣлается его, Дмытра, женой, не оправдался: Марына—сама вѣрность и попрежнему упорно продолжаетъ любить Степана. Проходитъ два года. Степанъ убѣгаетъ изъ Сибири и тайкомъ возвращается на родину, чтобы хоть разъ взглянуть на Марыну, которая, кстати, имѣетъ уже и сына. Благодаря несчастной случайности, тайна побѣга дѣлается извѣстной Дмытру и онъ, пользуясь этимъ, пристаетъ къ Марынѣ съ извѣстными требованіями, грозя въ противномъ случаѣ выдать Степана. Марына для вида соглашается, но на первомъ же свиданіи толкаетъ злодѣя въ колодецъ и живымъ засыпаетъ землею. Между тѣмъ Дмытро—о, глубина коварства!—успѣлъ уже извѣстить, кого слѣдуетъ, о побѣгѣ Степана; послѣдняго арестуютъ, однако онъ предпочитаетъ смерть новой неволѣ и закалывается на глазахъ у Марыны. Въ отчаяніи она также дѣлаетъ попытку лишить себя жизни, но когда ей въ этомъ помѣшали, объявляетъ о своемъ поступкѣ съ Дмытромъ и рыдаетъ надъ трупомъ Степана. Занавѣсъ опускается.

Не правда ли—ужасная драма?... Но я не знаю, чѣмъ отличается по содержанію это произведеніе признаннаго, настоящаго литератора отъ полумладенческаго лепета какого-нибудь Хомы Бойця съ его назойливымъ—«ой думалося»? Не слышится ли тотъ же первобытный мотивъ и здѣсь, не представляетъ ли собою драма г-жи Яновской варьяціи на все ту же до тошноты надоѣвшую тему? Предоставляя отвѣтить на эти вопросы самому читателю, я обращусь просто къ пріемамъ г-жи Яновской. Къ сожалѣнію, и съ этой стороны замѣчается трогательная гармонія съ шаблоннымъ содержаніемъ. Крайне неестественный, приподнятый тонъ всей пьесы, отсутствіе въ ней какой-бы то ни было внутренней борьбы, замѣняемой грубыми внѣшними эффектами, слишкомъ прямолинейная зависимость всѣхъ событій отъ демоничности натуры Дмытра—фигуры совершенно безжизненной—таковы особенности разбираемой драмы съ внѣшней стороны. И здѣсь фигурируютъ тотъ же сугубо свирѣпый порокъ и конфектно-прекрасная добродѣтель, съ которыми мы имѣли дѣло раньше. Я не говорю уже о шаблонности всего построенія пьесы, а также діало-

говъ и положеній,—шаблонности, которой данная драма смѣло можетъ соперничать съ худшими произведеніями лубочнаго характера; не хочу также останавливаться на наивныхъ курьезахъ, въ родѣ того, напр., что Марына, подобно слезоточивой кисейной барышнѣ, распѣваетъ въ соотвѣтственные моменты романсы, хотя бы и принадлежащіе Шевченку. Все это намъ уже знакомо изъ произведеній предыдущихъ авторовъ, хотя бы того же г. Суходольскаго, но вѣдь то—Банавентура, а это... стыдно сказать, но это также Банавентура, ничѣмъ не возвышающійся надъ среднимъ уровнемъ писателя-самородка... Какъ такое грубо намалеванное, вполнѣ лубочное произведеніе съ чисто зоологическими персонажами могло выйти изъ-подъ пера вдумчивой, интеллигентной писательницы—это, признаюсь, представляется для меня неразрѣшимой загадкой. Очевидно, вліяніе Банавентуры проникаетъ даже въ такую среду, гдѣ по настоящему ему бы вовсе не мѣсто, и вызываетъ на соотвѣтственные поступки людей, способныхъ на дѣятельность иного рода...

Занавѣсъ поднимается. Отъ современной драмы сдѣлаемъ еще небольшую экскурсію въ область исторической, благо текущая литература представляетъ для этого поводъ. Историческая драма, помимо обычныхъ требованій художественной и психологической правды, которыя мы предъявляемъ къ драмѣ вообще, должна еще удовлетворять спеціальнымъ требованіямъ исторической правды и исторической перспективы. Всякое историческое произведеніе должно изображать людей такими, какими они могли быть только въ данную эпоху, сообразоваться съ ея, эпохи, духомъ и избѣгать подстановки подъ историческую подкладку личныхъ воззрѣній автора. Между тѣмъ большинство авторовъ такихъ прозведеній грѣшитъ именно тѣмъ, что подъ соусомъ исторіи подаетъ свои собственныя—правильныя или ошибочныя, это другой вопросъ—воззрѣнія, выражаетъ исключительно личныя свои симпатіи и антипатіи, окрашивая въ совершенно невозможный, въ виду исторической перспективы, цвѣтъ тѣ или иныя событія, тѣхъ или иныхъ историческихъ дѣятелей. Будучи главнымъ образомъ заняты извѣстными историческими сюжетами въ ихъ обнажен-

номъ, скелетообразномъ, такъ сказать, видѣ, не уяснивъ для самихъ себя духа и особенностей изображаемой эпохи, такіе авторы безсильны, конечно, и въ читателѣ вызвать соотвѣтственное настроеніе; пренебрегая правдой исторической, они становятся въ конфликтъ и съ правдой психологической, правдой художественной. Кромѣ именъ и нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ событій, ничего историческаго въ такихъ произведеніяхъ нѣтъ и, замѣнивъ эти имена и событія другими, вы не въ состояніи будете опредѣлить, къ какой исторической эпохѣ относится данное произведеніе, лишенное типическихъ особенностей времени. Предъ вами, напр., драматическій эпизодъ г. Коваленка «Зрада» («Л.-Н. Вістник», 1904, кн. VI),—выбросьте изъ него упоминаніе о Мазепѣ, пріурочивающее время дѣйствія къ опредѣленной эпохѣ чисто внѣшнимъ образомъ, и вся исторія, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, исчезаетъ. Изображаемое событіе послѣ этого можно отнести къ какой угодно эпохѣ и въ каждую оно будетъ одинаково невозможно въ такомъ именно видѣ, въ какомъ угодно было автору его представить. Пренебреженіе къ исторической правдѣ повлекло за собою забвеніе правды психологической; неумѣніе справиться съ исторической перспективой и предъявить болѣе или менѣе опредѣленныя типическія черты именно намѣченной эпохи отняло у автора изъ-подъ ногъ твердую почву и свело къ нулю художественное значеніе его произведенія. Предъ г. Коваленкомъ стояла вполнѣ опредѣленная задача—дать образъ раздвоенія національнаго организма, отдѣльныхъ представителей котораго, даже вполнѣ солидарныхъ и согласно мыслящихъ, тѣ или иныя обстоятельства, тѣ или иныя соображенія общественнаго и личнаго характера рвутъ въ разныя стороны и приводятъ въ прямо противоположные, другъ другу враждебные лагери. На этомъ общемъ фонѣ соціальныхъ отношеній выдѣляется исторія личныхъ отношеній между мазепинцемъ Петромъ Колодіемъ и женой его политическаго противника, сотника Ященка, Маріей, которыхъ судьба загнала въ разные лагери, не смотря на ихъ внутреннее единомысліе. Таково общее положеніе; развитіе его у г. Коваленка происходитъ такимъ скачкообразнымъ способомъ, что внутренняя жизнь героевъ остается совершенно не-

затронутой, дѣйствіе протекаетъ гдѣ-то въ потемкахъ, проникнуть въ которые читателю не дано никакой возможности при отсутствіи путеводной нити и у самого автора. На сценѣ, напр., Петро и Марія ведутъ патріотическій разговоръ, весьма не искусстно навязанный имъ авторомъ и потому въ ихъ устахъ крайне фальшивый. Но вотъ въ разговорѣ Петро случайно упоминаетъ слова «наші діти»,—въ томъ смыслѣ, что до осуществленія такихъ то и такихъ то нашихъ надеждъ мы не доживемъ, а вотъ будущимъ поколѣніямъ суждено увидѣть торжество ихъ въ жизни—и Марія сейчасъ же, какъ эхо, откликается по истинѣ неожиданной репликой: «у мене досі не було дітей од мужа і од тебе не судив Бог мати, бо я не твоя жінка, Петре» (стр. 259). Фальшивый патріотическій разговоръ моментально смѣняется столь же фальшивымъ любовнымъ, смыслъ котораго—«я васъ люблю,—къ чему лукавить?—но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна», хотя для подобнаго заявленія и даже для самой этой вѣрности ровно никакихъ резонныхъ основаній у нея не имѣется. Психологически этотъ поступокъ совершенно не выясненъ; переходъ чисто механическій: авторъ просто цѣпляется за слово, чтобы перевести разговоръ на другую тему, считая предыдущую достаточно исчерпанной или просто не умѣя отъ нея иначе отдѣлаться. Эта механичность, случайная зацѣпка, если такъ можно выразиться, за случайныя слова и положенія составляетъ отличительную особенность якобы исторической драмы г. Коваленка, и потому вполнѣ естественно, что безсмысленное предательство Ященка и еще болѣе безсмысленное самоубійство Маріи являются чѣмъ-то по истинѣ непостижимымъ и способны возбудить лишь недоумѣніе у читателя, пытающагося отыскать и удержать нить психологической зависимости и подчиненности. Но неповинная кровь пролита, добродѣтель въ лицѣ Петра нравственно торжествуетъ: «жива душа наша і жива надія! Кати і тирани, гнобителі загинуть, а правда і воля воскресне» (стр. 268); гнусный порокъ, въ лицѣ Ященка, заливается горючими слезами—и занавѣсъ опускается.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ произведеніе г. Хоткевича—«Пристрасти», драма въ 4-хъ д. («Літ.-Наук. Вістник»,

1904, кн. VII и VIII), гдѣ та же эпоха и опять два враждебныхъ лагеря,—на этотъ разъ украинцы и молдаване. Они преисполнены другъ противъ друга свирѣпой ненависти, осыпаютъ противниковъ проклятіями, а если даже придетъ кому-нибудь охота излить свои чувства въ пѣснѣ, то припѣвъ получается непремѣнно въ такомъ кровожадномъ родѣ:

Ой ми піднімемось на вас,
Ой ми поріжемо всіх вас!
Ой ми повстанемо на вас,
Ой ми повішаем всіх вас! (VII, 22).

Но въ эти кровожадные тоны вступаетъ мало-по-малу и знакомый намъ мотивъ: «ой думалося», такъ какъ молодые люди изъ обоихъ лагерей не прочь поискать предмета страсти нѣжной среди вражескаго стана и даже, повидимому, это предпочитаютъ—на томъ, вѣроятно, основаніи, что запрещенный плодъ вообще вкуснѣе и заманчивѣе... Конечно, должны быть какія-нибудь реальныя причины и этой ненависти, и этихъ проклятій, и пѣсенъ въ родѣ приведенной, но причины эти въ драмѣ г-на Хоткевича совершенно не затронуты; по какому случаю происходитъ на сценѣ неописуемый шумъ—остается вполнѣ неизвѣстнымъ. Впрочемъ, если вѣрить автору, одинъ изъ украинцевъ направляетъ по адресу противниковъ слѣдующую цвѣтистую рѣчь: «чого ж ви опинились тепер серед любоі нашоі Украіни, *серед іі тиші заводите свою нерідну нам пісню*, серед іі великого степу будуете своі хати?... Прийшли ви, Бог вас знає відкіля, Бог вас знає навіщо; прийшли, осілись на кровній нашій землі; берете готовим те, за що ми голови своі покладали, за що батьки наші в бій ішли» (стр. 23). Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra—да и только: подумаешь, какихъ Цицероновъ могла рождать наша земля въ XVIII столѣтіи, судя по этому небольшому отрывку, построенному по всѣмъ правиламъ реторики,—а впрочемъ, Богъ съ нимъ, съ краснорѣчіемъ!.. Если исключить приведенный сейчасъ слабый намекъ на причины, въ которомъ фигурируютъ даже «народні святощі» въ видѣ негодованія на «нерідну

нам пісню», то никакой мотивировки происходящему на сценѣ не дается. Безъ объясненія причинъ зрителю преподносятся готовыя, уже сложившіяся отношенія, при чемъ предлагается повѣрить автору на слово, что такъ дѣйствительно было. Но если бы мы даже и повѣрили г. Хоткевичу, намъ все же психологически непонятными останутся мечущіяся по сценѣ фигуры, совершающія рядъ странныхъ, никакой логикой и психологіей необъяснимыхъ поступковъ, завершившихся, наконецъ, кучею столь же необъяснимыхъ убійствъ. Украинецъ Антонъ, «молодий, нервовий, надто вразливий хлопець», по словесной рекомендаціи автора, и полу-идіотъ по поступкамъ, убиваетъ своего отца въ угоду возлюбленной молдаванкѣ—Марысѣ, требующей отъ Антона денегъ. Деньги же эти понадобились матери Марыси для выкупа изъ турецкой неволи неизвѣстно какъ тамъ очутившагося любимца-сына. А между тѣмъ этотъ послѣдній пылаетъ чисто африканской страстью къ сестрѣ Антона; ради нея онъ даже «потурчился» и предъ исходомъ молдаванъ изъ проклинаемой страны на родину совершаетъ набѣгъ съ ордой, чтобы силой захватить отвергшую его красавицу. На сценѣ кипитъ кровавый бой; «з скаженим реготом» пробѣгаетъ татаринъ, держа на пикѣ окровавленную голову; сражающіеся грызутъ другъ друга зубами, «скажено» рубятъ, стрѣляютъ; кровь хлещетъ со всѣхъ сторонъ,—словомъ кровавой изобрѣтательности г. Хоткевича нѣтъ границъ. Оба до сихъ поръ только по части словесности враждовавшіе лагери перемѣшиваются въ дикой свалкѣ, и уже нѣтъ возможности разобраться, кто кого и за что проклинаетъ, колетъ, рубитъ, рѣжетъ, грызетъ зубами. Для полноты изображаемой г. Хоткевичемъ картины не достаетъ лишь барабаннаго боя и грома пушекъ, а «клики, скрежетъ, топотъ, ржанье, стонъ, и смерть и адъ со всѣхъ сторонъ» предъявлены въ количествѣ, несомнѣнно превосходящемъ самыя необузданныя требованія бутафорскаго воображенія... Будучи свидѣтелемъ подобныхъ ужасовъ и столь неумѣреннаго кровопролитія, зритель въ правѣ ожидать, что—какъ это въ одномъ нѣмецкомъ фарсѣ дѣйствительно и происходитъ—вотъ-вотъ на сценѣ

не останется живой души, затѣмъ появится режиссеръ, за волосы вытащитъ изъ будки суфлера, ухлопаетъ его, а потомъ и самъ зарѣжется или инымъ способомъ лишитъ себя жизни; за неимѣніемъ лица, которое опустило бы занавѣсъ, сцена останется открытой и груды мертвыхъ тѣлъ краснорѣчивымъ безмолвіемъ будутъ подчеркивать безпредѣльную кровожадность литературнаго Банавентуры... Но это, разумѣется, только гипотетическая возможность: на самомъ дѣлѣ, какъ гласитъ ремарка, «завіса тихо спадае», а зрители сидятъ въ оцѣпенѣніи, замѣчу отъ себя...

Занавѣсъ поднимается... Но намъ пришлось бы еще много и много разъ поднимать и опускать занавѣсъ, если бы мы вздумали основательно использовать тотъ кровожадный матеріалъ, который представляетъ наша современная драматическая литература, наводненная Банавентурой. При этомъ среди сонма кровопускателей нерѣдко встрѣчались бы даже лица, въ прошломъ оказавшія большія услуги украинскому театру, но впослѣдствіи соблазнившіяся дешевыми лаврами литературныхъ самородковъ. Изъ опасенія надоѣсть читателю безконечными варьяціями и повтореніемъ одной и той же въ сущности темы и вызвать въ своемъ родѣ—quousque tandem, я отказываюсь отъ дальнѣйшаго пересмотра, опустивъ занавѣсъ за грудой труповъ г. Хоткевича окончательно. Мнѣ лично, впрочемъ, весьма соблазнительной казалась мысль закончить предлагаемую вниманію читателя коллекцію вѣнцомъ драматической поэзіи—какой-нибудь трагедіей. Подходящая, казалось мнѣ, даже имѣется въ репертуарѣ недавно вышедшихъ драмъ въ видѣ произведенія г. Пачовскаго «Сон української ночи» (Львів, 1903), по поводу которой мнѣ какъ то невольно вспомнилось Гоголевское: «Знаете ли вы украинскую ночь»? Но ознакомившись съ трагедіей г. Пачовскаго, могу, къ большому своему прискорбію, лишь повторить за Гоголемъ—«о, нѣтъ, вы не знаете украинской ночи»—и не узнаете даже и въ томъ случаѣ, если судьба сведетъ васъ съ авторомъ упомянутаго соннаго произведенія, который, кстати сказать, во вдохновенной позѣ изображенъ на приложенномъ къ трагедіи портретѣ. Слишкомъ дѣтски-претенціозная и преднамѣренно-

темная вещь эта ночь г. Пачовскаго, чтобы можно было изъ нея почерпнуть что-нибудь поучительное вообще и въ подходящемъ для насъ сейчасъ смыслѣ...

IV.

Предъ читателемъ прошелъ цѣлый рядъ произведеній Банавентуры, понимая это имя въ собирательномъ смыслѣ, какъ особый литературный типъ, который объединяетъ драматурговъ, культивирующихъ свои особенные пріемы, особенное содержаніе и направленіе въ нашей драматической литературѣ. Начавъ съ непосредственнаго представителя этого типа—лубочнаго, такъ сказать, образца—мы поднялись до участниковъ настоящей литературы, унижающихъ себя до соучастія въ дѣлѣ крайне сомнительной цѣнности: «всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ»... И несомнѣнно—это очень живучій типъ, цѣпко схватившійся за какую-то подходящую почву, находящій въ ней какіе-то корни, разъ ряды его пополняются представителями даже такихъ литературныхъ сферъ, отъ которыхъ можно бы ожидать иного отношенія къ печатному слову... Въ чемъ же причина этой живучести несомнѣнно паразитнаго явленія? гдѣ тѣ корни, которые питаютъ его? на какой почвѣ оно могло произрасти и развернуться столь пышнымъ цвѣтомъ, что начинаетъ заглушать собой литературу? Таковы вопросы, которые должны возникнуть у читателя, если онъ дастъ себѣ трудъ внимательнѣе остановиться на данномъ явленіи. Отвѣтъ на эти вопросы вытекаетъ изъ разсмотрѣнія особенностей изображаемаго литературнаго типа и той обстановки, которая вызвала и поддерживаетъ его существованіе и процвѣтаніе.

Настоящій Банавентура, котораго мы знаемъ изъ комедіи г. Карпенка-Карого, какъ ни кажется это страннымъ—несомнѣнный идеалистъ, понимая это слово въ томъ смыслѣ, что онъ всю свою жизнь, всѣ дѣла свои и помышленія подчинилъ извѣстной, какъ ни какъ, а все-таки идеѣ, всѣми фибрами своего существа прикипѣлъ къ ней и внѣ ея положительно не мыслимъ. Можно назвать его идею какъ-нибудь иначе—маніей что-ли, а самого обла-

дателя подобной идеи—маньякомъ, но въ сущности отъ такой постановки дѣло не мѣняется, такъ какъ это лишь формальная сторона вопроса. Идеалистъ ли, маньякъ ли—Банавентура неуклонно добивается осуществленія своей идеи или, если хотите, маніи, слѣпо вѣритъ въ свою счастливую звѣзду, въ свою геніальность, и не терпитъ возраженій и критическаго отношенія къ занимающему его въ данное время фетишу. Но не смотря на весь свой идеализмъ, понимаемый въ указанномъ выше смыслѣ, онъ въ то же время и трезвый практикъ, изъ-за превыспренностей не забывающій зорко смотрѣть себѣ подъ ноги и весьма ловко обращать себѣ на пользу многоразличныя обстоятельства. У него на все готовы «опытъ и практика», вездѣ найдется практическое указаніе, элементарная сметливость, позволяющая ему быстро разбираться и оріентироваться въ данномъ положеніи. Онъ во всемъ знаетъ толкъ—отъ вкуса «окороковъ зъ горчычкой» вплоть до цитатъ изъ Марго и «индычого языка»; онъ—разносторонiй талантъ,—отъ рецептовъ хозяйственнаго свойства до ловкаго присвоенія чужого литературнаго произведенія. Онъ, наконецъ, не отличается застѣнчивостью и вездѣ сумѣетъ найти соотвѣтственную компанію, собрать вокругъ себя подходящую авдиторію, гдѣ пройдясь колесомъ для потѣхи публики, гдѣ выдвинувъ какое-нибудь «окамьяниле дерево» или иные «предметы, интересни для наукы». И хотя отъ его надоѣдливой болтовни часто отмахиваются, какъ отъ назойливаго жужжанья мухи, но его общество терпятъ, его безконечные совѣты выслушиваютъ снисходительно, къ его неумѣренному хвастовству и вранью относятся часто съ довѣріемъ. Не смотря на свою репутацію легкомысленнаго и неположительнаго человѣка («Копачъ—то морока», говоритъ о немъ Калытка), онъ тѣмъ не менѣе завоевываетъ положенія почти нужнаго человѣка.

Но вотъ этотъ практически-трезвый, сметливый и ловкій, увѣренный въ своихъ знаніяхъ и талантахъ, быстро приспособляющійся и беззастѣнчивый субъектъ, съ цѣпкими руками и крѣпкимъ лбомъ, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ обращается къ мысли засѣсть за «комедію малоросійську»: «все одно—гроши». Само собой разумѣется, что указанныя сейчасъ свойства его и

въ этой сферѣ должны найти блестящее обнаруженіе. Прежде всего упорство въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, то упорство маньяка, съ которымъ онъ тридцать лѣтъ безрезультатно ковыряетъ землю своимъ щупомъ, помогаетъ ему и здѣсь прямолинейно идти въ одномъ направленіи, не сворачивая съ пути и лихорадочно утилизируя тотъ «матеріалъ», котораго у него вѣдь «и на воза не заберешъ». Обрывки всевозможныхъ полу-знаній торопливо выкладываются, при чемъ тутъ же кстати окажется прихваченнымъ—и совершенно, можетъ быть, bona fide—какой-нибудь чужой «парубокъ моторный» [1]); съ серьезнымъ видомъ такой авторъ будетъ разсказывать о весьма комичныхъ вещахъ, даже не подозрѣвая ихъ комизма, и, наоборотъ, не прочь пройтись колесомъ или заговорить «индычымъ языкомъ» въ серьезную минуту. Недостатокъ знанія будетъ восполненъ цитатой изъ Марго, собственнаго, правда, сочиненія; отсутствіе пониманія самыхъ элементарныхъ вещей съ избыткомъ покроется авторитетнымъ видомъ и неудержимо-наивной болтовней, которую самъ авторъ принимаетъ однако за высшіе глаголы; мѣсто драматизма займетъ не-

---

[1]) Едва ли, впрочемъ, bona fide совершенъ какимъ то Банавентурой слѣдующій подвигъ. Въ XI и XII книжкахъ «Л.-Н. Вістника» за 1903 г. напечата наповѣсть «Наввипередки» за подписью—Аріядна Сакунівна. Принявшись за чтеніе этой повѣсти, я былъ крайне пораженъ однимъ обстоятельствомъ: знакомая манера письма, пріемы, способъ выраженій и т. п.—все это до такой степени напоминало обычную технику покойнаго А. Я. Конисскаго, что исключало всякую мысль о самой рабской копировкѣ. Затѣмъ мнѣ началъ припоминаться и сюжетъ и, обратившись за справкой къ сочиненіямъ Конисскаго, я узналъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что повѣсть Сакунівны *буквально переписана* изъ IV тома произведеній Конисскаго—сохранено даже заглавіе, проставлена та же дата! Все это уже настолько грубо и совершенно безцѣльно продѣлано, что на-счетъ мотивовъ подобнаго поступка можно только теряться въ догадкахъ, если не предположить, что покойный Конисскій сдѣлался жертвой увлеченія со стороны какого то безнадежнаго Банавентуры-графомана, уже совершенно не вѣдавшаго, что творитъ.

обузданное кровопролитіе, комизмъ будетъ представленъ субъектами, прячущимися подъ столъ и другими, оттуда ихъ привлекающими и т д И никакая критика его, разумѣется, не разувѣрить: онъ вѣдь не можетъ ошибаться, онъ творитъ чуть-ли не геніальныя произведенія, которыхъ могутъ не признавать только низкіе завистники; доказывать ему противное—трудъ совершенно напрасный.

Основнымъ мотивомъ драмы, вышедшей изъ подъ пера такого, съ позволенія сказать, писателя, является любовь, составляющая альфу и омегу всѣхъ его представленій о смыслѣ жизни и отношеніяхъ людей между собою. Это любовь особаго рода—любовь свирѣпая, трактуемая съ точки зрѣнія извѣстнаго положенія: «что на свѣтѣ прежестоко? Прежестока есть любовь»; это любовь надѣленная клокочущими страстями африканскаго происхожденія и въ то же время воспроизводящая нравы, подмѣченныя на голубятнѣ. Любовь, любви, любовью, о любви... любовный, любовная, любовное... я люблю, ты любишь, онъ, она любитъ, любилъ, любила, будетъ любить—безъ устали на разные лады склоняютъ и спрягаютъ герои Банавентуры. И въ этомъ, быть можетъ, еще полъ-бѣды. Хотя никакое другое человѣческое чувство не захватано такъ, не загрязнено и не опошлено отъ безпрестаннаго прикосновенія и чистыхъ, и нечистыхъ рукъ, какъ именно любовь, но эта вѣчно старая и вѣчно юная тема всегда привлекала и навѣрное будетъ привлекать къ себѣ вниманіе писателей. Въ исторіи каждой любви, въ зависимости отъ вѣчно новыхъ, вѣчно измѣняющихся въ каждомъ данномъ случаѣ субъектовъ, всегда могутъ найтись неповторяющіеся моменты, индивидуальныя отличія, сообщающія ей каждый разъ характеръ новаго, глубоко интереснаго и захватывающаго психологическаго процесса. Смутное зарожденіе новаго, едва сознаваемаго чувства, первыя робкія обнаруженія его, дальнѣйшія стадіи развитія, приводящія къ тому или иному финалу—какъ все это близко и понятно намъ, если писатель сумѣетъ найти эти индивидуальныя отличія, уловить непреходящіе моменты и вложить въ изображеніе ихъ силу искренняго, неподдѣльнаго чувства! Но только подъ условіемъ искренности и неподдѣльности писатель можетъ извлечь изъ стараго,

пылью вѣковъ покрытаго инструмента новые захватывающіе звуки, которые найдутъ откликъ и въ душѣ читателя. И здѣсь-то именно и кроется западня для Банавентуры, этого-то именно онъ и не умѣетъ сдѣлать. Не зная, что чувство менѣе всего подлежитъ шаблону, онъ набрасываетъ свои изображенія настолько общими, лишенными всякой индивидуальности и жизни чертами, что всѣ любовныя исторіи у него выходятъ какъ двѣ капли воды похожими одна на другую: перемѣнивъ имена и кой-какія частности, получимъ общую схему, въ рамкахъ которой Банавентура разыгрываетъ свои варьяціи на тему—«ой думалося». Чувство изображается у него чисто внѣшними чертами, недостатокъ его замѣняется воркующей голубиной сентиментальностью и выдуманными африканскими страстями, и чѣмъ любовь жесточе—тѣмъ, по его мнѣнію, и произведеніе выходитъ лучше. Трафаретностью, отсутствіемъ жизни, шаблонностью и насильственной пригнанностью къ одной мѣркѣ вѣетъ отъ подобныхъ произведеній, и потому они не въ состояніи затронуть ни одной струны въ душѣ такого читателя или зрителя, который вышелъ уже изъ сферы первобытныхъ воззрѣній Банавентуры. И вотъ въ то время, какъ жизнь безостановочно идетъ впередъ, выставляя все новыя и новыя требованія, выдвигая кругъ свѣжихъ, все усложняющихся явленій, и ставя рядъ насущныхъ вопросовъ, настоятельно требующихъ своего рѣшенія—подобные драматурги предпочитаютъ отмахиваться отъ всего этого и топтаться на одномъ мѣстѣ, упорно держась за все ту же всѣмъ паче горькой рѣдьки надоѣвшую, шаблонную, безцвѣтную, жестокую любовь... «Горе отъ любви»—такой подзаголовокъ можно бы дать всѣмъ этимъ «Чортовымъ кубламъ», «Клятымъ серцямъ», «Загубленымъ долямъ», «Закльованымъ голубкамъ» и тому подобнымъ безчисленнымъ произведеніямъ, варьирующимъ до безконечности одно и то же «ой думалося» г. Бойця, не представляющимъ ни одного свѣжаго момента, ни одной яркой краски.

Идейная сторона подобныхъ произведеній вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ содержанію. Изображая «прежестокую» любовь, показывая на сценѣ то нѣжно воркующихъ, то одержимыхъ вул-

каническими страстями героевъ, Банавентура всегда стремится попутно доказать какое-нибудь весьма нехитрое положеніе, заимствованное имъ не то изъ учебника Марго, не то изъ прописей: Бога бойтеся, царя чтите, лѣность—мать всѣхъ пороковъ; пьянство губитъ душу и тѣло и тому подобныя пылью вѣковъ покрытыя сентенціи украшаютъ собой страницы произведеній Банавентуры. Но болѣе всего возлюбилъ онъ также весьма почтенной давности мораль: добродѣтель у него всегда торжествуетъ, а порокъ подвергается примѣрному наказанію. Можно положительно утверждать, что не найдется ни одного произведенія Банавентуры, гдѣ бы данное положеніе въ томъ или иномъ видѣ не фигурировало, комментируясь и обставляясь болѣе или менѣе убѣдительными доводами и примѣрами. Особенно послѣдняя часть формулы требуетъ неукоснительнаго осуществленія: порокъ во всякомъ случаѣ, не смотря ни на что, долженъ быть наказанъ. Если же, по свойственной пороку продерзости, онъ стремится ускользнуть отъ прописаннаго ему наказанія и даже по всѣмъ видимостямъ имѣетъ на это нѣкоторые шансы, то движимый чувствомъ безпредѣльной справедливости авторъ не устоитъ и предъ явной несообразностью, самолично подавъ порочному персонажу кинжалъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ г. Тогобочного, или иное смертоносное орудіе съ молчаливымъ приглашеніемъ собственноручно заклать себя въ жертву торжества добродѣтели. Что же касается этой послѣдней, то она, разумѣется, должна торжествовать, хотя авторъ часто до такой степени ее измытаритъ и торжество ея въ этомъ случаѣ пріобрѣтается такою дорогою цѣною, что отъ него, пожалуй, и вовсе ничего не остается, кромѣ голаго наказанія порока. Это, такъ сказать, отрицательное торжество, состоящее въ примѣрномъ наказаніи противоположнаго начала. Къ различію въ судьбѣ добродѣтели и сводится въ сущности все отличіе комедіи отъ драмы въ обработкѣ Банавентуры. Въ комедіи осуществляются обѣ части всеобъемлющей формулы, въ драмѣ же торжества въ собственномъ смыслѣ можетъ и не быть и даже чаще, если хотите, его не бываетъ, а достигается оно отрицательнымъ путемъ—посредствомъ наказанія порока, который, напоминаю, ни въ ка-

комъ случаѣ избѣжать присвоенной ему по штату кары не можетъ. Обрисовка какъ порока, такъ и добродѣтели отличается всегда безусловнымъ характеромъ. Если данное лицо — злодѣй, то ужъ, конечно, злодѣй заправской, кромѣ злодѣйства, не обладающій никакими свойственными человѣку вообще чертами: онъ для приведенія въ исполненіе своихъ гнусныхъ злодѣйскихъ плановъ ни передъ чѣмъ не остановится; онъ безъ содраганія шагаетъ по трупамъ и лужамъ крови; онъ отмѣченъ Каиновой печатью въ видѣ ужасной или отталкивающей наружности; онъ, наконецъ, смѣло можетъ повторить знаменитое восклицаніе злодѣя ложно-классической трагедіи: «ступай душа во адъ и буди вѣчно плѣнна! ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна»!.. За то если изображается добродѣтель, то опять таки это будетъ добродѣтель съ ногъ сшибательная, на которой ни тѣни, ни пятнышка не отыщешь, которая «не имать скверны или нѣчто отъ таковыхъ», но обладаетъ ангельскимъ голосомъ и неземною наружностью,—словомъ, добродѣтель, отъ которой обыкновенныхъ грѣшниковъ, непосвященныхъ въ тайны «банавентурнаго» міросозерцанія, затошнить можетъ...

Арсеналъ средствъ, служащихъ для торжества условно, впрочемъ, торжествующей добродѣтели и наказанія безусловно караемаго порока, у Банавентуры не слишкомъ богатъ и обиленъ: на первомъ и послѣднемъ планѣ у него стоитъ кровь... много крови... цѣлыя рѣки ея проливаются на страницахъ его драмъ, которыя въ подлинномъ смыслѣ пишутся кровью. Это кровожадность, возведенная, если хотите, въ принципъ, которому приносятся обильныя кровавыя жертвы; каждую подобную драму можно одѣть въ кровавую обложку г. Бойця, о которой я говорилъ въ свое время. Банавентура, обыкновенно весьма добродушный и очень миролюбиво настроенный, въ указанномъ отношеніи становится безпощаднымъ и отъ принципа не отступитъ ни за какія коврижки, подобно суровому Катону, неизмѣнно повторявшему свое «Carthago delenda est». Мы знаемъ ихъ, авторовъ этихъ кровавыхъ ужасовъ: это—обыкновенные, часто очень симпатичные люди въ своей домашней обстановкѣ, мирные обыватели, примѣрные мужья и жены, прекрасные отцы и матери семействъ, образцовые хозяева и хо-

зяйки, неспособные въ своей личной жизни, какъ говорится, мухи обидѣть, а не то, чтобы приводить въ дѣйствіе уголовные законы. Но это только до тѣхъ поръ, пока—высокимъ штилемъ выражаясь—ихъ не потребуетъ къ священной жертвѣ Аполлонъ. Какъ только послѣднее случится, какъ только они берутъ въ руки перо—«годи, кинець, аминь» всѣмъ указаннымъ выше достоинствамъ: натура ихъ моментально перерождается, отъ прекрасныхъ качествъ не остается и слѣда, мирныя привычки исчезаютъ, доброта стушевывается, а вмѣсто всего этого изъ устъ ихъ вылетаетъ лишь какой-то нечеловѣческій вопль: «крови, крови жажду», если они пишутъ «драму», и безконечныя, беззубыя остроты надъ мужикомъ, не умѣющимъ обращаться съ самоваромъ, если присутствуемъ при мукахъ рожденія «комедіи». Нагромождаются всевозможные внѣшніе ужасы—убійства, самоубійства, отцеубійства, матереубійства, сумасшествія, дикія страсти, стихійныя бѣдствія вплоть до труса, глада, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междоусобныя брани; кровь хлещетъ со всѣхъ сторонъ и буквально заливаетъ сцену; изъ труповъ растутъ и высятся цѣлыя горы... А авторъ преспокойно расхаживаетъ среди этихъ ужасовъ, тамъ подбавитъ крови, тамъ услужливо подастъ кинжалъ, тамъ мимоходомъ кого-нибудь повѣситъ или заставитъ броситься въ рѣку—и самодовольно при этомъ потираетъ руки. И какую изобрѣтательность относительно изысканія способовъ пролитія крови проявляетъ Банавентура! Какъ изъ сундука Пандоры, какъ изъ рога изобилія валитъ онъ на головы своихъ несчастныхъ героевъ всѣ бѣды, приписываетъ имъ самыя утонченныя преступленія—и все это для того, чтобы въ развязкѣ менторскимъ тономъ преподать наставленіе: смотрите, какъ сокрушенъ гордый порокъ и какъ скромная добродѣтель вознесена!..

Читатель видитъ, какое въ сущности глумленіе надъ литературой представляетъ Банавентура и по содержанію, и по пріемамъ, и по идеямъ своихъ произведеній, изъ которыхъ я въ настоящее время остановился лишь на тѣхъ, какія имѣютъ отношеніе къ драматической литературѣ. Конечно, было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что только драма сдѣлалась постоянной аре-

ной хищническихъ набѣговъ со стороны представителей названнаго типа и только у насъ это происходитъ. Область распространенія Банавентуры несравненно шире, охватывая всѣ отрасли духовно-культурныхъ, а не исключительно даже чисто литаратурныхъ интересовъ, и вездѣ онъ подъ видомъ служенія общественнымъ цѣлямъ, но на самомъ дѣлѣ по узко эгоистическимъ мотивамъ ведетъ свою разрушительную работу. Кропатель безграмотныхъ стиховъ—это Банавентура, быть можетъ, изъ всѣхъ наименѣе безвредный; но, напр., критикъ, съ важностью примѣняющій принципъ: «не знайде толку—буде тихо, не знайде же точки—лихо»,—развѣ это не тотъ же Банавентура? а ученый, сдѣлавшій науку источникомъ великихъ и богатыхъ милостей и интересами науки оправдывающій сомнительной чистоты поступки,—неужели не Банавентура? а общественный дѣятель, пользующійся общественными настроеніями, какъ средствомъ для саморекламы—развѣ не имѣетъ всѣхъ правъ на почетное имя Банавентуры? Словомъ,—вездѣ и всюду встрѣтишь представителей этого при современныхъ условіяхъ общественной жизни покровительствуемаго типа и, остановившись пока исключительно лишь на проявленіи «банавентурныхъ» принциповъ въ нашей драматической литературѣ, я руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь, благодаря нѣкоторымъ особымъ условіямъ, Банавентура получилъ возможность наиболѣе безпрепятственнаго развитія и преуспѣянія, достигнувъ даже своего рода зачаточной организаціи. Если вообще наша литература находится въ настоящее время на мертвой точкѣ переходного состоянія, то въ области драмы, благодаря упомянутымъ особеннымъ условіямъ, дѣло обстоитъ еще хуже: Банавентура завелъ насъ уже просто въ какой-то тупой прреулокъ, выходъ изъ котораго можетъ быть достигнутъ лишь съ затратой весьма значительныхъ усилій.

Причины, подготовлявшія такой исходъ дѣла и весьма благопріятствовавшія Банавентурѣ въ его разрушительной работѣ, кроются, съ одной стороны, въ общихъ условіяхъ существованія украинской литературы, а съ другой—въ тѣхъ спеціальныхъ условіяхъ, въ которыхъ развивался нашъ театръ, тѣсно

съ драматической литературой связанный. Какъ извѣстно, развитіе украинскаго театра всецѣло относится уже къ тѣмъ временамъ, относительно которыхъ сложилось мнѣніе, что мы не подъ закономъ ходимъ, а подъ благодатію, и это «подблагодатное» положеніе сказалось на немъ поэтому съ особенной силой. Когда въ 1876 г. изъ вѣдѣнія украинской литературы фактически было изъято все, за исключеніемъ узкой полоски «изящной словесности», безусловному воспрещенію подвергся также и театръ; правда, уже въ 1881 г. театральныя представленія на украинскомъ языкѣ получаютъ право на существованіе, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было устраиваемо «спеціальныхъ малорусскихъ театровъ», и съ оставленіемъ въ полной силѣ «подблагодатнаго» положенія драматической литературы. Послѣдняя, а слѣдовательно и репертуаръ возраждавшагося театра, отличалась на первыхъ порахъ крайнею скудостью и прежде всего—въ количественномъ отношеніи. Чтобы оцѣнить эту скудость, необходимо припомнить, что тогда еще вовсе не существовалъ, какъ драматическій писатель, г. Карпенко-Карый—«перший нині майстер на полі української драматичноі літератури», по выраженію г. Франка. Между тѣмъ выдающіеся сценическіе таланты корифеевъ украинской сцены привлекали въ театръ массу публики, которая не могла же удовлетвориться десяткомъ—другимъ пьесъ, а требовала все новыхъ и новыхъ произведеній. Что могла предложить ей наша драматическая литература, скованная желѣзными тисками постановленія 1876 г., ограниченная въ правахъ касаться сколько-нибудь серьезныхъ вопросовъ, принужденная обходить молчаніемъ темы изъ жизни интеллигенціи и прошлаго Украины и не имѣвшая, наконецъ, возможности пополнять репертуаръ даже переводными пьесами? Фактически въ ея вѣдѣніи оставалась лишь микроскопическая область семейныхъ и любовныхъ отношеній и, при отсутствіи настолько сильныхъ талантовъ, которые были бы способны освѣжить выдохшееся содержаніе и сказать въ данной сферѣ дѣйствительно новое слово, здѣсь скоро создался всенивеллирующій шаблонъ. А потомъ пришелъ Банавентура. Привлекаемый выгодными сторонами

украинскаго театра и его внѣшнимъ успѣхомъ, онъ въ огромномъ количествѣ наполнилъ ряды драматическихъ писателей и театральныхъ дѣятелей и сдѣлался главнымъ поставщикомъ репертуара. Что онъ поставлялъ—это отчасти мы уже видѣли. И въ то время, какъ лучшимъ и серьезнымъ произведеніямъ въ теченіе десятковъ лѣтъ преграждался всякій доступъ въ печать и на сцену, Банавентура имѣлъ полную, если хотите, монополію—плодиться, размножаться и наполнять литературу каррикатурными упражненіями, культивируя кровожадную драму, оглашая своды театра «співами і хорами» и, наконецъ, вводя «гопак і горілку» въ такомъ объемѣ, что на сценѣ почти не оставалось мѣста для чего-нибудь болѣе свѣжаго. И все это, конечно, въ высшей степени прискорбно, но еще прискорбнѣе то, что въ рядахъ Банавентуръ мало-по-малу оказались и настоящія литературныя силы. Начавъ, въ силу невозможности по указаннымъ причинамъ касаться всякихъ иныхъ вопросовъ, съ невинныхъ этнографическихъ картинокъ, онѣ незамѣтно, быть можетъ, для самихъ себя все болѣе и болѣе подчинялись шаблону, вращаясь въ отмежеванной имъ узкой сферѣ, опускались все ниже и ниже и вмѣсто противодѣйствія оказывали дружескую поддержку Банавентурѣ. Дружными усиліями различныхъ, но въ одномъ направленіи дѣйствующихъ силъ и создано было настоящее положеніе, вызывающее самыя серьезныя опасенія.

Отношеніе публики къ нашему театру также много способствовало достиженію такихъ результатовъ. Едва ли мы впадемъ въ ошибку, сказавъ, что оно было не серьезнымъ, слишкомъ снисходительнымъ и поблажливымъ къ тѣневымъ сторонамъ украинскаго театральнаго дѣла. Привлекаемая новизной его, видя на сценѣ новый міръ, при томъ въ изображеніи, можемъ смѣло сказать, могучихъ сценическихъ талантовъ, какими были первые дѣятели нашего театра,—публика хлопала «малороссамъ», устраивала оваціи и восхищалась игрой, не проникая въ глубь содержанія и относясь снисходительно къ литературной сторонѣ репертуара. Кровавые ужасы могли сходить при этихъ условіяхъ за истинный драматизмъ, балаганщина—за неподдѣльный комизмъ,

внѣшняя обстановка, костюмы, безконечные «співи й танці» за этнографическую правду, слащавая сентиментальность—этотъ, по выраженію г. Дорошевича, маргаринъ истиннаго чувства—за это послѣднее, тѣмъ болѣе, повторяю, что чудная игра значительно смягчала недостатки пьесъ. Успѣхъ былъ, успѣхъ шумный, успѣхъ очевидный, но какъ въ оваціяхъ чуткое ухо уже тогда могло бы услышать снисходительно-скорбительныя нотки, такъ и въ этомъ успѣхѣ лежалъ зародышъ разложенія и кризиса. Реакція рано или поздно должна была наступить, и она наступила. Теперь уже ни для кого не тайна, что нашъ театръ, расцвѣвъ за короткій сравнительно періодъ, переживаетъ въ настоящее время глубокій кризисъ, нуждаясь въ полномъ обновленіи обветшавшаго въ значительной части репертуара. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ кризиса служитъ и исчезновеніе съ лица земли мелкихъ труппъ, которыхъ такое множество существовало еще недавно, и фактъ перехода многихъ изъ нихъ къ опереточному репертуару, и судорожныя попытки нѣкоторыхъ изъ антрепренеровъ держаться при помощи «сенсаціонныхъ» новинокъ, въ родѣ «Рабынь веселья», и, наконецъ, во многомъ уже измѣнившееся отношеніе публики. Внѣшнею этнографичностью, пѣніемъ и танцами теперь уже публики не привлечешь,—она требуетъ болѣе серьезной пищи. И если нашъ театръ не хочетъ погибнуть, онъ долженъ давать эту новую пищу, онъ долженъ служить потребностямъ времени и удовлетворенію требованій серьезнаго зрителя и читателя, нарожденіе котораго уже не можетъ подлежать сомнѣнію.

И въ этомъ фактѣ нарожденія серьезнаго читателя и зрителя, лежитъ, какъ мнѣ кажется, залогъ новаго возрожденія нашего театра и тѣсно съ нимъ связанной драматической литературы. Мнѣ приходилось какъ-то читать газетное извѣстіе о снятіи администраціей съ репертуара одной изъ драмъ, образцы которыхъ представлены выше (то была, если не ошибаюсь, «Заклььована голубка»); поводомъ къ этому послужила, говорятъ, сцена казни, во время которой отрубленныя головы катились чуть ли не въ партеръ, а пролитіе бутафорской крови произво-

дилось уже настолько неумѣренно, что среди зрителей сплошь и рядомъ вызывало случаи нервнаго разстройства. Конечно, я не сторонникъ подобнаго вмѣшательства посторонних силъ въ дѣла литературы и театра, хотя вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что подобныя пьесы, культивирующія среди неразвитой части публики дикіе инстинкты, кровожадность и крайне извращенныя понятія о литературѣ и театрѣ, должны исчезнуть безслѣдно. Только чинить въ данномъ случаѣ судъ и расправу и снимать съ репертуара произведенія Банавентуры должна сама же литература, въ первой линіи мы, читатели и зрители. Мы обязаны ясно показать свое отношеніе къ поруганію нашей литературы и театра, въ теченіе довольно продолжительнаго времени безнаказанно производимому Банавентурой, но не останавливаясь, конечно, на этомъ, приложить также всѣ усилія къ измѣненію общественныхъ условій въ такомъ направленіи, чтобы данъ былъ просторъ и исходъ лучшимъ общественнымъ силамъ, а не исключительно лишь Банавентурѣ въ его различныхъ проявленіяхъ. Встрѣтивъ достодолжный отпоръ, и нашъ Банавентура долженъ будетъ сократиться и очистить насиженное мѣсто хотя, разумѣется, нечего разсчитывать, чтобы онъ добровольно захотѣлъ отказаться отъ своихъ пріобрѣтеній и уйти со сцены, не ожидая чеховскаго приглашенія—«позвольте вамъ выйти вонъ». Да и не въ одномъ Банавентурѣ тутъ дѣло,—онъ вѣдь и самъ является продуктомъ благопріятствующихъ общественныхъ условій, съ одной стороны, и только отвѣчаетъ извѣстнымъ вкусамъ и наклонностямъ среди публики—съ другой, олицетворяя предложеніе на такія вещи, на которыя среди мало взыскательной части зрителей существуетъ до сихъ поръ еще несомнѣнный спросъ. Къ счастью, въ настоящее время этотъ спросъ, какъ кажется, идетъ уже на пониженіе и Банавентура начинаетъ ощущать колебаніе почвы подъ своими ногами. Измѣненіе общественныхъ условій, которое несомнѣнно отразится благопріятно на общемъ уровнѣ развитія народныхъ массъ, повлечетъ за собой также развитіе спеціально-художественныхъ вкусовъ и повышеніе требованій къ литературѣ и театру и среди той части публики,

которая составляетъ послѣдній оплотъ литературныхъ самородковъ, и возвративъ Банавентуру въ первобытное состояніе, заставитъ его отказаться отъ массовыхъ попытокъ проникнуть въ ряды литературныхъ дѣятелей. Будучи вынужденнымъ снова обратиться къ щупу и лопатѣ, Банавентура безповоротно исчезнетъ съ литературнаго горизонта, и только въ видѣ памятника современному переходному состоянію литературы и жизни останутся такія произведенія, о которыхъ шла рѣчь между прочимъ и въ настоящемъ очеркѣ...

26. VIII. 1904.

Сергій Ефремовъ.

„Мнимый господинъ“.

(Малюнокъ).

Перша годына дня. Довга, зъ нызькою стелею и острожнымы викнамы салдацька казарма, подилена на взводы, якъ амбаръ на засикы; въ кожному засику зъ обохъ бокивъ по надъ стинамы стоять у рядъ койкы зъ таблычкамы въ головахъ, якъ въ больныци коло хорыхъ. Сонце грае въ дрибному пылу, що литае по казарми, й тамъ, де проходять ёго промини, здается, хтось протягнувъ довги пасмы кисеи. Гоминъ стыхае. Салдаты, стомлени стрильбою, на якій вони були зъ трёхъ годынъ ранку до самого обиду, шамотятся биля коёкъ и лагодятся спаты. Де-хто вже лигъ, де-хто ще роздягается, де-хто балакае. Въ третёму взводи якъ разъ биля проходу, що тягнется черезъ усю казарму, стоить Мандрыкинъ и, зневажлыво прытулывшы очи, заклавшы рукы за спыну, говорыть до татарына Сулымова:

— Не выдержу?.. Не выдержу? Ну, брать, смѣешься! Я тебѣ восемь сутокъ подрядъ не буду спать и во!.. ни глазомъ не моргну!

— Осымъ сутыкъ...—недовирчыво хытае головою татарынъ. Это балшой время. Самъ глазъ спать будыть.

— Эхъ, ты, татаринъ и больше ничево!—одвертается Мандрыкинъ и почынае скыдаты мундыръ. Татарынъ одходыть, а Мандрыкинъ лягае на койку и, звертаючысь до сусида, позихаючы, говорыть:

— Да и засну жъ я, братъ! Охъ, какъ засну! И чортъ не разбудитъ. Я дома какъ засну, бывало, дакъ меня было иголкой колять, а я сплю. Однажды начали даже идолы палецъ рѣзать. И то не проснулся! Во!

Сусида мовчыть, а Мандрыкинъ, выдно, думае, щобъ ще сказать, але солодко-солодко потягуется, схыляется на подушку и заплющуе очи. Ще бильше стыхае.

Фельдфебель, Сыдиръ Иванычъ, нудлыво ходыть по порожнёму проходи повзъ взводы и тежъ позихае, але позихае одъ нудьгы. Винъ зупыняется передъ малюнкомъ, на якому выдно якъ вартовый одною рукою проткнувъ рушныцею якомусь чоловикови «у вольній одежи» жывитъ, а другою заклавъ у ротъ свыстокъ и выклыкае «разводящого». Чоловикъ «у вольній одежи» держыть у рукахъ якый-сь пакуночокъ, зъ якого вызырае кинчыкъ пылкы й молотокъ, а зъ виконъ зъ-за гратъ выглядають арештанты. Малюнокъ давно знаёмый, и Сыдиръ Иванычъ навить не бачыть ни вартового, ни «чоловика у вольній одежи», ни самого малюнку. Ёму нудно й досадно. Винъ одходыть видъ малюнку, проходыть де-кильки разивъ по казарми и зновъ зупыняется передъ якою-сь картыною, зверхъ якои надпысано «Взятіе Шипки». Люде на сій картыни вси страшенно схожи мижъ собою, такъ що, здается, нибы армія бративъ одного батька бьется зъ другою арміею бративъ другого батька. Ну, певно, що россійськіи браты мають облычча биле, сумирне, благообразне, а турецьки—чорне, страшне, дыке, зъ довгымъ носомъ й лупастымы очима. Колы вмирае росыянынъ, то тильки закрывае очи, колы жъ турокъ, то на лыци ёму напысани таки мукы, що ажъ холодно стае. А про те вже й нема що казаты, що вбытыхъ туркивъ валяется бильше, нижъ живыхъ, и всихъ такъ пошматовано, що ажъ жаль. Сыдиръ Иванычъ дывытся, якъ россіянынъ пиднявъ на штыкъ турка, и раптомъ пошыряе очи й почынае зъ страхомъ прыслухатысь, якъ у жывоти ёму щось бурчыть. О! зновъ!.. Сыдиру Иванычу стае страшно. Бурчиння стыхае, але Сыдиръ Иванычъ вже не може заспокоитысь. Се вже втрете сёгодня. Значыть и порошкы не допомогають!..

Въ казарми вже зовсимъ тыхо, тильки чуты, якъ ходыть днёвальный зъ штыкомъ на пояси. Але Сыдора Иваныча не може втышыты ся тыша. Ёму досадно, гирко, обыдно. Вси сплять, вси покійни, тильки винъ ходыть оттутъ зъ своею хоробою и никому неманіякого дила до ёго. Винъ почынае думать, якъ все страшенно несправедлыво на свити. Де вже найты кращого фельдфебеля, якъ винъ! Не пье, не курыть, значыть, не вымотуе у салдативъ останнихъ копіёкъ, не розбывае имъ пыкъ пидъ пьяну руку, не «пидтягуе» за всяку дрибныцю; а отъ пиды спытай у якого, чы ёму велыкый клопитъ, що у фельдфебеля бурчыть у жывоти, що фельдфебель ось уже десятый годъ мучытся всякымы хоробамы. А якъ же, поклопочется! Спать—то такъ, то ихъ клопитъ, а фельдфебель...

Сыдиру Иванычу стае ще гиркище й дуже жаль себе. Въ жывоти знов нибы збирается бурчаты. У ёго холодіють рукы й ногы. Ни, ничого. Винъ ще трохы прыслухается, потимъ зтурбовано крутыть головою и йде въ канцелярію. Въ четвертому взводи, що биля самои канцеляріи, сыдыть на койци Семененко и добродушно щось оповидае унтеръ-офыцерови, якый стоить биля ёго и мовчкы дывытся куды-сь пидъ койкы. На сусиднихъ койкахъ вже лежять, але, выдно, не сплять ще. Зобачывшы Сыдира Иваныча, Семененко хоче встаты, але той махае рукою й, зупыняючысь на хвылыну, повертается до ныхъ всею своею дужою, мицною постаттю въ розстибнутому мундыри й сумно говорыть:

— А делишкы то совсёмъ погани. Дрянь делишкы.—Семененко й унтеръ, чекаючы, дывлятся на ёго.

— Мучыть!..—зтурбовано хытае винъ на свій повный вынутый жывитъ:—усё утро мурчыть. А шо такое, не пойму. И по тели какая-сь млявость.

Винъ ще разъ сумно хытае бородою и йде дали въ канцелярію за свою перегородку. Тамъ у куточку стоить ёго лижко, а биля лижка столыкъ, такъ густо заставленый всякымы пляшечкамы, баночкамы, коробочкамы зъ рижнымы ликарствамы, що навить нема куды й картуза покласты. Зупынывшысь биля столыка,

винъ почына перебираты ихъ, пыльно й по складахъ прочытуючы надпысы, и нарешти бере довгеньку, биленьку коробочку, одчыня іи и, сумно всмихаючысь, хытае безнадійно головою. Потимъ, поволи повернувшысь, тыхо йде зъ канцеляріи зъ коробочкою въ рукахъ и знову махае рукою на Семененка, якый хоче встаты.

— Отъ... теты самыи... порошкы...,—всмихаючысь протягуе винъ до Семененка коробочку,—ликарство моё хорошое.—Семененко бере коробочку, але не знаючы, що зъ нею робыть, обережно одчыняе іи и дывытся въ середыну.

— Выходять уже, Сыдиръ Иванычъ,—говорыть винъ,—новыхъ нада купувать. Усёго тры или чотыри осталось.

Сыдиръ Иванычъ махае сумно рукою, сидае на краечокъ койкы и хвылыну мовчыть.

— Новыхъ...—повторяе винъ, гирко всмихаючысь.—А, спросытся, для какой надобности? Какая такая есть польза одъ ихъ? Одынъ переводъ деньгамъ та й годи? Пьемъ, пьемъ, а щобъ тибе какое-сь пособіе одъ етого, то никоторого й применєнія нема! Новыхъ...

Вси якый-сь часъ мовчять. Хто почавъ дриматы, пидводыть голову, дывытся въ ихъ бикъ и лягае знову.

— Ну, а тое ликарство помагало, що ротный посоветувалы?—пытае Семененко.—Вы тоди довольни булы...

— Какое ето?—прыгадуе Сыдиръ Иванычъ.

— Та тое... Оно таке ще въ зелёній пляшечци... Биле...

— А-а!..—згадуе той—ето...

Винъ зъ ваганнямъ пидійма вгору плечи, розводыть рукамы, робыть серьёзне лыце й нарешти зъ усылямъ якымъ-сь каже:

— Х-х-х-то ёго зна!.. Бачь, делишки то такыи. Зранка оно той... какъ будто й ничево... на подобіе помагало... А потомъ ето й той... почыналась упьять усякая авансцена. Спервоначалу ето... мигрень въ глазахъ. Зачынае ето мыготить щось, какъ на подобіе какыи-сь метелыкы. О... Потомъ у жывоти мурченіе какое-сь. Такъ отъ отцеда (Сыдиръ Иванычъ показуе на ныжню частыну живота) какъ загурчыть и... ажъ до

грудей. И впьять зтедова у нызъ. Ну, й жывоть усё равно какъ бубонъ увесь...

Семененко чуе се вже другый рикъ зъ самого першого дня своеи службы, але слухае зъ самымъ уважнымъ и спивчуваючымъ выглядомъ; хытае сумно головою, пидтакуе, дывуется, жахлыво ахкае. Сыдиръ Иванычъ ожывляется,—здорове, червоне, бородате лыце ёго, зъ маленькымы, нибы проваленымы оченяткамы, червоніе, черевата постать стае жвавищою. Сыдиръ Иванычъ почувае навить, що ёму нибы легчае, винъ чуе сымпатію до сёго Семененка, що добре знае на вси хоробы, и постановляе на осинь неодминно зробыты ёго ефрейторомъ.

Инчи салдаты, сусиды Семененка, ворочаются, крекчуть и, нибы тильки теперъ помитывшы фельдфебеля, пидводять трохы головы й, не маючи вже що робыть, и соби понуро слухають. Сыдиръ Иванычъ озырается й до пыхъ, ще бильшъ ожывляется, навить устае и голосно говорыть дали:

— А прыдсказаніе трудно зделать! Одынъ разъ какъ будто й той... и полекшення, а другой разъ такъ совсёмъ стисненіе. Кушаю, напримеръ, мало. И всякое такое. Мальчевскый говóрыть: нефлюенція. Ну, а какая жъ тутъ може буть нефлюенція, когда у глазахъ ето... мигрень... и всякое такое всё возможное. жывотъ и прочее?.. Мине посоветувалы пойты до Суханова; говорять, хорошый дохтуръ—по всякымъ всё-возможнымъ болестямъ... и ликарства ето дешовыи препысуеть. Хто ёго зна!.. Былъ и въ Суханова. Говорыть,—катаръ, засореніе желудка. «Отъ, говорыть, будете пыть тетыи порошкы». Тры порошкы на день. Ничого, за визитъ недорого взявъ, 50 коп. Тильки шо жъ?.. усе оны шарлатаны. Скольки я ихъ переходывъ. Одынъ говорыть одне, другой другое, третій свое... Ни одинъ не попалъ на другого прыдсказаніе. Усякый по своему...

— Тильки гроши беруть уси однаково... хе, хе, хе...— вставляе добродушно Семененко.

— А, гроши оны усе люблять—сумно згожуется Сыдиръ Иванычъ—грошыкы оны люблять. Да-а. Такыи то делишкы! Чуствую,—больной, а пособія никоторого.

Сыдиръ Иванычъ заклада рукы за спыну, закрывае очи й безнадійно хыта головою. Салдаты нудлыво перезыраются, кыдають на ёго похмури й злистни погляды й чекають.

— Прынимавъ уже ето... той... какъ ёго... мм...—винъ розплющуе очи й, прыгадуючы, тре пучкамы пальцивъ —никотинъ, чы нафталинъ... какъ то-сь, ій Богу, забылъ уже... Зпервоначалу какъ будто одпустыло. И серцебіеніе не такой пульсъ уже имело и... всякое всё-возможное. Какъ будто начавъ удаваться успехъ уже. Тольки впьять какъ закрутыть ето и всё-возможное. Какъ пойдётъ ето. Мурченіе впьять, мигрень ето, жыботъ зновъ какъ бубонъ и всякое прочое. Тутъ есть одна тето барышня, тоже такымъ же страдаеть. Служыть на телехвони. Съ образуваніемъ... Такъ, говорыть, десять дохтуровъ переминыла и никоторого пособія...

— Сказывають, очынь прекрасно сциляють тетыи новыи мощи—задумлыво промовляе унтеръ.—Усяки болести какъ водой змывае всё равно. Одна тутъ старушка, восемь летъ страдала погамы. Зразу сцилылась. Пойшлы бъ Сыдиръ Иванычъ та зразу все скынулы бъ. Дохтуръ шо? Дохтуръ одне выличыть, а другое зостанется, а то здоровый на вси бокы. И ликарствъ никакихъ уже не нада...

— Невжели сциляе?—жваво пытае Сыдиръ Иванычъ.

— А ій Богу!

Сыдиръ Иванычъ захоплюется. Справди, узять отпускъ, пойихать, помолыться. И здоровый, и ликарствъ не треба. Можна вси шкляночки повыкыдать... И недорого коштуватыме... И вже бильшъ ніякыхъ розмовъ не треба зачынаты про хоробы...

Але чымъ бильше винъ думае въ сёму напрями, тымъ бильше почынае почуваты, що ёму робытся нудно, скучно, и чого-сь не вирытся, що мощи «сцилять» ёго.

— Не?..—хытае винъ головою.—Може мощы й той и... сциляють, тильки зо мною ето трудно будеть... Потому, када бъ у мине була какая-сь звесная болесть... Отъ, скажемъ, хоть... нефлюенція. Тада, значыть, и просыть знаешъ какъ. А какъ у мине такая болесть, що іи й опрыдилыть трудно, то якъ ты су-

неся... «Святой великомученыкъ, исцилы мине болесть»... а какую—то й самъ не знаешъ.... Нетъ, тето низзя такъ.

— Говорять, хорошо протывъ жывота горчыцю прыймать—промовляе Семененко.—Якъ, значыть, вона есть цила, такъ и прыймать, зъ водою, чы зъ молокомъ...

Сыдиръ Иванычъ насторожуется.

— Цилою?

— Цилою. Не терты, не товкты, ничого...

— Любопытно. И, говорышъ, помогаеть?

— А якъ же—помогаеть?

— Хм... пидожды.., ето той... Нада запысать!

И Сыдиръ Иванычъ зъ заклопотанымъ лыцемъ бижыть у канцелярію й зныкае за перегородкою.

Якъ тильки гоминъ видъ ёго ходы стыхае, на койкахъ разомъ пидводятся постати салдатъ и заразъ же зъ обуреннямъ накыдаются на Семененка.

— Для якого чорта ты сказавъ ёму про горчыцю? Хто тебе просывъ зачипать ёго?—гнивно шыпыть до ёго ефрейторъ Мотузокъ.—Сволочъ проклята! Винъ теперъ и наментъ не дасть заснуть... Тобъ може побалакавъ та й пишовъ бы соби, а теперъ... «Горчы-ыця»! Идолъ!.. Не знаешъ ёго, чы що?!

Семененко вынувато й ніяково усмихается и мовчкы чухае обстрыжену голову.

— Ошыбку давъ...—зитхае винъ.

— «Ошыбку давъ»... Ефіёпъ!.. Отъ теперъ винъ тоби покаже... Маешъ якусь мынутку спочынуть и ту... Эхъ!—винъ додае нелитературный выразъ и зъ-злистю лягае зновъ на койку. Семененко такъ же вынувато всмихается й тре рукою лоба. Чуется поспишна хода и зъ канцеляріи выходыть Сыдиръ Иванычъ зъ папиромъ на якійсь кныжци й олывцемъ у рукахъ. На маленькому носи ёму начеплени окуляры зъ ныткою замисць однои нижкы.

— Да, да..,—говорыть винъ, прыемно ожывленный,—ето запысать. Я кадась про тето средство слыхавъ... А какъ розду-

мався, такъ, кажысь, какъ разъ по моій нормальности. Ну, такъ какъ ето?

Семененко кыдае окомъ на товарышивъ и говорыть:

— Ну, значыть, нада купыть горчыци...

Сыдиръ Иванычъ сидае на край койкы, кладе кныжку зъ папиромъ на колина и почынае запысувать.

— Ну... «купыть горчыци»... Есть... Дальше.

— Звесно, сполоскать, якъ следъ... Зъ наблюденіемъ чыстоты.

— Ну-да, ето вже завысыть одъ обхожденія домашнёго. Усякое тамъ всё возможное... Чыстота и всё такое... Ну?

— Ну.., потомъ ето... насыпать у якусь чашку, чы мысочку, або й стаканъ... И пыть...

Фельдфебель слыпыть олывець, поправляе окуляры и, схылывшы трохы голову на бикъ, запысуе «рецептъ». Вси пыльно слидкують за ёго рукою, яка старанно, потыху выводыть велыки, розтопирчасти литеры.

— «И пыть»... — кинчае винъ.—Харашо! Очынь прыкрасно! Спробуемъ, спробуемъ!

Винъ пидійма якось до-горы бороду и зъ-пидъ окулярив дывытся на всихъ веселымъ, завдоволенымъ поглядомъ, поглядомъ чоловика, якый найшовъ такы, до чого прыкласты свою енергію, якый бадёро й серьёзно визьмется за се дило. И выдно, що визьмется не абы якъ, а зъ розумомъ, обмиркувавшы, оглядившы справу зо всихъ бокивъ.

Салдаты жъ, хоча й всмихаются й спивчуваюче хмыкають, але выдно все-такы, що зовсимъ не пройнялысь ёго намиромъ. Лыця имъ сонни, зморени, очи бигають по казарми й нудлыво зупыняются на тыхъ товарышахъ, що тамъ далеко въ кутку такъ солодко сплять соби.

— Да-а, делишкы могуть поправыться!—говорыть зъ надією Сыдиръ Иванычъ.—Я вже тето обдумавъ... Потому узять на разсужденіе зъ такымъ хвактомъ: горчыця, какъ дробная ето штука и ча́стая.., она ето прыйдёть у жывоть и зделаеть... все возможное разположеніе. Какъ, прымеромъ сказать, купавъ борщъ, кашу и шось ищо, скажемъ, вареныкы... Оть она ето й разпо-

ложыть усё по своимъ местамъ... Усякый предметъ на своё место.. О! отъ и пойдётъ тада... А вже када жывотъ въ хорошомъ настроенію, тада й всякое всё-возможное ето... й голова, и прочее тоже въ спокойствіе пойдуть. Жывотъ, ето насамперёдъ... А то отъ ето... выйшовъ сёгодня зъ дому. Всё очынь прыкрасно и вдругъ ето... мурченіе. Отъ такъ ето... мур-мур-муръ... Какъ наче покотывъ щось... И въ глазахъ ето сичасъ... мыг-мыг-мыгъ, какъ на подобіе млынъ крыламы... А почему такая мигрень у глазахъ? Га?.. Одъ мурченія!

— Звесно...—згожуется Семененко—що жывотъ ето первое дело. Усякая хороба тамъ найскорей заводытся.

— Правда?—пидхоплюе Сыдиръ Иванычъ.—Верно я говорю?

— Звесно, када...

— О! А ну-ка, скажы тето Мальчевському! Ого!.. Онъ тибе сичасъ: «Нефлюенція»! А що то за нефлюенція, када у тибе въ жывоте мурченіе и всякое ето всё-возможное... Када нефлюенція, такъ хай же й будеть нефлюенція! А то отъ такое... Барышня тета... немолода вже, правда, барышня, тоже вже годъ семъ страдаеть тетымъ. Говорыть: «рыпматизъ кышокъ»... Ето, значыть, какъ у ногахъ, або тамъ у рукахъ буваеть рыпматизъ, такъ и въ кышкахъ.

— Я понимаю...—хытае головою Семененко.—Значыть, у жывоте.

— Ну-да... Ну, и впотребляеть какыись порошкы, на подобіе какъ ето буваеть быргалетовая соль... Пывъ и я ихъ... Не по моій нормальности... Какыись такыи... хто ихъ зна...

— Невдовлетворительныи?—пидсказуе Семененко.

— Да-да... Та й на выдъ... какыись чудныи... Отъ я покажу.

И, не дывлячысь на свій высокый чынъ, Сыдиръ Иванычъ охоче встае и зновъ иде у канцелярію. Въ казарми пиднимается шопотиння. Вже навить зъ дальнихъ коёкъ пидводятся салдацьки постати й накыдаются на Семенецка, якый, высоко пиднявшы

бровы, зъ одчаемъ оправдуется и навить прысягается, що винъ невынный й що ёму самому въ печинкахъ уже сыдыть фельдфебелева хороба й балачкы его.

— Хиба жъ мени самому прыятно слухать, якъ винъ тутъ базикае?—часто озыраючысь на дверы, палкымъ, задушевнымъ шопотомъ говорыть винъ.—Чудакы, ій Богу! Самъ спать хочу, якъ заклятый, такъ що жъ маю делать? Не прожену жъ ёго?

— «Не прожену»,—злистно шыпыть худый Завирюка,—проженешъ, не проженешъ, а не зачипай, отъ що!... «Горчыцю добре»... Зъ горчыцею своею... Анахемы! Вночи спавъ не бильше, якъ тры часа, теперъ цей пузатый чортъ не дае спать, а тамъ у лагери..

— А отъ ще якъ почнётъ исторію свою чытать...,—зъ похмурою погрозою бовкае Мотузокъ,—тоди спатымешъ уже...

— Онъ е́ще сво́и мындали будетъ показы́валъ—дывлячысь въ викно, сумно-задумлыво додае Кржтузськый.—Жёбы ёго зъ тымы мендаля́мы й хороба́мы чо́рты взялы о́дъ насъ... Та́ка...

— А знаете що?—раптомъ жваво перебывае сёго Семененко.—Давайте ёго въ третій зводъ справымо! Хай свою исторію чытае! Ій Богу! А тамъ Мандрыкинъ, ёго секретарь...

— Справышъ...—безнадійно говорыть Мотузокъ.—Якъ догадается, такъ ще й нахватаешъ.

— Тш-ш!—шыпыть Семененко и дывытся на дверы канцеляріи, зъ якыхъ заразъ же выходыть «фитьфебыль».

— Отъ...—протягуючы ёму загорнути въ билый папиръ порошкы, завдоволено посмихается Сыдиръ Иванычъ.—Ета самая... чепуха.

Семененко обережно розгортуе одынъ порошокъ, зъ нахмуренымъ, серьёзно-крытычнымъ выглядомъ оглядае ёго, навить пидносыть до носу й нюхае и, вертаючы, зъ невагою говорыть:

— Конешно чепуха... Разли оны що помогуть? Зразу выдно...

— Хе-хе-хе!—сміется Сыдиръ Иванычъ и, сидаючы на койку, почынае оповидаты, якъ винъ се саме выяснявъ барышни й якъ та «по недорозуменію ума своего» не хотила навить и слухать

ёго. Зъ барышни винъ непомитно переходыть на Мальчевського, на Суханова, зъ Суханова на рыпматизъ, зъ рыпматизу на инфлюенцію, на мигрень, мурченіе, бубонъ и т. д., и т. д. Салдатамъ стае, выдно, ажъ млосно, але Семененко хытае головою, пидтакуе и, помитно, щось напружено думае.

— Полковныкъ говóрять: «ты, Кравченко, мнимый господинъ и больше ничево!» — иронычно всмихается Сыдиръ Иванычъ. — «Усё тебе тольки прыставляется». Выходыть, що я здоровый чоловикъ, а тольки выдумую усё. «Зъ безделія, говóрять, усё тето. Водкы не пьешъ, до бабъ жона не пущаеть, отъ и забавляеся». Очынь прыкрасное разсужденіе!.. Да-а — зитхае винъ. — Хорошый мнимый, када тето... не знаешъ де тебе подеться одъ страданія... Мнимый господинъ... Хе!.. Када бъ ёму такое приключеніе болестей, дакъ и онъ бы сделався мнимымъ... Мнимый!.. Вчорась...

— И, скажить на мылость, давно тето вже у васъ?—мягко перебывае ёго Семененко, пыльно й зъ самымъ уважнымъ чеканнямъ дывлячысь ёму въ лыце.

— Э!—сумно хытае головою Сыдиръ Иванычъ.—Давно вже страдаю... Ще какъ той... ще какъ зъ походовъ прыйшовъ. Десь верно простудывся на Шыпке, отъ и пойшло...

— А въ якому то месяци запысано це въ исторіи у васъ? Я слыхавъ, тольки забылся вже.. Кажетця... хм...—прыгадуе Семененко, похмурывшы бровы—кажетця... право, забылся...

Сыдиръ Иванычъ тежъ почынае прыгадуваты, але на дыво й винъ не може твердо сказаты, въ якому саме мисяци.

— Хм... Отъ такъ штука!—здыовано говорыть винъ.—Какъ же це такъ?.. Невжели я не запысавъ? Та не можеть же тетого буть! Мандрыкинъ! Мандры-ы-кинъ!!—голосно, на всю роту гукае винъ. Хто справди заснувъ, злякано прокыдается, зхоплюется зъ койкы й заспанымы, напруженымы очима дывытся навкругы. Въ сусиднёму й павить у першыхъ взводахъ тежъ прокыдаются видъ сёго ризкого, голосного крыку й непорозумило пытаются одне въ одного прычыны.

— Мандрыкинъ!!—ще голосныще гукае Сыдиръ Иванычъ.— Онъ анахема, крепко спыть. Пойды розбуды його!—звертается винъ до Семененка. Той весело кыдае «слушаю», охоче зстрыбуе зъ койкы и бижыть у сусидній взводъ. Унтеръ взводу й де-хто зъ салдативъ зустриваютъ ёго зъ соннымы, зтурбованымы пыкамы.

— Шо тамъ такое?

— Мандрыкина клыче—всмихается Семененко.

— Для чого?

— Хто ёго зна... Кажысь исторію чытать буде...

Мандрыкина, що уявляе нибы спыть, наче выхоромъ пидкыдае на койци.

— Какъ!?—вызвиряется винъ на Семененка.—Какъ ты сказалъ сейчасъ?

Исторію чит...

— Исторію?? Ну, братъ, это ужъ смѣесся!.. Никакой такой исторіи я читать не буду! Слышь?! Такъ ты ему мнимому чорту и скажи. Во! А ежели онъ еще слово мнѣ скажетъ, дакъ я ему такъ вотъ и заѣду по харѣ! Какая такая исторія можетъ быть теперь? Я спать хочу! Исторія!.. Человѣкъ спать долженъ. Мнѣ ежели часъ одинъ не доспать, дакъ я совсѣмъ больной. А я цѣльную ночь-то не спалъ.—Смѣесся, братъ!

— Та мине шо?—зтыскуе зъ усмишкою плечыма Семененко.—Я ёму такъ и скажу...

Чуты важку, поважну ходу фельдфебеля. Мандрыкинъ хутко лягае зновъ на подушку й удае, що спыть. Хто лежавъ, розплющывшы очи, зразу закрывае ихъ и почынае сопты носомъ; хто не лежавъ—або сидае ривныще, або встае.

— А Мандрыкинъ спыть?—входячы й озыраючысь пытае Сыдиръ Иванычъ.

— Такъ точно!—одповидае унтеръ.

— Хм... А ну-ка, розбуды ёго... на мынутку...

По лыци ёму выдно, що винъ пыльно, напружено щось прыгадуе.

— Унтеръ повертается, здержуе на губахъ усмишку й починае торсаты Мандрыкина. Той якъ дерево качается пидъ ёго штовханамы, але й окомъ не клипне.

— Спыть, Сыдиръ Иванычъ—повертаючысь до сёго, говорыть унтеръ.

— А ты той... почуствительней... Дело важное..

Унтеръ повертается и почынае зновъ ще дужче торсаты Мандрыкинымъ. Той зновъ хытается на вси бокы, якъ одубилый, але дали не выдержуе, розплющуе очи й пытае:

— Ну чево?

— Встань, Сыдиръ Иванычъ чево-сь клычуть—кусаючы губы говорыть унтеръ. Мандрыкинъ вяло встае, линыво пидходыть до фельдфебеля и, чухаючысь у голову, говорыть зъ ніяковою посмишкою:

— Спать больно хочется, Сидоръ Иванычъ!

Але Сыдиръ Иванычъ навить не чуе.

— Отъ шо, Мандрыкинъ—заклопотано звертается винъ до ёго.—Ты не помнышъ, у какомъ тето месци мы пысалы про мою болесть... Въ тетой... въ исторіи?

— Про болѣсть?—перепытуе Мандрыкинъ и закыда очи на стелю.—Про болѣсть?.. Это будетъ, Сидоръ Иванычъ, въ томъ самомъ мѣстѣ... э... э... какъ турокъ на пушкѣ верхомъ съ горы поѣхалъ.

И винъ смилыво, але й пыльно якось дывытся у очи фельдфебелю.

— Турокъ?..—думае Сыдиръ Иванычъ.—Ну, шо ты!.. Нетъ!..

— Верное слово, Сидоръ Иванычъ!

— Э!.. говоры!.. Не! нада пошукать!—ришуче хытае винъ головою. й поспишно йде въ канцелярію. Мандрыкинъ ще якый-сь часъ мовчкы, мовъ застыгшы, дывытся ёму вслидъ, потимъ повертается до товарышивъ, хыта головою й говорыть:

— Вотъ песъ! Я думалъ, повѣритъ, нѣтъ, идолъ не повѣрилъ! Думалъ, скажу, дакъ отцѣпится, а онъ вотъ... что... Вотъ песъ!.. Ну, ужъ это шалишь, пузатый чортъ, не стану тебѣ искать-то! Это ужъ смѣесся, братъ! Намъ спать полагается.

Унтеръ не слухае ёго й понуро дывытся въ розчыняне викно, въ яке мягко, свижо віе весняный, хороший витрець Тамъ далеко десь зеленіе вже щось, розцвитае и такъ дуже, такъ солодко маныть у поле, на волю. А въ кутку хто-сь такъ прываблююче хропыть, такъ смачно выробляе носомъ «харр-фю-ю! харр-фю-ю!» Унтеру, выдно, тошно, нудно, десь хочется схылыты голову на подушку, пидкласты зморену пидъ щоку руку и тыхо-тыхо заснуты.

— Мандрыкинъ!!—вмыть гулко несется зъ канцеляріи.

Де-хто ажъ здрыгуется, поспишно зкыдае зъ головы шынелю й дывытся передъ собою:

— Чтобъ тебя разорвало, собака!—бурмоче Мандрыкинъ, не рухаючысь зъ мисця.

— Иды, клыче... що жъ сыдышъ?—хытае головою на канцелярію унтеръ.

— Не пойду!

Унтеръ мовчкы, здывовано дывытся на Мандрыкина, якый посвыстуючы дывытся въ викно.

— Да иди!—чуется зъ якои-сь койкы.—А то сюда прійдетъ и никому спать не дасть...

— Мандрыкинъ!!

— А чтобъ ты подавился, иродъ проклятый! — зрывается зъ мисця Мандрыкинъ и злистно ступае до канцеляріи. Але въ сю хвылыну на зустричъ ёму выходыть якъ разъ Сыдиръ Иванычъ зъ довгымы аркушамы поперу въ рукахъ й зъ окулярамы знову на носи.

— А видишъ нема коло турка!—говорыть винъ, забачывшы Мандрыкина—Нá, посмотры... Онъ мине говорить!..—Сыдиръ Иванычъ дае ёму частыну аркушивъ, а самъ зъ другою пидходыть до коёкъ, сида на одну й почына любовно перегортаты аркушъ за аркушомъ. И ёму прыходыть думка, що якъ-не-якъ, а винъ такы добре зробывъ, що почавъ пысаты історію свого повка. Отъ и про богнисть можна докладно дознатысь, и видъ начальства, й видъ салдатъ повага. Самъ полковой командиръ, заставшы ёго

за пысаніемъ исторіи, прочытавъ початокъ, усмихнувся и поляскавшы Сыдира Иваныча по плечахъ, сказавъ:

— Молодчина Кравченко! Валяй, брать, валяй! Полковымъ историкомъ будешь!

Покы Мандрыкинъ розшукуе «турка», Сыдиръ Иванычъ спершу про себе, а потимъ такъ, щобъ и другымъ чуты було, почынае чытаты:

— «Исторія N-скаго полка або какъ мы ходили на турковъ во времня Шыпкы» [1]).

«Спервоначала, када намъ объявылы про войну, я бувъ ще тада простымъ салдатомъ, бо тада служылы не такъ какъ теперъ ето чотыри, або тры года, а двадцять пять лѣтъ, и я не заслужылъ ищо фитьфебеля, которую должность я получилъ вже послѧ́. Када насъ повезлы у походъ, я сыльно ставъ скучать по глупости ума своего за мѣстопрожываніемъ детства своего и за родытелямы, но какъ салдату скучать не полагаетьця, то я и переставъ делать чепуху».

Сыдиръ Иванычъ дывытся черезъ окуляры на слухачивъ, яки похмуро дывлятся на ёго, и шыроко, радостно посмихается. Колы ёго поглядъ зупыняется на кому небудь, той крыво-спивчуваюче хмыкае и тикае очыма куды небудь въ кутокъ. Сыдиръ Иванычъ перегортае аркушъ и де-сь зъ середыны знову чытае:

---

[1]) Мушу даты коротеньке пояснення. Мандрыкинъ за часы свого секретарства не насмилювався не то що словомъ, але й одною литерою змиҥыты проказане авторомъ, Сыдоромъ Иванычомъ. Правда, винъ се зпочатку одважувався робыты, але колы Сыдиръ Иванычъ звернувъ ёго увагу на свои авторски права, пидкрипывшы ихъ обицяннямъ «вымазать ёму всю морду чорныломъ», якъ тильки винъ ще хоть разъ повторыть свои намагання,—Мандрыкинъ схаменувся и потимъ до литеры вже запысувавъ кожне слово Сыдира Иваныча. Пéвна ричъ, що я зъ свого боку тимъ паче стою за недоторканисть творивъ безъ згоды автора. Тому, чытаючы сю «Исторію N-ськаго полка и т. д.», чытачи можуть чытаты іи зъ такою жъ увагою, якъ бы рука самого Сыдира Иваныча запысувала ёго думкы на паперъ.

— ...«По случаю зымнёго времня у мине порвалысь сапогы, которыи я поручывъ ротному сапожныку Гавріилу Гусаку подчыныть. А самъ съ прыскорбіемъ ходывъ у однехъ валянкахъ. А тутъ туркы почалы атакувать нась стрильбою, и када Гусакъ подчынялъ сапогы бомба окнчательно оторвала ёму ногу. Всё такы онъ болѣе не могъ сапаговъ подчинять и пропалъ мой завдатокъ цѣною 35 коп. А кругомъ усё горы и дробный лесъ.....»

— Такъ ето й той... и проходывъ у валянкахъ...,—пидіймаючы голову, усмихается Сыдиръ Иванычъ. Унтеръ хоче що-сь сказаты, але Мандрыкинъ перебывае ёго й говорыть:

— Да, вѣрно, Сидоръ Иванычъ, возлѣ турка нѣтъ... Должно въ другомъ мѣстѣ.

— Ага!—скрыкуе Сыдиръ Иванычъ.—А я тоби говорывъ... Десь тутъ... На́, пошукай...

Почынается розшукування. Въ кутку вже зтыхло солодке «хар-фю-ю», за те чуты таки згукы, нибы хто студыть гарячый борщъ; потимъ хтось плямкае губамы, нибы вже йисть; а инчый бурмоче щось, и зновъ «пху!.. пху!»... Чуты, хтось одчыняе двери въ казарму й не по-салдацькы ступае по пидлози. Вси пидводятся й чекаюче дывлятся у проходъ. Зъявляется коротенька, товстенька постать подпоручыка Козявкы. Картузъ ёму одсунутый трохы назадъ, пухки, якъ дви пидсмажени пампушкы, щокы грають румьянцемъ; чорни, шыроко розставлени оченятка бигають прудко й весело.

— А! кавалеры!.. Здрастуйте!—кыдае винъ.

— Здрав... желай.. вашш.. благородь!..—не въ ладъ одповидають ёму Сыдиръ Иванычъ и слухачи.

— А командира не було, Кравченко?

— Никакъ нетъ!—спокійно и ривно, безъ звычайнои салдацькои поспишносты й напруженя одмовляе Сыдиръ Иванычъ.

— Хм... Странно!.. Странно, странно...—покручуючысь на каблукахъ, крутыть задумлыво вуса Козявка.—Потимъ повертаючысь до ныхъ и, дывлячысь на аркуши, пытае:

— А вы что тутъ... читаете?

— Такъ точно... Немножко ето исторію мою...,—усмихаючысь, гладывъ рукою аркуша Сыдиръ Иванычъ. (Яко сумирный авторъ, винъ завжды трохы конфузывся передъ чужымы людьмы).

— А-а!—протягуе Козявка, и въ лыци ёму пробигае щось веселе й жартовлыве, але воно заразъ же закрывается пыльною серьёзнистю й повагою.

— Подвигается? О чемъ уже теперь пишете?

— О схожденіе уже зъ самой Шыпкы,—кротко якось оповидае Сыдиръ Иванычъ.—Только ето мы теперъ про болесть мою пышемъ, то-есть шукаемъ, де ето напысано...

— Ага!.. Ну, а «болесть»... какъ?... Мигрень есть, не прошла?

— Есть,—сумно усмихается Сыдиръ Иванычъ—Де жъ ій пройты! Усё ето всё-возможное... И мурченіе...

— Хм... плохо, значитъ...,—серьёзно дывытся на ёго Козявка.—Лѣчиться нужно...

Сыдиръ Иванычъ махае рукою.

— Не помагаеть?

Сыдиръ Иванычъ одверта трохы голову, дывытся задумлыво въ викно и говорыть:

— Де жъ оно поможеть, когда той... у точности нихто не можеть болесть мою оприделыть...—Одынъ такъ, другой сякъ...

— Д-да, это... нехорошо...,—ще серьёзнище й пыльнище дывытся на ёго подпоручыкъ.—Но неужели никто не можетъ... опредѣлить?.. Странно! Мнѣ кажется, это такая болѣзнь, что и я даже, хотя я и не врачъ, могу опредѣлить... Признаки, напримѣръ, такіе все... Мигрень въ глазахъ, мурченіе... Довольно распространенная болѣзнь... И не шуточная... серьезная болѣзнь... Знаешь, чѣмъ ты боленъ?

Сыдору Иванычу холоне въ серци и винъ боязко пытае:

— Чымъ?

Козявка ще разъ озырае ёго зъ нигъ до головы, пыльноуважно дывытся въ лыце и говорыть:

— Ну, конечно... хм... Знаешь, у тебя, братъ, самая настоящая... ко-смо-графія!

Сыдиръ Иванычъ блидніе. Очи ёму злякано дывлятся на Козявку; холодъ зъ грудей проходыть по жывоти, по ногахъ и наче налывае ихъ олывомъ. Але винъ все-такы крыво всмихается и не зовсимъ довиряючы, гадаючы, що той жартуе, неришуче говорыть:

— А може... вы той... може вы ошыбаетесь, ваше благородіе? Потому, какъ я сибе имѣю на замиченіе...

— Твои «замиченія»—ерунда!.. Это самая настоящая космографія, и при томъ въ довольно острой формѣ... Можешь вѣрить, можешь не вѣрить, это для меня все равно... Но я бы тебѣ не совѣтовалъ шутить съ ней... Болѣзнь серьёзная...

Козявка раптомъ, нибы щось побачывшы въ викни, одвертается, закусюе губы й почынае пыльно дывытысь на двиръ. Сыдиръ Иванычъ дрижачою рукою тре лобъ и дывытся на ёго. Салдаты перезыраются, але не знають, якъ держаты себе, й нудлыво дывлятся на койкы.

— И, говорыте, очынь сурьёзная тето болесть?—нарешти пытае Сыдиръ Иванычъ.

— Ну разумѣется,—не повертаючысь, одмовляе Козявка.— Космографія!.. Хм... Это не шутка!..

Сыдиръ Иванычъ дывытся на салдатъ, втягуе въ себе губы и, хытаючы головою, говорыть:

— Отъ вамъ!..

Потимъ хутко звертается до офыцера й пытае:

-- Ваше благородіе! Ну, а отъ... примерно сказать, я горчыцю хочу впотреблять... Одъ жывота... Какъ она протывъ... с... скомографіи?

— Горчицу,—озыраючысь, зи страхомъ скрыкуе «благородіе»,—Боже сохрани! Это—смерть!.. Кто это тебѣ сказалъ?.. Это смѣялся кто-то!.. Никакихъ горчицъ!

Ну, а какыи жъ... тето... ликарства

— Какія?.. Хм... Я, видишь, самъ тебѣ не могу сказать.— Это ужъ пусть врачъ говоритъ... Ты къ врачу обратись... Главное опредѣлить болѣзнь... А горчицу, Боже сохрани... Плюнь

тому въ морду, кто это сказалъ тебѣ... Ну, мнѣ некогда... Прощайте, кавалеры!

— Счаслывого пути, ваше благородіе!

Козявка хутко одвертается й, кусаючы губы, выходыть, а Сыдиръ Иванычъ почынае збентежено ходыть по казарми, то гирко, то непорозумило всмихаючысь, и голосно стукае каблукамы по пидлози. Мандрыкинъ та инчи, слухаючы, потыху лягають на койкы й замирають. Сыдиръ Иванычъ ходыть, ходыть, потимъ раптомъ повертается й ришуче йде въ канцелярію за свою перегородку. Зхопывшы зъ столу аркушъ папиру зъ «рецептомъ», винъ, гризно похмурывшы бровы, йде въ четвертый взводъ и голосно крычыть:

— Семененко!!

— Де-хто здрыгуется, пидводытся, але Семененко не рушытся.

— Ты!.. Дохтуръ паршывый,—пидходячы до койкы, штовха ёго Сыдиръ Иванычъ кулакомъ у бикъ. Семененко щось мурчыть, розплющуе очи и, зобачывшы фельдфебеля, схоплюется й сидае на лижку. Одна щока ёму червона видъ лежання и скудовченый вусъ зализъ ажъ у ротъ.

— Слушаю...,—бурмоче винъ.

— «Слушаю»... Халера! Ты шо жъ ето надсмешкы строить задумавъ изо мною,—злистно пытается Сыдиръ Иванычъ, бьючы рукою по папиру.—Га?.. Какыи такыи могу́ть быть горчыци протывъ с... мос... москографіи? Га? Я тебе спрашую, какыи могу́ть быть надсмешкы зъ начальникомъ?!.. Шо ты зъ мальчыкомъ у играшкы войшовъ, или шо?.. «Горчыця протывъ жывота»... Халера амерыканська!.. Отъ какъ дамъ тибе въ паскудну твою морду, такъ будеть горчыця...

Семененко ничого не розуміе: діется щось погане, а що́,—не видомо. Здается, радывъ одъ щырого серця, а выходыть щось не такъ.

— Спать тольки,—ироды! Я вамъ покажу спать!.. Я вамъ дамъ!..

Сыдиръ Иванычъ озырается; бачыть доли биля койкы чыйсь поясъ и вментъ звиріе:

— Зводный!.. Зводный!

Бильша частына салдатъ схоплюется, протырае очи, сопе й злякано дывытся на «фитьфебеля». Взводный, унтеръ-офыцеръ Мозоль, зстрыбуе зъ лижка и зъ заспанымъ лыцемъ бижыть до ёго.

— Тето шо такое??—гризно простяга до пояса руку и, дывлячысь на унтера, шыпыть Сыдиръ Иванычъ.—Я тибе спрашую, по какой надобности, по какымъ такымъ чыркулярамъ полагается поясамъ подъ койкамы валяться? Чыя то обязанность за порядкомъ смотреть? Га?

— Верно, упавъ нечаянно зъ койкы...,—бурмоче взводный

— Упавъ?!.. Я тибе...

И вмыть наче хто залипывъ Сыдору Иванычу рота. Винъ прыклада до жывота руку, шыроко розплющуе очи й, замершы весь, до чогось прыслухается. Вси напружено, не шорохнувшы, слидкують за нымъ. Стае тыхо-тыхо...

— Отъ... вона .. ета... самая... с... москографія!--тыхо говорыть Сыдиръ Иванычъ, сидаючы безсыло на койку. Поглядъ ёго падае на поясъ, винъ хыта на ёго головою до унтера й слабымъ, болистнымъ голосомъ говорыть:

— Поднимы... Спыльчывый я очыпь у неврахъ своихъ. А ето отъ... и той... и вредно выходыть... Такъ ето мине какъ загурчыть и мленіе какое-сь .. ето... всё-возможное...

Винъ якусь хвылыну мовчыть, оддыхуючы, потимъ звертаетя до трохы заспокоенного Семененка й гирко, безнадійно каже:

— Выходыть, делишкы-то совсёмъ погани... Выходыть, у мине не рыпматизъ и не нефлюенція, а той... а тета самая... моско... графія.

— О?!--злякано пидпима бровы Семененко.--Та пе може буть?!

— Подпоручыкъ Козявка опрыделывъ... То, говорыть, ето усё ошыбочно тибе опрыделялы твою болесть, а она просто москографія .. Отъ!.. А я, кажысь, и въ исторіи запысавъ, що рыпматизъ... Мандрыкинъ!!

Але не чекаючы вже Мандрыкипа, винъ самъ устае и йде въ третій взводъ. Зачувшы ёго гукання, Мандрыкинъ скажено схоплюется, бье себе въ груды и зъ ненавыстю крычыть:

— Вотъ убей меня Богъ, если я ево не задушу собаку, мучителя... Покою нѣтъ отъ толстой шкуры... Только...

У дверяхъ зъявляется товста, здорова постать «шкуры» и зъ рукою на череви пидходыть до порожнёи койкы, на якій лежать зложени аркуши забутои «исторіи». Гиркый, болистный выразъ не сходыть ёму зъ лыця.

— Отъ выдишъ, Мандрыкинъ, — говорыть винъ слабымъ голосомъ,—мы запысалы тутъ, що рыпматизъ, а выходыть совсёмъ другое... ета самая москографія... Нада братъ, перепысать. Низзя... Пошукай пожалуста...

— Я, Сидоръ Иванычъ, не могу—похмуро бовкае Мандрыкинъ, бигаючы по казарми.—Съ трехъ часовъ на стрѣльбѣ... Истомился... А теперь въ лагери, работы много... Намъ спать послѣ обѣда полагается.

Сыдиръ Иванычъ зыркае на ёго, червоніе, але ничого не каже й тильки пыльно дывытся у аркуши. Унтеръ потупляе голову, салдаты поглядають то на Мандрыкина, то на фельдфебеля.

— Та-акъ... Ха-ра-шо-о!..,—втягуючы въ себе губы, протягуе Сыдиръ Иванычъ.—Очень... пе-ре-кра-асно... Що жъ... полагается, такъ полагается...

Винъ потыху складае аркуши, выривнюе ихъ и мовчкы йде у канцелярію. Въ взводи пидіймается палке шопотиння: хто докоряе Мандрыкину, що винъ своимъ вередуваннямъ выклыче чыпляння «мнимои шкуры» на весь взводъ, де-хто лае самого Сыдира Иваныча, де-хто жъ сміется й, солодко позихаючы, укладается, зновъ спаты. Мандрыкинъ завзято сперечается, бье себе въ груды й прысягается, що «мнимый» вытягнувъ уже зъ ёго жылы, и довшѐ винъ не мае сылъ терпиты. Хай ёго садовлять «пидъ арестъ», хай виддають «пидъ судъ», а винъ билыше не буде секретарюваты у «собакы».

Въ четвертому взводи раптомъ чуется голосна, злистна балачка Сыдира Иваныча; чуты, лае когось. Крыкъ стае дужчымъ, потимъ чуты якусь команду; тыхо, дали зновъ команда и тупання багатёхъ нигъ. Въ дверяхъ гризно зъявляется Сыдиръ Иванычъ.

— Вставать!..--крычыть винъ голосно.--Одеватця! Въ лагери!-- Мандрыкину, выдно, хочется сказаты, що рано ще, що йе наказъ въ тры годыны выходыты зъ казармы, але винъ зыркае на червоне, зле облыччя фельдфебеля й мовчкы почына натягаты мундыра. Вси тежъ мовчки устаютъ, будять тыхъ, що сплять, и одягаются. Хутко чуется фельдфебеливъ крыкъ въ другому й першому взводи, чуется ёго лайка, команда, выгукуванния.

— Толькы й знаете спать.. ,—сопучы, проходыть винъ у канцелярію.—«Полагаетця»... Зъ нымы какъ зъ людьмы, а оны тибе «полагаетця»... Скоро мине!.. Стройсь!.. Чого тамъ копаетесь?

Сонъ, тышу, якъ злызало зъ казармы. Дзвинъ лопатъ, сокиръ, крыкъ унтеривъ, шопотиння й злистне, похмуре бурмотиння кризь зубы рядовыхъ, шарудиння нигъ... Выстроилысь...

Сыдиръ Иванычъ обходыть, пыльно озырае кожного, а надто Мандрыкина, дае команду, и рота, стукаючы чобитьмы, подзенькуючы лопатамы й сокырамы, зъ шумомъ выходыть зъ казармы.

Сыдиръ Иванычъ обходыть порожни взводы, кыдае окомъ на дневальныхъ и йде въ канцелярію...

Настае тыша. На стини цокае годынныкъ и нудно-нудно такъ вымовляе: «ось-такъ! ось такъ!» Сыдиръ Иванычъ довго стоить биля викна и задумлыво-сумно дывытся на двиръ; потимъ, зитхнувшы, йде за перегородку, сида на лижко биля столыку й почына передывлятысь шклянкы й пляшечкы зъ ликарствамы. А на губахъ ёму стоить гирка, иронычна посмишка й иноди ледве чутно вырывается зъ ныхъ:

— Мнимый..

В. Винниченко.

Кое-что о козаччинѣ на Украинѣ въ 1855 году.

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» напечатана статья, подписанная буквами Л. М., подъ заглавіемъ: «Замѣтки къ исторіи Кіевской козаччины 1855 года». Статья эта вызываетъ меня къ записи того, что мнѣ извѣстно по этому дѣлу и что, при всей неточности и туманности возстановляемыхъ въ моей памяти картинъ, должно бы имѣть мѣсто въ ряду имѣющихся тоже недокументальныхъ и несистематизированныхъ данныхъ для болѣе точнаго воспроизведенія этого эпизода въ исторіи народной жизни Украины. Въ 60-хъ годахъ въ Кіевщинѣ мнѣ приходилось видѣть и знать лицъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ.

— О! це ще до козаччины було...—

— Саме тоди, якъ пысалыся у козакы...—

— Це жъ саме винъ и запысувавъ насъ у козакы...—

— Пысалыся уси, бо така чутка була, що хто не буде запысаный, той зостанется за панамы...—

Такія фразы слышалъ я отъ живыхъ и про живыхъ людей.

Изъ записаннаго про эту козаччину мнѣ извѣстны: два воспоминанія пострадавшихъ во время этихъ смутъ священниковъ, напечатанныя въ Кіевской Старинѣ въ 1884 г., Замѣтка покойнаго о. П. Г. Лебединцева, напечатанная тамъ же за 1900 г., іюль й августъ, и, наконецъ, вышесказанная замѣтка г. Л. М. Больше я ничего и не читалъ и всегда удивлялся, что такой важный въ исторіи народной жизни эпизодъ по сю пору не вызвалъ болѣе документальнаго и точнаго его описанія.

Я въ то время былъ въ Бѣлоцерковской гимназіи и, вращаясь въ средѣ служащихъ въ имѣніи графовъ Браницкихъ—(дядя, опекунъ и воспитатель мой, былъ придворнымъ врачемъ графовъ Браницкихъ) и будучи уже подросткомъ (въ 4 или 5 классѣ гимназіи), понималъ, что дѣлалось и говорилось въ обществѣ. Все, оставшееся въ моей памяти, теперь записываю.

По послѣдней замѣткѣ г. Л. М. все это дѣло началось въ с. Черкасѣ, въ приселкѣ, гдѣ священникомъ, о. Михаиломъ Вышенскимъ, былъ прочитанъ высочайшій манифестъ о призывѣ въ ополченіе и гдѣ нашелся пылкій патріотъ Герасименко, такъ горячо отозвавшійся на призывъ.

Сомнѣваюсь, чтобы это все такъ и было. Напечатанную въ тогдашнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ патріотическую тираду врядъ ли скомпануетъ и теперь, 50 лѣтъ спустя, какой-нибудь Герасименко. Скорѣе всего, что рѣчь эта была измышленіемъ и, въ крайности, передачею своими словами словъ Герасименка о. Вышенскимъ.

Въ моей памяти, вѣроятно изъ слышаннаго въ то время, начало этого событія рисуется нѣсколько иначе.

Былъ обнародованъ высочайшій манифестъ о призывѣ ополченія, самое же формированіе ополченскихъ дружинъ производилось по особымъ указамъ Сената, разосланнымъ въ подлежащія губернскія правленія. Кіевская, Волынская и Подольская губерніи были освобождены отъ этой повинности въ виду того, что губерніи эти вынесли ужъ на себѣ тяготу подводной и квартирной повинностей при проходѣ войскъ на Дунай и, кромѣ того, дали отъ себя воловыя подводы съ погонцами. Такимъ образомъ народъ зналъ только о призывѣ въ ополченіе, а не видѣлъ у себя исполненія этого призыва, равносильнаго, по традиціи, записи въ козаки. Не такъ задолго передъ тѣмъ введенныя Инвентарныя правила (1848 г.), указывавшія на намѣренія правительства хоть въ извѣстной долѣ ограничить панскую власть, создали уже отчасти подготовленную почву для толковъ о записи въ козаки по манифесту. Кромѣ того, еще такого рода обстоятельства, мало кому извѣстныя, произошли тогда на югѣ Кіевской и Подольской губерніи.

Было сдѣлано (кѣмъ, не знаю) распоряженіе ловить въ Херсонщинѣ и Бессарабіи бѣглыхъ крестьянъ и годныхъ отдавать въ солдаты. Тогда югъ кишѣлъ бѣглыми. Преслѣдуемые нарочно для того посланными командами «бурлаки» подались къ сѣверу и прятались въ очеретахъ р. Выси, ниже впаденія въ нее Гнилого Тыкича, называемой Синюхою, протекающей по границѣ этихъ губерній. Многіе предпочли возвратиться къ панамъ, другихъ пойманныхъ и непригодныхъ для солдатчины отсылали на родину къ прежнимъ панамъ. «Бурлачня» эта явилась далеко не успокоительнымъ элементомъ сельской среды и своими разсказами про слышанное на взморьѣ и въ портовыхъ городахъ подбавляла горючаго метерьяла въ возбужденную уже и безъ того сельскую жизнь. Въ заключеніе явились: новый манифестъ о вступленіи на престолъ новаго государя, призывъ къ присягѣ всѣхъ жителей, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ, уничтоженіе военныхъ поселеній—все это настроило крестьянъ заявить себя, потребовать объявленія «*утаеннаго подкупленными попами и чиновниками-панами*» манифеста, или ужъ записаться самимъ и списки передать высшему неподкупному представителю царской власти. Враждебность къ священникамъ выросла на почвѣ подозрѣнія ихъ въ утайкѣ манифеста и отчасти была подготовлена незадолго предъ тѣмъ введеннымъ положеніемъ о содержаніи духовенства въ юго-западномъ краѣ, заключавшемся въ обязательной работѣ въ пользу священниковъ и въ содержаніи въ исправности домовъ и вообще всего жилья причтовъ. Это называлось, помню «*По проекту*». Все это вмѣстѣ было причиною волненій. Помнится, расказывали, что гдѣ-то, чуть ли не въ Корсуни, при чтеніи манифеста о призывѣ ополченцевъ, случилось быть исправнику, который, выходя изъ церкви, спросилъ крестьянъ, поняли ли они прочитанный манифестъ.

— А вже жъ, зрозумилы. Це Билый Царь выклыкае народъ ворога воюваты,—отвѣтилъ кто-то изъ крестьянъ.

— Мы вси підемо у козакы, у помичъ цареви!—добавили другіе.

— Молодцы!—сказалъ исправникъ.—А меня выберете отаманомъ своимъ!

Утайка манифеста священниками, какъ подозрѣвали крестьяне, больше всего ихъ возмущала. Но странно: требовавшіе манифестъ отъ священниковъ,—а это были въ большинствѣ случаевъ не свои прихожане, а изъ сосѣднихъ приходовъ, такъ какъ своимъ неловко было терзать своего попа,—указывали даже мѣсто, гдѣ спрятанъ былъ разыскиваемый манифестъ, а именно—подъ облаченіемъ престола въ церкви, но никто изъ нихъ не хотѣлъ самъ приподнять облаченіе и тамъ поискать манифеста, а заставляли сдѣлать это священниковъ и терзали ихъ, когда тѣ ничего не находили.

Гдѣ именно и когда вспыхнуло это движеніе впервые, я не могу сказать, какъ, вѣроятно, и никто намъ этого не скажетъ. Даже если бы и нашлись какія либо оффиціальныя на то указанія, то имъ трудно вполнѣ довѣрять, такъ какъ это только донесенія становыхъ, не всегда умѣвшихъ быть точными въ своихъ донесеніяхъ, а высказывавшихъ только свое личное мнѣніе, столь же гадательное, какъ и мнѣніе о. Вышенскаго, утверждавшаго, что все это движеніе началось съ момента, когда на его воззваніе такъ патріотически отвѣтилъ Герасименко.

Мнѣ кажется, что вызванное всѣми выше перечисленными причинами настроеніе крестьянъ, исключительно помѣщичьихъ (нужно это помнить), впервые проявилось тамъ, гдѣ больше было недовольства панскою властью, а таковая особенно была тяжела въ имѣніяхъ русскихъ помѣщиковъ, которыхъ не сдерживали и инвентарныя правила. Такимъ мѣстомъ было, напримѣръ, имѣніе Лопухиныхъ въ Корсунѣ, крестьяне коего считались болѣе знающими, чѣмъ крестьяне небольшихъ деревушекъ. Такая мѣстечковая громада, разумѣется, служила примѣромъ для всей окрестности. При томъ же корсунцы считали себя *мѣщанами*, которымъ только случайно не удалось доказать свои магдебургскія права, какъ незадолго передъ тѣмъ это удалось сосѣдямъ богуславцамъ.

По моему мнѣнію, первая вспышка и могла произойти въ Корсунѣ, а не въ какомъ-то Черкасѣ. А разъ вспыхнуло въ одномъ мѣстѣ, пожаръ распространился моментально па всю Украину.

Въ самой Бѣлой-Церкви рѣзкаго проявленія народнаго движенія не было. Въ настоящее время я не берусь объяснить категорически причины такой сдержанности бѣлоцерковцевъ, но, какъ кажется, это было потому, что въ этомъ имѣніи гр. Браницкихъ, помнится, не велось экономической запашки, а слѣдовательно и отбываніе панщины не сопровождалось тѣми столкновеніями экономовъ съ рабочимъ людомъ, какія неизбѣжны были при отбываніи панщины на полевыхъ работахъ. Я не помню въ Бѣлой-Церкви фольварка съ цѣлыми купами хлѣбныхъ скиртъ, не помню, чтобы тамъ былъ экономъ. Думаю, что въ Бѣлой Церкви существовало кое-какое крестьянское самоуправленіе и что громада въ дѣлахъ крестьянской жизни бѣлоцерковцевъ играла видную роль. Въ Бѣлой Церкви былъ центръ управленія имѣніями гр. Браницкихъ; тамъ жилъ главноуправляющій имѣніями (панъ комисаржъ) съ цѣлою канцеляріею, съ отдѣльнымъ вѣдомствомъ «контроля», кассы и отдѣломъ корреспонденціоннымъ. Внутреннимъ порядкомъ въ мѣстечкѣ завѣдывалъ особый чиновникъ (ржондца), что-то въ родѣ полиціймейстера. Но въ тоже время, помнится мнѣ, крестьянъ вѣдалъ особый избранный «выборный», который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и брандмейстеромъ. Помню даже этого человѣка, называвшагося по особой кличкѣ «*Фертъ*», за то, что онъ всегда держалъ руки въ-боки. При комисаріи, дворѣ графовъ, и при ржондцѣ, котораго я назвалъ полиціймейстеромъ, было около тридцати «козаковъ», исполнявшихъ службу и посыльныхъ. «Козаки» давались отъ крестьянъ въ зачетъ повинностей, и каждый козакъ снабжался лошадью съ сѣдломъ и особаго рода лѣтнимъ и зимнимъ экипажемъ—«бидою» на двухъ колесахъ и «санчатами» съ одной оглоблей. Запряженная даже въ экипажъ лошадь была въ сѣдлѣ; на случай невозможности проѣзда въ экипажѣ, «козакъ» бросалъ «бидку» или «санчата» и продолжалъ путь верхомъ. Лошадь, содержаніе ея и одежда у козака были собственныя, кормился онъ за свой счетъ.

Одежда состояла изъ шароваръ и жупана изъ темносиняго сукна, свиты и кожуха. На головѣ высокая чорнаго смушка шапка съ краснымъ верхомъ. Кромѣ того, во дворцѣ гр. Браницкихъ, какъ въ самомъ мѣстечкѣ, такъ и въ паркѣ Александріи, при конюшняхъ— упряжной, верховой и скаковой, а также при псарнѣ было немало прислуги въ различныхъ степеняхъ. Это разнообразіе соприкосновеній съ панами и съ запанѣлыми крестьянами, вѣроятно, сдерживало проявленіе недовольства и желанія записываться въ козаки съ цѣлью освобожденія отъ панской власти. Вожделѣнія эти затаивались и могли вспыхнуть явно только въ крайности. Вторженіе же въ Бѣлую Церковь крестьянъ другихъ сосѣднихъ селъ съ цѣлью розыска «манифеста» было немыслимо по самой импонаціи Бѣлоцерковской громады.

Мѣстечко Бѣлая - Церковь—большое поселеніе (тогда не менѣе 20 тысячъ), широко и привольно расположенное по обѣимъ сторонамъ р. Роси и притока ея Ротка (Ротокъ). Помнится, тогда назывались части такъ: «Мисто», «Заричье», «Ротокъ» и «Псарня». Паркъ Александрія въ 3—5 верстахъ составлялъ особый поселокъ, большею частью состоявшій изъ «дворковъ» отслужившихся у гр. Браницкихъ и получавшихъ пенсію «*грацiалистовъ*». Въ самомъ паркѣ было нѣсколько лѣтнихъ павильоновъ и службъ дворцовыхъ. Разроставшееся населеніе вытягивалось и тогда усадьбами къ Александ[illegible]имъ порядкомъ домовъ, но уже и тогда начиналъ застраиваться рядъ домиковъ по другую сторону дороги, ведущей изъ мѣстечка въ Александрію. Въ общемъ числѣ населенія тогда считалось—боюсь ошибиться— не то 3, не то 5 тысячъ крестьянъ подданныхъ, остальную часть составляли евреи и поляки или ополяченные и спанѣлые украинцы, въ числѣ коихъ были и мѣщане. Вблизи Бѣлой - Церкви не было значительныхъ поселеній, а небольшія громды не могли явиться въ Бѣлую-Церковь искать манифеста, самимъ же бѣлоцерковцамъ, въ силу особыхъ отношеній къ своимъ панамъ, начинать это дѣло было неудобно.

Такими мнѣ теперь издалека представляются обстоятельства народнаго движенія, называемаго козаччиной, и я теперь пере-

хожу къ личнымъ воспоминаніямъ и передачѣ оставшихся въ памяти эпизодовъ.

На шестой недѣлѣ мы, гимназисты, обыкновенно говѣли, и сейчасъ же послѣ говѣнья слѣдовалъ роспускъ на пасхальныя каникулы. Иногородніе разъѣхались и, какъ помнится, не было и рѣчи о какомъ бы то ни было волненіи крестьянъ. Оно уже навѣрно настраивалось, но не выступало наружу. Но сейчасъ же на страстной недѣлѣ заговорили о бунтѣ «хлоповъ» гдѣ-то къ югу отъ Бѣлой-Церкви. Слухи росли, и къ срединѣ недѣли стали ужъ поговаривать о возможности бунта и у насъ въ мѣстечкѣ. Шляхта, большею частью служащіе гр. Браницкихъ, стала говорить объ этомъ все громче и громче. Въ чистый четвергъ уже стали толковать о мѣрахъ защиты отъ бунтовщиковъ, и условлено было при первой вспышкѣ всѣмъ уходить въ палацъ графскій, гдѣ уже заготовлено *двѣсти* заряженныхъ двустволокъ. Передъ вечеромъ у дяди собрались его обыкновенные завсегдатаи и партнеры по преферансу: докторъ Джанотъ, докторъ Гильбергъ и панъ Грудзинскій. Разумѣется, я не могу вспомнить ихъ разговоровъ, но что разговоры были тревожнаго свойства, памятно мнѣ потому, что дядя велѣлъ мнѣ достать изъ его конторки пистолеты и ихъ зарядили. Смерклось; зажгли огни; слышался благовѣстъ къ Страстямъ. Кухарка дяди, Хотына, всегда меня жалѣвшая, каковая жалость выражалась въ ея заботливости о моемъ бѣльѣ и въ частомъ мытьѣ головы, чему я всегда являлъ противленіе, предложила мнѣ идти на Страсти. Я согласился, и мы втроемъ—я, Хотына и горничная Маруся — отправились въ церковь. Крестьяне Бѣлой-Церкви тогда носили бѣлые изъ полотна поясы. По дорогѣ мы обгоняли идущихъ въ церковь людей, но гдѣ только виднѣлись бѣлые поясы, тамъ замѣтны были или ходъ особенно медленный, или даже остановка группами. Хотына первая обратила на это вниманіе словами:

— Паны свое, а мужыкы, бачъ, свое все торочать. Бачъ, якъ толкуются.

Такія группы виднѣлись по площади и около церкви. Что толковалось, о чемъ рѣчь шла въ этихъ группахъ, мнѣ, при

всемъ моемъ любопытствѣ, возбужденномъ слышанными толками пановъ и Хотыною, не пришлось слышать.

Возвратившись изъ церкви съ зажженною страстною свѣчкою, я узналъ отъ лакея дяди, что меня спрашивали и при этомъ, когда узнали, что я ушелъ въ церковь, дядына (жена дяди) говорила что-то о схизматикахъ, а дядя даже меня похвалилъ.

На другой день слухи стали еще положительнѣе. Разсказывали, что изъ Бѣлой-Церкви вышли саперы усмирять взбунтовавшихся крестьянъ и начальствомъ посланъ съ солдатами о. Петръ Лебединцевъ, нашъ законоучитель. Передавали, что въ недалекомъ отъ Бѣлой-Церкви (верстахъ въ 5—7) селѣ Шкаровкѣ сѣкли крестьянъ. Ихъ будто бы созвали въ дворъ эконома якобы для записи въ козаки; собравшихся окружили солдаты. при чемъ пожелавшихъ уйти били прикладами, и высѣкли жестоко нѣсколько человѣкъ. Разсказывали, что разсыльный исправника одному изъ крестьянъ нагайкою отсѣкъ ухо.

Я съ товарищами послѣ того лѣтомъ уже былъ въ этой Шкаровкѣ и намъ указывали, гдѣ именно происходила эта экзекуція, и фактъ отсѣченія уха подтверждали.

На святкахъ въ Бѣлой-Церкви все было спокойно, а только слышно было, что бунтъ и усмире[illegible]иняли найбольшіе размѣры въ селѣ Березнѣ (Васильковскаго уѣзда) и въ мѣстечкѣ Корсунѣ (Каневскаго уѣзда), что какъ въ Березнѣ, такъ и въ Корсунѣ солдаты стрѣляли и что много убитыхъ. Разсказывали, что въ Корсунѣ крестьяне, подходя къ войскамъ, построились поперечными рядами, чтобы представлять собою меньшую цѣль для выстрѣловъ. Говорили тогда и о количествѣ убитыхъ и раненыхъ, разумѣется, выражаясь въ самыхъ неточныхъ цыфрахъ. Я и оффиціальнымъ даннымъ въ такихъ случаяхъ не вполнѣ довѣряю, потому что и они не могутъ быть точными. Подсчитываются только павшіе на мѣстѣ, а еще остается много несчитанныхъ, умершихъ послѣ отъ ранъ. Раненные тоже скрываются изъ опасенія отвѣтственности за участіе въ безпорядкахъ. Ходынская катастрофа, усмиреніе безпорядковъ 9, 10 и 11 января

въ С.-Петербургѣ и 5—6 декабря въ Москвѣ въ послѣднее время даютъ намъ основанія не довѣрять оффиціальнымъ даннымъ.

— Я самъ бачывъ: бижыть такый здоровый мужычыще, черезъ тынъ перелизъ и заховався за тыномъ; пійшовъ я подывытыся, якъ винъ заховався, ажъ винъ лежыть зовсимъ мертвый, весь у крови..., —разсказывалъ намъ лѣтъ пять спустя еврей извозчикъ, бывшій свидѣтелемъ усмиренія корсунцевъ въ 1855 году.

Много тогда разсказывалось: толковали, что о. Петръ Лебединцевъ былъ командированъ на мѣсто усмиренія бунтовъ для вразумленія бунтарей и кромѣ того для выясненія степени участія священниковъ въ возникновеніи этого движенія. Говорили и о Розенталѣ, студентѣ Кіевскаго университета, какъ объ агитаторѣ. Я помню эту семью; съ братомъ этого агитатора Альфонсомъ я учился. Помнится, что въ обществѣ ходили по рукамъ какія-то творенія Розенталя подъ литературнымъ псевдонимомъ Скалки. Припоминаю даже начало одного стихотворенія Розенталя, кажется, Адама:

Ja skałka jestem, ja w Boga nie wierzę...
Wybucha iskra, gdy w mie stal uderzy...

Говорилось и слышалось много, и многое забылось, особенно про Березню и Корсунь, про то, какъ бунтари водили священниковъ раззутыхъ по колючкамъ, окунали въ холодную весеннюю воду, морили голодомъ, все добиваясь отъ нихъ прочтенія манифеста объ окончательной записи въ козаки, а слѣдовательно и объ освобожденіи отъ пановъ.

На Ѳоминой недѣлѣ, когда уже бунтъ улегался, мы, гимназисты, услышали отъ съѣхавшихся товарищей много новаго. Видѣли провозимыхъ въ Кіевъ закованныхъ въ кандалы бунтарей подъ эскортомъ солдатъ. Тогда же въ толпѣ говорили, что ѣдущіе на возахъ все раненые.

Замѣчательно, что во всемъ слышанномъ не помнится мнѣ ни одного случая насилія надъ панами или ихъ экономами. Напротивъ, помнится мнѣ такой разсказъ:

Вечеромъ, въ страстную субботу, къ одному изъ экономовъ имѣнія гр. Браницкихъ явилось 7—10 вооруженныхъ «спысамы», верхомъ на лошадяхъ, парней и потребовали, чтобы экономъ къ нимъ вышелъ. Ни живой ни мертвый вышелъ экономъ къ парнямъ на крыльцо. Семья его обмерла со страху...

— Слава Богу Іисусу Христу!—привѣтствовали вышедшаго къ нимъ эконома.

— На викы виковъ слава!—отвѣтилъ онъ.

— Громада прыслала насъ до васъ, щобъ провесты васъ v мистечко, якъ що зхочете до костела пойихаты, щобъ обыды г..... не було якои по дорози. Збирайтеся, якъ що таке..,—закончилъ парень. Такъ подъ конвоемъ семья эконома и съѣздила въ костелъ.

Разсказывали также:

Полицейскія власти распорядились при въѣздахъ и выѣздахъ изъ селъ поставить стражу, которая требовала у проѣзжихъ удостовѣреніе самоличности. Какое-то большое село, расположенное по обѣимъ сторонамъ рѣчки, запруженной греблею. Грязь; весенняя безпутица. Проѣзжаетъ ночью на своихъ лошадяхъ докторъ, поспѣшающій къ больному. Пропустили его при въѣздѣ въ село, но при выѣздѣ остановили и спросили «*билетъ*». Таковой у него имѣлся и былъ предъявленъ, при чемъ докторъ ругался за задержку. Старшій изъ стражниковъ повертѣлъ въ рукахъ билетъ и вдругъ говоритъ:

— Такъ отъ ты, Иване, и ты, Степане, гайда зо мною: поведемо пана до становою, а вы вже тутъ глядить...

— Какъ до становою? По этой грязи опять ѣхать черезъ село, а послѣ по залитой весеннею водою греблѣ?..

— Та вже не що,—отвѣтилъ начальникъ стражи.

— Такъ звеляно; намъ и самимъ не хочется, та що жъ робыть.—

Нечего дѣлать: пришлось ночью тащиться версты три—четыре назадъ по разбитой грязи шляха-улицы, а послѣ еще по подтопленной весенней водой греблѣ...

Измученный этимъ неожиданнымъ путешествіемъ, докторъ наконецъ добился до квартиры станового, своего знакомаго. Разбудили его. Докторъ съ негодованіемъ разсказываетъ объ этой задержкѣ, которая можетъ имѣть непоправимыя послѣдствія для родильницы, къ которой онъ былъ вызванъ. Становой вполнѣ раздѣляетъ негодованіе доктора, напускается на стражниковъ, кричитъ на нихъ, ругаетъ за эту незаконную задержку...

— Та що жъ мы вынни?—насъ поставляно на сторожи у царыни ще зранку. Звеляно допытуваться билетивъ, чы нема въ кого. Цилисинькый день мы й допытувалыся; скилько мыра пройихало, пройшло—ни въ кого нема, а оце въ одного знайшлы билетъ, такъ мы ёго и прывелы до вашои мылосты.

— Що тамъ таке, що стильки москаля пагнато?—спросилъ дидъ Горобець, направляясь изъ дому на Черевыкивъ яръ, гдѣ у него стояли недавно выставленныя пчелы.

— Це ихъ прывелы, щобъ не даваты людямъ пысатыся въ козакы,—отвѣтили дѣду.

Но дѣдъ былъ тугъ на ухо, неясно понялъ отвѣтъ, а раньше слыхалъ, что громадяне *«пышутьця у козакы»*. Онъ уразумѣлъ, что солдаты пришли въ село именно для этихъ записей, и поспѣшилъ на пасѣку, гдѣ его сынъ, Гордій, оправлялъ огорожу.

— Иды швыдче у село, бо тамъ прыйихалы пысаты у козакы. Мени воно вже непотрибне, я вже старый, а тебе колы бъ не промынулы запысаты. Бижы швыдче!—приказалъ онъ сыну.

Побѣжалъ Гордій. Еще издали увидалъ онъ сборище людей въ панскомъ дворѣ. Растолкавъ толпу, онъ обратился къ начальству, только что покончившему сѣченіе и произносящему строгое внушеніе остальнымъ крестьянамъ:

— Ось и я! Подывиться, чы запысанный, Горобець Гордій,—перебилъ онъ рѣчь начальства. По приказанію начальства, несчастнаго Гордія растянули и высѣкли, но ужъ не такъ сильно, какъ предыдущихъ.

Мрачный явился Гордій на пасѣку, постыдившись заходить домой.

— Ну, що жъ, запысалы? Не спизнывся?—спросилъ его отецъ.

— Идить, тату, й вы туды, и васъ тамъ запышуть, казалы,—отвѣтилъ Гордій.

Привожу здѣсь разсказъ, записанный мною въ шестидесятыхъ уже годахъ отъ нѣкоего г. Шандры и въ спискѣ переданный мною покойному А. Θ. Кистяковскому. Разсказывается дѣйствительный фактъ, бывшій въ 1855 году во время козаччины. Въ настоящее время мнѣ приходится передавать все это по памяти, своими словами, что называется.

Въ большое село пріѣхалъ усмирять бунтъ самъ исправникъ (назовемъ его Табашниковымъ) на лихой четверкѣ, запряженной въ крытую пейтычанку. Съ нимъ разсыльный. Крестьяне «*юрмовались*» около ратуши (корчмы). Дебатировался вопросъ о записи въ козаки и о весенней запашкѣ экономической ярины. Примолкла толпа, увидавъ подъѣзжавшій экипажъ, въ которомъ виднѣлась особа въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ (тогда полиція имѣла такую форму).

Исправникъ ловко выскочилъ изъ пейтычанки и, подошедши къ толпѣ, крикнулъ «*по-николаевски*» (такъ тогда называлось такое обращеніе къ народу).

— На колѣни, подлецы! Гдѣ у васъ зачинщики?—При этомъ уже добавилъ не-пониколаевски крупную брань.

Крестьяне не особенно испугались, такъ какъ дѣло происходило уже въ такой стадіи возбужденія, когда именно указывалось на припрятаніе манифеста священниками и чиновниками подкупленными панами.

— Отъ-такъ похрыстосувався! (дѣло было на пасхальной недѣлѣ) послышалось въ толпѣ. Многіе не поснимали шапокъ. Исправникъ кинулся къ отхлынувшей отъ него толпѣ и со всей силы ударилъ въ ухо перваго попавшагося, но другой разъ ему

ужъ не пришлось ударить, такъ какъ отведенную для удара руку кинувшіеся къ нему крестьне удержали и *«заштовхалы»* его со всѣхъ сторонъ. Разсыльному кое-какъ удалось вырвать исправника изъ толпы въ совсѣмъ изорванномъ платьѣ и всадить въ экипажъ. Кучеръ погналъ лошадей, а вслѣдъ раздался крикъ:

— Держы! ловы його, бый! Кое-кто погнался за экипажемъ. Шедшіе на встрѣчу стали перехватывать четверку, махали руками, пугали лошадей.

На несчастіе нейтычанка врѣзалась въ какую-то колдобину, невидную въ переѣзжаемой лужѣ, и накренилась на бокъ. «Переймавшіе» опрокинули нейтычанку, и надбѣжавшая толпа вытащила изъ нея испачканнаго грязью, въ совершенно оборванномъ платьѣ исправника. Моментально оборвали на немъ все остальное и повели въ *«буцегарню»* (такъ называлась тогда арестантская при сельской расправѣ). Сбѣжалось туда все село. Дѣло было къ вечеру, кто-то распорядился бросить арестованному пукъ соломы на подстилку. Тутъ же за дверьми арестантской громко толковали о томъ, какимъ образомъ допытаться, гдѣ манифестъ. Предлагались разныя мѣры: сѣчь, ремни со спины сдирать, гвозди подъ ногти забивать, огнемъ печь. Все это говорилось нарочно громко, чтобы арестованный слыхалъ. Тѣ, что не дотолпились въ сѣни, обступили «буцегарню» и требовали допустить ихъ къ арестанту, а они ужъ его по-своему раздѣлаютъ. При этомъ, разумѣется, выкрикивались всяческія ругательства.

Поздно ночью только разошелся народъ, оставивъ стражу караулить арестанта, но рано утромъ опять собрались всѣ и порѣшили: если исправникъ не скажетъ, гдѣ спрятанъ манифестъ, судить его *«всіею громадою»*.

Разумѣется, сказать, гдѣ манифестъ, онъ не могъ, и тогда вывели его на *«громаду»* только въ одномъ бѣльѣ, съ накинутою на плечи свиткою. Судили чинно, сдерживались попытки новаго глумленія, еще разъ предложили разсказать все по правдѣ, судили-рядили и наконецъ порѣшили ни больше ни меньше какъ... повѣсить. Всѣ согласились съ этимъ приговоромъ. Теперь являлся

вопросъ о томъ, гдѣ и какъ это сдѣлать. Никто не хотѣлъ пустить въ свою клуню или въ садокъ, гдѣ можно бы было на перекладинѣ или на вѣтвяхъ повѣсить приговореннаго. Наконецъ, порѣшили повѣсить его на сухой вербѣ, что стояла въ «царынѣ» (деревенскія ворота, какъ въѣздныя, такъ и выѣздныя). Веревка нужна. Никто не даетъ своей веревки: опять задержка. Послали паробковъ взять у шинкаря еврея налыгачъ, которымъ онъ привязываетъ свою корову на ночь. Осталось главное: кто возьметъ на себя обязанность палача? Сразу было порѣшено, что это сдѣлаютъ паробки, но тѣ и по своимъ соображеніямъ, и по подмигиванью батькивъ, подались въ задніе ряды толпы и наотрѣзъ отказались отъ исполненія приговора.

Вспомнили про Швыдька Ивана, который въ прошломъ году *«у литку»* удавилъ попову сучку, поймавшуюся въ нарочно для того наставленную въ дырѣ плетня петлю. Окликнули его, но его не оказалось. Послали за нимъ.

— Христосъ воскресе!—поздоровался съ громадою явившійся Швыдько, приподымая шапку.

— Воистыну воскресъ!—отвѣтили ему.

— За чымъ знадобывся, панове громадо?

— Та отъ повись намъ цёго гаспыда. Ты жъ ото вмивъ попову сучку вдавыть.

Швыдько обидѣлся. Да и нельзя было не обидѣться. Въ понятіи украинцевъ ремесло *«гицеля»* (истребителя собакъ) и *«ката»* (палача) самыя презрѣнныя, настолько омерзительныя, что даже прикосновеніе къ такимъ людямъ оскверняетъ человѣка. Поэтому проходящему по ярмарочной толпѣ кату и гицелю всегда даютъ самую широкую дорогу. Ихъ даже, если они изъ крещеныхъ, черезъ каждыя семь лѣтъ перекрещиваютъ, по мнѣнію украинцевъ.

— Що це вы? Хиба жъ я вже самый послидній чоловикъ, щобъ катомъ буты? Тоди жъ сами знаете, якъ воно було. Якъ вже я прохавъ батюшку узяты прокляту на прывязь! Якъ оце--

простить у цёму слови—курка знесе яйце, такъ вона и зйисть. Тоди жъ и до пана доходыло, такъ и панъ тильки полаявъ. Бачъ яке надумали: повись!—объяснялъ сконфуженный предложеніемъ Швыдько.

— Це вже нихто, якъ Гаркавенко Матвій выгадавъ. Самъ повись або повисься...,—сталъ переходить въ раздраженный тонъ Швыдько, но его остановили:

— Цытьте. Тутъ не те дило. Що жъ намъ робыть зъ цимъ гаспыдомъ?

Поникли головами мужи громады, кой-кто почесалъ «потылыцю», заковыряли ципками землю. Всѣ молчали, думали-обдумывали, какъ быть, что дѣлать...

— Отъ якъ зробымо!—отозвался старый Чухня. Выведемо ёго за царыну, прокажемо ёму: разъ, два, тры! и нехай втикае за третимъ словомъ. Колы утиче отъ усіеи громады, такъ тому й буть, нехай жыве... А не втиче...—и не договорилъ.

— Такъ и такъ. Нехай и такъ!—разомъ заговорила громада, облегченная этимъ рѣшеніемъ.

Такъ и сдѣлали. Вывели несчастнаго за коловоротъ, и онъ по командѣ: разъ, два, три! побѣжалъ со всѣхъ ногъ, преслѣдуемый тюканьемъ и швырками грязи. Погнаться никто не погнался, а дальше исправника подобрали ѣхавшіе евреи совсѣмъ безчувственнаго.

«Si non e vero, e ben trovato—говорятъ итальянцы по поводу такихъ разсказовъ.

«Правда, колы не брехня»—говорятъ у насъ. Считаю необходимымъ указать на то, что въ разсказѣ этомъ ничего не сказано про разсыльнаго, про кучера и лошадей исправника. Помнится, что такъ и не говорилось о нихъ.

Затѣмъ, если это такъ было, то невольно возникаетъ вопросъ: какъ это не явился никто на выручку исправника? Развѣ не успѣли или некому было извѣстить кого слѣдуетъ. Это возможно, если припять во вниманіе непродолжительность времени (вѣдь все это продолжалось менѣе сутокъ), весеннюю распутицу

и наконецъ запуганность священника или какого-нибудь дрожавшаго за свою жизнь въ своемъ фольваркѣ эконома.

Но возможно и то, что громада не выпускала никого изъ села. Это, повторяю, возможно, такъ какъ мнѣ самому пришлось разъ попасть въ такую передрягу. Хотя это было гораздо позже, въ 1864 году, но полагаю, что случай этотъ небезъинтересенъ и стоитъ записи для будущаго.

Какъ-то среди лѣта я былъ вызванъ къ мировому посреднику (второго уже призыва, послѣ смѣны посредниковъ-поляковъ) въ мѣстечко Козинъ на Росавѣ. Пріѣхавъ туда, я не засталъ посредника, оставившаго мнѣ записку, въ которой онъ просилъ меня подождать его пріѣзда. Я остановился въ заѣздѣ-корчмѣ. Пообѣдавъ, я заснулъ и, выспавшись, вышелъ посидѣть на галерейкѣ корчмы. На выгонѣ виднѣлось ново-выстроенное волостное правленіе и около него толпа народа, по поводу чего-то волнующагося. Доносились возгласы и даже перебранка. Въ толпѣ видны были «спысы» и набитыя «направець» косы неупраздненныхъ еще послѣ прошлогодняго польскаго мятежа сельскихъ стражниковъ. На мой вопросъ, что это такое, хозяинъ заѣзда, еврей, отвѣтилъ мнѣ:

— Та то мужыки бунтуются. Посреднықъ змынывъ старшыну, що воны выбралы замисць скынутого, а воны й бунтують. Громада! Сёгодня недиля, ну воны й бунтуются.

Я понялъ, что это сельскій сходъ. Толпа была немалая: человѣкъ около трехсотъ. Я видѣлъ, какъ эта вся толпа пошла куда-то за волость, по направленію къ запаснымъ магазинамъ, виднѣвшимся дальше по выгону.

Смерклось; я уже хотѣлъ ѣхать холодкомъ, какъ прибѣжала прислуга посредника съ приглашеніемъ пожаловать къ нему.

Знакомъ я съ нимъ былъ еще раньше. Это былъ молодой человѣкъ, Морозовъ по фамиліи, красивый русакъ, типа тогда нахлынувшихъ на Украину обрусителей. Теперь мнѣ часто попадаются такіе земскіе начальники и изъ мѣстныхъ дворянскихъ недорослей штыкъ-юнкеровъ, или такихъ, которые «*уволены изъ*

военной службы безъ права именоваться воинскимъ званіемъ». Есть такой титулъ.

Встрѣтилъ меня посредникъ очень любезно и извинился, что заставилъ долго ожидать. Пригласилъ пить чай и сейчасъ же началъ жаловаться на мѣстное населеніе, избалованное разными потачками, а особенно невзысканіемъ своевременно платежей и недоимокъ. Если ужъ понадобилось правительству давать имъ льготу во взносѣ платежей въ имѣніяхъ помѣщиковъ поляковъ, то ужъ никакъ не слѣдовало запускать недоимку въ имѣніяхъ истинно-русскихъ помѣщиковъ, какъ вотъ, напримѣръ, и здѣсь, въ Козинѣ, имѣніи генерала Монтрезора. Вотъ теперь ему, г. Морозову, и приходится возиться съ этимъ взысканіемъ. Цѣлую вотъ недѣлю производили опись имущества крестьянъ со становымъ приставомъ, который на сегодня только уѣхалъ въ Потокъ къ себѣ, такъ какъ у него по воскресеньямъ всегда собираются сотскіе для наряда, а завтра опять нужно описывать. Народъ здѣсь распущенный, знать никого не хочетъ. Ему пришлось вчера смѣнить выбраннаго новаго волостного старшину: онъ только потатчикъ мужикамъ недоимщикамъ. Прежній старшина потому имъ не нравился, что былъ строго исполнительнымъ; но онъ, Морозовъ, позавчера при всѣхъ снялъ съ новоизбраннаго старшины цѣпь и надѣлъ на прежде бывшаго. Онъ настоитъ на отмѣнѣ приговора. Это поляки посредники миндальничали съ ними, а онъ, истинно-русскій человѣкъ, съумѣетъ укротить этихъ упрямыхъ хохлишекъ.

— Да, вы, господа, не знаете еще этихъ скотовъ. Когда я снялъ съ новаго старшины цѣпь и надѣлъ на стараго, такъ представьте себѣ, послышался въ толпѣ голосъ:—мы на нёго ще не такый чепъ надинемо.

— Каково? А? Но я такъ прикрикнулъ, что сейчасъ же замолчали, притихли: я имъ не панъ-полякъ...

Въ этотъ самый моментъ въ дверяхъ показался какой-то въ мѣщанскомъ платьѣ человѣкъ, подошелъ къ столу и передъ мировымъ посредникомъ на столъ положилъ цѣпь старшины —(цѣпь и медаль)—и отошелъ къ дверямъ, блѣдный, дрожащій...

— Что это такое?—спросилъ посредникъ.

— Чепъ—отвѣтилъ какимъ-то глухимъ голосомъ человѣкъ, оказавшійся волостнымъ писаремъ.

— Какая «*чепъ*»?—опять спросилъ озадаченный въ свою очередь Морозовъ.

— Та старшины чепъ. Онъ сунулъ ее подъ подушку моей жены, когда его брали...

— Кого брали?

— Та старшину жъ. Узялы повирять гамазеи, а тамъ вже закувалы у кандалы и повезлы у Кыивъ...

— Какъ въ кандалы. Зачѣмъ въ Кіевъ? Кто повезъ? — засуетился посредникъ...

— Почему онъ цѣпь не надѣвалъ и спряталъ у твоей жены подъ подушку?—продолжалъ вопрошать писаря Морозовъ.

— Воны еще съ утра начали бунтовать, кассу провѣряли, а когда ужъ надошли, такъ и зовсѣмъ зъюрмовались. Я пошелъ въ свою комнату закусить, а онъ, старшина, ускочилъ, сунулъ подъ подушку чепъ. «Прыбережы», говорыть, «это царское дѣло», а самъ опьять вышолъ у зборню, а тамъ его захватили и повели къ гамазеямъ, тамъ и ковали ожидали, закувалы и повезли...—заикаясь, не чисто по-русски говорилъ писарь.

Вотъ ска-атина, «дуракъ: цѣпь ему дана для охраненія его положенія, его достоинства, а онъ ее подъ подушку прячетъ. Царськое дѣло??. А? Каковы?.. Ну, ужъ я имъ покажу! — кипятился и безсвязно говорилъ посредникъ. Я хотѣлъ уйти, но онъ задержалъ меня и самъ сѣлъ писать что-то. Я остался и дождался того, какъ Морозовъ вручилъ писарю три пакета съ разносной книжкой, велѣвъ отправиться на почту (тамъ, въ Козинѣ, было почтовое отдѣленіе) и отправить пакеты эстафетами.

Оставшись, мнѣ пришлось выслушать цѣлую филиппику насчетъ строптивости населенія, его распущенности, что волю имъ немного рано дали, что слѣдовало бы ихъ сначала обучить, подготовить къ пониманію законовъ и тогда ужъ освобождать, и то не сразу, а постепенно, а тутъ еще поляки посредники въ политическихъ цѣляхъ заигрывали съ ними. Выходило, что только

въ новыхъ посредникахъ по назначенію, въ истинно русскихъ людяхъ, и остается все спасеніе и надежда на установленіе порядка. Онъ, Морозовъ, до того самовозгорѣлся въ выпаленныхъ передо мною рацеяхъ, что хвалился выпороть при помощи призванныхъ салдатъ всѣхъ Козинцевъ и сослать въ Сибирь на поселеніе. Кто знаетъ, какъ бы далеко увлекла его воспаленная фантазія, если бы вся эта тирада не была прервана приходомъ писаря, доложившаго, что пакеты не могутъ быть отправлены, такъ какъ село оцѣплено и никого изъ села не выпускаютъ.

Морозовъ былъ такъ пораженъ, что, кромѣ: «вотъ видите сами, вотъ», ничего не могъ сказать мнѣ, когда я, не считая себя тутъ нужнымъ, раскланивался съ нимъ.

Расплатившись съ хозяевами заѣзда, я поѣхалъ домой. Но не тутъ-то было: въ царынѣ меня задержали и не выпустили изъ села. На мои возраженія о томъ, что я вовсе не причастенъ къ происходящему у нихъ въ селѣ, не обратили вниманія, а когда я спросилъ: кто же будетъ платить за кормъ лошадей и меня съ кучеромъ,—то меня отвели въ недалекій дворъ, добыли сѣна, травы и предложили идти въ хату вечерять. Кучеръ мой пошелъ, а я остался, думая кое-что поразузнать про «бунтъ». Во дворѣ, кромѣ меня, уже стоялъ съ двумя возами горшковъ ганчарь изъ Яцуковъ. Подошедшій къ намъ хазяинъ ни однимъ словомъ не промолвился про текущія событія и даже отмолчался на мой вопросъ, за чей это счетъ онъ принимаетъ постояльцевъ.

Когда я проснулся, то уже ганчаря не было. Не оказалось дома и хозяина. Прошла только на огородъ съ сапою дѣвка, да при выѣздѣ на мое: «Прощайте—спасыби вамъ»—изъ хаты выглянула какая-то старуха.

Впереди меня въ открытыя и никѣмъ неохраняемыя ворота царыны проѣхали двѣ брычки еврейскія, повернувшія на Масловку въ Степанцы. Не знаю, ночевали ли они, какъ и я, невыпущенныя изъ села, или проѣхали Козинъ уже утромъ, когда стража ушла.

Разсказалъ я этотъ эпизодъ, не имѣющій отношенія къ «козаччинѣ» 1855 года, ради того, чтобы указать на возможность не-

выпуска изъ села вѣстниковъ о злополучномъ случаѣ съ Табашниковымъ и вообще на присущую украинцамъ по традиціи снаровку организоваться при такихъ движеніяхъ. Во время погрома въ Шполѣ въ 1899 году, разсказывали мнѣ, что погромщики поставили при станціи ж. д. вѣстовыхъ, которые заблаговременно увѣдомили ихъ о прибытіи отряда козаковъ изъ Кіева, послѣ чего погромщики разбѣжались.

— Мы пысалыся въ козакы зъ Чорнышивцямы, бо перше мы булы одного пана одпорала Поля. Запысы повезлы у Кыивъ тижъ зъ Чорнышивцямы. Одъ насъ ходылы старый Тымишъ Кыяныця, воны бачъ поулычному Шынкаренкы прозываются, та Цымбалъ Явтухъ. У Трыпильскому бору зійшлыся ще зъ де-якымы людьмы, та такъ зъ нымы добылыся до Корчоватои (шинокъ при выѣздѣ изъ Кіева, минуя саперные бараки). Тамъ на Корчоватій уси запысы якыись пысарь перепысувавъ и вже вказувавъ, куды йты и кому подаваты, тильки прыказувавъ усимъ разомъ йты до начальныкивъ. «Тамъ того мыра набралося!.. А винъ усе зпысуе и бере по тры шагы за кожне и йменя. Оце запыше батька—тры шагы, а за сынивъ особе. И пляшка горилкы на столи передъ нымъ стоить. Пыше, пыше, тай выпье. Два дни мы дожыдалы чергы. Тамъ коло шынку и ночувалы зъ народомъ, бо въ хати ниде було. Вже хочъ и холодно було, а ночувалы. Колы такъ пидъ вивторокъ щось прыбигло,—якесь начальство, порозгонылы народъ, пысарь утикъ. Хто куды: де-яки подалыся такы у городъ, а яки певерталыся до домивокъ. Мы пишлы такы у городъ до молодои барыни. Прыйшлы вранци, паны ще сплять, а кухарь Гаврыло й каже:

— Тикайте, а то Палажка розсказувала, що барынъ (жандармскій полковникъ Габель) казавъ, що якъ хто зъ нашого села заявытся, такъ заразъ заголыть у москали.

Мы тоди дай Богъ ногы. У страшный четвергъ до-свита й вернулысь до-дому, дарма, що прыйшлось по зажорахъ трохы що не по поясъ бресты: саме ростопиль пишла...

Записью этого послѣдняго эпизода я кончаю настоящую статью. Я исчерпалъ все, что осталось въ моей памяти, показалъ «*по дѣлу все мнѣ извѣстное по сущей правдѣ*, ничего *не прибавляя и не утаивая*», какъ говорится въ присягѣ свидѣтелей, но долженъ оговориться, что «*сущую правду*» показалъ я такую, какая мнѣ извѣстна по воспоминаніямъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ указать на то, что у насъ вообще слабо разъяснена исторія самой Украины (правобережной), и на то, что эта исторія разрабатывается лучше поляками, чѣмъ самыми украинцами (д-ръ Ролле, Гавронскій).—Обѣщаю прислать въ редакцію «Кіевской Старины» цѣлый конспектъ вѣдомыхъ мнѣ эпизодовъ изъ исторіи Украины въ истекшемъ XIX столѣтіи.

Б. Познанскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ (1757—1769) С. Иваницкаго *(Изъ «трудовъ Подол. церк. ист.-археолог. общества», вып. X). Каменецъ-Подольскъ. 1904 г.*

Тема изслѣдованія г. Иваницкаго—церковноисторическая. Но обстоятельства жизни украинскаго народа того времени такъ тѣсно переплетались съ судьбами православной церкви въ краѣ, что предметъ даннаго изслѣдованія привлекаетъ къ себѣ вниманіе и всякаго вообще интересующагося исторіей Малороссіи. И это тѣмъ болѣе, что эпоха, охватываемая работою г. Иваницкаго, весьма интересна и важна,—то была пора, когда гасились послѣдніе проблески украинской свободы и строилось зданіе новаго порядка вещей въ Малороссіи.

Въ основаніе работы г. Иваницкаго легли труды въ данной области покойныхъ—М. О. Кояловича и Ѳ. Г. Лебединцева и 2 первые тома 1-ой части «Архива юго-западной Россіи». Со времени появленія въ свѣтъ сочиненій Кояловича и Лебединцева прошло уже—въ одномъ случаѣ свыше 30 («Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ» Кояловича появилась въ 1873 г. Спб.), въ другомъ—свыше 40 лѣтъ («Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій» Лебединцева впервые напечатанъ въ 1860 г., съ измѣненіями—въ 1864 г., Кіевъ). Какъ видите, срокъ вполнѣ достаточный для того, чтобы пересмотрѣть выводы названныхъ ученыхъ и дополнить свѣдѣнія ихъ новыми данными. Г. Иваницкій эту цѣль собственно и имѣетъ въ виду. Извѣстное Лебединцеву и Кояловичу онъ воспол-

няетъ позже ихъ опубликованными — главнымъ образомъ въ «Кіевской Старинѣ» и «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ»—данными и сообщаетъ новыя, добытыя имъ самимъ въ старомъ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи. Въ результатѣ въ распоряженіи автора оказалось большое количество фактовъ по затронутому имъ вопросу. Но это обиліе фактовъ, къ сожалѣнію, невыгодно отразилось на работѣ автора: оно нѣсколько подавило его и помѣшало ему придать должное освѣщеніе фактовъ, создать для нихъ нужный фонъ, чтобы получилась цѣльная, законченная картина.

Очерчивая личность и дѣятельность епископа Гервасія, г. Иваницкій, естественно, долженъ былъ такъ или иначе оцѣнить его какъ церковно-историческаго дѣятеля. Но тутъ мы видимъ неустойчивость и колебанія въ его сужденіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Гервасій, какъ церковно-историческій дѣятель, оказался «вполнѣ на высотѣ своего призванія» и обнаружилъ въ своей дѣятельности особую бдительность и предусмотрительность (стр. 20); въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что Гервасій «своей иниціативой, энергіей и настойчивостью пробудилъ православіе въ Украинѣ, смѣло пошелъ навстрѣчу затаенному народному желанію сбросить съ себя личину уніи» и былъ «главнымъ руководителемъ православнаго народнаго движенія» (стр 4), но тутъ же есть добавленіе, что онъ былъ руководителемъ этого движенія «не всегда сильнымъ и искуснымъ»; въ третьемъ мѣстѣ авторъ совсѣмъ понижаетъ историческую роль Гервасія, называетъ его дѣятелемъ скромнымъ, невыдающимся, человѣкомъ простодушнымъ, который былъ «увлеченъ и смущенъ» разыгравшимися въ Украинѣ событіями, былъ ими, такъ сказать, сбитъ съ толку, что «ему недоставало предусмотрительности, дальновидности, широты взгляда и твердости воли» и т. п. (см. стр. 279 и 280).

Автора видимо, смущаетъ фактъ несомнѣнной связи дѣятельности Гервасія съ Коліивщиной? Связь эта чувствуется авторомъ, но, къ сожалѣнію, очень смутно. Чувствуя эту связь, онъ много говоритъ о Коліивщинѣ, о дѣятельности коліевъ, но въ то же время какъ-то странно старается избѣгать вопроса объ отношеніи Гервасія къ Коліивщинѣ. Для него какъ будто не существуетъ вопроса о томъ, дѣйствительно-ли принимали участіе въ возстаніи Гервасій и Мелхиседекъ. А между тѣмъ вопросъ это большой и сложный, въ пользу положительнаго и отрицательнаго его разрѣшенія писателями двухъ лагерей приводится масса доказательствъ. Автору непремѣнно нужно

было-бы посвятить этому вопросу нѣсколько страницъ своего изслѣдованія да и вообще серьезно заняться разъясненіемъ отношенія Гервасія къ Колiивщинѣ. Это для дѣла было-бы несравненно нужнѣе, чѣмъ подробно описывать детали самого возстанія.

Въ связи съ выясненіемъ вопроса объ отношеніи Гервасія и всей его дѣятельности въ правобережной Украинѣ къ самому возстанію 1768 г., автору необходимо было-бы также посвятить хотя 2—3 страницы краткому обзору всѣхъ причинъ, вызвавшихъ возстаніе. Тогда автору яснѣе представилось-бы въ ряду другихъ причинъ, вызвавшихъ возстаніе, и то движеніе противъ уніи, руководителемъ котораго былъ Гервасій. Тогда бы ясно видна была личность Гервасія, какъ историческаго дѣятеля, расшевелившаго подвластныхъ Польшѣ украинцевъ въ цѣляхъ торжества въ краѣ православія, давшаго имъ яснѣе сознать и почувствовать силу религіознаго гнета и внушившаго имъ мысль о возможности и даже необходимости борьбы съ поляками— на почвѣ религіозной.

Но то, что Гервасій съ Мелхиседекомъ направляли къ цѣлямъ религіознымъ, въ народѣ сказалось иначе. Народъ, терпѣвшій гнетъ не только религіозный, но и соціально-экономическій, и не забывшій еще совсѣмъ временъ своей національно-политической свободы, испытывалъ всю сумму разнообразныхъ притѣсненій *разомъ* и отъ *однихъ* притѣснителей, и потому въ своемъ гнетѣ плохо различалъ отдѣльные элементы: для него они соединялись въ нѣчто неразрывно единое. Отсюда-то и получилось, что проповѣдь религіознаго освобожденія въ народѣ привела, при содѣйствіи благопріятныхъ обстоятельствъ, къ кровавому протесту народа противъ *всяческаго гнета разомъ.*

При указанной постановкѣ вопроса яснѣе, говорю, видна была-бы роль Гервасія, какъ историческаго дѣятеля. Г. Иваницкій старается сдѣлать оцѣнку дѣятельности Гервасія одновременно—и какъ историческаго дѣятеля украинскаго, и какъ исполнителя плановъ тогдашняго русскаго правительства.

Соединить несоединимое, естественно, не удается, и потому-то г. Иваницкій колеблется въ своихъ сужденіяхъ о Гервасіи. То правда, что Гервасій, хотя и не принималъ участія въ самомъ возстаніи 1768 г., все таки былъ *плохимъ орудіемъ* для осуществленія плановъ императрицы Екатерины и ея приближенныхъ. Но несомнѣнно съ другой стороны и то, что Гервасій былъ *«щирымъ украинцемъ»*, горячо любившимъ свой народъ, отъ всей души желавшимъ ему блага

и по своему разумѣнію стремившимся помочь своимъ духовнымъ «диткамъ»—соотечественникамъ.

Дѣятельность Гервасія оказала сильное вліяніе на возникновеніе украинскаго возстанія 1768 г., не какъ простого гайдамацкого бунта, но огромнаго народнаго движенія. Послѣднее, какъ извѣстно, имѣло печальныя фактическія послѣдствія для украинцевъ. Но, во-первыхъ, Гервасій не хотѣлъ кроваваго дѣла; во-вторыхъ, его дѣятельность, да и самое возстаніе сыграли немалую *роль въ исторіи народнаго самосознанія украинцевъ.*

Таково значеніе Гервасія, какъ историческаго дѣятеля. Отсутствіе уясненія этого очень вредитъ изслѣдованію г. Иваницкаго, который между тѣмъ задается цѣлью полной обрисовки личности и дѣятельности Гервасія въ связи съ событіями не только церковной, но и народной жизни Украины того времени, при чемъ преимущественное вниманіе сосредоточиваетъ на 1768 и 1769 гг. (см. его предисловіе).

Далѣе, не совсѣмъ ясно и полно рисуетъ авторъ отношеніе русскаго правительства къ тогдашнимъ событіямъ церковной и народной жизни польской Украйны. Причиной такого или иного отношенія Екатерины II къ разнымъ явленіямъ церковно-народной жизни Украины была не только, какъ утверждаетъ авторъ, ревнивая забота о своей славѣ дѣйствительно славолюбивой императрицы. Тутъ играли важную роль и реальные политическіе интересы русскаго государства, на стражѣ которыхъ тогда стоялъ умный и дальновидный политикъ гр. Н. И. Панинъ. Отрицательно отнеслась Екатерина къ украинскому возстанію 1768 г. не только потому, что оно «набрасывало неблаговидную тѣнь на всю политику Россіи» въ Польшѣ (стр. 216),—оно, кромѣ того, мѣшало осуществленію надеждъ на присоединеніе къ Россіи въ недалекомъ будущемъ *всей* Польши и вызывало недоразумѣнія съ Турціей.—Была и еще одна причина тому. Часть украинскаго народа въ то время были подданными Екатерины. Къ этимъ своимъ подданнымъ Екатерина относилась весьма подозрительно, «конфирмованныхъ ихъ привилегій» боялась и мечтала объ ихъ «обрусѣніи (см. Сб. Р. И. Общ., т. 7, стр. 348, 376 и др.). Съ самаго своего воцаренія она стала принимать мѣры къ замѣнѣ старыхъ порядковъ въ Малороссіи новыми—общеимперскими. Какъ разъ передъ самымъ возстаніемъ 1768 г. депутаты правобережной Украины заявили Екатеринѣ (чрезъ «коммисію о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія») о своемъ недовольствѣ новыми порядками и желаніи возста-

новленія утраченной автономіи. Недовольство малороссами съ лѣваго берега Днѣпра выражалось и иначе--побѣгами въ Польшу. Фактъ недовольства лѣвобережныхъ малороссовъ заведенными Екатериной порядками побудилъ ее, когда вспыхнула Коліивщина, опасаться, какъ-бы пламя пожара съ того берега Днѣпра не перенеслось на этотъ. Отсюда и старанія ея потушить этотъ пожаръ.

Вообще приходится пожалѣть, что г. Иваницкій въ своемъ изслѣдованіи слишкомъ мало посвятилъ вниманія и мѣста обрисовкѣ отношеній правительства Екатерины II къ диссидентскому вопросу въ Польшѣ и къ явленіямъ народной жизни польской Украины.

Кромѣ того, можно указать цѣлый рядъ отдѣльныхъ промаховъ и неточностей. Такъ, напримѣръ, на стр. 18 авторъ говоритъ, что Гервасій прибылъ на мѣсто своего назначенія къ декабрю 1757 г., между тѣмъ какъ дѣла бывшей Переяславской консисторіи (съ которыми знакомъ и авторъ) и данныя архива св. синода даютъ возможность утверждать, что Гервасій вступилъ въ управленіе епархіей еще въ первой половинѣ октября 1757 г.

На стр. 19 говорится, что къ Переяславской епархіи въ то время на лѣвой сторонѣ Днѣпра принадлежали лишь церкви нынѣшняго переяславскаго уѣзда; но авторъ, если незнакомъ съ печатными свѣдѣніями по этому вопросу, могъ въ знакомомъ ему старомъ архивѣ Кіевской консисторіи находить указанія на принадлежность къ Переяславской епархіи тогда на лѣвомъ берегу Днѣпра также многихъ церквей въ нынѣшнихъ—золотоношскомъ, пирятинскомъ и отчасти кременчугскомъ уѣздахъ. Вслѣдствіе такого невѣрнаго уменьшенія территоріи Переяславской епархіи авторъ приходитъ къ неправильному выводу о томъ, что эта епархія «была очень невелика по своимъ размѣрамъ» (стр. 18—19).

На стр. 226 невѣрно указывается, будто приказъ объ удаленіи Гервасія изъ Переяслава въ Кіевъ отданъ былъ *9 сентября* 1768 г. Какъ видно изъ дѣла синодскаго архива 1768 г. № 95, указъ Екатерины объ этомъ данъ былъ 29 сентября, и синодъ не медлилъ 3 недѣль, какъ указываетъ авторъ, а сразу на другой день послалъ объ этомъ указъ Гервасію.

Указъ объ удаленіи Мелхисидека отъ игуменства въ Мотронинскомъ монастырѣ посланъ былъ не 14 октября, какъ утверждаетъ авторъ (см. стр. 227), а въ сентябрѣ; 3 сентября состоялось постановленіе Синода, а 10 сентября указъ былъ подписанъ членами синодскими;

14 сентября этотъ указъ былъ уже полученъ въ Переяславѣ (см. арх. св. Синода, дѣлъ 1766 г. № 91, приложеніе). Въ данномъ случаѣ авторъ повторяетъ ошибку М. О. Кояловича (см. стр. 104 «Ист. возс. зап. рус. уніатовъ стар. врем.»).

На стр. 278 невѣрно сказано, будто смерть Гервасія послѣдовала *въ 9 часовъ вечера* 22 декабря 1769 г. Въ дѣлѣ синодскаго архива 1770 г. № 102 имѣется два показанія о смерти его. Во-первыхъ, митрополитъ кіевскій Арсеній Могилянскій доносилъ Синоду, что Гервасій умеръ указаннаго числа и года «въ половинѣ осмаго часа по полуночи». Съ другой стороны донесеніе въ Синодъ Переяславской консисторіи гласитъ, что смерть Гервасія послѣдовала «въ девятомъ часу з полуночи». Такимъ образомъ, Гервасій умеръ не въ 9 часовъ вечера, а около 8 часовъ утра.

На стр. 212 вы съ удивленіемъ читаете, что извѣстный генералъ Кречетниковъ, подавлявшій въ 1768 г. возстаніе польскихъ конфедератовъ и украинскихъ коліевъ, «заявлялъ весьма нѣжную симпатію къ полякамъ-шляхтичамъ»,—это тотъ самый Кречетниковъ, отъ дѣйствій котораго стонали польскіе шляхтичи настолько, что русское правительство, внявъ ихъ воплю, вынуждено было отозвать Кречетникова изъ Польши... и т. д., и т. д.

И крупные недостатки работы г. Иваницкаго, и мелкіе промахи его происходятъ главнымъ образомъ оттого, что авторъ, во-первыхъ, сравнительно мало ознакомился съ литературою объ историческихъ явленіяхъ и предметахъ, *тѣсно соприкасавшихся* съ главнымъ предметомъ его изслѣдованія, и, во-вторыхъ, не заглянулъ ни въ одинъ архивъ, кромѣ стараго архива Кіевской дух. консисторіи. Желательно было-бы, чтобы авторъ, дополнивъ нѣсколько бывшія въ его распоряженіи данныя новыми, переработалъ свое изслѣдованіе, далъ въ немъ болѣе опредѣленный и ясный образъ Гервасія, какъ историческаго дѣятеля, и съ большимъ вниманіемъ отнесся къ связи явленій церковной жизни Украйны съ теченіемъ событій жизни народной и политической.

Вл. П—ко.

Володимир Вирчак.—Урвана пісня. *(Новеля). Львів. 1904.*

Имени г. В. Бирчака намъ не приходилось до сихъ поръ встрѣчать въ украинской литературѣ, что позволяетъ предположить въ ав-

торѣ «Урваної пісні» молодого, начинающаго [1]), какъ говорится, писателя. Впрочемъ и въ самой «новелі» нѣтъ недостатка въ признакахъ, подтверждающихъ эту мысль. Я прошу читателя обратить свое вниманіе на слѣдующія мѣста въ его книгѣ: «І стали про нього далі говорити: *Шу-шу! Шу-шу! шу-шу!*» (ст. 24); «*Тур!—тур!*—коло самої парохії сторкотала бричка» (ст. 29); «полетіли санки по гладкому (!) снігу: *дзень-дзень! дзень-дзень! дзень-дзень!*» (ст. 14); характеръ бесѣды нѣжновлюбленной пары нашъ авторъ неизмѣнно (цѣлыхъ 6 разъ!) передаетъ словами: «*боркуку! боркуку! боркуку!*» Не показалось ли вамъ, читатель, при чтеніи вышеприведенныхъ строкъ, что передъ вами находится ораторъ не старше пяти лѣтъ и, сюсюкая, лепечетъ о томъ, что вова, молъ, гамъ-гамъ и съѣла кошку?.. Чѣмъ-то положительно дѣтскимъ вѣетъ отъ этой манеры прибѣгать для выраженія своихъ мыслей къ междометіямъ и разнаго рода звукоподражательнымъ словечкамъ.

Тоже впечатлѣніе подчеркивается и наивнымъ, до смѣшного неумѣлымъ слѣдованіемъ жрецамъ «новой красоты», у нашего автора, впрочемъ, всецѣло исчерпывающимся многочисленными повтореніями почему-либо особенно понравившихся ему фразъ («най збираються усі!—ще лиш у вельон вберем молоду!» (5 разъ); «розгуляні (?) пари» (5 разъ) и т. д.); при этомъ г. Бирчакъ и своимъ героямъ усваиваетъ эту очевидно плѣнившую его манеру выражать свои мысли, заставляя женскихъ персонажей «Урваної пісні» (Красицкія—мать и дочь) повторять одну и ту же фразу: «який бідний, той бідний наш люд»!—цѣлыхъ 7 разъ!

Кромѣ того, смѣшное вслѣдствіе отсутствія у г. Бирчука всякаго художественнаго дарованія, хотя и преслѣдующее благую цѣль, стремленіе дѣтски-беззубымъ ртомъ уязвить несимпатичныхъ ему героевъ «новелі», а также обиліе наивныхъ и банальныхъ сравненій и стилистическихъ погрѣшностей, понятіе о которыхъ можетъ дать слѣдующая выдержка: «*Бо як від сонця по бурі знова всьміхає ся земля*—так по кількох хвилях і вона всьміхнула ся до нього!—і де подів ся його гнів і жаль і розпука його? І веселий, *ніби мов птиця пострі-*

---

[1]) Кромѣ новелы „Урвана пісня", г. Бирчакъ издалъ еще сборникъ своихъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Матура"; послѣднихъ намъ не приходилось видѣть.

лена (?)—сидів знова біля неі *на вірній розмові, на тихому слові..!»* (ст. 28),—оставляютъ цѣльное, но крайне для автора невыгодное впечатлѣніе: «Урвана пісня»—неудачная, ребяческая проба пера...

П. Е.

Лубочная украинская литература.

«Для хохловъ и такой Богъ збряде!»

Гг. Сытины, Губановы, и др. московскіе толстосумы занимаются, какъ извѣстно, «просвѣтительной» дѣятельностью. Они издаютъ картины и «литературу» для русскаго народа. Мнѣ давно извѣстно, что различные *Бовы Королевичи, Жаръ птицы* да *Еруcланы Лазаревичи* и др. дребедень выпускаются въ свѣтъ именно этими «просвѣтителями»; но я—долженъ въ этомъ сознаться—не зналъ до послѣдняго времени, что гг. Сытины и Губановы проникли со своими просвѣтительными задачами также и въ Украину, поставляя и сюда своего рода Бовъ Королевичей.

Очевидно московскіе просвѣтители обладаютъ чрезвычайно острымъ издательскимъ «чутьемъ», способнымъ проникать всюду, и чуть гдѣ обозначится спросъ на тѣ или другія предметы книжнаго свойства, г.г. Сытины-Губановы-Коноваловы—тутъ какъ тутъ со своимъ предложеніемъ.

И это было бы очень отрадно, еслибы г.г. московскимъ издателямъ не нужны были *только* народныя денежки и совершенно чужды народные интересы. Извлекая гроши изъ народнаго кармана, они не считаются съ необходимостью, съ нравственной, такъ сказать, обязанностью давать народу дѣйствительную духовную пищу, полезное чтеніе; они отлично знаютъ, что народъ нашъ не въ состояніи еще оцѣнить по достоинству ихъ изданія, ихъ «просвѣтительныя» намѣренія, и потому пользуются этимъ невѣдѣніемъ во-всю.

Читающая публака болѣе или менѣе знакома съ литературой, какую московскіе издатели преподносятъ великорусскому народу, и потому мы не будемъ касаться этой литературы и остановимся только на литературѣ того-же характера, фабрикуемой для украинскаго народа.

Вотъ шедевры, сфабрикованные на никольскомъ рынкѣ для украинца-простолюдина.

«Марко проклятый» стр. 107, изд. Т. А. Губанова.

Читатель напрасно будетъ думать, что это тотъ «Марко», который является классическимъ произведеніемъ въ украинской литературѣ,—нѣтъ, это не Олесы Стороженка „Марко“, это „Марко проклятый“ какого то г. Поповича, передѣлавшаго прекрасную поэму Стороженка въ „малорусскую драму“, для чтенія. Есть всякія передѣлки извѣстныхъ авторовъ, но передѣлка г. Поповича является по нашему мнѣнію непростительнымъ кощунствомъ, гумленіемъ надъ творчествомъ талантливаго украинскаго писателя. Если чтеніе Стороженковскаго Марка способно дѣйствовать на фантазію читателя и возбуждать въ немъ извѣстныя эмоціи, то „Марко“ Поповича можетъ дѣйствовать только на нервы и способенъ вызывать чувство горечи и обиды за покойнаго писателя, подвергшагося глумленію.

«Розбійныкъ Довбня», стр. 107, того-же издателя.

На этой „маленькой побрехенькѣ“ М. Приходька, ничего не говорящей ни уму, ни сердцу, мы не будемъ останавливаться. Посовѣтуемъ развѣ автору „побрехеньки“ найти для себя болѣе подходящее и болѣе достойное занятіе, чѣмъ забивать простымъ людямъ головы своими „побрехеньками“. Вѣдь какъ ни какъ, а кто нибудь да читаетъ-же эту ерунду! Въ этой-же книжицѣ помѣщено также много низкопробныхъ анекдотовъ *по-русски*, что доказываетъ еще большую практичность издателя, который однимъ зарядомъ убиваетъ двухъ зайцевъ— одна книжка можетъ „обслуживать“ и малоросса и великороса.

Еще „Побрехенька“ и „Ганна“, стр 103 и 108. Двѣ книжицы того-же издателя.

Здѣсь собраніе различныхъ стиховъ. Къ этимъ изданіямъ можно было бы отнестись, пожалуй терпимо, если бы не тѣ дефекты, о которыхъ рѣчь идти будетъ ниже. Поэзія во всѣхъ стихахъ почти отсутствуетъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть, по крайней мѣрѣ, содержаніе.

А вотъ еще два довольно объемистыхъ, съ внѣшней стороны не дурныхъ, сборника „Черевычкы“ и „Оповидачъ“ (?). Это уже изданіе Е. И. Коноваловой. Боже мой! Чего только здѣсь нѣтъ!.. И «шумки», и «думки», и «колядки», и «сцены», и «щедривки», и «анекдоты!» Словомъ все, все нашло себѣ мѣсто въ этихъ, съ позволенія сказать, изданіяхъ. Цѣлая энциклопедія! Первый сборникъ обнимаетъ 160, а

второй 411 страницъ печати. Г-жа Коновалова при помощи «составителя» сборниковъ какого-то г. Руденка положительно побила всѣ рекорды, и г. Губановъ является въ своей издательской дѣятельности по сравненію съ г-жей Коноваловой, выражаясь словами безсмертнаго Расплюева, положительно «мальчишкой и щенкомъ», ибо г. Губановъ посягаетъ своими изданіями на народные пятачки, а г-жа Коновалова-Руденко сразу просятъ за свои непозволительныя изданія по 40—75 коп...

Въ этихъ двухъ послѣднихъ сборникахъ что особенно бросается въ глаза и является прямо таки непозволительнымъ, такъ это языкъ. Такъ искалѣчить живую народную рѣчь можно только нарочно, или печатая книжку, не продержавъ ни единой корректуры. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ образчики; беремъ ихъ безъ выбора.

Напійлюсь! (?)
Ой, кол*и*бъ не вы, *таке* мы (?)
То мы бъ о тутъ (?) не бул*и*
То мы бъ о тутъ (?) не бул*и*
Горилочк*и* не пил*и*!
Тай напійлюсь (?) родыно,
Щобъ всимъ жыто вродыло;
Та напійлюсь (?) ридъ увесь
Щобъ намъ родывъ и овесъ.

Изъ 9 строкъ, только двѣ безъ ошибокъ или уродливыхъ выраженій.

Вотъ отдѣльныя выраженія и цитаты—(повторяемъ безъ выбора!) «буйнесельній», «батикъ», «зродливый» «гальнуе», «ладавъ», «кумптувавъ», «зачинешъ» (вмѣсто «загынешъ»), «побачили у дольми (?) велику слободу», «у своихъ телесохъ» (?) «Дидъ розсказувавъ, що бѣсеняти (sic), поки ще молоди то зелени, якъ оситнякъ,—лели (?) въ ихъ, ни рижкивъ, ни кигтивъ. Тай въ тимнижъ (?) розсказувавъ».

Еще:

На городи *каможа* (вм. калюжа),
Я робити не дужа,
Якъ музыка заграе,
Само сердце гуляе!..

А скрипочко изъ липочки,
А струны зъ борвинку;
Якъ заграе, защебече
Чути *по Варнинку* (?!)
Грай скрыпичникъ, якъ бы *змогъ* (sic)
Тай не жалуй моихъ ногъ,
Мои ноги *постопели* (?),
Летали бы, якъ *молели* (!?).
У яро (?) и пшениченьки
Яроe *полосья* (!)
Якъ тако любко мало,
Що оновте волосья (!..)

Пусть разберется кто-нибудь въ этой невозможнѣйшей, возмутительной белибердѣ московской просвѣтительницы. Не удивительно, если даже знакомыя съ украинскимъ языкомъ лица скажутъ: «какой однако странный и непонятный этотъ сочиняемый малороссами языкъ!»... Упрекъ въ данномъ случаѣ совершенно заслуженный, хотя и направляемый не по настоящему адресу...

Мы, правду сказать, не останавливались бы такъ долго на этой литературѣ, если бы она не имѣла довольно приличной внѣшности и — самое главное—если бы сюда не были включены и дорогiе каждому сознательному украинцу имена: такимъ отвратительнымъ языкомъ напечатаны здѣсь нѣкоторыя произведенiя Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка—произведенiя, составляющiя красу украинской литературы и ставшiя неповинными жертвами контрафакторскихъ инстинктовъ какого-то г. Руденка купно съ г-жей Коноваловой, которыя съ украинской литературой не церемонятся, очевидно не желая признавать какихъ бы то нибыло авторскихъ правъ на литературную собственность за украинскими писателями. Вѣдь съ русскими писателями эти предприниматели подобныхъ экспериментовъ, конечно, не посмѣютъ дѣлать.

Спрашивается не отобьютъ ли подобныя книжки охоту у народа читать на своемъ родномъ языкѣ?.. Бойтесь Бога, г.г. Коноваловы-Руденки! Да имѣйте хоть сколько-нибудь уваженiя къ рѣчи того народа, для котораго вы поставляете свои изданiя съ единой цѣлью зашибить деньгу!..

Намъ остается упомянуть еще о двухъ сборникахъ: «Веселый оповидачъ» изд. Губанова и «Малороссійскій сборникъ повѣстей, сценъ, разсказовъ и водевилей извѣстныхъ украинскихъ писателей». Первый сборникъ является перепечаткой того-же сборника, изданнаго въ Черниговѣ Б. Д. Гринченкомъ (ссылки на это впрочемъ не сдѣлано)—перепечаткой, сдѣланной безъ согласія и вѣдома составителя, какъ объ этомъ было заявлено въ печати г. Гринченкомъ.

Что касается второго сборника, то это рѣдкостный экземпляръ въ смыслѣ правописанія—одни произведенія напечатаны такъ называемой «Кулишивкой», другіе «романовкой», третьи тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; всюду-же, во всѣхъ пересмотрѣнныхъ иами изданіяхъ, правописаніе невыдержано, небрежно и вызываетъ досаду и раздраженіе.

Невольно подумаешь, просматривая всю эту макулатуру: ужъ не придерживаются-ли московскіе «просвѣтители» выраженія богомаза Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, что *«для хохловъ де и такой Богъ збряде?»*

Если они знакомы съ этимъ изреченіемъ и слѣдуютъ ему, то да будетъ-же г.г. москвичамъ николо-суздальцамъ стыдно!

Гр. Сьогобочній.

Археологическая Лѣтопись южной Россіи. Журналъ посвященный южно-русской старинѣ. *(1903 годъ: №№ 1—6; за 1904: №№ 1—5).*

«Археологическая Лѣтопись южной Россіи».—спеціальный археологическій журналъ, издаваемый съ 1903 года въ Кіевѣ директоромъ Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ Н. Ф. Бѣляшевскимъ, является продолженіемъ архелогическаго отдѣла въ «Кіевской Старинѣ»--«Археологическая лѣтопись», составлявшагося и редактированнаго съ 1899 г. тѣмъ же почтеннымъ дѣятелемъ Н. Ф. Бѣляшевскимъ. Запасшись обѣщаніями сотрудниковъ и располагая немалымъ количествомъ археологическаго матеріала, который съ каждымъ годомъ все увеличивается, г. Бѣляшевскій приступилъ къ изданію спеціальнаго самостоятельнаго органа, посвященнаго древностямъ Украины, въ которомъ давно уже чувствовалась насущная потребность. Первоначальныя опасенія за судьбу изданія (отсутствіе сотрудниковъ, матеріаловъ, матеріальная сторона) въ скоромъ времени разсѣялись, и появившіеся за

два года 11 книжекъ журнала блистательно оправдали надежды редактора, сумѣвшаго, повидимому, преодолѣть всѣ препятствія и поставить изданіе на надежную почву.

Въ журналѣ имѣется четыре отдѣла: археологическія статьи и изслѣдованія (оригинальныя, иногда переводныя), охрана памятниковъ старины, хроника и библіографія. Каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ множество цѣннаго матеріала, мимо котораго не можетъ пройти ни одинъ изслѣдователь прошлаго нашей родины. Въ первомъ научномъ отдѣлѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи и изслѣдованія: въ 1903 году—«Ближайшія задачи археологіи юга Россіи»—Н. Бѣляшевскаго, Искусство мадленской эпохи въ Украинѣ (переводъ съ малорусскаго)—Ф. Волкова, Кіево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадленъ—В. Хвойки, Предметы античнаго вооруженія, найденные въ Екатеринославскомъ уѣздѣ,—проф. Г. Павлуцкаго (№ 1); Археологическія изысканія въ окрестностяхъ Таганрога—А. Миллера Остатки старины на Нижнемъ Днѣпрѣ—Л. Падалки; Икона, сооруженная гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ—Н. Бѣляшевскаго (№ 2); Дюнныя стоянки неолитической эпохи въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ.—М. Якимовича; Могильники по среднему теченію р. Уборти—Я. Яроцкаго; Русскія монетныя гривны, ихъ формы и происхожденіе—К. Болсуновскаго; Къ возрожденію украинскаго археологическаго стиля--К. (№ 3—4); Замѣтки по русской доисторической керамикѣ — пр.-доц. В. Данилевича; Цѣнный вкладъ великокняжеской эпохи—Н. Бѣляшевскаго; Оловяный потиръ XVIII ст.—Н. Б.; Памяти Н. Е. фонъ-Бранденбурга—А. С. (№ 5); Курганъ-могиканъ на территоріи Кіева—Н. Бѣляшевскаго, Договоры о сооруженіи церквей въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ—И. Каманина, Новый домъ Полтавскаго губернскаго земства—А. Сластіонова (№ 6). Въ 1904 году: Раскопки кургановъ при с. Оситняжкѣ, Чигиринск. у Кіевск. губ.--В. Хвойки, Поле погребальныхъ урнъ эпохи la Tène въ Радомысльскомъ у. кіевск. губ.—Н. Бѣляшевскаго, Замѣтки по исторіи русскаго искусства въ старой Польшѣ (этнографической) (переводъ съ малорусскаго)—М. Грушевской, Наглавные кресты XVII—XVIII ст. кіевскихъ церквей—С. Яремича (№№ 1—2); Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (по поводу столѣтія со дня рожденія)—Н. Б., Раскопки на городищѣ «Очаковъ» у д. Набутова—В. Гезе, Старинный «сволокъ» —Н. Б. (№ 3); Профессоръ Н. И. Петровъ (по поводу исполнившагося 30-тилѣтія его ученой дѣятельности)—проф. Е. Рѣдина. Къ вопросу о древнихъ сооруженіяхъ въ

южно-русскихъ степяхъ («городки», «майданы», «роблени» и «роскопани могилы»—Л. Падалки, Раскопки кургановъ въ Волынской губерніи, произведенныя въ 1897—1900 г.г.—барона Ф. Штейнгеля, Донецкое городище и городъ Донецъ. Историко-археологическій очеркъ—пр.-доц. В. Данилевича.

Одинъ голый перечень этихъ работъ свидѣтельствуетъ о томъ, сколько интереснаго и цѣннаго по археологіи заключаютъ онѣ въ себѣ... Не менѣе содержателенъ и отдѣлъ «Хроники», гдѣ читатель находитъ свѣдѣнія о дѣятельности ученыхъ обществъ и учрежденій объ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, музеяхъ и собраніяхъ древностей, наконецъ приводятся различныя извѣстія, имѣющія отношенія къ археологіи нашего Юга Въ отдѣлѣ библіографіи въ каждой книжкѣ даются отзывы о періодическихъ и отдѣльныхъ археологическихъ изданіяхъ, книжкахъ и брошюрахъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что таблицы къ рисункамъ, которыми почтенный редакторъ въ изобиліи снабжаетъ печатаемый матеріалъ, исполнены отчетливо и рельефно, и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, внѣшность изданія, не уступая внутреннему содержанію, производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Пожелаемъ же симпатичному изданію возможно большаго распространенія и сочувствія къ нему въ обществѣ не только среди спеціалистовъ археологовъ, но вообще въ кругу образованныхъ людей, дорожащихъ прошлымъ и настоящимъ своей родины.

В. Д.

„Выдавныцтво „Викъ". На вичну памьять Котляревському. *Литературный Збирныкъ". У Кыиви, 510+X, in 8⁰, ц. 3 р. 50. к.*

Въ прошломъ, 1904-мъ, году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ: «На вичну памьять Котляревському», изданный книгоиздательствомъ «Викъ». Сборникъ этотъ, явившійся въ свѣтъ, какъ гласитъ самое названіе, съ цѣлью почтить память Котляревскаго, этого отца новой украинской литературы, представляетъ большой литературный интересъ. Чтобы высказанное мнѣніе не являлось голословнымъ, укажемъ на имена лучшихъ представителей современной украинской литературы, принявшихъ участіе въ этомъ сборникѣ, какъ-то: Коцюбинскій, Мырный, Крымскій, Франко и многіе другіе. Не останавливаясь пока на произведеніяхъ вышеупомянутыхъ авторовъ, творчество которыхъ хорошо

извѣстно каждому, кто хотя немного знакомъ съ новѣйшей украинской литературой, займемся разборомъ новыхъ сравнительно съ ними литераторовъ: Винниченко, Модестъ Левицькый, Лысакъ-Тамаренко, Радный. Двое изъ вышеупомянутыхъ авторовъ: Лысакъ-Тамаренко («Коло эсьвиты») и Радный («За день») разрабатываютъ одну и ту же тему; такой темой у нихъ является постановка нашей народной школы, при чемъ оба автора какъ-бы пополняютъ другъ друга.

Тамаренко въ своемъ разсказѣ «Коло осьвиты» указываетъ на неудовлетворительность постановки народнаго образованія, съ одной стороны, вслѣдствіе плохой подготовки учителей, получающихъ образованіе въ такъ называемыхъ церковно-второклассныхъ учительскихъ школахъ, а съ другой, въ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, дѣлающихъ и безъ того тяжкій учительскій трудъ еще тяжелѣе.

Но всего лучше обратимся къ самому разсказу.

Разсказъ «Коло осьвити» ведется отъ лица священника, на попеченіи котораго находятся двѣ сельскія школы незанятаго пока прихода.

Пріѣхавши въ одну изъ этихъ школъ, священникъ застаетъ въ школѣ только тридцать учениковъ и на вопросъ, почему такъ мало дѣтей посѣщаетъ школу, получаетъ отъ учителя, 17-тилѣтняго невзрачнаго и несимпатичнаго на видъ парня, уклончивый отвѣтъ.

Проѣзжая на обратномъ пути изъ школы черезъ деревню, священникъ спросилъ у крестьянъ, почему они не посылаютъ дѣтей въ школу, и получилъ отвѣтъ: «Не можно ихъ загнаты до школы--розбигаются».

— «Зъ якои прычыны»?

— «Якось учытель тее... прыступае до ныхъ дуже строго».

«Та що тамъ таитысь!—озвався другый,—не вчыть винъ ихъ, а просто сказаты «избывае младенцивъ».—Самъ хвалывся мени, що вже дви лынійкы побывъ за одынъ мисяць.

— Моему небожеви,—додавъ третій,—якъ давъ двадцять ище й пьять у долони, то таки поробылысь товсти, якъ подушкы. (Стр. 380).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, священникъ попросилъ передать учителю, чтобы онъ измѣнилъ свое обращеніе съ учениками, грозя въ противномъ случаѣ донести начальству о его непригодности.

Непригодность учителя, вышедшаго изъ народной среды и получившаго скудную подготовку въ школѣ, предназначенной главнымъ

образомъ для подготовки народныхъ учителей изъ народной же среды,—явленіе тѣмъ болѣе печальное, что именно на нихъ возлагались большія надежды.

«На ныхъ дуже велыки надіи покладалы, колы ихъ засновувалы. У нашыхъ «второклассныхъ» школахъ бильшисть выхованцивъ зъ народу. Выйшовъ такый учытель зъ темного села, прыйнявъ освиту и знову повертается на село, абы про-межы темнымы братчыкамы шырыты ту освиту и росповсюжуваты грамоту». (Стр. 378).

Такъ разсуждали основатели школы и приходили въ восторгъ отъ чудной идеи, но эти чудныя идеи въ дѣйствительности оказались плохо осуществимыми, и съ ними повторилась старая исторія, что вещь, прекрасная въ теоріи, оказывается далеко не удовлетворительной на практикѣ.

«Та й чы можно жъ сподиватысь якогось путтяᅳ, колы таке велыке й безцинне дило, якъ освита народня, здаваты на якесь безглузде хлопчысько».—Такъ резюмируетъ авторъ свой взглядъ на народную школу, сданную на руки воспитаннику второклассной школы.

Исчерпавъ эту сторону вопроса о постановкѣ школьнаго дѣла въ деревнѣ, авторъ переходитъ къ другой, тоже существенной, сторонѣ, играющей тоже немалую роль въ неудовлетворительности народной школы, именно — къ сквернымъ условіямъ жизни, въ которыхъ находится учитель народной школы. Для иллюстраціи этого явленія авторъ рисуетъ передъ нами другую школу, гдѣ обучаетъ учительница. Въ этой школѣ священникъ застаетъ учительницу, бранящую ученика за то, что онъ не принесъ кочерги.

«Зъ классу чувся пысклывый крыкъ жиночого голосу».

«Ковѐню, ковѐню! Чомъ не прынесла мени ковени, вража дытыно? (Стр. 380).

На вопросъ священника, почему ученики должны приносить кочергу, когда на это есть сторожъ, учительница отвѣчала, что она сама несетъ обязанности и учительницы и сторожа.

Послѣ этого заявленія священникъ обѣщаетъ учительницѣ новую желѣзную кочергу и вызывается похлопотать, чтобъ ей дали сторожа.

Видя въ этомъ участіе къ себѣ со стороны священника, учительница начала жаловаться на свое положеніе.

«Нигде не можно купыты молока навить за велыки гроши. Хлибомъ диты годують... Пухнешъ зъ голоду, а до того нема за що й одежыны справыты. (Стр. 381).

Конечно, у каждаго является вопросъ, можетъ ли человѣкъ, находясь въ такихъ скверныхъ внѣшнихъ условіяхъ, хорошо работать, а тѣмъ болѣе учить, и отвѣтъ напрашивается самъ собою—нѣтъ.

Слѣдовательно, будетъ ли въ школѣ учитель изъ народа, подготовленный во второклассной школѣ, обученіе будетъ идти плохо, вслѣдствіе плохой подготовки учителя; будетъ-ли учитель лучше подготовленный,—плохія матеріальныя условія отравятъ его жизнь и сдѣлаютъ его плохимъ работникомъ, и школьное дѣло будетъ подвигаться плохо «безъ руля и безъ вѣтрилъ»,—такъ заканчиваетъ свой разсказъ Лысакъ-Тамаренко.

Вообще Лысакъ-Тамаренко представляетъ намъ довольно печальную картину постановки школьнаго дѣла въ деревнѣ и рисуетъ ее весьма яркими штрихами, что дѣлаетъ его разсказъ, хотя не новый по содержанію, весьма интереснымъ, въ виду его жизненности и искренности.

Перейдемъ теперь къ разсказу Раднаго «За день».

Въ своемъ разсказѣ Радный даетъ намъ изображеніе обычнаго будняго дня въ жизни учительницы народной школы.

Школьный день съ его уроками, перемѣнками, наполненными дѣтскими шалостями, описанъ очень вѣрно, и физіономіи шаловливыхъ школьниковъ рисуются, какъ живыя, передъ глазами читателя, но вся суть не въ нихъ, а въ учительницѣ, отдавшей себя всецѣло любимому дѣлу и посвятившей школѣ тринадцать лѣтъ лучшей жизненной поры.

Если Тамаренко рисуетъ намъ печальную картину изъ жизни народной школы вслѣдствіе плохой подготовки учителей и плохихъ внѣшнихъ условій ихъ жизни, то Радный представляетъ намъ сравнительно идеальную народную школу, гдѣ учительница находится вполнѣ на высотѣ своего призванія, гдѣ внѣшнія условія ея жизни сравнительно сносны, но только сравнительно: у учительницы есть сторожъ, и ей не надо заботиться самой о кочергѣ, метлѣ и т. п., обѣдаетъ учительница каждый день, тогда какъ у Тамаренка учительница жалуется, что даже молока нельзя достать, а хлѣбомъ кормятъ дѣти ее; но несмотря на всѣ эти преимущества, учительница въ теченіи 13-ти лѣтъ успѣла нажить всевозможныя простудныя и нервныя болѣзни, вслѣдствіе скверныхъ гигіеническихъ условій и всевозможныхъ нрав-

ственныхъ волненій, а что всего хуже—извѣрилась въ своей работѣ и, сидя въ школѣ, думаетъ: «Марна праця, марна праця». (Лит. Збирн. Стр. 394).

Дѣло въ томъ, что просвѣщеніе, даваемое нашей народной школой, не входитъ въ жизнь крестьянина, и изъ лучшихъ учениковъ школы выходятъ только хозяева и отцы своихъ дѣтей.

«Яка корысть зъ просвиты для отсіеи пивсотни дитей? Хочъ учы, хочъ не вчы однаково незабаромъ усе забудуть: и не станутъ кращымы, пройшовшы школу, нижъ яки воны теперъ, и не справять ни трохы громадського жыття въ ридному хутори». (Стр. 388),—такъ думаетъ учительница послѣ тринадцатилѣтней учительской дѣятельности.

Жизнь въ лицѣ лучшихъ учениковъ школы подтверждаетъ ея печальныя размышленія; изъ лучшихъ учениковъ школы, на которыхъ учительница полагала большія надежды вышли: «не кращи другыхъ хазяины, батькы своихъ дитей и... зновъ неграмотни люде». (Лит. Збир. стр. 388).

Это подтверждаютъ и сами ученики, говоря, что они и читать разучились, такъ какъ передъ родными и знакомыми совѣстно браться за книгу и неловко посѣщать учительницу,—такъ признаются ей искренно ея бывшіе ученики.

Эти заявленія учениковъ рѣжутъ, по словамъ учительницы, ея и безъ того больное сердце, да и здоровому сердцу читателя становится тоже больно и за учительницу, и за народъ, которому, по его собственному признанію, грамота впрокъ не идетъ; но спасибо автору—онъ не оставляетъ читателя подъ безотраднымъ впечатлѣніемъ дня учительницы, благодаря чему, ея симпатичный обликъ обозначается яснѣй, и значеніе мало-мальски сносно поставленной школы еще очевиднѣй.

Вечеромъ къ учительницѣ приходитъ одинъ изъ крестьянъ «Чудéка Уласъ», привязавшійся къ учительницѣ и вполнѣ сочувствующій всѣмъ ея горестямъ.

Изъ бесѣды съ Уласомъ выясняется, что у учительницы связь съ ея бывшими учениками несовсѣмъ порвалась, что они время отъ времени собираются къ ней на бесѣды, при чемъ учительница всегда что нибудь читаетъ вслухъ. «А въ недилю,—доводе Уласъ,—збираются до васъ, казалы, Артемъ, Кузьма, Сыдиръ, Мыхайло, Федоська, моя

онука, та ще... постривайте—хто... а-а той пакъ... згадавъ: Амосынчукъ та Сызоненко». (Стр. 396).

Не являются ли эти посѣщенія бывшихъ учениковъ своей учительницы залогомъ лучшаго будущаго въ жизни народной школы? Быть можетъ, число учениковъ, «вчащающыхъ до вчытелькы», будетъ современемъ все больше и больше; быть можетъ, тѣ же бывшіе ученики не захотятъ довольствоваться рѣдкими чтеніями съ учительницей, а начнутъ читать и сами и не будутъ только хорошими хозяевами, отцами своихъ дѣтей и снова неграмотными людьми. Дай Богъ, чтобъ все это было такъ и чтобы сѣятели «разумнаго, добраго, вѣчнаго», въ родѣ описанной Раднымъ учительницы, не переводились на нашей народной нивѣ.

Что касается автора Раднаго, то онъ въ слѣдующихъ словахъ дорисовываетъ образъ усталой, подчасъ сомнѣвающейся, но въ общемъ свято вѣрящей въ свое дѣло учительницы. «И забувае вона въ сю хвылю» (раздумывая надъ тѣмъ, чтобы ей прочесть своимъ бывшимъ ученикамъ, когда они соберутся къ ней), «що жыве самотою, що серце іи точе червякъ безнадійносты, а груды може справжни сухоты, що зъ дитей мало чого путнёго выходе, що пропала іи врода, и що не маты ій (а бажается—хочъ краплыночку!) особыстато счастя николы вже, николы»... (стр. 396).

Этими немногими словами авторъ доканчиваетъ образъ учительницы, и она, какъ живая, встаетъ въ воображеніи читателя. Послѣднее составляетъ особенно цѣнную заслугу для начинающаго автора, такъ какъ изображеніе положительныхъ типовъ очень трудно дается даже опытнымъ художникамъ слова. Достаточно вспомнить Тентетникова и Улиньку у Гоголя (Мертвыя души), Штольца у Гончарова (Обломовъ).

Единственное, что можно поставить въ вину автору—это крайній реализмъ, выразившійся въ приведеніи ругани деревенскихъ школьниковъ. Къ чему было ее приводить? Всѣмъ вѣдь извѣстно, что дѣти вообще не ангелы и что перебранки между ними явленіе заурядное, но въ жизни есть очень много заурядныхъ явленій, изображеніе которыхъ въ литературѣ вовсе нежелательно.

За исключеніемъ этого упрека, разсказъ Раднаго «За день» можно причислить къ числу лучшихъ произведеній, вошедшихъ въ составъ сборника.

Къ числу лучшихъ разсказовъ надо причислить также небольшіе разсказы Модеста Левицького, объединенные общимъ названіемъ «Оповидання лікаря».

Первый изъ нихъ, озаглавленный «Порожнимъ ходомъ», рисуетъ тяжелую участь колонистовъ-евреевъ въ подольской губерніи, у которыхъ забрали землю, такъ какъ родители ихъ, получивши надѣлъ, вмѣсто того, чтобы заниматься земледѣліемъ, сдали землю въ аренду мужикамъ, а сами пустились «на гешефты», и вотъ дѣтямъ ихъ, живущимъ въ земледѣльческой колоніи, но лишенныхъ земли, приходится бѣдствовать.

Картину ихъ бѣдствія и даетъ М. Левицькый.

Другой его разсказъ «Счастя Пейсаха Лейдермана» содержитъ въ себѣ описаніе бѣдняка еврея, промышляющаго игрой на еврейскихъ свадьбахъ и этимъ скуднымъ заработкомъ содержащаго калѣку дочь и двухъ малолѣтнихъ внучатъ. Счатье этого бѣдняка заключалось въ томъ, что онъ, упавши съ вагонной площадки и получивъ сильные ушибы, потерялъ надежду на жизнь и отчаивался, предвидя заранѣе весь ужасъ положенія своей дочки и внучатъ, но вдругъ узнаетъ отъ доктора, что ушибы его не грозятъ опасностью для жизни, и онъ можетъ играть на свадьбѣ, на которую ѣхалъ. Эта радость заставила даже заплакать стараго Пейсаха и на вопросъ доктора, о чемъ онъ плачетъ, старикъ отвѣтилъ: «Се я радію, що жывъ буду. Не за себе— я вже нажывся, напывся гиркои... раднишый вмеръ бы, колы бъ не сыроты... пропадуть безъ мене». (стр. 356).

Оба эти разсказа Левицкаго, отличаясь краткостью, производятъ сильное впечатлѣніе, благодаря интересу, который внушаютъ выведенныя авторомъ фигуры пасынковъ жизни со всей горечью ихъ нужды и рѣдкими радостями въ родѣ счастья Пейсаха Лейдермана, напоминающими слабый лучъ солнца въ туманный осенній день; если къ перечисленнымъ достоинствамъ разсказовъ Левицькаго добавимъ ту теплоту чувства, съ которой авторъ относится къ изображаемымъ имъ бѣднякамъ и которыя невольно сообщаются и читателю, то образъ автора обозначится передъ нами въ очень симпатичномъ свѣтѣ.

Изъ произведеній молодыхъ писателей есть еще довольно большой разсказъ Винниченка «Заручыны», не отличающійся, впрочемъ ни новостью сюжета, ни изложенія, но представляющій нѣкоторыя чисто внѣшнія особенности, отличающія его рѣзко отъ остальныхъ произведеній сборника,—потому мы посвятимъ ему нѣсколько минутъ.

Содержаніе повѣсти Винниченка «Заручыны» довольно избито и представляетъ исторію любви одного студента «украинця» съ широкими запросами на словахъ, на дѣлѣ же проводящаго время въ купеческой средѣ, съ которой, по его признанію, онъ не имѣетъ ничего общаго, но тамъ бываетъ «она», нѣкая Галя; «она» представляется воображенію юноши верхомъ всѣхъ совершенствъ, какъ нравственныхъ, такъ и внѣшнихъ; послѣднія, какъ болѣе очевидныя, признаются и другими и между прочимъ богатымъ купеческимъ сынкомъ, который, какъ выясняется изъ дальнѣйшаго разсказа, и оказывается настоящимъ претенденденто мъ на руку прекрасной Гали. Можно себѣ представить всю глубину отчаянія влюбленнаго юноши, убѣжденнаго до послѣдней минуты, что именно онъ, а не кто иной является единственнымъ избранникомъ этой идеальной дѣвушки. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсказа. Въ этомъ разсказѣ авторъ хотѣлъ изобразить юношу, образъ котораго напоминалъ бы «щось молоде, зелене, але добре, хороше, зъ добрыми надіямы, хорошыми мріямы и...малымы сыламы». (Стр. 299).

Не разбирая «мрій и надій» героя повѣсти Винниченка, студента Семенюка, остановимся на его безсиліи, какъ на чертѣ, особенно оттѣненной авторомъ.

Это безсиліе сказывается и въ слишкомъ ужъ какъ-то по старчески-сентиментальныхъ мечтахъ Семенюка о семейной жизни и отдыхѣ, Богъ вѣсть, отъ какихъ трудовъ. «Я маю свій димъ! Я найму дви, а може, тры кимнаткы... жинци, соби та йидальню»! (Стр. 302).

«И прихожу соби до-дому... до-дому!.. мене хтось зустричае. Потимъ чай. Подае не якый-небудь номерный, а вона»... (Стр. 303).

И снова «Прыходытъ до-дому. Тебе обнимае нижна мягка ручка, ласкаво-ласкаво проводыть по лыци—и тоби робытся тепло-тепло». (Стр. 307).

Но намъ могутъ возразить, что въ мечтахъ никто не воленъ и что мечты о личномъ счастьѣ въ своемъ углу еще нельзя считать признакомъ нравственнаго безсилія; но вѣдь надо помнить, что передъ нами мечтаетъ юноша съ «добрымы надіямы, хорошымы мріямы», это разъ, а во-вторыхъ, это же безсиліе сказывается и въ неумѣньи противостоять капризу любимой дѣвушки, когда она, послѣ жаркой сцены взаимнаго объясненія въ любви, требуетъ отъ Семенюка, чтобы онъ напился единственно изъ угожденія ей, и современный рыцарь въ честь возлюбленной идетъ на борьбу не съ врагами, а съ бутылками

и падаетъ въ буквальномъ смыслѣ въ неравной борьбѣ. Впрочемъ, все то еще была бъ не бѣда, и на довѣрчивое увлеченіе въ сущности испорченной дѣвушкой, и на неумѣнье противостоять глупому капризу той дѣвушки, и на весь эпизодъ Семенюка съ неудачной любовью къ Галѣ можно было бы смотрѣть, какъ на вспышку, переживаемую въ молодости почти каждымъ. «Благодатна всякая буря душѣ молодой—зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой», говоритъ Некрасовъ. Эту мысль можно было бы примѣнить и къ Семенюку, если бы авторъ не оттѣнилъ его безсилія не только въ настоящемъ, но и будущемъ «и поручъ сёго хорошого лыця выглядало вже помяте жыттямъ лыце зъ такымы жъ сынимы очима, зъ тою жъ доброю мягкою усмишкою, але безъ запалу, безъ палкои виры та незломныхъ надій. И робылось сумно и досадно». (299—300 стр.).

Не правда ли, какой въ сущности хорошо извѣстный образъ хорошаго, но усталаго и слабаго человѣка! Это одинъ изъ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, описанный намъ Чеховымъ. Вотъ это-то сходство выведеннаго авторомъ типа съ мастерски изображенными типами Чехова и есть та черточка въ разсказѣ Винниченка, ради которой мы останавливаемъ на немъ вниманіе читателя. Другой особенностью этого произведенія, рѣзко отличающей его отъ всѣхъ другихъ произведеній сборника, является языкъ повѣсти. Первая указанная нами особенность—чеховскій характеръ выведеннаго типа не является единственной въ своемъ родѣ въ украинской литературѣ; въ томъ же сборникѣ находимъ еще разсказъ, гдѣ авторъ Чернявскій, извѣстный болѣе, какъ лирическій поэтъ, даетъ какъ-бы одну изъ возможныхъ эволюцій типа, представленнаго Винниченкомъ. Это разсказъ, озаглавленный «Кинець гры», изображающій тоже симпатичнаго, но слабаго человѣка, не выдержавшаго той массы жизненной грязи и пошлости, которая сыплется на его голову.

Итакъ, художественный типъ интеллигента, напоминающій цѣлую плеяду чеховскихъ типовъ, не есть особенность, присущая въ украинской литературѣ одному лишь Винниченку.

Остается разобрать другую, указанную нами особенность произведенія Винниченка—это языкъ разсказа, отличающійся тѣмъ, что авторъ, приводя цѣлые разговоры на русскомъ языкѣ, является наваторомъ въ этомъ отношеніи. Это нововведеніе, способствуя болѣе рельефному изображенію великорусской купеческой среды (le style c'est l'homme), не портитъ общаго впечатлѣнія разсказа написаннаго во-

обще очень живо и увлекательно, такъ что слава «яркаго начинающаго таланта», признанная за Винниченкомъ такимъ замѣчательнымъ представителемъ малорусской литературы, какъ Ив. Франко, остается непоколебимой.

Изъ произведеній авторовъ, давно уже извѣстныхъ на литературномъ поприщѣ, отмѣтимъ «Духъ часу» Кобрыньской, затрагивающей въ этомъ разсказѣ глубокій вопросъ объ отцахъ и дѣтяхъ, разъединенныхъ различіемъ умственныхъ запросовъ и нравственныхъ идеаловъ, и «Басарабы» Стефаныка, рисующаго тяжелую душевную драму, переживаемую цѣлымъ поколѣніемъ крестьянъ бесарабцевъ, передающихъ изъ рода въ родъ наклонность къ самоубійству. Достоинство разсказа составляетъ психологическая разработка ощущеній, овладѣвающихъ каждымъ «бассарабомъ», склоннымъ къ самоубійству.

«Я не знаю видкы й якъ, але то таки гадкы прыходять, що не дають спокою. Ты свій, а гадкы свои, ты продыраешь очи, абы нагнаты ихъ, а воны, якъ псы, скавулять коло головы».

«Якъ воны обсядуть, то воны не пустять мене крокомъ видъ такого мисця, де воны гадають мене прывьязаты. Якъ бы вы зналы, якъ бы вы зналы! Воны мене такъ звьяжуть, що на свити такыхъ ланцивъ нема, абы такъ глыбоко заходылы въ середыну». (Лит. збир. стр. 261).

Такую муку изображаетъ одинъ изъ крестьянъ Тома, вынутый своими односельчанами изъ петли. Мука эта усугубляется сознаніемъ, что человѣкъ самъ не знаетъ, за что онъ терпитъ мученія, но въ то же время не находитъ въ себѣ силы противостоять искушенію покончить сразу со всѣми этими страданіями.

«Воно точыть, але не каже за що, бо якъ бы я вбывъ, або пидпалывъ, то воно выдимо: але я не повынный, а воно карае. Та якъ та хмара злопотыть по неби та й тоди прыходыть самъ часъ, абы тратытыся. Йдете коло воды, а вона васъ тягне...

«Глыпнете на вербу—та й васъ зновъ зипре». (Лит. збир. стр. 263).

Такъ описываетъ тотъ же Тома свое душевное состояніе передъ тѣмъ, какъ окончательно рѣшилъ повѣситься.

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, какъ глубоко умѣетъ заглянуть Стефаныкъ въ душу крестьянина.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ нами авторовъ, въ сборникъ вошли произведенія слѣдующихъ беллетристовъ: Кониській (помѣщено произведеніе покойника: «Висимъ день зъ жыття Люли»), Ганна Барвинокъ,

Осипъ Маковей, Мартовичъ Олекса, Бордулякъ, Грыгоренко, Потапенко Вячеславъ, Билоусенко, Мордовець Даныло, Ефремовъ Сергій, Мырный Панасъ, Смутокъ Павло, Яновська, Чернявськый.

Позволимъ себѣ, не ограничиваясь этимъ перечнемъ именъ, остановить вниманіе читателя на произведеніяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ авторовъ; начнемъ съ Чернявського, автора «Писень кохання, «Зорь» и теперь выступающаго весьма успѣшно въ прозаическихъ разсказахъ, при чемъ надо сдѣлать маленькую оговорку; появленіе прозаическихъ разсказовъ Чернявського на страницахъ сборника не является его первымъ дебютомъ. какъ прозаика, Во всякомъ случаѣ разсказы Ч—го, помѣщенные въ сборникѣ «Смерть Зораба» и уже упомянутый нами «Кинець гры» позволяютъ думать, что авторъ, стяжавшій себѣ извѣстность, какъ лирикъ, займетъ въ украинской литературѣ далеко не послѣднеее мѣсто, какъ беллетристъ.

Нельзя обойти безъ вниманія разсказъ Ефремова «Цина крови», рисующій деморализующее вліяніе большихъ городовъ на деревенскихъ крестьянъ. Разсказъ, отличаясь правдивостью жизненнаго изображенія, оставляетъ читателя подъ грустнымъ впечатлѣніемъ сдѣлки, въ силу которой деревенская дѣвушка, обольщенная городскимъ мастеровымъ и имѣющая отъ него троихъ дѣтей, уступаетъ добровольно своего возлюбленнаго за 75 руб. болѣе счастливой соперницѣ.

Если разсказъ Ефремова, изображая деморализующее вліяніе деревни, производитъ грустное впечатлѣніе, то эта грусть еще усиливается при чтеніи разсказа Бордуляка «Жура», рисующаго тяжелое положеніе крестьянина, обремененнаго семьей и преслѣдуемаго нуждой, при чемъ нужда играетъ въ жизни несчастнаго Грыця (имя героя повѣсти) ту же роль призрака, какую въ разсказѣ Стефаника играетъ мысль о самоубійствѣ: какъ Тому мучитъ мысль о самоубійствѣ, такъ Грыця мучитъ «жура», не давая ему покою ни днемъ, ни ночью.

Тяжкій трудъ и безысходная нужда заставляютъ многихъ крестьянъ бросить мѣста, насиженныя цѣлыми поколѣніями, и искать лучшей доли въ далекой Сибири. О такомъ исканіи лучшихъ мѣстъ малоземельными крестьянами изъ Малороссіи и разсказываетъ Даныло Мордовець въ своемъ разсказѣ «Луна зъ новои Украины», ярко рисующемъ тоску по родинѣ, которая охватываетъ украинцевъ, попадающихъ даже въ лучшія условія жизни. Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ юмористическихъ разсказахъ «Счастя» Григоренка

и «Зарикъ Горпыны» Яновской. Оба эти автора, изображая жизнь сравнительно зажиточныхъ крестьянъ, останавливаютъ вниманіе читателя на нравственныхъ недостаткахъ крестьянской массы. Такими недостатками въ разсказѣ Грыгоренка «Счастя» является лѣнь и безпечность, доведенныя до крайности четою Семена Недобора и его женой Мелашкой, придумавшей цѣлую теорію для оправданія своей лѣни.

«Бувъ соби чоловикъ, що все робывъ, не покладаючы рукъ до кривавого поту, а дали вмеръ; вмеръ, та ось у рай ёго не прыймають, бо дуже робитныкивъ своихъ роботою нудывъ—дыхаты имъ не дававъ,—дакъ не способный, и пишовъ винъ у пекло, а тутъ ёму чорты кажуть: «що тоби, чоловиче, тутъ робыты? ты вже й такъ на земли наробывся—нема тоби тутъ роботы, що дають за наказаніе». Такъ винъ й тынявся: то въ рай, то въ пекло, не знавъ, куды прытулытысь, скинчивъ на тимъ, що зависывся и вдруге умеръ, и зновъ никуды не мигъ определытысь—ото наробывся!» (стр. 270).

Впечатлѣніе этого въ общемъ хорошаго разсказа портятъ только нѣкоторыя слишкомъ реальныя сравненія, напр.: «Диты уси били, якъ гныды», «вона покоштувала глывкого пряныка, перемынаючы ёго въ руци й шыроко розтуляючы рота, *якъ жаба, що ловыть мухъ*».

Если даже допустить, что эти выраженія не портятъ разсказа, то во всякомъ случаѣ и не украшаютъ его; тѣмъ болѣе, что употребленіе ихъ не вызвано даже такою необходимостью, какъ изображеніе среды, а принадлежатъ всецѣло автору.

Что касается разсказа Яновской «Зарикъ Горпыны», то изображенія набожной и въ то же время суевѣрной, сварливой и лѣнивой бабы не заставляетъ желать ничего лучшаго. Вообще же Яновская въ лицѣ своей Горпыны воскресила передъ глазами читателя типъ неумирающій на селѣ и мастерски описанный Левитскимъ въ его разсказѣ «Не можно баби Парасци вдержатысь на сели».

Кромѣ произаическихъ литературныхъ произведеній, въ сборникѣ помѣщены стихотворенія слѣдующихъ авторовъ: Бобенко, Гринченко, Павленко, Самійленко, Иванъ Франко, Волохъ, Вороный, Грабовськый, Доманицькый, Доброхольскыи, Галина Комарова, Крымськый, Славинськый, Леся Украинка и Чернявськый.

Изъ числа оригинальныхъ стихотвореній отмѣтимъ поэму Франка «Иванъ Вишеньськый», представляющій одно изъ лучшихъ стихотво-

реній Сборника, какъ по глубинѣ идеи, такъ и по формѣ изображенія; особенно, хорошо въ этой поэмѣ описаніе природы Аѳона.

Стихотвореніе Крымського «Поэте, ховайсь одъ людського ока» отличается всѣми достоинствами, присущими всѣмъ поэтическимъ произведеніямъ этого автора.

Кромѣ того очень хороши стихотворенія Бобенка «Обое мы, серце, зъ тобою» и «Надъ могылой Котляревського», Вороного «На свято видкрыття памъятныка Котляревському», Доброхольскаго «Не спивай намъ теперъ, бандурысте». Изъ переложеній наилучшее сдѣлано Мырнымъ «Де килька писень про Гайявату» Генри Лонгфелло.

Павленко въ своемъ стихотвореніи «Агарь въ пустыни» далъ въ своемъ родѣ образцовое произведеніе, живо изображающее картину пустыни и душевныя муки несчастной Агари.

Chef'-d'œuvro'мъ же перевода можно считать переводъ Гринченка «Лисной царь», по близости къ подлиннику значительно превосходящій русскій переводъ Жуковскаго, а по музыкальности языка приближающагося къ нѣмецкому оригиналу.

Въ общемъ про «Литературный збирныкъ на вичну памъять Котляревському» можно сказать, что молодое поколѣніе украинскихъ писателей достойнымъ образомъ почтило «свого батька», сумѣвшаго привлечь вниманіе лучшихъ современныхъ ему представителей націи къ языку и правамъ своего народа.

„Винъ бачывъ, що панъ свого краю цурався,
Тоди жовчъ закыпала у нёго въ крови,
И винъ зъ панства того... реготався!“ (Лит. збир. стр. 407).

„Реготався“ Котляревскій и этимъ пробудилъ національное самосознаніе; своимъ подчасъ добродушнымъ, а подчасъ полнымъ сарказма смѣхомъ заставилъ призадуматься многихъ надъ собой, и вотъ «новитни спивци видгукнулысь на голосъ той дужый“ и на память столѣтней годовщины своего „культурнаго гетьмана“ составили сборникъ, при чемъ подъ многими страницами, написанными духовными сынами Котляревскаго, не постыдились бы подписаться многіе изъ лучшихъ представителей европейской литературы.

Кромѣ литературныхъ достоинствъ, „Збирныкъ“ имѣетъ еще и историческій интересъ, такъ какъ въ концѣ книги помѣщены библіографическія свѣдѣнія о Котляревскомъ, при чемъ „библіографичный показчикъ“, помимо библіографическихъ указаній, имѣющихъ отношеніе къ Котляревскому, снабженъ дополненіемъ, содержащимъ въ себѣ перечень всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, вызванныхъ открытіемъ памятника Котляревскому въ Полтавѣ въ 1903-емъ году.

„Литературный збирныкъ“ украшенъ картинками Корніенка на текстъ „Энеиды“, а также картинами, воспроизводящими рисунки барельефа на памятникѣ Котляревскаго; въ началѣ книги помѣщенъ портретъ К—го, а на послѣднихъ страницахъ находятся изображенія фотографическихъ снимковъ съ могилы Котляревскаго, а также памятниковъ его же.

Книга напечатана на хорошей бумагѣ и вообще издана очень аккуратно.

Надо надѣяться, что, въ виду какъ литературно-художественнаго, такъ и историческаго интереса, „Збирныкъ на вичну памъять Котляревскому“ будетъ имѣть широкое распространеніе, не только среди украинцевъ, но и среди русской интеллигентной публики, сочувственно отнесшихся къ открытію памятника Котляревскому,

---

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ поправкамъ текста „Кобзаря“ Шевченка. Когда гг. Романчукъ и К—скій стараются установить болѣе правильное чтеніе словъ въ „Кобзарѣ“, нелишней будетъ и слѣдующая замѣтка.

У одного литератора въ С.-Петербургѣ сохранилась тетрадка въ восьмушку, сшитая изъ бумаги должно быть 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ которой переписаны нѣкоторыя стихотворенія Некрасова (болѣе ранняго періода), стихотворенія по поводу Севастопольской войны («Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ...»), нѣсколько малорусскихъ народныхъ пѣсенъ и нѣсколько стихотвореній Шевченка. Среди послѣднихъ, между прочимъ, есть такой варьянтъ, какого намъ не случалось видѣть въ изданныхъ „Кобзаряхъ“:

Та не однаково мени,
Якъ Украину злыи люди
Прыспять лукави, *чи* въ огни
Іи обкраденую збудять.

Помѣщеніе слова *чи* вмѣсто *и* измѣняетъ смыслъ текста настолько же, какъ и въ другомъ стихотвореніи, о которомъ былъ когда-то раньше споръ, замѣна слова *во*—словомъ *бо*:

Любіть йійі, бо время люте...
и — Любіть йійі; во время люте...

Этотъ послѣдній варьянтъ указанъ былъ г. Науменкомъ на основаніи автографа Шевченка; намъ кажется, что его слѣдовало бы имѣть въ виду, какъ и предыдущій варьянтъ, при обсужденіи наибольшей правильности текста „Кобзаря".

А. Р.

Новый автографъ Шевченка. Кіевскій художественно-научный и промышленный музей сдѣлалъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ видѣ собственноручной рукописи Шевченка съ текстомъ стихотвореній: 1) „Якъ умру, то поховайте" и 2) Псалом 149 („Псаломъ новый Господеви"). Благодаря любезному содѣйствію директора музея Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, намъ дана была возможность осмотрѣть этотъ автографъ и снять съ него копію, а также получить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно его происхожденія. Автографъ подаренъ музею помѣщикомъ кіевской губерніи Ю. И. Поповымъ, къ которому перешелъ отъ покойной жены его Вѣры Петровны, урожденной Скоропадской. Съ отцемъ В. П. Поповой, Петромъ Скоропадскимъ, Шевченко былъ коротко знакомъ и часто бывалъ въ его имѣніи Григоровкѣ. Вѣроятно, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ туда Шевченко и оставилъ настоящій автографъ, отъ Скоропадскаго перешедшій затѣмъ къ дочери, а отъ послѣдней—къ г. Попову. Къ сожалѣнію, теперь невозможно установить, когда и при какихъ обстоятельствахъ Шевченко далъ свою рукопись Скоропадскому.

Автографъ представляетъ листъ обыкновенной писчей бумаги, на одной сторонѣ котораго начерченъ карандашемъ во всю ширину разложеннаго листа планъ помѣщичьей усадьбы съ барскимъ домомъ, галлереями и другими строеніями, на другой—помѣщены одно за другимъ упомянутыя стихотворенія. При сличеніи ихъ текста съ печатнымъ (сравниваемъ съ послѣднимъ львовскимъ изданіемъ 1902 г. „Поезиї Тараса Шевченка") оказались слѣдующіе варіанты:

		Печатанный текстъ:	Автографъ:
		1) Якъ умру	
7	строка	Бул*и* видн*і*, було чути	Бул*о* видн*о*, було чути
15	»	Молитися. *А до того*	Молитися... *а поки що*
17	»	*Поховайте та вставайте*	*Прокиньтеся же, брати мої*
24	»	*Незлим тихим* словомъ	*Тихим, добрим* словом

2) Псаломъ 149.

15	»	На отмщеніе *язикам*	На отмщеніе *неправды*
16	»	*І в* науку людям	*На* науку людям

Послѣдняя строка „Заповіта“ и въ автографѣ имѣла первоначально общеизвѣстную редакцію: „незлим тихим словом“, но выраженіе „незлим“ зачеркнуто и рукою Шевченка вставлено въ соотвѣтственномъ мѣстѣ „добрим“, такъ что автографъ представляетъ, очевидно, позднѣйшую редакцію. „Як умру“ приведено безъ заглавія и подписано обычными иниціалами—Т: Ш:; „Псаломъ 149“ подписи не имѣетъ.

С. Е.

Носители похоронныхъ причитаній въ Малороссіи. Долгія и повсемѣстныя наблюденія за жизнью народа въ Малороссіи нигдѣ не обнаруживали существованія въ его средѣ особой профессіи плакальщицъ по покойникамъ. По всей Малороссіи, а также въ Галиціи оплакивать умершаго предоставляется его роднымъ, ближайшимъ родственникамъ и сосѣдямъ: жена оплакиваетъ мужа, мать—дѣтей, дочь—мать и отца, сестра—брата, сосѣдка—сосѣдку. Оплакиваніе покойниковъ, впрочемъ, не обязательно, однако болѣе чести тѣмъ, кто оплакалъ умершаго человѣка, и счастливѣе умершій, котораго хорошо оплакали при погребеніи. Нравственное чувство не можетъ примириться со смертью и требуетъ признанія необходимости жизни человѣка.

Какъ необязательный аттрибутъ похороннаго обряда, какъ продуктъ, главнымъ образомъ, настроенія и момента, малорусскія похоронныя причитанія не являются строго опредѣленными поэтическими произведеніями, это—импровизаціи, созданныя минутою. Тѣмъ не менѣе за долгую жизнь народа выработались въ немъ извѣстныя поэтическія похоронныя формулы—мотивы, которыми причитающая женщина пользуется при своемъ оплакиваніи покойнаго. Такія формулы мы найдемъ въ большинствѣ записанныхъ причитаній, и ихъ немного. Но то общее, что объединяетъ всѣ отдѣльныя причитанія въ одинъ видъ народнаго поэтическаго творчества, заключается въ однообразномъ ихъ характерѣ, единствѣ стиля и поэтическихъ представленій.

Носителемъ похоронныхъ причитаній въ малорусскомъ народѣ является вся его женская половина, и вслѣдствіе этого причитанія

носятъ на себѣ слѣды свободнаго творчества по настроенію. Но остались кое-какія указанія на то, что прежде въ малорусскомъ народѣ существовала профессія плакальщицъ по найму. Клёновичъ въ своей поэмѣ „Roxolania“ говоритъ объ этомъ опредѣленно [1]). Также одна народная шутка о наемной плакальщицѣ указываетъ на то, что для украинскаго народа эта профессія не совсѣмъ была незнакома. Вотъ эта шутка.

— Тужу, тужу, да не знаю, якъ зовуть?

— Бабусенько, — Савко! Савко!

— Тужу, тужу за ришето бобу: чы дадуть, чы не дадуть? Такъ мои дурно слёзы пропадуть! (С. Андреевка, нѣжин. у.)

Но уже это насмѣшливое отношеніе къ наемнымъ слезамъ показываетъ, что наемъ плакальщицы не былъ обычнымъ явленіемъ обихода и представлялся народу страннымъ.

Народъ-лирикъ, народъ, такъ прочувствованно выразившій и въ поэзіи и въ музыкѣ волновавшія его душу чувства, не могъ освоиться съ обычаемъ предоставлять чужому оплакивать утрату родного или близкаго человѣка. Въ разсказѣ А. Нечуй-Витра «Не було змалку— не буде й до останку» Зинька, отъ лица которой ведется разсказъ, такъ вспоминаетъ свое горе по смерти мужа: „Господы! все дивування свое тогди згадала, сирачыну мою любу споряжаючы у вичнюю дорогу... прыпала до ёго, да на останній дорози поговорыла, якъ зъ жывымъ. Хто жъ мени свитытыме теперъ, якъ винъ? съ кимъ я буду жыть, съ кимъ и горювать?.. Тоди мени здавалося, що винъ те усе чуе, що винъ оглянетця на мое сыритство!..“ Зинька, которая полна такимъ сильнымъ чувствомъ, не могла оставаться зрительницею, когда бы ея мужа оплакивала чужая женщина; для Зиньки наемныхъ слезъ не надо,—у ней самой много горячихъ слезъ. И можно увѣренно сказать, что украинскія похоронныя причитанія по своимъ чувствамъ выше, чѣмъ, напр., причитанія великорусскія, представляющія продуктъ профессіональной школы.

Однако выигрывая въ одномъ передъ профессіональными причитаніями, украинскія причитанія проигрываютъ передъ ними въ другомъ, Украинскія причитанія представляютъ собою небольшія, иногда

---

[1]) См. въ Кіев. Ст. 04 г. за декабрь „Древнѣйшее малорусское причитаніе“.

коротенькія произведенія, не связанныя тѣсно съ отдѣльными моментами погребальнаго ритуала, и выражають чувства горя и жалобы на смерть близкаго человѣка, главнымъ образомъ, въ формѣ вопросовъ и обращеній къ умершему. Не то причитанія великорусскія и, напр., сербскія.

Великорусское профессіональное причитаніе сравнительно съ причитаніемъ малорусскимъ является болѣе разработаннымъ. Отдѣльныя части великорусскихъ причитаній, достигающихъ большихъ размѣровъ, приспособлены къ различнымъ моментамъ обряда погребенія. Въ нихъ много драматическаго элемента: плакальщица обращается не только къ покойному, но и къ его родственникамъ, священнику; въ причитанія вводится діалогъ между плачущею и утѣшающею ее женщиною; причитанія сопровождаются дѣйствіемъ — поклонами, исканіемъ покойнаго по дому.

Тѣми же самыми чертами характеризуется причитаніе сербское. В. С. Караджичъ въ книгѣ «Живот и обичаjи народа српскога», указывая на то, что не во всѣхъ мѣстностяхъ Сербіи причитанія носятъ опредѣленный внѣшній поэтическій характеръ, но представляютъ свободныя импровизаціи даже въ устахъ наемныхъ плачевщицъ, свидѣтельствуетъ однако, что жители Паштровича обладаютъ постоянными причитаніями въ стихахъ. При этомъ причитаніе надъ покойникомъ ведется у нихъ своеобразно. Родственницы умершаго, взявшись за руки, составляютъ вокругъ него хороводъ и, кланяясь, заводятъ голосъ: одна изъ женщинъ, какъ предводительница хора, затягиваетъ стихъ, а всѣ остальныя его подхватываютъ, такъ что каждый стихъ причитанія повторяется по два раза.

Если, такимъ образомъ, плачъ по умершемъ—дѣло нѣсколькихъ лицъ, то, очевидно, послѣднее было возможно лишь при однообразности и закрѣпленности въ извѣстной формѣ похоронной причети. Съ другой стороны, попавъ въ руки цѣлаго общества лицъ, причитаніе должно было развиться успѣшнѣе, нежели въ единичномъ частномъ употребленіи. И, дѣйствительно, на тѣхъ же примѣрахъ, которые приводитъ Караджичъ въ указанной книгѣ, мы видимъ такую же развитость и разработанность сербскихъ причитаній, какъ и великорусскихъ. Здѣсь также находимъ параллель между содержаніемъ причитанія и погребальныхъ обрядовъ, діалогъ между причитающимъ лицомъ и утѣшающимъ священникомъ и пр.

Всего этого въ украинскихъ причитаніяхъ нѣтъ. Въ нихъ мы найдемъ лишь слабые зачатки діалога. Такъ дочь, причитая по отцѣ, говоритъ:

Мій батечку, мій риднесенькый!
Устань та й порадь насъ.

И тутъ же отвѣчаетъ отъ лица покойнаго:

Ой не встану, мои диточкы, я вже й не поражу,
Я жъ вамъ, мои диточкы, й до вику не заважу [1]).

Вотъ рѣдкій примѣръ обращенія плакальщицы къ присутствующимъ:

Сусиды мои блызесеньки,
Зачыняйте воритечкы новесеньки,
Засувайте виконечка малесеньки,
Та не выпустить мого татуся одъ мене,---
Бо я не знатыму, що сама робыть,
Що й почынать:
У якый кутокъ хылыться,
У якый кутокъ дывыться? [1])

Согласованія же причитаній съ ритуаломъ погребенія въ нихъ вовсе не найдемъ.

Такимъ образомъ, не имѣя опредѣленнаго круга профессіональныхъ носителей и являясь достояніемъ каждой женщины, малорусскія причитанія не развили всесторонне своей формы,, какъ напр., причитанія великорусскія и сербскія, но за то оказались дѣйствительнымъ выраженіемъ душевной боли и скорби объ утратѣ милаго и дорогого сердцу человѣка, подчиняясь лишь свободному чувству, опредѣленному самимъ народомъ въ такихъ словахъ:

Плачте, оченькы, до вику
По доброму чоловику.
А якъ по якому,
Дакъ не велю й никому.

(С. Голубовка, новгородъ-сѣв. у.).

Владиміръ Даниловъ.

---

[1]) Милорадовичъ: „Пѣсни и обр. луб.", № 27.
[1]) Милорадовичъ, ibid. стр. 188.

Макъ въ народной демонологіи на Волыни. Послѣ осины, или по народному „осычыны", ни одно изъ растеній, ни одинъ изъ злаковъ, въ понятіи и вѣрованіи нашего простого народа, и въ особенности въ народной демонологіи, не имѣетъ такого значенія, такой важности, какъ макъ. Макъ, послѣ осины, простымъ народомъ почитается самымъ первымъ и лучшимъ оберегомъ отъ всякой «нечисти» и чертовщины: вѣдьмъ, упырей, выходцевъ «зъ того свита».

Вѣра въ чудодѣйственное значеніе и силу мака, какъ прекраснаго и лучшаго оберега отъ чертовщины у нашего малорусскаго народа, не есть что либо собственное, не представляетъ изъ себя чего либо самобытнаго;—эта вѣра малорусскаго народа, какъ видно изъ литературы по демонологіи, въ значеніе и силу мака сильно распространена и глубоко вкоренена и въ Великороссіи и въ Польшѣ, а также положительно у всѣхъ славянскихъ народовъ и у всѣхъ народовъ Европы. Такимъ образомъ слѣпая вѣра нашего народа въ силу и значеніе мака въ демонологіи, какъ оберега, есть ничто иное, какъ отголосокъ, варіантъ такихъ же вѣрованій другихъ славянскихъ народовъ.

«Макъ у насъ святятъ на Маковея и на Спаса». При этомъ особеннымъ значеніемъ пользуется макъ «видюкъ» или «самосѣй», а при неимѣніи таковаго, вообще всякій макъ.

„Свяченымъ" на Маковея или на Спаса макомъ въ староконст. уѣздѣ (да вѣроятно и по всемѣстно на Волыни, и въ Малороссіи) обсыпаютъ отелившуюся и вообще дойную корову, чтобы вѣдьма не могла подойти, подступить къ коровѣ и выдоить ее. Для той же цѣли въ рогѣ дойной коровы просверливаютъ отверстіе, и насыпаютъ черезъ него въ рогъ свяченаго маку. Обсыпая корову свяченымъ макомъ, приговариваютъ по адресу вѣдьмы: «тоди до коровы пидійдешъ и іи выдоишъ,—якъ цей макъ зберешъ и зосчытаешъ» [1]).

Впрочемъ, въ заславскомъ уѣздѣ на этотъ счетъ существуетъ у народа другое, противоположное, мнѣніе и вѣрованіе: здѣсь говорятъ,

[1]) Смотр. мои „Народные обычаи и обряды, пріуроч. къ „Спасу" въ „Кіев. Стар." сентябрь 1895 г., а также „Обряды и пѣсни с. Бѣлозорки харьков. губ.", записанные С. А. Чернявскою въ Харьков. Сбор. Истор.-Филолог. Общ. 1893 года.

что если корову обсыпать макомъ, то вѣдьма въ первую же ночь въ отместку задушитъ ее [1]).

Также по общераспространенному на Волыни вѣрованію, если ходитъ по ночамъ «мрець» или «упырь», то чтобы онъ не вошелъ въ домъ,—необходимо домъ кругомъ обсыпать макомъ—«видюкомъ». И при этомъ тоже приговаривать: «тоди въ хату війдешъ, якъ цей макъ весь зберешъ и посчытаешъ [2]). А такъ какъ, по понятію нашего простолюдина, никто не въ состояніи собрать до единаго зернышка, ни тѣмъ болѣе сосчитать весь просыпанный кругомъ коровы или дома макъ, и въ особенности такой мелкій, какъ «видюкъ», или «самосѣйку», — то весьма понятно, — вѣритъ нашъ народъ, — немогущая ни собрать, ни сосчитать до зернышка разсыпанный макъ «нечисть» — вѣдьмы, «мерци» и «упыри» — не могутъ черезъ это самое ни подступить къ коровѣ, ни войти въ хату, гдѣ макомъ обсыпано. Такое же повѣрье существуетъ и въ кіевской губерніи [3]). П. С. Ефименко въ «Кіев. Стар.» за 1884 годъ [4]) въ статьѣ «Околдованіе начальства» разсказываетъ о попыткѣ тяжущихся крестьянъ околдовать волостной судъ посредствомъ обсыпанія волостныхъ судей свяченымъ макомъ, каковой случай имѣлъ мѣсто въ сумскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи въ 1893 году.

Вообще нужно сказать, что вѣра въ чудодѣйственную силу и значеніе мака, какъ оберега, у нашего простолюдина сильно вкоренена, сильно и далеко распространена; нашъ народъ вѣритъ въ силу и значеніе мака слѣпо.

Макъ, по народнымъ понятіямъ, имѣетъ большое значеніе и въ народной медицинѣ: такъ, отъ безсонницы дѣтямъ (да и взрослымъ) даютъ пить молоко или что другое изъ головки свяченаго мака; надламываютъ головку мака, высыпаютъ изъ нея зерна, а наливаютъ молока и даютъ пить страдающему безсонницею.

---

[1]) „Народн. обычаи и обряды пріуроч. къ Спасу“. „Кіев. Стар.“ 1895 г. сентябрь мѣсяцъ.

[2]) Ibidem, а также въ „Кіев. Стар.“ 1902 г. моя замѣтка: „Изъ народ. вѣров. о выходц. съ того свѣта.

[3]) „Кіев Стар.“ 1883 г. т. XI стр. 374—401 и т. XII стр. 697—700 статья „Судъ надъ вѣдьмами“ въ кіев. губер. П. С. Ефименко.

[4]) „Кіев. Стар.“ 1884 г. книга Ш, стр. 508—509.

Отъ лихорадки накуриваются свяченымъ «маковынням» [1]), т. е. **корешками** мака и маковыми головками, а также пьютъ что либо изъ **той же маковой** головки, какъ и отъ безсонницы.

Также отъ безсонницы даютъ пить отваръ или настой мака [2]), только не свяченаго, ибо, по народному вѣрованію, если дать напиться отвара свяченаго мака, то человѣкъ или ребенокъ „засне навикы, на завше и бильше вже не проснется“.

Ив. Бѣньковскій.

Звѣрская расправа игумена Лебединскаго монастыря съ монахинею. Монахиня Лебединскаго Николаевскаго монастыря [3]) подала въ Духовную Греко-Оріентальную Брацлавскую и Житомірскую Консисторію слѣдующую жалобу: [4]) «Всенижайше и всепокорнѣйше прошу Духовной Консисторіи и присутствующихъ высокопочтенныхъ персонъ и предсѣдателей заслушать мое плачевное и жалостное прошеніе, въ коемъ прошеніи представляю невинность мою и обиду, которую обиду я имѣю отъ превелебнаго господина отца Даніила, игумена монастыря Свято-Георгіевскаго Лебединскаго [5]). Я, монахиня Антонія монастыря дѣвичого Свято-Николаевского Лебединскаго, будучи я въ Лебединѣ въ нуждной потребѣ моей и идучи возвратно до монастыря своего, стрѣтила на дорозѣ повозкою ихавъ отецъ игуменъ съ погонщикомъ, и я ему поклонилась, какъ долгъ велитъ; и сего не могу знать, за що отецъ игуменъ велѣлъ мене бить погонщику, и погонщикъ вдарилъ мене тричи гарапныкомъ, а я стала говорити: «Бога ради, за що ты мене біешъ?» А отецъ игуменъ, схопившись съ повозки, взявъ въ погонщика гарапникъ, и началъ самъ мене бити. Я, видячи тое, же онъ разъярился и біетъ нещадно, начала утикати, а онъ, бѣжучи за мною, сталъ кричати на погонщика: «Лови, лови,

---

[1]) Повѣрья и обряды родинъ и крестинъ Хр. Ящуржинскаго въ „Кіев. Стар.“.

[2]) Ibidem.

[3]) Монастырь этотъ существуетъ и нынѣ, находится въ 7 верстахъ отъ г. Лебедина, чигирин. уѣзда.

[4]) Жалоба эта (въ оригиналѣ) хранится у меня.

[5]) Монастырь этотъ находился въ с. Лебединѣ, упраздненъ въ 1845 г.

с... с..., выдишъ, что не могу поймати». И поймавши, началъ мене убивати, сколько сила его могла, біючи по щокахъ и по голови, и намѣтку новую на мнѣ порвалъ, біючи мене нещадно, а потомъ ударилъ мене о землю, біючи мене ногами, и убивши мене, съ тымъ уѣхалъ; бо я уже не чувствовала ничего, жива ли я, алы нѣ,—а мало нѣчто опамятовавшись, не могла смыслити, на якомъ я мѣсцѣ, и помалу въ силу смыслила, куда иду и зачимъ и хто мене бивъ. И пришедши до монастыря, я объявила госпожѣ игуменіи и сестрамъ, и вси видѣли, какъ отецъ игуменъ мене збывъ тираньско. Но тое все отецъ игуменъ симъ средствомъ здѣлалъ [1]): въ нашемъ монастырѣ есть монахиня именемъ Елисаветъ, которая имѣетъ дѣвку, и та Елисаветъ часто бываетъ въ отца игумена, такожде и дѣвка ея завсегда тамъ; и то уже съ того люди многіи смѣются, и говорятъ люди на ныхъ не хорошо. И я чула отъ людей тіе слова, якобы игуменъ хоче дати имъ обоимъ, матери и дочцѣ, хату въ Лебедынѣ,—и я сказала другой монахинѣ, мовячи: «естли Елисаветъ келіи ненадобно, можетъ намъ которой продати, бо она хоче ити въ тую хату, що ей дастъ отецъ игуменъ въ Лебедынѣ». И она тое послышавши, зъ дѣвксою обидвѣ стали на мене сваритися и злобствовати; хвалячися, Елисавета мовила: «будешъ ты памятати: якъ пѣду до отца игумена, то ты отъ нагаивъ не встанешъ!“ И дѣвка говорила тіе слова: можно намъ не только ходити до отца игумена, но и жити будемъ тамъ. Хто намъ заборонитъ? можно намъ»; мовячи «хоть к...., та не дурно, хоть к....., та знаю защо». И съ тымъ она дѣвка пошла до отца игумена ліону бити, и она въ понедѣлокъ тамъ була и мене прискаржила и наговорила отцу игумену; а игуменъ въ вовторникъ побывъ нещадно и тиранско; нещадно бывъ, аки тиранъ и аки разбойникъ въ пути; тѣло мое терзалъ, аки лютый звѣрь.—Того ради со слезами прошу праводавцъ принять въ разсмотрѣніе ихъ праваго суда мою жалобу; въ томъ повергаю себѣ къ ногамъ вашимъ, правители всего консистора, зрители Закона Божія и хранители правды Его; слезно молю и цѣлую стопы ваша. Монахиня Антонія.

Однимъ изъ послѣдствій этой жалобы было отчисленіе Николаевскаго Лебединскаго женскаго монастыря изъ подвѣдомства Георгіевскаго Лебединскаго монастыря,—о чемъ въ рапортѣ игуменіи Таисіи,

---

[1]) Т. е. по слѣдующему поводу.

посланномъ въ духовную Греко-Оріентальную Брацлавскую и Житомирскую Консисторію, пишется такъ: «минувшаго іюля 6 числа 1792 г. въ насъ изъ Духовной Консисторіи получено и въ слухъ всѣхъ прочитано увѣдомленіе, что монастырь нашъ уволненъ съ подвѣдомства Свято-Георгіевскаго Лебединскаго монастыря,— о чемъ рапортуемъ изъ монастыря дѣвичего Свято-Николаевскаго Лебединскаго, 1792 г. Игуменія Таисія съ сестрами.

Сообщ. прот. **Петръ Орловскій.**

Старинныя публикаціи о бѣглыхъ монахахъ. Пока монастырская жизнь въ Малороссіи не подверглась строгой регламентаціи со стороны синодальной власти, малороссійскіе монахи представляли собою настоящій *бродячій* элементъ, любившій переходить изъ одного монастыря въ другой, или же просто «волочиться» по городамъ, селамъ и шинкамъ, на позоръ иноческому чину. Въ сборникѣ виршей извѣстнаго малорусскаго стихотворца Климентія, современника Мазепы, имѣется особая вирша, изображающая это ненормальное явленіе: «О волочащихся черныцахъ и черницахъ по містахъ (городахъ), по школахъ и по корчемнихъ дворахъ». Побужденія къ такому бродяжеству Климентій, самъ—монахъ, достаточно «волочившійся» на своемъ вѣку, объясняетъ просто:

«Не хотятъ въ монастырехъ послушаній міти
И ведлугъ своего спасенія терпіти,
Да повіется иний къ бісу по своій воли,
Шукаючи, на згибель собі, свояволі...
А будетъ иний чернець чрезъ весь вікъ ся волочить,
А трафляется тому въ школі ся и скончить,
Або де нагле луснетъ у корчемномъ дому...

Со времени изданія Духовнаго Регламента и строгихъ предписаній Петровскихъ относительно бродяжничества монаховъ, плохо пришлось и малороссійскимъ «волочащимся черныцамъ»: свѣтскія и духовныя команды стали требовать отъ нихъ паспортовъ, и при томъ не монастырскихъ, которые, очевидно, легко добывались, а выданныхъ епархіальнымъ начальствомъ, а кто такихъ паспортовъ не имѣлъ, тѣхъ брали подъ арестъ и предавали въ руки консисторскихъ властей,

расправлявшихся съ ними по всей строгости тогдашнихъ законовъ. Но воспитанная вѣками «своєволя» не могла мириться съ новыми порядками, и вмѣсто прежнихъ свободно «волочащихся» чернцовъ, въ Малороссіи народился и размножился новый типъ—*бѣглыхъ* монаховъ. Кромѣ прежней привычки къ шатанію, возникли и новыя побужденія къ побѣгамъ: деспотизмъ монастырскихъ властей, при новыхъ порядкахъ почувствовавшихъ въ своихъ рукахъ могущественную силу и крайне жестоко расправлявшихся съ монахами за всякое нарушеніе дисциплины; большая, сравнительно съ прежней, строгость монастырской жизни, и т. под. Наряду съ добровольными иноками, теперь появился въ монастыряхъ и довольно значительный контингентъ невольныхъ отшельниковъ—членовъ бѣлаго, приходского духовенства, ссылаемыхъ сюда въ качествѣ «епитемщиковъ» за пьянство, нарушеніе каноновъ, а всего чаще—за опущеніе молебновъ въ дни рожденій и тезоименитствъ кого-либо изъ членовъ царствующаго дома. Надо правду сказать, что съ бѣдными «епитемщиками» тогдашнія монастырскія власти обращались еще хуже, чѣмъ съ монахами; на нихъ возлагались самыя тяжелыя работы и съ нихъ взыскивали, какъ съ простыхъ чернорабочихъ. Не диво, что бѣдный приходскій іерей, попавшій волею судебъ въ положеніе подневольнаго батрака, не находилъ силы терпѣливо переносить свою горькую участь—и тоже предавался бѣгству.

Бѣглыхъ, конечно, ловили, а предварительно повсюду разсылали о нихъ публикаціи. Вотъ нѣсколько образцовъ такихъ публикацій, разсылавшихся духовенству отъ имени консисторіи.

1) Указъ Е. И. В. изъ духовной преосвященнаго Никодима, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго консисторіи протопопу Басанскому Григорію Туманскому. Настоящаго 1756 года, окт. 10 дня, его преосвященству катедри Переяславской экономъ іеромонахъ Іустинъ доношеніемъ объявилъ, что прошедшаго августа среднихъ чиселъ бывшій на послушаніи при остерскихъ мельницахъ монахъ Іона, спродавъ господскихъ з дворца монастирскихъ пожитковъ, такожъ з мелницъ разного розмѣру, да бывшій на городничествѣ въ Сошникови іеромонахъ Германъ, тако жъ спродавъ господскихъ немалое число пожитковъ, прошедшого сентября противъ 29 числа, ноччу, бѣжали; а примѣтами они такови: Іона—росту низкого, ходу скорого, волосовъ на головѣ и бородѣ чорнихъ и сѣдини мало является, очей чорнихъ, лица смугловатого, продолговатого, мови шепелявои; іеромонахъ Гер-

манъ—росту средняго, на головѣ и бородѣ волоси темнорижіе, очей сѣрихъ, лица таранковатого з рябинами, криглого, мови скорой, дробетливой, и при немъ невеликий мальчикъ, синъ его. И вамъ, за полученіемъ сего указа, въ вѣдомствахъ своихъ показаннихъ бѣглецовъ по изображеннихъ ихъ примѣтахъ накрѣпко смотрѣти, и буди явятся, забивъ въ кандали, при нарочнихъ въ дух. консисторію прислать. Окт. 21 дня, 1746 года».

2) Указъ той же консисторіи протопопу переяславскому Павлу Скрыпчинскому. «Присланною в здешнюю консисторію з духовной митрополіи кіевскія консисторіи промеморіею объявлено: прошлого де 750 г. дек. 19 Кіево-Кириловского монастиря намѣстникъ іеромонахъ Софроній доношеніемъ представилъ, что протопопіи Сорочинской, села Зубаніовъ, іерей Андрей Ивановъ, по имѣючомуся объ немъ въ дух. консисторіи противному закону Божію дѣлу лишенній священнического чина и присланній въ труди монастирскіе въ Кіево-Кирилскій монастиръ безъ сообщенія тайнъ святихъ по смерть его, того жъ декабря 14 дня съ Кіево-Кирилского монастира безвестно бежалъ, кой-де примѣтами таковъ: росту низкого, корпуса сухощавого, волосовъ на голонѣ простихъ, недолгихъ, на бородѣ скуднихъ, русявихъ, лица жолтоватого с морщинами, смотритъ смѣшно, мови трусливои, ходы спѣшнои, неширокои, лѣтъ ему отъ роду как-би до сорока,—съ требованіемъ о сиску и о присилки онаго подъ карауломъ въ кіевскую консисторію».—Приказъ исполнить это требованіе.

3) Указъ той же консисторіи 1756 г. протопопу Басанскому. «Священникъ протопопіи Переяславской села Помокель Прохоръ Мойсеевъ и прежде во многихъ чрез пянство, в нечувствіи своего званіа, безчиніяхъ и противностяхъ находился, от чего такъ должніе церковніе, яко и указніе отправи упущенію не однажди слѣдовать могли, за что хотя многажди разнообразно штрафованъ и публѣчно наказиванъ былъ, но и нинѣ минувшого 1755 г., сентября 2 дня, запившись в шинку, в високоторжественній день надлежащую церковнрю церемонѣю безъ отправки оставилъ, за что его, попа, разсуждая его старость лѣтъ, велѣно в заточеніе на время в Красногорскій Золотоноскій манастиръ послать с тѣмъ обовязательствомъ: ежели оттудова избѣжитъ, лишить его вовся священства. Но онъ, попъ Прохоръ, преслушая помянутое его преосвященства опредѣленіе, з оной ссилки

бежалъ». Приказъ—искать его, арестовать, отобрать отъ него ставленническую грамоту и объявить ему о лишеніи его священническаго сана. Примѣты бѣглеца почему-то не указаны.

Собщ. **О. Л.**

Къ исторіи отношеній между великорусскими офицерами и малороссійскими урядниками въ XVIII ст. Въ бумагахъ покойнаго А. М. Лазаревскаго мнѣ попался небольшой листокъ, писанный его рукою и содержащій въ себѣ слѣдствіе по дѣлу о побояхъ и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ прапорщикомъ глуховскаго гарнизона А. И. Арсеньевымъ сотнику лютенскому (гадяцкаго полка) Онисиму Величаю въ 1732 году. Этотъ коротенькій документъ, помѣщаемый ниже, заключаетъ въ себѣ почти дословную запись показаній причастныхъ къ дѣлу лицъ и потому является цѣнной характеристикой отношеній между великорусскими чиновными людьми, являвшимися въ Малороссію, и обитателями сей послѣдней Разсказъ, записанный въ слѣдствіи, настолько живо рисуетъ эти отношенія, что пересказывать его нѣтъ никакой необходимости, а потому онъ приводится цѣликомъ. Надо сказать, что великорусскіе чиновники, наѣзжавшіе въ Малороссію, относились вообще свысока къ мѣстнымъ людямъ, хотя бы послѣдніе занимали даже видное общественное положеніе; отношеніе это можно сравнить съ отношеніемъ побѣдителя къ побѣжденнымъ. Ладить поэтому малороссамъ съ великороссами было довольно трудно; даже такой ловкій и дипломатичный человѣкъ, какъ Яковъ Марковичъ,— и тотъ однажды поссорился съ подполковникомъ Львовымъ (Дневникъ Марковича, ч. III, стр. 155, 176—177). Печатаемый ниже документъ представляетъ картину одного изъ довольно многочисленныхъ столкновеній между великорусскими офицерами и малороссіянами.

«По занесенномъ челобитю до его милости п. полковника гадяцкаго отъ сотника лютенскаго Онисима Величая на прапорщика кгварнѣзону ґлуховского господина Александра Ивановича Арсенѣева за учиненніи надъ однимъ отъ его, Арсеніева, побои, и по опредѣленію его милости п. полковника зехавши мы нижей подписавшіеся въ Лютенку, противъ занесенного челобитя сего декабря 4 дня чинили слѣдствіе, и что въ томъ по свѣдителству явилось, нижей явствуетъ.

Гаврило Бутко, товаришъ сотнѣ лютенской, житель городовий, призванний будучи, сказалъ, что прошлого ноября 30 дня, сего 1732 г.,

господинъ Арсеніевъ присилалъ къ сотнику служителя своего дважди, зовучи его к себѣ; и по тому сотникъ пошолъ до его, Арсенѣева, где и онъ з сотникомъ ходилъ, а когда сотникъ, за докладомъ служителя господина Арсенѣева, идучи в хату, в сѣнехъ еще шапку знялъ и увойшолъ в свѣтлицю,—застали Арсеніева по свѣтлицѣ ходячого, который к ему, сотнику, сказалъ: «Для чего де ти мнѣ чести и иконамъ не отдалъ, шляпи не знялъ»? И назвалъ де сотника глупимъ, а онъ, сотникъ отвѣтствовалъ. «Я де не входя в хату еще в сѣняхъ шапку знялъ»! Потомъ (Арсеніевъ) сталъ грозить (сотнику): «Для чего де ти гаю не обороняешъ, чтоб не рубали люде»? Сотникъ сказалъ: «Не рубай де ти да Рощаковскій, а людямъ я заборонилъ»! за что онъ сотника назвалъ дуракомъ, а сотникъ в отвѣтъ сказалъ: «От такого чую»!—И онъ, Арсенѣевъ. по томъ вдарилъ сотника по щокамъ три рази, сказуючи: «Вѣдаешъ ти, що я аффѣцеръ, и до кого ти пришолъ»? На что сотникъ отвѣтствовалъ: «Я де по милости ея императорскаго величества и ясневелможного п. гетмана—сотникъ»! И по тому онъ, Арсеніевъ. за другое началъ бить сотника в хатѣ по щокамъ и по головѣ и вибилъ з хати у сѣнѣ и в сѣняхъ билъ ногами, подскакуючи, стоячого, и онъ, сотникъ, з рукъ его вирвавшись, з двора отишолъ.—За Гаврила Бутка по его прошенію я, Василь Лобунецъ, подписался

Василь Лобунецъ, товаришъ сотнѣ лютенской, житель городовий, призванный будучи, сказалъ, что прошлого ноября 30 дня, идучи сотникъ нашъ лютенскій до господина Арсенѣева, позвалъ з собою и мене; а когда пришли до двора Арсенѣева и, в присѣнкахъ постоявши, чрезъ служителя доложились, сотникъ в хату идучи и в сѣняхъ еще шапку знявши, в хату вступили и поклонились. А онъ, Арсеніевъ, по хатѣ ходилъ и, обернувшись до сотника, сказалъ: «Для чого де ти чести мнѣ и иконамъ не отдаешъ, шляпи не знялъ»? Сотникъ сказалъ, что я еще в сѣняхъ знялъ шапку;—и онъ, Арсеніевъ, заразъ назвалъ сотника глупимъ и грозячи сказалъ; «Для чого ты гаю не боронишъ, щоб не рубали люде»? Сотникъ сказалъ: что «не рубай ти да Рощаковскій, а людямъ я заборонилъ». Онъ за тое назвалъ сотника дуракомъ, а сотникъ отвѣтствовалъ: «Отъ такого чую»! И онъ за тое сотника вдарилъ по щокахъ, говорячи: «Я оффѣцеръ! знай де ти, до кого прийшолъ»! А сотникъ сказалъ: «И я де по милости ея императорского величества и ясневелможного п. гетмяна—сотникъ»! Онъ, Арсеніевъ, в другое началъ сотника бить и вдарилъ в лобъ, что ажъ

сотникъ послонился до печи, вибилъ его з хати в сѣни и в сѣняхъ билъ ногами, подскакуючи. И онъ, сотникъ, вирвавшися з его рукъ, одийшолъ з двора.—К сему допросу саморучне подписуюсь Василь Лобунецъ.

А болшъ над вишеписанниххъ свѣдителей сотникъ лютенскій о побои своемъ не представилъ. Писанъ року 1732, декабря 5 дня, в Лютенцѣ.

Асаулъ полковий гадяцкій Иванъ Бутовичъ.

Полку гадяцкого над значковимъ товариствомъ атаманъ Михайло Лукашевичъ.

Каково было дальнѣйшее движеніе дѣла и былъ ли удовлетворенъ сотникъ Величай,—къ сожалѣнію, неизвѣстно.

В. Модзалевский.

Что стоила козакамъ с. Зазирокъ тяжба съ Степаномъ Миклашевскимъ (1737 г). Село Зазирки (глуховской сотни, нѣжинскаго полка) было отдано войсковому товарищу Михаилу Миклашевскому, впослѣдствіи (1689—1706) бывшему стародубскимъ полковникомъ, универсаломъ Многогрѣшнаго въ концѣ 1671 года, и съ этихъ поръ оставалось во владѣніи его потомковъ до конца XVIII в. [1]). Какъ Михаилъ Миклашевскій, такъ и сынъ его бунчуковый товарищъ Степанъ М., получившій по раздѣлу съ братьями с. Зазирки, сильно притѣсняли здѣшнихъ козаковъ, обращая ихъ въ „мужицтво" и захватывая ихъ „грунта, гаи, лѣса, яры, сѣнокосы" и проч., противъ чего зазирскіе козаки и вели безконечную тяжбу съ Степаномъ Миклашевскимъ, начавъ ее еще при „вице-гетманѣ" Полуботкѣ. Въ 1737 г., когда дѣло еще не было закончено, ими было подано прошеніе въ генеральный судъ о взысканіи съ Степана Миклашевскаго „проторовъ" и „убитковъ", а также за 2550 „копицъ" сѣна, накашиваемаго имъ ежегодно на козачьихъ зазирскихъ земляхъ, и за 100 „копенъ" хлѣба, засѣваемаго и сжинаего имъ тоже ежегодно на тѣхъ-же земляхъ. „Проторы и убитки", понесенные во время тяжбы, атаманъ с. Зазирокъ Данило Лубенченко и „товариство" того-же села изложили въ особомъ „реестрѣ", присланномъ въ генеральный судъ при доношеніи. „Реестръ" этотъ и предлагаемъ читателямъ „Кіевской Старины", какъ иллюстра-

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 461—62.

цію того поголовнаго взяточничества, которое царило въ Малороссійской Коллегіи, и вообще тѣхъ порядковъ и тратъ, которыми неизбѣжно сопровождалось веденіе судебныхъ дѣлъ въ Малороссіи въ первой половинѣ XVIII в.

„Реестръ, сколько стало намъ, козакамъ зазѣрскимъ, проторовъ и убитковъ, турбуючысь з бунчуковимъ товарищемъ Стефаномъ Миклашевскимъ в отнятіи имъ собственнихъ нашихъ ґрунтовъ, гаевъ, лѣсовъ и дровъ, сѣнокосовъ, полей пахатнихъ.

1722 году. Купили бумаги за 4 копейки. За написанне суплѣки в енералную войсковую канцелярію заплатили 10 алтинъ. Когда в той канцеляріи отказалъ наказній гетманъ Полуботокъ, чтобъ бить челомъ намъ на его, Миклашевского, въ Коллегіи малороссійской, то купили бумаги за 4 коп. гербовой. За написанне челобитя в оную Коллегію подячему заплатили полтину. За уписане тоей челобитной в протоколъ протоколѣсту дали рубля. Посланному, что оного Миклашевского в Коллегію сискивалъ, за два рази, на допросъ и протчее, купили бумаги за 6 коп. Канцеляристѣ Ивану Григорьеву Артельному, что тое дѣло правилъ, дали 10 рублей. Секретарю Максиму Прокопову за его труди дали 10 рублей. Бавячися в Глуховѣ *близко года* само-семъ, на харчъ здержали рублей 14, копѣекъ 50. За квартери заплатили 2 руб. 8 коп. На дрова стратили золотихъ 10. Когда прислано на розискъ з вишепрописаной Коллегіи капѣтана Пулста с поддячимъ в село Зазѣрки, и то для онихъ и лошадей ихъ стратили 10 руб.

1724 году. Когда оній Миклашевскій, по приговору Коллегіи малороссійской, уплатился намъ за протори и убитки и присуженними намъ во владѣніе ґрунтами не допустилъ владѣти,—то за написанне челобитной, просячи, даби з вершенного дѣла дано намъ на владѣніе тихъ ґрунтовъ прямую виписъ, заплатили 20 алт. Купили бумаги за 2 коп. За написане в виданне виписѣ канцеляристѣ Івану Григоріеву Артѣлному дали 10 руб. На бумагу той виписѣ 10 коп. За переписку той виписѣ заплатили 2 руб. За казанемъ покойнаго гетмана Даніила Апостола, по челобитю вишепрописаного Миклашевского, сискано насъ, осми человѣкъ, и *засажено в турму, иде сидѣли мы сѣмъ недель;* здержано на харчъ рублей 17 съ полтиною.

Ѣздило от насъ два человѣка, Захарко Боженко, атаманъ, да Юско Ілленко, зазѣрскіе, на Москву, просячи милости,—за подводу заплатили по 7 руб. В Москвѣ бавилися *тринадцять* мѣсяцей,—здержали на харчъ 28 руб. 5 коп. За квартиру заплатили рублей 26. В

той дорозѣ здержали 1 руб. 8 коп. На дрова стратили 4 руб. 50 коп. Ѣдучи з Москви, оніе Боженко и Юско Ілленко тожъ за подводу заплатили 14 руб. В той дорозѣ здержали на харчъ 95 коп. Іванъ Илленко, едучи до Москви, за подводу заплатилъ 7 руб. 50 коп. В той дорогѣ бавячись, схарчилъ 44 коп. За квартеру и дрова – 5 руб. 3 коп. За написане чолобитной в Іностранную Коллегію заплатилъ рубля. Бумаги купили за 2 коп. Протоколѣсту за уписанне того челобитя у протоколъ дали 10 алт. Бумаги купили на грамоту—2 гривни. Канцеляристѣ Мирклѣеву, что тую грамоту писалъ, дали 7 руб.

Ѣдучи з Москви, емщику за подводу заплатилъ Іванъ Ілленко 6 руб. В той дорозѣ на харчъ здержалъ золотихъ 4 и копѣекъ 7. Когда отдали ми тую грамоту покойному гетману и оній для разсмотренія отослалъ в судъ войсковій енералній, то з оного суда зискано по инструкціи з насъ пять человѣка и *взято в турму, где держачися три недель*, стратили на харчъ рублей 8, копѣекъ 19 На папѣръ—2 коп. За написанне суплѣки до ясневелможного дали 4 гривни. Когда прислано з войскового генералного суда канцеляриста войсковото Лозина, то взявъ оній девяти человѣка, и *держано в турмѣ одинадцяць недель*,—стратили на кормъ 18 руб. и 27 коп. Заграбленніе имъ, Миклашевскимъ, в попа зазѣрского Петра три казани, в которихъ три пуда (?). За написанне челобитной в судъ войсковій енералній заплатилъ 60 коп. На бумагу –2 коп.

Ѣдучи до Санктъпитербурга, Захарко Боженко да Моисей Вищерко за подводу заплатили 30 руб. В той дорозѣ здержали 3 руб. Пріехавши в Санктпитербургъ и бавлячись тамъ *десять мѣсяцей*, стратили на харчъ на 25 руб. За господу—20 руб. На дрова—4 руб. и 8 коп. Бумаги на челобитную за 2 коп. За написанне челобитной в Иностранную Коллегію дали 1 руб. Бумаги для написання грамоти за 5 алт. За написанне той грамоти и видане канцеляристѣ Мирклѣеву дали 10 руб. съ полтиною.

На поклони до господъ здержали якъ в Глуховѣ, такъ в Москвѣ и в Санктпитербургѣ 80 руб. 4 коп. Ѣдучи з Москви, извощику заплатили 28 руб. Харчуючи оного извощика и коней его, здержали 1 руб. 20 коп. В той дорозѣ на себе в харчахъ здержали за двадцять два днѣ—3 руб. Когда тую грамоту подали ясневелможному, из суда енералного для отводу нашихъ ґрунтовъ капитана Брянчанина да Семена Карпѣку, то для онихъ здержали 25 руб.

Къ сему реестру вмѣсто атамана Данила Лубенченка по его прошенію Иванъ Моргацкій руку приложилъ.

(Съ копіи полов. XVIII в., изъ собранія А. М. Лазаревскаго).

Сообщ. **В. Модзалевскій**.

Къ вопросу о судѣ надъ Мелхиседекомъ Значко-Яворскимъ. Въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины" я указывалъ уже, на основаніи дѣла синодскаго архива 1766 г. № 91, на то, что извѣстнаго игумена Мотренинскаго монастыря Мелхиседека Значко-Яворскаго въ 1768 г. не судили, а лишь, согласно желанію свѣтской власти, переданному синоду его членомъ, законоучителемъ цесаревича Павла, архимандритомъ Платономъ, постановили въ собраніи Синода 3 сентября 1768 г.—удалить его отъ управленія Мотренинскимъ монастыремъ, предоставивъ епархіальному его архіерею дать ему въ управленіе другой монастырь.

Но можетъ возникнуть вопросъ: не судили-ли его нѣсколько позже? Не явился ли результатомъ суда надъ Мелхиседекомъ переводъ его изъ Переяслава въ Кіевъ въ 1771 г.? Видимо, это имѣетъ въ виду польскій историкъ Тадеушъ Корзонъ, утверждающій, что Мелхиседека за участіе въ возстаніи 1768 г. судили, лишили должности и отослали въ ссылку въ Кіевъ (см. стр. 199 и 200 перваго тома его „Wewnętrzne dzieje za Stanisława Augusta" wyd. 2, Warszawa, 1897 г.).

Противъ такого предположенія говоритъ дѣло архива св. Синода 1771 г. № 131. Оно удостовѣряетъ, что переводъ (а не удаленіе или ссылка) игумена Переяславскаго Михайловскаго монастыря Мелхиседека въ Кіевъ совершился по особой просьбѣ о томъ митрополита кіевскаго Гавріила. Гавріилъ „по свиданію и разговорамъ" съ Мелхиседекомъ нашелъ, что тотъ „склонность имѣетъ" къ исполненію отвѣтственныхъ должностей въ монастыряхъ. Митрополитъ заявлялъ Синоду о Мелхиседекѣ: „какъ мнѣ уже *нѣсколько лѣтъ свѣдомъ*, къ наблюдательству надъ братіею и къ домостроительству довольно способнымъ кажется", и потому просилъ перевесть его въ Кіевскую епархію. Такъ не писалъ-бы 8 сентября 1771 г., т. е. всего три года послѣ возстанія, митрополитъ Гавріилъ, уже нѣсколько лѣтъ знавшій Мелхиседека, объ этомъ игуменѣ въ Синодъ, если бы того дѣйствительно

судили и наказали за участіе въ возстаніи. Синодъ 31 октября 1771 г. согласился на просьбу митрополита, ничего не упомянувъ при этомъ о прошломъ Мелхиседека, что особенно замѣчательно въ виду того, что этотъ синодскій протоколъ подписанъ тѣми-же членами синода, что и постановленіе 3 сентября 1768 г. объ удаленіи Мелхиседека изъ Матренинскаго монастыря: Гавріиломъ, Иннокентіемъ и Платономъ.

О томъ-же непривлеченіи Мелхиседека къ суду за участіе въ возстаніи свидѣтельствуетъ и отысканный нами въ дѣлахъ бывшей переяславской консисторіи (въ старомъ архивѣ Кіевской консисторіи) формуляръ Мелхиседека, составленный 21 марта 1771 г. епископомъ Переяславскимъ Іовомъ Базилевичемъ для представленія въ Синодъ. Въ формулярѣ, въ графѣ о подсудности Мелхиседека, значится: „Дѣла до его ни какіе не касалися по чему нигдѣ не оправдался"; о пригодности къ послушаніямъ говорится: „Къ послушаніямъ по качествамъ хорошъ, въпредъ способенъ, толко здоровемъ слабъ".

Суда надъ Мелхиседекомъ, значитъ, не было. А если его не судили за участіе въ возстаніи въ 1768 г., то почему-же онъ былъ прощенъ (особенно если принять во вниманіе, что и князь Н. В. Репнинъ, и графъ Н. И. Панинъ были очень настроены противъ него)? Ужъ не миѳъ-ли сказанія польскихъ и нѣкоторыхъ русскихъ (и, вопервыхъ, Д. Л. Мордовцева) историковъ, будто Мелхиседекъ былъ „страстнымъ агитаторомъ и подготовителемъ уманской рѣзни", сфабриковавшимъ золотую грамоту и толкнувшимъ обманутый имъ украинскій народъ на кровавое дѣло?

Думается, что возникновеніе Коливщины въ достаточной степени объясняется цѣлымъ рядомъ своихъ, очень серьезныхъ, причинъ и поводовъ, и отношеніе къ этому украинскому возстанію Мелхиседека было иное, связь его дѣятельности съ Коливщиною иная — идейная.

Вл. П—ко.

Извѣщенія редакціи. Въ теченіе *марта* мѣсяца присланы въ нашу редакцію слѣдующія пожертвованія:

1) На образованіе капитала *для постановки памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ:* а) Н. В. Лисенко передалъ *500 руб.*, которые составляютъ чистую выручку съ устроеннаго имъ 13 марта текущаго года концертнаго вечера въ память Т. Г. Шевченка; б) г. М-скій передалъ для

той-же цѣли *2 руб.*, а всего поступило *502 руб.*, которые, вмѣстѣ съ новыми поступленіями, будутъ храниться въ редакціи до времени осуществленія этой мысли.

2) На образованіе *капитала имени И. С. Левицкаго*, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа, поступило вновь: а) *видъ уманськыхъ украинцивъ*—5 р.; б) отъ NN.—4 р. 25 к., что, вмѣстѣ съ прежними 123 р. 86 к. (см. № 3), составитъ *133 р. 11 к.*

Текущія извѣстія.

Церковное пѣніе и культура XVII и XVIII ст. въ Украйнѣ и Московіи [1]. Случайно прочелъ я въ „Новомъ Времени" статью извѣстнаго музыкальнаго критика М. Иванова: „Вопросы церковно-музыкальной литературы" (по поводу новыхъ ея теченій). Въ статьѣ авторъ утверждаетъ, что намъ ничего не извѣстно о церковномъ пѣніи не только при удѣльныхъ князьяхъ и первыхъ московскихъ царяхъ, но даже „мы ничего не знаемъ о пѣніи при Алексѣѣ Михайловичѣ", и что трудно представить, чтобы патріархъ Никонъ могъ перескочить сразу отъ простыхъ сочиненій прежняго времени на особенно сложныя, новыя духовныя композиціи; откуда бы онѣ къ намъ могли придти—съ Литвы или съ Украйны, и вообще такія, которыя бы имѣли иновѣрческій характеръ? Для этого въ тогдашней Москвѣ не хватило бы средствъ, да и Литва съ Украйной ничего особеннаго не могли дать по состоянію ихъ культуры.

Попытаемся хотя отчасти вспомнить, дѣйствительно ли Украйна по тогдашнему состоянію культуры, сравнительно съ Москвой, не представляла ничего особеннаго, и дѣйствительно ли введенное Никономъ новое церковное пѣніе не было для Московіи новшествомъ. Не будучи не только музыкальнымъ критикомъ, но и музыкантомъ вообще, можно безчисленными примѣрами доказать г. Иванову, что Украйна того времени была неизмѣримо выше и культурнѣе Московіи и не

---

[1]) Предлагаемая читателямъ замѣтка г. Сластіонова напечатана въ № 73 „Полтавщины" Въ виду интереса затронутаго почтеннымъ авторомъ вопроса, перепечатываемъ замѣтку цѣликомъ.

только музыка, но и другія искусства и науки широкой волной вливались тогда изъ Украйны въ Московію. Многіе кіевскіе ученые трудились тогда въ Москвѣ на разныхъ поприщахъ науки. Одинъ Епифаній Славинецкій сколько принесъ пользы своими переводами съ греческаго и латинскаго языковъ, сколько поработалъ не только для церковнаго, но гражданскаго просвѣщенія Московіи!

Ученые спеціалисты, писавшіе изслѣдованія этого времени, какъ Щаповъ и Иконниковъ, признавали, что Никонъ проводилъ въ жизнь элементы греческіе и южно-русскіе (украинскіе), какъ проводники первыхъ, а Петръ, прорубая свое окно въ западную Европу, естественно проводилъ элементы только западные. Странно, что г. Ивановъ, чуть ли не четверть вѣка завѣдующій музыкальной критикой въ «Новомъ Времени», не желаетъ вспомнить (ибо не знать не можетъ) хотя бы того, что нѣкоторые музыкальные критики, имѣя серьезныя къ тому основанія, полагаютъ, что пятилинейная нотная система въ XVII ст. появилась не съ запада, а именно изобрѣтена украинцами [1]. Безъ сомнѣнія, извѣстно г. Иванову и то, что когда на Соборѣ по исправленію духовныхъ книгъ зашла рѣчь о трехглавыхъ шатровыхъ церквахъ, проникшихъ въ Москву изъ Малороссіи, а также о ея живописи, то и царь, и Никонъ уступили ихъ поборникамъ старины, но когда дошло дѣло до церковнаго пѣнія и семинотной системы, тоже явившейся изъ Украйны, то и царь, и Никонъ отстояли ее—слишкомъ уже очевидно было преимущество этого новшества. Никонъ совершенно справедливо негодовалъ и рѣзко выступалъ противъ «раздѣльно-нарѣчнаго пѣнія», крайне непріятно, гнусаво растягивающаго слова. Горячая защита южно-русскаго пѣнія доказываетъ вкусъ Никона; вотъ почему онъ «на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы преизбранными». Введенное имъ пѣніе по кіевскому и греческому образцу казалось «пѣніе одушевленное паче органа бездумнаго». По предложенію Никона, патріархъ Іосифъ вынужденъ былъ повсемѣстно воспретить какъ многогласіе [2]), такъ и порченное пѣніе. Можетъ быть г. Иванову будетъ интересно послушать современника Никона—Павла Алепскаго, сопровождавшаго антіохій-

---

[1]) См. „Церковное пѣніе въ Россіи“, опытъ историко-техническаго изложенія Д. Разумовскаго.

[2]) Одновременное чтеніе нѣсколькихъ чтецовъ для ускоренія службы.

скаго патріарха Макарія въ Москву и посѣтившаго Россію дважды въ 1852 и 1855 гг. Его дневникъ, веденный имъ на арабскомъ языкѣ, представляетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія тогдашняго быта Московіи и Украйны. Авторитетъ и справедливость Павла Алепскаго признаны учеными и находятся внѣ всякихъ подозрѣній. Проѣхавъ Украйну, по дорогѣ въ Москву, путешественники, вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда въ Москвѣ моровой язвы, были надолго задержаны въ Коломнѣ; здѣсь, наблюдая бытъ „московитовъ» и все точно и подробно записывая, вспомнилъ онъ и о церковномъ пѣніи въ Украйнѣ, сравнивая его съ московитскимъ: «пѣніе казаковъ радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ идетъ отъ сердца и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ. Они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (московитовъ) пѣніе идетъ безъ обученія, какое случится, все равно—они этимъ не стѣсняются. Лучшій голосъ у нихъ—грубый, густой, басистый, который не доставляетъ удовольствія слушателю. Какъ у насъ онъ считается недостаткомъ, такъ у нихъ нашъ высокій напѣвъ считается неприличнымъ“. Есть и еще нѣсколько мѣстъ въ дневникѣ Павла Алепскаго, гдѣ онъ восторгается и напѣвами, и самымъ пѣніемъ въ Украйнѣ, а въ одномъ мѣстѣ, разсказывая о сиротахъ, призрѣваемыхъ и обучаемыхъ въ каждой деревнѣ (шпитали), онъ прибавляетъ, что эти сироты для пропитанія ежедневно, съ закатомъ солнца, ходятъ по всѣмъ домамъ, «поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвы пріятнымъ восхищающимъ душу напѣвомъ». Такимъ образомъ, нотное пѣніе стояло близко даже къ народу и входило въ его обиходъ. Впрочемъ, нечего этому удивляться, ибо тогда и народъ былъ въ большинствѣ грамотенъ; объ этомъ есть также многія свидѣтельства и ученыя разысканія. У Павла Алепскаго по этому вопросу находимъ слѣдующее мѣсто: «По всей землѣ казаковъ мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами (ibid).

Много разъ порывались Павелъ и Макарій выбраться изъ Москвы, но царь отпустилъ ихъ почти черезъ два года. Благодаря этому, записки Павла разрослись и являются, какъ я уже сказалъ, драгоцѣннымъ пособіемъ при изученіи тогдашняго быта.

Но вотъ, наши путешественники, наконецъ, выбрались изъ Москвы и возликовали великою радостью. «Съ той минуты, какъ мы увидѣли Печерскій монастырь, блестѣвшій въ отдаленіи своими куполами, и какъ только коснулось насъ благоуханіе этихъ цвѣтущихъ земель, наши души вострепетали отъ радости и ликованія, сердца наши раскрылись и мы изливались въ благодареніяхъ Господу Богу. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ въ Московіи, замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, а умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ этой странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько-нибудь свободнымъ или довольнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей... Напротивъ, страна казаковъ была для насъ какъ бы наша собственная страна, а ея обитатели были намъ добрыми пріятелями и людьми, вродѣ насъ самихъ» (ibid. стр. 185). Черезъ полъ столѣтія послѣ этого, а именно въ 1709 году, возвращался чрезъ Украйну отъ Петра Великаго датскій посланникъ Юстъ Юль и вотъ что поразило его здѣсь: «Жители казацкой Украйны благоденствуютъ и живутъ припѣваючи... Казаки ходить въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ, тогда какъ московиты, даже бояре, неграмотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти. Все населеніе казацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома»... Упадокъ культуры и грамотности начались съ того времени, когда Петръ І-й, желая уничтожить вольныя и духовныя типографіи Украйны, запретилъ печатать въ нихъ духовныя книги, и типографіи, обслуживавшія мѣстныя нужды, постепенно закрылись. Послѣ Петра все была еще кое-какая своя самобытная культура и императрица Елизавета Петровна, будучи въ Кіевѣ, была такъ восхищена всѣмъ видимымъ, что громко для всѣхъ произнесла слѣдующую фразу: «Возлюби меня, Боже, въ царствіи твоемъ, какъ я люблю народъ сей благонравный и незлобивый». Слѣдующая ступень къ низу идетъ уже при Екатеринѣ II—закрѣпощеніе всего украинскаго народа. Эта мѣра, разумѣется, окончательно убила остатки культуры и грамотность и съ тѣхъ поръ народъ нашъ постепенно сталъ погружаться въ существующую и до нашихъ дней дикость. И сколько же времени опять потребуется для того, чтобы онъ, какъ и въ старину, сталъ грамотнымъ и опять пошелъ въ церковь съ молитвенникомъ въ рукахъ? Почтенный критикъ М. Ивановъ отъ долгаго сотрудничанія въ «Нов. Вр.» исподоволь и незамѣтно для себя усвоилъ взгляды этой газеты, требующей денаціонализаціи всѣхъ и вся Россійскаго госу-

дарства и при томъ во что бы то ни стало; вотъ почему у него культура Украйны временъ Алексѣя Михайловича не представляетъ для Москвы „ничего особеннаго“, вотъ почему и Никонъ, введшій украинскую пятилинейную систему и кіевскіе напѣвы, не сдѣлалъ никакого новшества. Но выше мы видѣли, что говорятъ по этому поводу очевидцы иностранцы, а также и сами безпристрастные русскіе ученые; да вотъ что, наконецъ, писалъ когда-то и самъ г. М. Ивановъ: „При Алексѣѣ Михайловичѣ велась жестокая борьба за пришедшее изъ Малороссіи усовершенствованное линейное пѣніе. Противъ него вели прю твердые ревнители старины, а за него новаторы и самъ царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ. Такимъ образомъ, линейная семиграфія, служившая для многоголоснаго *партеснаго* пѣнія, получившая высокую поддержку, восторжествовала и искусство сдѣлало огромный шагъ впередъ“. Можно ли повѣрить, что это строки того же г. Иванова? За исключеніемъ умышленнаго замалчиванія относительно Украйны, въ остальномъ нельзя не согласиться съ авторомъ, напримѣръ, считающимъ тщетной попытку нѣкоторыхъ современныхъ духовныхъ композиторовъ связать великорусскую народную пѣсню съ духовной музыкой, хотя бы даже пользуясь для этого и пресловутыми подголосками, которые, по словамъ Иванова, не были даже замѣчены, напр., такими выдающимися знатоками, какъ Балакиревъ и Римскій-Корсаковъ, и которые пустилъ въ оборотъ диллетантъ Мельгуновъ. Отсюда напрашивается выводъ—значитъ и самые-то подголоски не выдумка ли диллетанта Мельгунова? Ясно, что эти попытки будутъ лишь—искусственность и насиліе. Жаль, что г. Ивановъ не вспомнилъ въ своей статьѣ, что тотъ же Бортнянскій былъ призванъ Святѣйшимъ Синодомъ для очищенія и упорядоченія духовныхъ пѣснопѣній, въ которыя тогдашніе невѣжественные музыканты вводили разные веселенькіе мотивчики и даже цѣлыя аріи изъ итальянскихъ оперъ—таковы разныя херувимскія и т. п. Западъ покончилъ съ этой распущенностью гораздо раньше и именно еще въ половинѣ XVI в. на такъ долго продолжавшемся «Тридентскомъ соборѣ». Справедливо говоритъ г. Ивановъ и господамъ современнымъ композиторамъ о томъ, что «нельзя же ограничиваться только огульнымъ осужденіемъ того, что сдѣлано до насъ. Вотъ и Чайковскій все осуждалъ Бортнянскаго, а окончилъ тѣмъ, что принялся редактировать его сочиненія! Да и въ своихъ собственныхъ духовныхъ произведеніяхъ онъ вовсе недалеко пошелъ отъ Бортнянскаго, что ни говори тѣ, кто старается въ

его духовныхъ сочиненіяхъ замѣтить какіе-то новые пути для церковной музыки». Что касается до Бортнянскаго, то упреки, посылаемые ему многими россіянами и по сей день, за его якобы итальянскія церковныя мелодіи, на мой взглядъ, не вполнѣ справедливы и главное не научны, а потому и недостаточно обоснованы. Начать хоть бы съ того, что болѣе чѣмъ за сто лѣтъ еще до Бортнянскаго любознательные иностранцы, какъ Павелъ Алепскій, уже подмѣтили и точно опредѣлили черту народнаго украинскаго вкуса къ пѣнію: *«они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи»*. Далѣе, несомнѣнное сходство итальянскихъ и украинскихъ народныхъ пѣсенъ констатируется и туристами, и даже знатоками музыки. Существуютъ точныя антропологическія изысканія многихъ видныхъ ученыхъ объ этническомъ типѣ украинца; изысканія эти талантливо резюмированы высокимъ авторитетомъ въ этой области—профессоромъ Д. Анучинымъ. Въ статьѣ этого ученаго приведено множество научно установленныхъ, отличительныхъ чертъ украинца отъ великоросса. Онъ обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что великороссы ассимилировали многія финскія народности (прибавимъ отъ себя— весьма далекія отъ музыкальности вообще), украинцы же восприняли больше крови древнихъ тюркскихъ народовъ южной Россіи. *«Какъ бы то ни было малороссы отличаются отъ великороссовъ многими чертами своего умственнаго и нравственнаго склада, своимъ отношеніемъ къ религіи, къ женщинѣ и семьѣ, къ собственности и т. д.; ихъ «громада» не то, что великорусскій «міръ», ихъ пѣсни, думы, поговорки, сказки проникнуты иными чувствами, мыслями, воспоминаніями»* [1]). Какъ же не понимать послѣ этого, что исключительно вслѣдствіе своей физической и психической индивидуальности, отличающей украинца отъ великоросса, Бортнянскій, какъ сынъ своего народа, и могъ лишь вѣрно передать историческія преданія искусства, т. е. тѣ *„нѣжныя и сладостныя мелодіи“*, о которыхъ говорилъ еще Павелъ Алепскій? Диву даешься, читая о Бортнянскомъ у другого музыкальнаго критика Н. Соловьева, напр., такія поверхностныя сужденія: „Несмотря на то, что Бортнянскій былъ родомъ изъ Украины, онъ сильно поддался вліянію итальянской школы“. Было бы гораздо ближе къ истинѣ, если бы Н. Соловьевъ замѣнилъ

[1]) Великороссы и малороссы—словарь Брокгауза (т. V и XIII).

свое «несмотря на то» словами «потому что». Бортнянскій, какъ и другой гигантъ въ духовной музыкѣ, Турчаниновъ, создали россійскую духовную музыку и, разрабатывая старинные духовные напѣвы, они, разумѣется, невольно ихъ украинизировали: это было не болѣе, какъ органическое, вдохновенное проявленіе вложенныхъ въ ихъ души природой Украйны особенностей, а сѣверное ухо, имѣя свои музыкальныя преданія, и до сихъ поръ еще не можетъ привыкнуть къ южному колориту музыки. Въ заключеніе приведу весьма характерную выдержку изъ статьи И. Личко, недавно появившейся въ „Южныхъ Запискахъ“ (№ 9): «Въ «Новомъ Времени» послѣ юбилейныхъ чествованій нашего знаменитаго композитора Н. В. Лисенко музыкальный критикъ, г-нъ Ивановъ, усиленно настаивалъ, чтобы Лисенко «смѣло покончилъ съ традиціей и приспособилъ бы свои оперы къ постановкѣ въ качествѣ русскихъ». При чемъ обѣщалъ европейскую славу Лисенко и признавался, что онъ не находитъ въ творчествѣ его ничего индивидуально-украинскаго, не находитъ потому, что особаго украинскаго не существуетъ въ мірѣ звуковъ, хотя Бетховенъ и находилъ вдохновеніе въ нихъ [1]). «Это умаленіе украинскихъ талантовъ, это желаніе отнять мозгъ и душу у украинскаго народа проходитъ красной нитью черезъ всю историческую дѣятельность реакціонной русской прессы. Эта дѣятельность вводитъ въ заблужденіе русскую интеллигенцію и затемняетъ сознаніе украинскаго общества, ибо не встрѣчаетъ противодѣйствія ни со стороны прогрессивнаго лагеря русской печати, по какому-то недоразумѣнію, ни со стороны украинской публицистики, «по исключительнымъ причинамъ».

А. Сластіоновъ.

Къ характеристикѣ украинскаго села въ настоящее время. Въ «Полтавщинѣ» (№ 78) напечатано письмо сельскаго священника, характеризующее настроеніе крестьянъ въ настоящее время въ украин-

---

[1]) Высокая оригинальность украинской пѣсни всегда привлекала къ себѣ вниманіе величайшаго музыкальнаго генія конца XVIII ст. Бетховена, который, часто бывая на знаменитыхъ музыкальныхъ вечерахъ своего вѣнскаго пріятеля, русскаго посланника, свѣтлѣйшаго князя А. К. Разумовскаго, всегда восхищался украинскими пѣснями, исполняемыми собственнымъ хоромъ князя, и даже самъ написалъ нѣсколько вещей на украинскіе мотивы.

ской деревнѣ. Въ виду большого интереса мы перепечатываемъ это письмо цѣликомъ.

«Переживаемое всей Россіей тяжелое время гулко отдается въ сердцахъ нашихъ селянъ. Внутреннія событія приковали вниманіе всѣхъ крестьянъ и оттѣснили на задній планъ даже событія войны. «Яка чутка з Петербурга? коли буде земський собор? коли перемінять порядки урядові?», —обычные вопросы нашихъ обывателей. Въ газетахъ ищутъ прежде всего отвѣта и разрѣшенія вопросовъ внутренней жизни государства, присматриваются къ перемѣнамъ въ правительственныхъ сферахъ, прислушиваются къ взглядамъ ихъ и проч. До сего времени это явленіе—небывалое въ селахъ и раньше не замѣчалось среди крестьянъ такого захватывающаго интереса къ общественнымъ и государственнымъ вопросамъ. Сумятица, которая царила въ умахъ простолюдиновъ 3—4 мѣсяца назадъ, какъ будто замѣняется трезвымъ и опредѣленнымъ взглядомъ на окружающее. Всѣ мы перечувствовали ужасы войны, пожинаемъ плоды современнаго порядка вещей и настоятельно желаемъ реформъ всего строя нашей жизни.

«Нехай запитають нас,—ми пошлемо виборців, котрі роскажуть про наші потреби. Як можна будувати хату, коли не знаєш як, що, і до чого? Треба знати грунт, вміти майструвати, мати засобы до цього, то й буде діло», — разсуждаютъ мои прихожане. Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію своихъ пасомыхъ, чувствую и сознаю, что нужно возможно скорѣе приступить къ реформамъ. На первомъ мѣстѣ и мы, жители глухихъ «кутковъ», ставимъ необходимость обезпечить неприкосновенность личности, получить свободу слова, совѣсти и предоставить нашей многострадальной прессѣ открыто, безъ охраненій, высказываться и разбираться во всей текущей жизни, указывая средства къ умиротворенію людей.

Не нужно также забывать, что нашъ многочисленный народъ находится совершенно въ исключительныхъ условіяхъ: онъ лишенъ самаго дорогого, самаго кровнаго—свободы природнаго языка. Эта—прямо таки жестокость—отрѣзываетъ насъ отъ культурной жизни, убиваетъ самоуваженіе и ведетъ къ дикости... Какъ можно однимъ взмахомъ пера—лишить неотъемлемыхъ правъ цѣлую націю, убить душу ея, и вредить экономическому благосостоянію народа, населяющаго когда-то богатую Украину! До сихъ поръ мы имѣли уши и не слышали, имѣли глаза и не видѣли, не потому, что не хотѣли, не стремились къ лучшему, а потому, что намъ не давали возможности слышать и видѣть,

отняли право воспринимать идеи, знанія на своемъ языкѣ и заставили насъ поставить крестъ надъ собственной жизнью, надъ органомъ выраженія мыслей и чувствъ,—языкомъ. Разумѣется, изъ этого вѣкового гнета ничего добраго не вышло. Лучшія чувства мужика оскорблялись, все родное ему попиралось; много горькой горечи накипѣло въ душѣ каждаго изъ насъ, и долженъ быть предѣлъ этому..

Въ настоящее время нашъ народъ уже требуетъ, чтобы съ его положеніями считались, дали естественный ходъ и развитіе его правосознанію и самодѣятельности. Мы ждемъ удовлетворенія нашихъ потребностей, мы желаемъ жить, а не прозябать! „Коли, батюшка,—спрашивалъ меня крестьянинъ,—будемо вибирати людей, котрі роскажуть правителям про наше злиденне життя?"—Очевидно и сюда проникли слухи о представительномъ правленіи, и даже больше—въ нѣкоторыхъ селахъ уже называютъ кандидатовъ, которыхъ думаютъ послать на предстоящее совѣщаніе народныхъ представителей. Скептики навѣрно усумнятся, чтобы были такіе крестьяне, а между тѣмъ они есть,—вѣдь уже интеллигентные люди начали появляться среди селянъ; они то и представляютъ собою носителей и выразителей крестьянскихъ взглядовъ.

Въ воздухѣ, если можно такъ выразиться, носится такое настроеніе, и одинаковыя чувствованія воодушевляютъ всѣ слои населенія, такъ какъ жить всѣмъ хочется».

Численность украинскаго населенія въ Россіи. По свѣдѣніямъ «Правительственнаго Вѣстника» всеобщая перепись 1897 г. дала для украинскаго населенія цифру въ 22,380,551 чел. обоего пола или 17,81% всего населенія Россіи („Русскія Вѣдомости", № 88). Въ виду того, что національность опредѣлялась по рубрикѣ „родной языкъ", а извѣстно много случаевъ, когда украинцамъ записывали въ качествѣ родного языка—русскій, эта цифра несомнѣнно не выражаетъ точно численности украинскаго населенія, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда со времени переписи прошло уже восемь лѣтъ.

Украинскій вопросъ въ ученыхъ учрежденіяхъ. Императорская Академія наукъ вслѣдствіе запроса министра народнаго просвѣщенія, въ исполненіе высочайше утвержденнаго положенія коми-

тета министровъ 21-го января текущаго года, поручила особой коммиссіи разработку вопроса о положеніи украинскаго печатнаго слова. По разсмотрѣніи представленнаго коммиссіей доклада, Академія пришла къ заключенію о необходимости нынѣ же отмѣнить всѣ постановленія (1863 г. $^{18}/_{30}$ мая 1876 г. и 8 октября 1883 г.), которыми въ настоящее время ограничивается употребленіе украинскаго языка въ печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ Академія наукъ пришла къ убѣжденію, что украинское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ («Сынъ Отечества», № 37).

Совѣтомъ университета св. Владиміра единогласно принято заключеніе коммиссіи, избранной совѣтомъ по вопросу объ украинскомъ языкѣ и ограниченіяхъ, созданныхъ для него и для украинской литературы законами 1876 и 1881 годовъ. Коммиссія, какъ у насъ уже сообщалось, въ обстоятельномъ докладѣ высказалась единогласно за полную отмѣну указанныхъ законовъ и за предоставленіе такихъ же правъ для языка и литературы украинскихъ, какими пользуются русскій языкъ и русская литература („Кіевскіе Отклики", № 72).

Коммиссія Харьковскаго университета по вопросу объ украинскомъ языкѣ, состоящая изъ профессоровъ: Багалѣя, Буткевича, Бѣлоусова, Зайкевича, Максимейко, Овсянико-Куликовскаго, Раевскаго, Соловьева, Сумцова, Халанскаго и Чубинскаго, въ теченіе пяти засѣданій подготовила для совѣта докладную записку, которая въ настоящее время редактируется въ окончательной формѣ („Полтавщина, № 68).

Украинскій языкъ въ лубенскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ. Годичное собраніе лубенскаго сельско-хозяйственнаго общества, состоявшееся 5 марта, прошло съ большимъ, чѣмъ обыкновенно, оживленіемъ.

Послѣ разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, городскимъ головою г. Взятковымъ внесено было предложеніе составить резолюцію о необходимости свободы печати и въ частности—свободы украинскаго слова. Нельзя сказать, чтобы всѣ члены охотно откликнулись на этотъ призывъ. Кто указывалъ на коммиссію Кобеко, которая и безъ насъ, молъ, сдѣлаетъ все; кто находилъ, что не подобаетъ взрослымъ людямъ заниматься подобными неподходящими вопросами (?), а кто прямо-таки удивлялся: почему именно въ сельско-хозяйственномъ обществѣ подни-

мать этотъ вопросъ? „Да потому, говоритъ г. Взятковъ, что мы не только хозяева, но и граждане"; „потому, говоритъ г. Шеметъ, что, гдѣ же намъ высказывать и обсуждать наболѣвшіе вопросы, какъ не въ томъ или иномъ оффиціальномъ обществѣ, если частнымъ образомъ нельзя собираться для этихъ цѣлей...

Послѣ всѣхъ этихъ преній собраніе приняло слѣдующую резолюцію: „*Лубенскій отдѣлъ полтавскаго общества сельскихъ хозяевъ, ожидая, что свобода печати повліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе сельскаго хозяйства, въ виду этнографическихъ особенностей края, находитъ необходимымъ, чтобы такая свобода была распространена на украинскій языкъ*".

Вслѣдъ за тѣмъ собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи устраивать чтенія по сельскому хозяйству на украинскомъ языкѣ съ правомъ разъясненія прочитаннаго...

„Многіе селяне, говоритъ секретарь общества г. Сафроновъ, на вопросъ, почему они не посѣщаютъ собраній, говорятъ: „чого я пиду, колы я не розумію усього того, що тамъ балакають и чытають. Спытають мене, — що ты тамъ чувъ? а що я скажу, колы я мало що й розибравъ".

Въ заключеніе засѣданія обсуждали направленіе дальнѣйшей дѣятельности общества.

Предсѣдатель общества, князь Щербатовъ, сказалъ, что совѣтъ общества находится въ затруднительномъ положеніи въ виду нареканія нѣкоторыхъ членовъ на случайность постановки тѣхъ или другихъ вопросовъ для обсужденія и вытекающей отсюда неподготовленности членовъ общества къ рѣшенію назначенныхъ вопросовъ. Имѣя въ распоряженіи только девять собраній въ годъ, нужно поэтому подготовить и распредѣлить матеріалъ по извѣстной программѣ и эту программу въ теченіи года осуществить.

Г. Шеметъ находитъ возможнымъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, стремясь къ цѣли существованія общества. Цѣль эта—поднятіе духовнаго и матеріальнаго благополучія населенія. Все, что будетъ способствовать развитію самодѣятельности населенія въ этомъ направленіи, должно составить предметъ дѣятельности общества.

Такую самодѣятельность въ населеніи можно вызвать, покрывши луб. уѣздъ цѣлою сѣтью мелкихъ с.-х. обществъ, которыя и будутъ по мѣстамъ разрабатывать частные вопросы сельскаго хозяйства и для которыхъ отдѣлъ будетъ служить связующимъ звеномъ. Въ дѣ-

ятельность же самого отдѣла должны входить вопросы общеэкономическаго характера и съ этой цѣлью можно намѣтить рядъ такихъ вопросовъ.

При такой демократизаціи дѣятельности общества необходима и націонализація, т. е. свобода говорить членамъ на своемъ родномъ языкѣ.

Г. Шипулинскій не соглашается съ г. Шеметомъ и прибавляетъ, что если г. Шеметъ заговоритъ своимъ „галицкимъ" языкомъ, то никто изъ членовъ не пойметъ и не захочетъ слушать его.

„Ошибаетесь, г. Шипулинскій, называя литературный украинскій языкъ галицкимъ. Такъ назвать его можно развѣ только потому, что у себя на родинѣ до сихъ поръ не имѣлъ права 30-милліонный народъ развивать свой родной языкъ, и его интеллигенія принуждена была перенести свою литературу въ Галицію, но теперь само правительство обратило вниманіе на это ненормальное положеніе, и языкъ мѣстный, бытовой, быстро разовьется".

Вынося резолюцію о необходимости украинскаго языка, члены общества показали, что не народный только языкъ необходимъ для болѣе успѣшнаго развитія народа, но и литературный, научный; и если такимъ языкомъ владѣютъ только очень немногіе члены общества, то изъ этого слѣдуетъ только, что и остальнымъ членамъ необходимо изучить его, чтобы дѣятельность ихъ была направлена не въ пустое пространство, а на пользу народа, безъ мозолистыхъ рукъ котораго всѣ пріятные разговоры на собраніяхъ останутся только разговорами. („Полтавщина", № 71).

Украинскій языкъ въ полтавскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ. Лубенское отдѣленіе полтавскаго с.-х. общества обратилось къ послѣднему съ просьбой поддержать предъ коммиссіей Кобеко приведенное выше постановленіе о предоставленіи свободы печати на украинскомъ языкѣ.

Въ очередномъ засѣданіи полтавскаго с.-х. общества 17 марта постановленіе лубенскаго отдѣленія было доложено предсѣдателемъ Д. К. Квиткою съ предложеніемъ его обществу поддержать это постановленіе въ подлежащихъ сферахъ. Членъ общества Я. К. Имшенецкій обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой указалъ, что хотя вопросъ, поднятый лубенскимъ отдѣленіемъ, вполнѣ заслуживаетъ

сочувствія и основанъ на вполнѣ реальныхъ потребностяхъ, тѣмъ не менѣе ограничиваться однимъ только этимъ частнымъ ходатайствомъ въ данный моментъ не совсѣмъ удобно. Полтавскому сельско-хозяйственному обществу, какъ старѣйшему с.-х. учрежденію, слѣдуетъ поставить вопросъ шире. «Если мы обратимся къ сельско-хозяйственной жизни—продолжалъ г. Имшенецкій—то увидимъ въ ней массу фактовъ, требующихъ къ себѣ вниманія. Въ теченіе многихъ лѣтъ земство и интеллигенція всячески стараются оказать содѣйствіе къ поднятію сельскаго хозяйства и улучшенію условій жизни населенія,—тѣмъ не менѣе положеніе изъ года въ годъ становится хуже. Голодовки сдѣлались хроническимъ явленіемъ. Раньше извѣстіе о голодѣ вызывало шумъ и толки въ прессѣ, теперь же это стало чѣмъ-то нормальнымъ и не производитъ прежняго впечатлѣнія. Очевидно, есть въ сельскомъ хозяйствѣ общія тормозящія условія, дѣлающія всѣ стремленія общества безрезультатными. Въ послѣднее время доносятся слухи о фактахъ аграрнаго вандализма... Полтавскому обществу сел.-хоз. было бы неудобнымъ пройти все это молчаніемъ и ограничиться ходатайствомъ въ той формѣ, какую предлагаетъ лубенскій отдѣлъ. Тѣмъ болѣе неудобно, что высочайшій указъ 18 февраля предоставляетъ всѣмъ право возбуждать ходатайства и указалъ даже путь дальнѣйшаго ихъ направленія. Какая бы судьба ни постигла ходатайство о-ва, оно обязано дать ему широкую формулировку». Въ заключеніе г. Имшенецкій предложилъ избрать коммиссію, которая занялась бы детальной разработкой вопроса и не позже, какъ черезъ двѣ недѣли, представила бы свое заключеніе. Въ подтвержденіе умѣстности такой постановки вопроса онъ указалъ на то, что уже многіе, даже уѣздныя с.-х. о-ва, высказали свои сужденія, прочитавъ при этомъ по газетной статьѣ резолюцію харьковскаго с.-х. о-ва.

Членъ общества Н. А. Дмитріевъ, признавая принципіально желательность самой широкой общей постановки ходатайства о нуждахъ населенія, полагалъ, что все-таки нельзя принимать такихъ общихъ формулъ, въ которыхъ совершенно растворялись бы и недостаточно обрисовывались нужды именно нашей губерніи, нашего края. Вопросъ о свободѣ украинскаго слова, одной изъ насущнѣйшихъ потребностей духовной жизни нашего края, какъ извѣстно, составляетъ предметъ обсужденія комитета министровъ; его будетъ обсуждать и коммиссія Кобеко, которой ввѣрена выработка правовыхъ началъ и гарантій для всего печатнаго слова Россіи на всѣхъ языкахъ. Какъ извѣстно

изъ отчетовъ о засѣданіяхъ комитета министровъ, вопросъ объ украинскомъ языкѣ, о пересмотрѣ циркуляровъ 1876 и 1881 годовъ задержался въ комитетѣ и не могъ быть немедленно разрѣшенъ въ виду отсутствія надлежащихъ данныхъ для полнаго и всесторонняго освѣщенія его. Комитетъ министровъ запросилъ 2 университета—Харьковскій и Кіевскій и Академію наукъ. При такомъ положеніи этого вопроса каждый лишній голосъ, который раздастся въ видахъ всесторонняго освѣщенія его, будетъ, несомнѣнно, очень полезенъ. Вотъ почему нашему обществу, близко стоящему къ нуждамъ нашего края, принявъ широкую постановку общихъ назрѣвшихъ нуждъ Россіи, несомнѣнно, слѣдуетъ всесторонне освѣтить стѣсненное положеніе украинскаго слова, поддержавъ ходатайство лубенскаго сельско-хозяйственнаго общества въ смыслѣ полнаго уравненія украинскаго языка съ русскимъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни.

Въ виду того, что прежде всего вопросъ этотъ будетъ обсуждаться въ комитетѣ министровъ, слѣдовало бы постановленіе общества направить г. министру земледѣлія, въ вѣдѣніи котораго находится наше общество; въ коммиссію же Кобеко можетъ быть сообщена копія постановленія.

В. И. Василенко говоритъ, что духовныя нужды украинскаго народа давно уже извѣстны. Тридцать милліоновъ народа остаются безъ родного ему языка и даже не имѣютъ религіозныхъ книгъ, писанныхъ по-укрински. Какъ «курьезъ», конечно, очень печальнаго характера, г. В—ко приводитъ слѣдующій примѣръ: въ одной школьной библіотекѣ ему пришлось видѣть брошюру «О насѣкомыхъ» и «Свѣтъ Божій», которыя переведены съ украинскаго языка на русскій, одобрены ученымъ комитетомъ, а между тѣмъ подлинника имѣть нельзя.

Членъ общества П. Н. Малама находитъ, что языкъ, которымъ говоритъ наше населеніе, прошедшее сельскую школу,—нельзя назвать ни русскимъ, ни украинскимъ. Усвоивъ для объясненій нѣсколько сотъ самыхъ общеупотребительныхъ русскихъ словъ, извративъ ихъ на половину и смѣшавъ съ чисто украинскими словами, нашъ коренной обыватель, естественно, не можетъ оторваться отъ природной, родной ему духовной стихіи. Въ то же время онъ почти совершенно не знаетъ русскаго языка; русская книжка трудна для его пониманія. Вотъ почему, чтобы пріучить его къ книжкѣ, чтобы научить его искать въ этой книжкѣ отвѣты на всѣ запросы его духовной жизни, мы

должны позаботиться дать ему книжку на его природномъ языкѣ. Несомнѣнно, при такихъ условіяхъ ближайшая наша задача—популяризація сельско-хозяйственныхъ знаній путемъ печатнаго слова—будетъ достигнута гораздо легче. Опытъ Галиціи для насъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ того, какъ украинскій языкъ, поставленный въ болѣе благопріятныя условія, быстро развился, и въ настоящее время онъ является лучшимъ проводникомъ въ народъ знаній въ низшей, средней и даже высшей школѣ—университетѣ. Успѣхъ широкаго просвѣщенія Галиціи на природномъ украинскомъ языкѣ—долженъ для насъ служить примѣромъ и лучшимъ доказательствомъ важности поднятаго вопроса и необходимости поддержать ходатайство лубенскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Д. К. Квитка предложилъ раздѣлить эти два вопроса—общій, затронутый г. Имшенецкимъ, и вопросъ объ языкѣ. Ограничиваться повтореніемъ того, что написало харьковское общество, по его мнѣнію, недостаточно, общія повторенія слѣдуетъ дополнить спеціальными нуждами сельскаго хозяйства. Нужно, напр., указать, что неправильное примѣненіе положенія 19 февраля оставило значительную часть крестьянъ полтавской губ. совершенно безъ земли. Если касаться вопроса о представительномъ правленіи—сказалъ дальше г. Квитка,—нужно остановиться главнымъ образомъ на томъ, какъ оно должно быть организовано.

И К. Поповъ заявилъ, что обойти молчаніемъ общіе вопросы о-во не имѣетъ права. «Жить той жизнью, какой мы живемъ—говорилъ онъ—дальше невозможно. Всѣ наши ходатайства останутся подъ министерскими сукнами. Безъ измѣненія правопорядка мы ничего дѣлать не въ состояніи».

Послѣ всѣхъ преній собраніе единогласно постановило избрать двѣ коммиссіи; въ первую изъ нихъ по общимъ вопросамъ вошли: Я. К. Имшенецкій, Д. К. Квитка, М. П. Ганько, Ю. Ю. Соколовскій, П. М. Дубровскій, А. Г. Зайкевичъ и Ф. А. Лизогубъ и во вторую—объ украинскомъ языкѣ: П. Н. Малама, Н. А. Дмитріевъ, П. М. Дубровскій, М. П. Ганько и В. И. Василенко («Полтавщина» № 76).

Новое ходатайство. Севастопольскимъ кружкомъ любителей драматическаго искусства представлена въ комиссію Д. Ѳ. Кобеко слѣдующая докладная записка.

«Въ Высочайшемъ указѣ отъ 12-го декабря минувшаго года между прочимъ сказано: «7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою русскаго народа».

Эти слова, сказанныя съ высоты Престола, даютъ намъ смѣлость высказать открыто и прямо тѣ законныя и завѣтныя желанія, которыя давно уже стали насущной потребностью въ области культурнаго развитія малорусскаго народа.

Севастопольскій малорусскій кружокъ любителей драматическаго искусства, который поставилъ своей цѣлью дать бѣдному классу населенія разумное и здоровое развлеченіе въ часы досуга и который ставитъ спектакли преимущественно на сценѣ народнаго театра, естественно относился всегда съ болѣзненной чуткостью ко всѣмъ стѣсненіямъ, тяготѣющимъ надъ малорусскимъ словомъ вообще и въ частности надъ малорусской драматической литературой со времени указа 1876-го года. Небогатый, благодаря этимъ стѣсненіямъ, репертуаръ малорусскаго театра сокращенъ для народныхъ представленій почти вдвое, да и то многія изъ пьесъ этого списка по той или другой причинѣ неудобны для постановки на сценѣ. При такихъ условіяхъ дѣятельность кружка является крайне ограниченной, а подчасъ и совсѣмъ затруднительной.

Только при упраздненіи тѣхъ стѣснительныхъ условій, въ которыхъ приходится развиваться малорусской литературѣ и театру, возможна живая и плодотворная дѣятельность какъ просвѣтительныхъ учрежденій вообще, такъ въ частности и народнаго театра для малорусскаго народа.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Севастопольскій малорусскій кружокъ любителей драматическаго искусства имѣетъ честь ходатайствовать передъ коммиссіей для пересмотра законовъ о печати объ уравненіи правъ малорусскаго слова съ правами прочихъ языковъ и нарѣчій и о разрѣшеніи постановки въ народномъ театрѣ всѣхъ малорусскихъ пьесъ, дозволенныхъ къ представленію».

Украинская газета-журналъ. Казакъ Т. В. Калениченко возбудилъ ходатайство предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ему издавать въ г. Полтавѣ газету-журналъ „Робітник“.

Мотивировка его прошенія очень интересна по отношенію къ вопросу объ украинской литературѣ вообще, а потому мы приводимъ ее цѣликомъ.

«Ни одинъ народъ изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, такъ не стѣсненъ закономъ о печати, какъ народъ украинскій. На многихъ нарѣчіяхъ издаются газеты, журналы, книги научнаго, беллетристическаго и религіознаго содержанія. Напр., Библія издана больше, чѣмъ на 70 нарѣчіяхъ, нѣтъ ее только на украинскомъ нарѣчіи; также нѣтъ на этомъ нарѣчіи ни одного журнала и газеты. На всѣ ходатайства, направляемыя въ главное управленіе по дѣламъ печати, объ изданіи на украинскомъ языкѣ газетъ получался одинъ и тотъ же отвѣтъ. „Не разрѣшается на основаніи указа 1876 года". И чуть ли не тридцати-милліонный народъ не имѣетъ своей газеты, своей школы, научной книги и вынужденъ довольствоваться книгами и газетами, изданными на чужомъ ему великороссійскомъ языкѣ. Иниціаторы изданія закона 1876 года, запрещающаго украинскую литературу, вѣроятно, были убѣждены, что этою мѣрою самобытность украинскаго народа будетъ подавлена, и онъ сольется съ великорус. народомъ. Но они забыли справиться съ исторіей, которая напомнила-бы имъ, что никакія крутыя мѣры къ уничтоженію національныхъ стремленій народа не приводили къ желанному результату, а какъ разъ къ обратному. Взять для примѣра хотя бы Чехію: какъ ни старались нѣмцы превратить чеховъ въ нѣмцевъ, а это имъ не удалось, и они (нѣмцы) эту мысль теперь совершенно оставили. Еще К. Л. Ушинскій и Вессель блестяще доказали, что преподаваніе въ украинской школѣ должно вестись на украинскомъ языкѣ, для чего, конечно, должны быть изданы и соотвѣтствующія книги, журналы и проч. Никакая книга, говорили они, хотя бы написанная на самомъ близкомъ языкѣ, не можетъ замѣнить книги на родномъ языкѣ. Въ защиту преподаванія на родномъ языкѣ въ украинскихъ школахъ высказались еще слѣдующіе педагоги: Корфъ, Водовозовъ, Лубенецъ, Юркевичъ, Чалый, Туловъ, а также педагогическіе журналы: „Семья и Школа", „Учитель", наконецъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на «проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній (1862 года)»—гимназическіе, педагогическіе совѣты: 2-й Кіевскій, Волынскій, Ровенскій, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговскій, а также земства: губернскія – Черниговское, Полтавское, Херсонское; уѣздныя: Елисаветградское, Борзенское и Александровскій училищный совѣтъ. Много разъ поднимался этотъ

вопросъ и въ общей печати, но онъ и до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ: литература украинская нашла пріютъ у австрійскихъ нѣмцевъ, газеты, научныя книги и даже святое Евангеліе украинцы могутъ получать только посредствомъ контрабанды. А потребность имѣть книгу, газету, журналъ на родномъ языкѣ все растетъ и растетъ и съ ростомъ культуры эта потребность будетъ все усиливаться и усиливаться и никакіе циркуляры, никакая цензура въ мірѣ не могутъ ее заглушить у народа жизнедѣятельнаго, стремящагося не отстать въ своемъ развитіи отъ другихъ народовъ.

Приходя навстрѣчу такой неотложной насущной потребности, я имѣю честь покорнѣйше просить разрѣшить мнѣ издавать въ городѣ Полтавѣ еженедѣльную газету-журналъ на украинскомъ языкѣ съ украинскимъ же правописаніемъ подъ названіемъ «Робітник», газета-журналъ политико-общественно-литературный и популярно-научный подъ моимъ же редакторствомъ». („Полтавщина“, № 71).

Народная школа имени Котляревскаго. Полтаву нельзя упрекнуть въ невниманіи къ памяти своихъ великихъ земляковъ.

Городское управленіе, являющееся выразителемъ всего полтавскаго населенія, по мѣрѣ возможности, стремится увѣковѣчить дорогія и особенно близкія ему имена выдающихся людей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ открытъ еще одинъ новый памятникъ—школа имени Котляревскаго.

Школа эта строится на Подолѣ, какъ разъ подъ принадлежавшей нѣкогда славному украинскому поэту усадьбой, на которой проектировался «Ивановъ Гай».

Вокругъ двухэтажнаго зданія, которое имѣется въ виду орнаментировать въ украинскомъ стилѣ, будетъ разбитъ садъ, и непривлекательный теперь склонъ горы, гдѣ производится постройка, обѣщаетъ превратиться въ дивный чисто-украинскій уголокъ.

Почитатели памяти Котляревскаго заботятся, впрочемъ, не объ одной лишь внѣшней сторонѣ школы, а и о внутреннемъ ея характерѣ. Они стремятся къ тому, чтобы школа имени Котляревскаго отличалась особой программой и чтобы раньше всего въ нее былъ допущенъ тотъ языкъ, на которомъ писалъ Котляревскій.

Такой взглядъ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны городской управы и училищной коммиссіи.

Въ послѣднемъ засѣданіи думы разсматривался докладъ по поводу наиболѣе желательной постановки школы Котляревскаго.

Составленный весьма обстоятельно и даже горячо, докладъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

Вотъ существеннѣйшая его часть:

„Въ виду особаго, выдающагося значенія Котляревскаго для его родины, управа считаетъ долгомъ справедливости ходатайствовать, чтобы посвященная его имени школа отличалась отъ обыкновеннаго типа начальныхъ школъ особою программою и особою постановкою преподаванія, которыя въ равной мѣрѣ отвѣчали бы какъ требованіямъ здравой педагогики и потребностямъ мѣстнаго населенія, такъ и значенію того дѣятеля, чье имя эта школа носитъ. Этому условію можетъ удовлетворить лишь такая программа учебныхъ занятій, въ которой видное мѣсто займутъ элементы мѣстной народной жизни, языкъ, природа, бытъ, исторія. Педагогика давно установила, что внѣ материнскаго языка, не можетъ быть правильно поставленнаго воспитанія и образованія дѣтей школьного возраста. Родной языкъ, по мнѣнію всѣхъ авторитетовъ педагогической науки, является тѣмъ первымъ, самымъ жизненнымъ предметомъ, на изученіи котораго только и можетъ прогрессировать умственное развитіе дѣтей. Между тѣмъ нынѣшній типъ народной школы въ полтавской губ. вовсе не считается съ этими принципами. Населеніе полтавской губ. сплошь принадлежитъ къ малороссійской народности, языкъ которой настолько рѣзко отличается своимъ синтаксисомъ, фонетикой и лексикой отъ литературнаго русскаго языка, что принятое въ нынѣшнихъ школахъ обученіе дѣтей малороссовъ на русскомъ языкѣ крайне затрудняетъ успѣшное прохожденіе курса. Неоднократно въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ южныя земства и работающія въ предѣлахъ малороссійскихъ губерній просвѣтительныя учрежденія, обращали вниманіе высшаго правительства на ненормальность постановки школьнаго дѣла въ этомъ районѣ, но указанія эти не встрѣчали въ правительственныхъ сферахъ сочувствія по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ требованіями педагогической науки, несмотря на то, что непродолжительный опытъ воскресныхъ школъ въ полтавской губ., примѣнявшихъ въ качествѣ языка преподаванія мѣстное нарѣчіе, далъ блестящее подтвержденіе справедливости приведеннаго выше принципа.

Исходя изъ законоположеній, разрѣшающихъ сверхъ нормальной программы вводить въ городскихъ училищахъ преподаваніе дополнительныхъ предметовъ и увеличивать число уроковъ для предметовъ основныхъ, сообразно съ мѣстными условіями, управа предложила ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи ввести слѣдующія измѣненія въ учебную программу школы имени Котляревскаго:

1) Преподаваніе грамоты должно начинаться съ обученія чтенію и письму на малорусскомъ языкѣ по малорусскимъ букварямъ и книгамъ для чтенія.

2) Преподаваніе закона Божія и ариѳметики должно происходить также на малорусскомъ языкѣ, по малорусскимъ учебникамъ. Въ особенности это представляется необходимымъ въ преподаваніи закона Божія, который, по своему вліянію на душевное развитіе учащихся, требуетъ какъ можно болѣе доступнаго для дѣтей изложенія.

3) Обученіе чтенію и письму по русскому языку должно начинаться со 2-го года обученія и составлять отдѣльный необходимый и важный предметъ.

4) Обученіе родиновѣдѣнію и естествознанію должно начинаться съ изученія близкой ученику мѣстности и природы черноземной полосы и въ дальнѣйшемъ прохожденіи охватывать характерныя особенности Южно-Руси, ея физической природы, бытовыхъ, экономическихъ и историческихъ условій прошлой и современной жизни ея населенія.

5) При ознакомленіи учащихся съ русской литературой, учителя должны знакомить ихъ и съ лучшими образцами литературы малорусской.

Распредѣленіе занятій въ начальной школѣ имени И. П. Котляревскаго должно при такихъ условіяхъ принять слѣдующій видъ:

Число уроковъ въ недѣлю:

Предметы:	I отд.	II отд.	III отд.
Законъ Божій	2	2	2
Грамота малор. и церковно-славян.	10	4	4
Русск. и ц.-слав.	„	7	8
Ариѳмет. и геомет.	6	5	4
Черченіе и рисов.	2	2	2
Географія и исторія	2	2	2
Естествовѣдѣніе	2	2	2
	24	24	24

Въ заключеніе управа высказываетъ убѣжденіе, что опытъ школы имени И. П. Котляревскаго въ непродолжительномъ времени дастъ самому министерству народ. просвѣщенія крайне цѣнный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о томъ пути, по какому должна слѣдовать народная школа въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ.

Выслушавъ этотъ докладъ дума всецѣло присоединилась къ нему, постановивъ единогласно, безъ предварительныхъ преній, возбудить всѣ въ немъ указанныя ходатайства.

Вопросъ относительно букварей, книжекъ для чтенія и христоматій съ образцами произведеній малорусскихъ писателей остался пока открытымъ до разрѣшенія министерства народ. просв. преподаванія на малорусскомъ языкѣ въ школѣ имени И. П. Котляревскаго и тогда, по всей вѣроятности, этотъ вопросъ затрудненій не встрѣтитъ. («Полтавщина», № 84).

Сочиненія Котляревскаго въ библіотекѣ его имени. При обсужденіи въ думѣ вопроса объ открытіи библіотеки и музея имени Котляревскаго выяснилось, что произведенія послѣдняго изъяты изъ школьныхъ библіотекъ и что школьные каталоги вообще чрезвычайно бѣдны выборомъ книгъ для чтенія. Гласный Старицкій, обращая вниманіе думы на это обстоятельство, предложилъ ей поручить управѣ внести въ думу докладъ о возбужденіи ходатайства какъ о разрѣшеніи къ обращенію въ школьныхъ библіотекахъ сочиненій Котляревскаго, такъ и вообще о разрѣшеніи пополненія школьныхъ библіотекъ всѣми книгами, дозволенными цензурой, съ каковой цѣлью, по его мнѣнію, долженъ быть изданъ каталогъ не разрѣшительный, а запретительный, т. е. чтобы въ каталогъ были внесены исключительно книги, недозволенныя къ обращенію въ библіотекахъ.

Съ этимъ вопросомъ теперь городу наиболѣе своевременно выступить, но намъ кажется, его слѣдуетъ поставить шире, т. е. ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ какихъ бы то ни было каталоговъ и о полномъ предоставленіи пополненія школьныхъ библіотекъ учительскому персоналу, или, наконецъ, училищнымъ совѣтамъ. («Полтавщина», № 65).

Духовная іерархія и украинскій языкъ. Какъ сообщаетъ «Полтавщина» (№ 65), Полтавской духовной консисторіей получено отъ товарища оберъ-прокурора св. Синода сообщеніе, что преосвященный Алеутскій обратился въ св. Синодъ съ просьбой о присылкѣ въ Канаду трехъ священниковъ, хотя бы изъ діаконовъ, умѣющихъ говорить по-украински и немного по-волошски. Священникамъ этимъ православные жители Канады (украинцы и волохи) обязуются платить, кромѣ вознагражденія за требы, по два доллара въ годъ съ каждаго фермера и давать квартиру; кромѣ того, для ихъ пользованія есть церковная земля. Священники эти могутъ быть и изъ не окончившихъ семинарскій курсъ, но «добраго житія, усердные, не обремененные большой семьей и не старые». Епископъ полтавскій и переяславскій предписалъ благочиннымъ полтавской епархіи доставить въ непродолжительномъ времени свѣдѣнія о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ священниковъ или діаконовъ, умѣющихъ говорить по-украински, отправиться священникомъ въ Канаду.

Это сообщеніе въ высшей степени интересно, такъ какъ весьма ярко характеризуетъ отношеніе высшей духовной іерархіи къ украинскому народу и его языку. Чувствуя у себя за спиной защиту свѣтской власти, оно всегда отрицательно относилось къ украинскому языку, преслѣдуя его здѣсь, на родинѣ, не допуская между прочимъ перевода св. писанія и воспретивъ священникамъ проповѣдывать на понятномъ народу языкѣ. Но какъ только дѣло касалось заграничныхъ отношеній, гдѣ привычной почвы подъ ногами неоказывалось, іерархія тотчасъ же измѣняла свою тактику въ отношеніи украинскаго языка, даже поощряя его употребленіе въ своихъ видахъ. Извѣстно, напр., что выходящая въ Америкѣ клерикальная газета «Свѣтъ» носитъ на себѣ—несоотвѣтственную впрочемъ—отмѣтку, что на «малороссійскомъ языкѣ» она издается съ благословенія св. Синода. Фактъ, сообщенный «Полтавщиной» лишній разъ подчеркиваетъ это ненормальное отношеніе высшаго духовенства къ народу, такъ какъ здѣсь оно не стѣсняется назначать въ украинскія села священниковъ, не знающихъ языка того населенія, среди котораго имъ приходится дѣйствовать; знающимъ же—воспрещать его употребленіе съ церковной каѳедры. Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Vitalis въ статьѣ «Кто побѣдитъ» (С.-Петербургскія Вѣдомости, № 50), не такіе священники которыя вносятъ сомнительную политику въ свое дѣло,—«не они нужны малорусскому народу. Малорусскому народу, какъ безднѣ мрака и нищеты, нужны тѣ, кто не

упускаетъ случая проповѣдывать на понятномъ народу языкѣ, кто учитъ его живымъ простымъ словомъ не только въ церкви или школѣ, но и на лугу, за работой, и на мужицкой телѣгѣ, и на деревенской сходкѣ; кто защищаетъ его совѣтомъ и дѣломъ отъ чьей бы то ни было экономической эксплоатаціи, кто старается пробудить въ немъ сознаніе малоросса, русскаго гражданина, славянина, человѣка».

Для этого духовенство прежде всего должно оставить свою крайне вредную политику презрѣнія къ народному языку здѣсь, дома—ту политику, которая признана имъ негодной въ заграничныхъ сношеніяхъ съ представителями украинскаго народа...

Въ харьковскомъ обществѣ взаимопомощи трудящимся женщинамъ. Въ засѣданіи харьковскаго общества взаимопомощи трудящимся женщинамъ 27 марта г-жа Шавернева возбудила вопросъ о томъ, что украинская женщина не можетъ развиваться, такъ какъ лишена возможности учиться на родномъ языкѣ и, слѣдовательно, не можетъ пользоваться тѣми правами, которыхъ добиваются всѣ русскія женщины. Собраніе, выслушавъ заявленіе, постановило по этому, какъ и по другимъ вопросамъ, соотвѣтственную резолюцію («Кіевскіе Отклики», № 89).

Рецензіи на украинскія изданія. Подъ заглавіемъ «Воскресшая книга» г. Д. Д—комъ помѣщенъ въ № 65 «Полтавщины» подробный отзывъ о «Творахъ Леонида Глибова».—Въ № 6504 «Одесскихъ Новостей» находимъ рецензію г. Сьогобочняго на сборникъ «На вичну память Котляревському».—«Южныя Записки въ № 8 помѣстили рецензіи на слѣдующія книги: «Божа искра» С. Русовой (Дм. Марковича), «Оповидання» М. Грушевскаго (И. Стешенка) и первый томъ очерковъ г-жи Ефименко «Южная Русь»; обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыми странностями рецензія г. Стешенка.—Въ № 67 «Вечерней Почты» помѣщенъ краткій отзывъ о книгѣ проф. Грушевскаго «Очеркъ исторіи украинскаго народа».—Въ № 44 «Волыни» напоминается читателю о старой книгѣ г. Василевскаго «Современная Галиція».—Въ № 62 «Полтавщины» Д. Д—ко помѣстилъ рецензію на «Южную Русь» г-жи Ефименко.

Концерты Терешка Пархоменка. Изъ Могилева-Подольскаго «Кіевскимъ Откликамъ» (№ 87) пишутъ о концертѣ бандуриста Терешка Пархоменка. Предъ исполненіемъ бандуристомъ пьесъ, преподаватель коммерческаго училища А. Ѳ. Арнаутовъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ познакомилъ публику съ развитіемъ народнаго эпоса, какъ своеобразнаго отраженія въ сознаніи народа его политической и бытовой жизни. Затѣмъ слѣпой бандуристъ исполнилъ слѣдующія думы и пѣсни: 1) Про смерть Хмельныцького, 2) Про трьохъ братывъ Азовськыхъ, 3) Про Саву Чалого, 4) Буря на Чорнимъ мори, 5) Максымъ козакъ Зализнякъ, 6) По диброви витеръ віе, 7) Невольныцькый плачъ, 8) Про мищанку, 9) На смерть Шевченка, 10) Зоря моя вечирняя, 11) Зійшла зоря вечирняя и 12) Про Морозенка. Исполненіе Пархоменкомъ украинскихъ думъ и пѣсенъ было выше всякой похвалы. Голосъ его —теноръ, не сильный, но вполнѣ гармонирующій съ тихою грустью исполняемыхъ имъ пьесъ. Этотъ голосъ и звуки бандуры— какъ бы двѣ неразрывныя части одного живого существа. Вообще концертъ Пархоменка какъ по репертуару, такъ и по личности исполнителя заслуживаетъ полнаго вниманія. Кромѣ того тѣмъ же бандуристомъ были даны концерты въ Умани, Винницѣ и Елисаветградѣ («Кіевскіе Отклики», № 76).

Вечеръ въ память Шевченка въ Кіевѣ. 13 марта въ помѣщеніи Купеческаго клуба въ Кіевѣ состоялся обычный Шевченковскій вечеръ. Особенностью настоящаго вечера было то, что онъ открылся *въ первый разъ* разрѣшенною въ Кіевѣ рѣчью на украинскомъ языкѣ, произнесенной г. Стешенкомъ, который умѣло обрисовалъ значеніе дѣятельности Шевченка для послѣдующихъ поколѣній.

На вечерѣ публика подписывала «Записку о нуждахъ украинской школы», выработанную на банкетѣ 26 февраля. Впрочемъ, съ упомянутой «Запиской» произошелъ инцидентъ, описанный корреспондентомъ «Сына Отечества» (№ 30): на «незаконное» собираніе подписей обратилъ вниманіе дежурный приставъ и часть «Записки» заарестовалъ. «Пропутешествовавъ, — говоритъ авторъ корреспонденціи въ «Сынѣ Отечества»,—нѣсколько дней по всѣмъ полицейскимъ инстанціямъ Кіева, уцѣлѣвшая часть «Записки» была, наконецъ, возвращена съ явственными слѣдами хожденія по мытарствамъ полицейской экспертизы»...

Въ дополненіе къ сообщенному въ прошлой книжкѣ матеріалу, появившемуся въ 44 годовщину смерти Шевченка, отмѣчаемъ слѣдующія замѣтки: 1) «Т. Г. Шевченко—живописецъ» Н. Б. въ № 8691 «Биржевыхъ Вѣдомостей», 2) «Дѣнь пѣвца Украины» Resartus'а въ № 66 «Вечерней Почты» и 3) «Памяти Тараса Григорьевича Шевченка въ № 45 «Волыни».

---

23 марта на общемъ собраніи Кіевскаго литературно-артистическаго общества единогласно избранъ почетнымъ членомъ этого общества И. С. Левицкій-Нечуй («Кіевскіе Отклики», № 84).

Общее собраніе Кіевскаго литературно-артистическаго общества въ сѣданіи 23 марта постановило издать сборникъ на украинскомъ языкѣ изъ произведеній членовъ общества; на изданіе ассигновано отъ 700 до 800 руб. («Кіевскіе Отклики», № 84). Какъ мы слышали, обществомъ будетъ изданъ сборникъ «Нова Рада», составленный при участіи покойнаго М. П. Старицкаго.

Г. Соколовскій, касаясь въ статьѣ «Къ вопросу о театральной цензурѣ» («Кіевскіе Отклики», № 91) положенія современнаго русскаго театра, упоминаетъ также «о горькомъ и обидномъ положеніи малорусскаго языка и театра».

«Южныя Записки» помѣстили въ переводѣ съ украинскаго языка два разсказа Леся Мартовича: «Війтъ» (№ 12) и «Смертельное дѣло» (№ 13). Переводъ сдѣланъ П. Стояномъ.

И. Н. Лагода *(некрологъ)*. 25 марта въ Черниговѣ умеръ мѣстный дѣятель И. Н. Лагода. Родился онъ 1832 году, въ Полтавской губ., учился въ Черниговской гимназіи, а затѣмъ въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ медицину. Въ Кіевъ онъ пріѣхалъ въ 1851 году и получилъ приглашеніе поселиться въ компаніи съ земляками, нанимавшими общую квартиру въ полутораэтажномъ домѣ, гдѣ-то вблизи Крещатика. Компанію эту называли въ городѣ «Носовской партіей»,

по имени атамана ея, С. Д. Носа [1]). Компанія эта отличалась горячей преданностью интересамъ простого народа и родной Украйны. Товарищи жили по братски и все у нихъ было общее. Это былъ «куринь», подобный тому, который былъ основанъ С. Д. Носомъ впослѣдствіи въ Черниговѣ.

Около 1858 года И. Н. Лагода поселился въ Черниговѣ и прожилъ здѣсь до самой смерти. Въ началѣ 60-хъ годовъ здѣсь собрался довольно замѣтный кружокъ интеллигентнымъ украинцевъ: А. М. Лазаревскій, Опанасъ Марковичъ, Леонидъ Глибовъ, С. Д. Носъ и другіе, преимущественно уроженцы Полтавской губ. и южныхъ уѣздовъ Черниговской (К. П. Ходинъ, Борсукъ, Герасимовскій, Д. И. Лавриненко и проч.) „Куринь", основанный здѣсь С. Д. Носомъ,—малорусскій кругъ или общество,—усердно посѣщался публикой, сочувствовавшей дѣлу украинскаго возрожденія. Въ домѣ И. Н. Лагоды также часто собирались земляки. У него было двѣ сестры, изъ которыхъ одна особенно хорошо пѣла народныя пѣсни. Особенное воодушевленіе вызвали первые украинскіе спектакли (1861—1862 г.), прошедшіе съ необычайнымъ успѣхомъ. И. Н. Лагода долгое время былъ ординаторомъ губернской больницы. Когда въ 1871 году введено было здѣсь новое городовое положеніе, онъ началъ принимать близкое участіе въ городскихъ дѣлахъ: былъ гласнымъ, членомъ управы и заступ. мѣсто головы (безъ жалованья), работалъ въ разныхъ комиссіяхъ. Но больше всего И. Н. любилъ театръ. Это была его сфера. Въ семидесятые годы, когда украинскій театръ еще почти не существовалъ, И. Н. систематически ставилъ украинскіе спектакли, передѣлалъ для постановки «Чары», драматическія сцены К. Тополи. Пьеса эта въ прежнее время вызывала въ Черниговѣ сенсацію. И. Н. былъ и антрепренеромъ театра, расширилъ его помѣщеніе каменной пристройкой, до смерти оставался членомъ театральной комиссіи и мѣстнаго музыкально-драматическаго кружка. Въ послѣдніе годы И. Н., удрученный болѣзнями и старостью, все меньше и меньше принималъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. На гробъ И. Н. Лагоды были возложены вѣнки: отъ города съ надписью: «Ветерану общественной дѣятельности»; отъ

[1]) О немъ см. „Очеркъ жизни и дѣятельности украинскаго этнографа и народнаго врача С. Д. Носа", составленный Гр. Коваленкомъ. Кіевская Старина, 1901 г. и отд. оттискъ.

украинской публики—«щирому робітникові на українській сцені»; **кромѣ того, были вѣнки** отъ музыкально-драматическаго кружка, отъ **группъ знакомыхъ** и почитателей. («Кіевскіе Отклики», № 92).

Иванъ Ротарь. (Некрологъ). Въ Екатеринодарѣ скончался въ началѣ марта молодой писатель и украинскій дѣятель Иванъ Ротарь. Сынъ крестьянина кіевской губерніи по происхожденію, воспитанникъ Кіевской семинаріи и Московской академіи по образованію, покойный еще на школьной скамьѣ отдалъ свои симпатіи тому народу, изъ котораго вышелъ. Работалъ онъ преимущественно въ области украинской исторіи (одна изъ его работъ, о Епифаніи Славинецкомъ, была помѣщена и въ „Кіевской Старинѣ") и практически въ многихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ г. Екатеринодара, гдѣ состоялъ на службѣ.

В. Г. Гульбенко. *(Некрологъ).* 21-го марта скончался скромный труженникъ украинской сцены Вуколъ Григорьевичъ Гульбенко. Покойный 12 лѣтъ служилъ въ труппахъ Н. К. Садовскаго, Д. А. Гайдамаки, А. Л. Суходольскаго, М. К. Ярошенка, Г. Ратмировой, играя роли простаковъ и характерныя. В. Гр. пользовался успѣхомъ въ провинціи въ роляхъ веселаго жанра. Покойный хворалъ два года и, больной, вынужденъ былъ играть для поддержки семьи. Послѣ смерти, остались безъ всякихъ средствъ жена и шестилѣтній сынъ. („Кіевскіе Отклики", № 87).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Вопросъ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ прусскомъ ландтагѣ. Польско-шляхетское хозяйничанье въ той части Австріи, которую польскіе политики самыхъ разнообразныхъ фракцій и направленій хотятъ превратить въ „отдѣльную" провинцію со всѣми аттрибутами краевой польской автономіи, снова всплыло въ въ свѣтѣ европейской прессы и является темой дня не только въ Австріи, но и въ сосѣдней Пруссіи.

Поводомъ къ этому, по сообщенію «Полтавщины», (№ 96), послужила рѣчь прусскаго министра финансовъ Райнбабена, произнесенная

имъ въ текущей сессіи берлинскаго ландтага въ отвѣтъ на жалобы польскихъ депутатовъ, упрекавшихъ прусское правительство въ гакатистской политикѣ по отношенію къ польскому населенію Познани и Силезіи. «На польскихъ скамьяхъ», отвѣтилъ Райнбабенъ, «должны осторожно поступать съ такими обвиненіями, ибо въ противномъ случаѣ я обращу всеобщее вниманіе на галицкія отношенія. Прочтите, господа, труды русинскихъ писателей—тогда вы сумѣете составить себѣ ясное понятіе объ идеальныхъ отношеніяхъ польскаго хозяйства и объ угнетеніи поляками другихъ».

Конечно, оправдывать собственные грѣхи грѣхами другихъ болѣе чѣмъ наивно, и едва ли справедливо. Тѣмъ не менѣе рѣчь прусскаго министра должна бы напомнить господствующей въ Галиціи польской партіи, что утѣсненіями своихъ слабѣйшихъ сосѣдей она вредитъ собственнымъ землякамъ, живущимъ въ другихъ государствахъ. Полякамъ, возмущающимся гакатизмомъ прусскихъ властей и ограниченіями въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ, всегда приходится встрѣчаться съ указаніями на подобное же хозяйничанье поляковъ въ Галичинѣ—хозяйничанье, достигающее иногда размѣровъ возмутительнаго, кощунственнаго цинизма. Недавно, напр., опубликованная однимъ изъ видныхъ дѣятелей польско-шляхетской партіи программа отношеній къ русинамъ оказалась... буквальнымъ переводомъ противопольской программы нѣмецкихъ гакатистовъ съ замѣной лишь «нѣмцевъ»—«поляками» и «поляковъ»—«русинами». Дальше этого крайне отвратительнаго человѣконенавистническаго, для самого же польскаго народа вреднаго цинизма уже идти некуда. Необходимо, чтобы польское общество сознало весь вредъ подобной дѣятельности и отказало въ своей поддержкѣ своимъ собственнымъ гакатистамъ. Это, несомнѣнно, приблизитъ благополучное разрѣшеніе и самого же польскаго вопроса.

«Ruthenische Revue». Въ № 55 „Діла“ г. Яворскимъ опубликованы интересныя данныя о дѣятельности издающагося въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ журнала «Ruthenische Revue». Журналъ основанъ, благодаря личной энергіи его редактора г. Сембратовича и при поддержкѣ русиновъ—депутатовъ Вѣнскаго парламента, въ 1903 г. Главной заслугой этого органа является то, что онъ знакомитъ европейскую публику съ положеніемъ украинскаго вопроса, съ жизнью укра-

инскаго народа, его литературой, культурой и т. п. и такимъ образомъ выводитъ дѣло нашего національнаго возрожденія изъ тѣснаго круга спеціалистовъ въ широкія массы европейскаго образованнаго общества. На основаніи матеріала, опубликованнаго въ «Ruthenische Revue», въ европейской прессѣ появился цѣлый рядъ статей, освѣщающихъ интересы украинскаго народа и принадлежащихъ при томъ перу выдающихся европейскихъ журналистовъ и общественныхъ дѣятелей (напр. J. Loevland (Христіанія), A. Hedin (Стокгольмъ), Pompeyus Gener (Барцелона), Gauseppe Sergi (Римъ), Brandes (Копенгагенъ), Проф. Frederiksen (Копенгагенъ), Hellmut von Gerlach (Берлинъ), Gajus Möller и др.). Болѣе интересныя статьи изъ «Ruthenische Revue» перепечатываются въ европейской прессѣ, напр., анкета о современномъ положеніи украинскаго слова въ Россіи и объ извѣстномъ распоряженіи 1876 г. перепечатана 90 европейскими органами. Благодаря помѣщаемымъ въ «R. R.» переводамъ произведеній украинскихъ писателей, имена Марка Вовчка, Стефаныка, Коцюбинського, Кобылянськои, Гринченка и др. пріобрѣтаютъ популярность среди европейской публики. Такъ, одинъ нѣмецкій журналистъ, прочитавъ разсказъ г. Гринченка «Hunger» («Без хліба»), сознался, что онъ не ожидалъ встрѣтить въ украинской литературѣ такихъ прекрасныхъ произведеній.

Безспорно значеніе подобныхъ органовъ, открывающихъ глаза Европѣ на нашъ народъ; безспорны заслуги руководителей даннаго органа, проявившихъ достаточно энергіи, преданности и любви къ дѣлу, и они имѣютъ полное право разсчитывать на сочувствіе и поддержку украинскаго общества.

Русскія дѣла въ освѣщеніи галицкихъ москвофиловъ. Событія послѣдняго времени въ Россіи вызываютъ реакцію даже среди такихъ безнадежныхъ обскурантовъ, каковы галицкіе москвофилы, до сихъ поръ только съ упованіемъ глядѣвшіе на русскую бюрократію. Какъ сообщаетъ «Діло» (№ 44), въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Галичанина» о злобѣ дня весьма распространенно говоритъ небезизвѣстный г. Вергунъ, прославившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ своими «шумными» лекціями въ Кіевѣ, Москвѣ и др. городахъ Россіи. Г. Вергунъ весьма негодуетъ заднимъ числомъ на то, что «Россія взяла на себя (?!) миссію всерусскаго, всеславянскаго домостроитель-

ства (?), а эту миссію исполняетъ такъ, что и конца не предвидится нашему страданію подъ чужимъ игомъ и владычествомъ». Навязавъ Россіи выдуманную миссію какого то «всеславянскаго домостроительства», г. Вергунъ объясняетъ неудачное исполненіе этой миссіи тѣмъ, что на верхахъ русской бюрократіи засѣли нѣмцы, татары и всякіе «московскіе выкресты» (?); какъ только ихъ мѣсто займутъ «коренные русскіе», такъ сейчасъ на г. Вергуна и его единомышленниковъ посыплются великія и богатыя милости. Но въ ожиданіи этого, онъ совѣтуетъ москвофиламъ сблизиться съ русскими либеральными земцами и возстановить ихъ противъ «украинофиловъ», которые до сихъ поръ проявляютъ болѣе активную дѣятельность, чѣмъ москвофилы, а потому пишутъ въ русскихъ изданіяхъ, гдѣ и проводятъ свои взгляды. Когда москвофилы сблизятся съ русскими либералами, тогда изданія общества имени Качковскаго, Бѣлоуса и др. найдутъ себѣ сбыть въ Россіи и т. д...

Бѣдный «твердый рутенець», котораго выбили изъ позиціи послѣднія событія, который ничего не понимаетъ и, хлопая глазами, силится усѣсться одновременно на двухъ стульяхъ—«рутенскаго» мракобѣсія и земскаго либерализма!... Вообразить только среди либеральныхъ земцевъ такую великолѣпную, чисто средневѣковую фигуру, какъ напр., г. Мончаловскій, или г. Марковъ, или г. Свистунъ и какъ они еще тамъ называются, или представить, что изданія общества Качковскаго могутъ кого-либо заинтересовать въ Россіи!—для этого нужно такъ основательно не знать Россіи и такъ крѣпко засѣсть въ черножелтую раковину рутенскаго москвофильства, какъ это можетъ только г. Вергунъ и прочіе средневѣковые духи, вѣщающіе со столбцовъ «Галичанина». А только напрасно они надѣются на либеральныхъ земцевъ: время «вспомоществованій» очевидно проходитъ безвозвратно...

„Полемическія красоты“. Проэктъ проф. Грушевскаго объ основаніи частныхъ украинскихъ гимназій въ Галичинѣ вызвалъ результаты, которыхъ едва-ли могъ ожидать и самъ иниціаторъ, и читающая публика (особенно на Украинѣ) и которые во всякомъ случаѣ являются нежелательными съ точки зрѣнія важности самого дѣла. Противъ проэкта возражаетъ въ цѣломъ рядѣ полемическихъ статей и замѣтокъ «Діло», и это, конечно, его полное право не соглашаться со взглядами проф. Грушевскаго и г. Франка. Но тонъ этихъ возра-

женій рѣшительно превосходитъ все, что вообще приходится встрѣчать въ полемикѣ: «Діло» на вопросъ, заслуживающій во всякомъ случаѣ серьезнаго обсужденія, отзывается крайнею нетерпимостью, безцеремонным залѣзаніемъ въ чужую душу, выходками чисто личнаго характера и иными «полемическими красотами» крайне дурного тона. «Нефортунні лицарі із звісноі твердині (!) при улиці Чарнецького», «гасителі всенародного запалу», въ искренность побужденій которыхъ «годі повірити», «людці» и тому подобные перлы заполняютъ собою полемическія статьи противъ проекта проф. Грушевскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Діло» весьма заботится о солидарности и единеніи всѣхъ украинскихъ силъ въ Галичинѣ и крайне скорбитъ о томъ, что проф. Грушевскій и г. Франко эту солидарность разбиваютъ. Не въ интересахъ ли солидарности и помѣщаются на столбцахъ «Діла» вышеприведенные полемическія жемчужины? Крайне непріятное впечатлѣніе вызываетъ и этотъ грубый тонъ, и эти нападки на людей за то лишь, что они осмѣлились высказать свое сужденіе по общественному вопросу, не совпадающее съ мнѣніемъ редакціи «Діла». Редакція должна же понять, наконецъ, что подобнаго рода перебранка и обругиваніе вмѣсто обсужденія если и создаетъ ей популярность, то совсѣмъ не ту, которая ей была бы желательна...

О „Науковомъ Товариствѣ ім. Шевченка“. Въ № 79 „Полтавщины“ помѣщена статья г. Дорошенка—„Наукове товариство ім. Шевченка во Львовѣ и его труды“. Изложивъ исторію названнаго товар ства и обзоръ его научной дѣятельности, авторъ заканчиваетъ надеждой, „что недалеко то время, когда труды „Наукового товариства“ получатъ свободный доступъ въ Россію, когда само товариство, быть можетъ, перейдетъ изъ Львова въ Кіевъ, какъ болѣе естественный центръ украинской жизни; тогда запасы духовныхъ богатствъ, разрабатываемые „товариствомъ“ получатъ широкое распространеніе и будутъ способствовать пріобщенію нашего народа къ общечеловѣческой культурѣ—путемъ національнаго просвѣщенія“.

Въ мартовской книжкѣ краковскаго журнала «Krytyka» помѣщена статья «Z vycieczki do Rosyi. Wrażenia i rozmowy», принадлежащая перу редактора названнаго журнала, извѣстнаго поль-

скаго критика и публициста Вильгельма Фельдмана Во время своей поѣздки въ Россію авторъ посѣтилъ Одессу, Кіевъ, Вильно, Варшаву, Москву и Петербургъ и дѣлится своими впечатлѣніями съ читателями. Въ статьѣ находимъ страницы, посвященныя украинскому вопросу въ Россіи (переводъ ихъ напечатанъ въ № 50 «Діла»). Конечно, трудно и ожидать, чтобы авторъ мимоходомъ познакомился со всѣми подробностями названнаго движенія, но среди его наблюденій безусловно есть очень вѣрныя и мѣтко схваченныя. Отмѣчая наружную слабость украинскаго движенія подъ вліяніемъ преслѣдованій и запрещеній, г. Фельдманъ видитъ въ немъ внутреннюю силу и способность къ развитію, лишь ожидающую благопріятныхъ условій для своего проявленія. Въ виду будущаго авторъ совѣтуетъ землякамъ-полякамъ заблаговременно подумать о своихъ отношеніяхъ къ этому движенію и не вызывать аггрессивной политикой враждебности, которая въ будущемъ можетъ оказаться вредной для обѣихъ заинтересованныхъ въ справедливомъ разрѣшеніи польско-украинскаго вопроса народностей.

Въ Вѣнскомъ еженедѣльникѣ «Oesterreichische Rundschau» (20 вып. II тома) появилась интересная статья г. Франка подъ заглавіемъ «Ruthenische Literatur». Какъ сообщаетъ «Діло» (№ 58), авторъ останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: 1) какіе круги украинскаго общества принимаютъ участіе въ созданіи украинской литературы, 2) для какихъ круговъ она предназначается и 3) въ какихъ центрахъ сосредоточивается дѣятельность украинцевъ и каковы условія ея развитія. Статья касается исключительно Украины россійской.

Украинскія популярно-научныя лекціи. Львовское «Руське Товариство педагогичне» организуетъ въ настоящее время рядъ популярно-научныхъ лекцій на украинскомъ языкѣ какъ во Львовѣ, такъ и на провинціи—въ городахъ и даже селахъ Восточной Галичины. Въ качествѣ лекторовъ выступаютъ большею частью профессора гимназій. Первая лекція (д-ра Кобрынскаго—«Про розвиток гігієни від

найдавнійших часів») состоялась 15 марта во Львовѣ («Діло», № 46); **1 апрѣля г.** Мандычевскій читалъ лекцію «Про Горького і його популярність» («Діло», № 63).

Новая украинская гимназія. Первые два класса украинской гимназіи въ Станиславовѣ, изъ за которой велась долгая и упорная борьба въ галицкомъ сеймѣ, будутъ открыты въ началѣ будущаго учебнаго (1905, 6) года, первоначально какъ параллельныя отдѣленія при польской гимназіи («Діло», № 62).

„Союз жіночих товариств“. Интеллигентныя Русинки во Львовѣ выступаютъ съ проэктомъ объединенія всѣхъ женскихъ организацій Галичины въ «Союз жіночих руських товариств». «Союз» предполагаетъ издавать органъ, посвященный выясненію нуждъ украинской женщины («Діло», № 62).

Пражское чешско-славянское этнографическое общество избрало украинскаго ученаго Вл. Гнатюка своимъ членомъ-корресподентомъ. Среди членовъ названнаго общества уже числятся украинскіе ученые,— напр. докторъ Франко („Діло“, № 55).

Замѣтки на текущія темы.

Грѣхъ и покаяніе кн. Мещерскаго.—Его негодованіе по адресу министровъ.—Совѣсть во множественномъ числѣ и бесѣды со свѣдущими людьми.—Свѣдущіе люди ничего не знаютъ.—Кн. Мещерскій содрагается.—Письмо одного изъ ничего не знающихъ свѣдущихъ людей.—Его пріемы.—Презрѣніе къ логикѣ.—Попытки пророчествовать. — «Нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ».—Забастовки и св. писаніе на украинскомъ языкѣ.—Свѣдущій человѣкъ оказывается круглымъ невѣждой.—Онъ пытается на счетъ сыска.—«Посмотримъ».—Смотрѣть нечего.—Чтеніе въ сердцахъ.—Прохоръ Порфирычъ бесѣдуетъ съ Маланъ Иванной.—«Все пужаюсь».—Нововременская Маланъ Иванна понимаетъ все наоборотъ.—Школьный вопросъ въ ея освѣщеніи.—Легкое, но непрочное торжество.—«Ржавыя цѣпи».—Давленіе и свобода.—Записка «о нуждахъ украинской печати».—Неотложный вопросъ.—Резолюція журналистовъ.

Два мѣсяца тому назадъ кн. Мещерскій совершилъ тяжкій грѣхъ, будучи введенъ нѣкимъ ех-исправникомъ въ невольное заблужденіе. Нужно сказать, что вообще въ послѣднее время растерявшійся князь никакъ не можетъ найти опредѣленной позиціи и, въ поискахъ ея, мечется изъ стороны въ сторону, садится на двухъ стульяхъ, попадаетъ въ пустое пространство между ними и, совершивъ грѣхопаденіе, съ похвальной откровенностью спѣшитъ

покаяться и покаяніемъ очистить свою многогрѣшную душу. И все это продѣлывается съ такой стремительностью, которая ясно показываетъ, что «каша» заварилась далеко не въ одной исправничьей головѣ... Такъ случилось и въ данный разъ: прошелъ мясопустъ, наступилъ великій постъ и для кн. Мещерскаго пришла пора покаянія. И князь покаялся. Не успѣла еще просохнуть типографская краска, которой изображена была въ «Гражданинѣ» рукой бывшаго исправника «свобода» для украинскаго слова, какъ оттуда же, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, раздались настойчивые возгласы, приглашающіе пожаловать въ участокъ. Что жъ—и пожалуемъ.

Во вторникъ, 15 марта, какъ объ этомъ оповѣщено въ «Дневникахъ» кн. Мещерскаго, его сіятельство покаялся и, покаяніемъ очистивъ себя отъ грѣха, вспомнилъ объ участкѣ. Онъ, видите ли, началъ размышлять о «той быстрой работѣ мысли, которая происходитъ въ комитетѣ министровъ надъ рядомъ разрѣшаемыхъ имъ государственныхъ вопросовъ», и эта быстрая работа князю рѣшительно не понравилась. Оказалось, что министры «съ быстротой, которую нельзя не назвать легкомысліемъ, и легкомысліемъ притомъ злокачественнымъ» увлеклись либерализмомъ до такой степени, что сами же поколебали столь ревностно ими до сихъ поръ охраняемыя «основы» и привели Россію на край гибели. Но—о, счастливая Россія!—она можетъ быть спокойной, ибо на стражѣ ея интересовъ стоитъ кн. Мещерскій: со свойственной ему уже лично быстротой (о другомъ качествѣ пока умалчиваю) онъ сейчасъ же и заявилъ, что съ рѣшеніями комитета министровъ «не можетъ мириться *ни одна* совѣсть русскаго человѣка».

Открывъ въ русскомъ человѣкѣ наличность по крайней мѣрѣ двухъ совѣстей (это драгоцѣнное открытіе намъ еще пригодится), князь сейчасъ же объясняетъ и причины своего негодованія по адресу министровъ; одной изъ причинъ является вина ихъ въ «искусственномъ возрожденіи малороссійской словесности»... Я вижу, какъ у читателя физіономія, вытягивается отъ изумленія а съ языка слетаетъ вопросъ: да неужели министры повинны въ такомъ, можно сказать, низкомъ дѣлѣ? Оказывается—да, повинны, но предоставляю

слово самому кн. Мещерскому, такъ какъ едва ли кто-либо въ состояніи передать, не испортивъ букета, рѣчь этого «пока единственнаго» публициста.

> Сорокъ лѣтъ русское правительство посвятило не взбалмошнаго (sic) и не фанатичнаго, а разумнаго труда, чтобы малороссовъ не только научить русскому языку, но пріучить ихъ и даже сроднить (?), и вотъ когда эта цѣль оказалась достигнутою и вездѣ въ Малороссіи упрочились русскій языкъ и русская грамота, тогда являются въ комитетѣ министровъ радѣтели о замѣнѣ русскаго языка малороссійскимъ или, говоря проще, объ изгнаніи русскаго языка изъ Малороссіи, подъ прикрытіемъ великодушной заботы о возрожденіи малороссійскаго шрифта (?!), и для вящшей пикантности избирается для этого минута, когда заграничные революціонеры забрасываютъ малороссійскія губерніи брошюрами и прокламаціями на національномъ (sic) нарѣчіи, *котораго тысячи людей не понимаютъ* [1]). Такимъ образомъ, эта вдругъ родившаяся забота о малороссійской словесности является какъ бы одновременно средствомъ облегчить малороссійскому народу пониманіе обращаемыхъ къ нему заграничныхъ призывовъ къ возстанію. Я къ этому убѣжденію пришелъ недавно подъ вліяніемъ разговоровъ со свѣдущими людьми. Но раньше и я думалъ, какъ комитетъ министровъ, и даже напечаталъ у себя статью хохломана [2]).

Ну, не такъ ужъ страшно министрамъ, если и самъ кн. Мещерскій до недавняго времени страдалъ «легкомысліемъ, и легкомысліемъ притомъ злокачественнымъ» и лишь бесѣды со свѣдущими людьми излечили его отъ этого недуга, открывъ ему глаза на истинный смыслъ событій. Къ сожалѣнію, свѣдущіе люди попались кн. Мещерскому плохенькіе,—въ родѣ тѣхъ старожиловъ, которые обыкновенно никогда ничего «не упомнятъ»,—ибо, очевидно, и сами они не много въ данномъ вопросѣ смыслятъ, если могли наговорить ему такого вздору, какъ «о возрожденіи ма-

---

1) Не оговоренные курсивы вездѣ принадлежатъ мнѣ.

2) „Гражданинъ“, № 23.

лороссійскаго *шрифта*», никогда въ дѣйствительности и не существовавшаго. Но это мелочь, а вотъ болѣе важное. Сорокъ лѣтъ шло обрусеніе Украины и хотя свѣдущіе люди утверждаютъ, что цѣль оказалась уже достигнутой, но они же вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ и другое—что «національнаго нарѣчія» не понимаютъ всего только тысячи людей. Какъ извѣстно, населеніе Украины считается десятками милліоновъ, и тысячи на эту массу, право, князь, не такъ ужъ много. Если въ теченіе сорока лѣтъ весьма дѣятельная руссификація затронула только тысячи, то... предоставляю кн. Мещерскому рѣшить несложную ариѳметическую задачу: въ теченіе какого времени перестанутъ понимать украинскую рѣчь 25 милліоновъ? Не знаю, какъ его сіятельство, но лично я думаю, что сообщенныя свѣдущими людьми данныя представляютъ вовсе не такіе ужъ блестящіе и для кн. Мещерскаго благопріятные результаты. Повидимому, при такомъ положеніи дѣлъ объ «*искусственномъ* возрожденіи малороссійской словесности» не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ лицъ, въ ней нуждающихся, найдется пока еще слишкомъ достаточно. Хотя это задача и не Богъ вѣсть какая мудрая, но князь не сообразилъ, что свѣдущіе люди лишь прикидаются таковыми и, выполняя въ данномъ случаѣ роль упомянутыхъ старожиловъ, только морочатъ его,—и ему уже мерещится, что «весь образованный міръ содрагается отъ удивленія» по поводу постановленія комитета министровъ. Что князь Мещерскій содрагается – охотно этому вѣрю, но на счетъ «всего образованнаго міра» позволю себѣ весьма и весьма усомниться: «весь образованный міръ» давно уже рѣшилъ страшные для кн. Мещерскаго вопросы и какъ разъ въ обратномъ его желаніямъ смыслѣ.

Но князь Мещерскій не только самолично искупилъ свой грѣхъ,—въ томъ же номерѣ «Гражданина» онъ выпустилъ также и одного изъ свѣдущихъ людей, изъ скромности скрывшаго отъ благодарнаго потомства свое имя и подписавшагося просто Кіевляниномъ. Письмо этого послѣдняго, опубликованное кн. Мещерскимъ, вполнѣ подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о томъ, что свѣдущіе люди кн. Мещерскому попались завалящіе;

но при всемъ томъ г. Кіевлянинъ обладаетъ неоцѣненными для «Гражданина» достоинствами: онъ считаетъ себя свободнымъ отъ законовъ логики и весьма скудныя познанія относительно украинскаго вопроса вознаграждаетъ смѣлостью въ области сыска, безстрашіемъ въ изысканіи нужныхъ ему «фактовъ» и необыкновенною проницательностью, разъ дѣло касается чтенія въ сердцахъ. Кромѣ того, въ качествѣ «русскаго», а можетъ быть даже и «истинно-русскаго» человѣка, онъ обладаетъ въ силу сдѣланнаго кн. Мещерскимъ открытія по крайней мѣрѣ двумя совѣстями. Указанныя драгоцѣнныя качества свѣдущаго человѣка я сейчасъ попытаюсь подтвердить примѣрами.

Письмо г. Кіевлянина направлено по адресу уличаемаго теперь кн. Мещерскимъ въ «хохломанствѣ» бывшаго исправника, прославившагося, во-первыхъ, знаменитымъ открытіемъ пьянства и разврата среди украинскихъ дѣтей и, во-вторыхъ, ролью искусителя въ грѣхопаденіи кн. Мещерскаго. Свѣдущій человѣкъ, напечатавшій новое письмо въ «Гражданинѣ», также начинаетъ съ уличеній бѣднаго ех-исправника, вмѣстѣ съ комитетомъ министровъ, въ нѣкоторомъ легкомысліи, а затѣмъ наставительно по ихъ адресу произноситъ: «въ подобнаго рода вопросахъ не слѣдуетъ предполагать того, что можетъ случиться или не случиться, а необходимо исходить изъ того, *что есть въ дѣйствительности* и съ чѣмъ необходимо считаться». Принципъ—что и говорить—прекрасный, и г. Кіевлянинъ, въ качествѣ свѣдущаго человѣка, изъ него, конечно, только и исходитъ въ своихъ сужденіяхъ и положеніяхъ. Такъ, напр., непосредственно послѣ приведеннаго нравоученія онъ смѣло начерталъ слѣдующую программу дѣйствій «украинофильской партіи»:

Если *будетъ* оффиціально провозглашена полная свобода печатнаго употребленія малороссійскаго нарѣчія, то не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что на этомъ нарѣчіи никто не заговоритъ ни о любви къ обожаемому Монарху, ни, тѣмъ паче, о поддержаніи существующаго Самодержавнаго строя; не не ограничится малороссійское печатное слово и распространененіемъ полезныхъ для крестьянъ свѣдѣній. *Проповѣдники штунды*

и соціалъ-демократическіе агитаторы подъ разными болѣе или менѣе благообразными масками—*вотъ кто прежде всего постарается извлечь выгоды изъ предоставленной малороссійскому нарѣчію свободы. Затѣмъ будетъ переиздана* въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ (для покрытія расходовъ по изданіямъ всегда *найдутся* фанатическіе жертвователи) вся эта литература, которая появилась частью въ предѣлахъ Россіи, частью въ Галиціи за послѣдніе 40 лѣтъ, и, вдвинувшись (sic) въ сознаніе народныхъ массъ, она *сообщитъ* имъ то духовное содержаніе, какое въ себѣ заключаетъ,- не справляясь съ ожиданіями г-на Е. Ш. и даже (!) комитета министровъ.

Г. Кіевлянинъ—свѣдущій человѣкъ, ему, разумѣется, и книги въ руки, но затѣмъ же, выставивъ руководящимъ принципомъ отправленіе отъ того, что «есть въ дѣйствительности», онъ все время говоритъ въ будущемъ времени и, отрицая необходимость пророчествъ, всетаки прорицаетъ? Считаться съ законами логики обязаны вѣдь и свѣдующіе люди и потому, выставивъ извѣстное обязательное требованіе, должны и сами прежде всего ему подчиниться. Но у даннаго свѣдущаго человѣка очевидно не только двѣ совѣсти, но и двѣ логики: одна для личнаго употребленія, другая—для остальныхъ смертныхъ; постановляя обязательность для послѣднихъ отправленія отъ фактовъ, самъ онъ предпочитаетъ заниматься прорицаніями.

> Пройдетъ немного лѣтъ существованія въ предѣлахъ Россіи свободнаго малороссійскаго слова, и въ учебныхъ заведеніяхъ нашего юга, по примѣру Польши, украинской соціалъ-демократической партіей будетъ организована *забастовка* (подчеркиваетъ г. Кіевлянинъ) учащихся съ цѣлью добиться отъ правительства „національзаціи школы“ въ предѣлахъ „Украины“; потребуютъ введенія преподаванія на созданномъ въ Галиціи „украинско-русскомъ“ жаргонѣ не только въ низшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Или вотъ еще пророчество:

> Что же будетъ, если Слово Божіе будетъ облечено въ форму обыденной разговорной сельской рѣчи? Обрадуются такому „опро-

щенію священныхъ книгъ только развѣ Гапоны и ихъ присные. Благочестіе отъ этого не выиграетъ. Малороссія читала по славянски Святое Писаніе въ эпоху борьбы за православіе и осталась ему вѣрна. Съ Св. Писаніемъ на малороссійскомъ языкѣ она, пожалуй, промѣняетъ православіе на штунду.

Хорошее это дѣло пророчествовать и свѣдущій человѣкъ кн. Мещерскаго исполняетъ эту миссію краснорѣчиво, можетъ быть, и увлекательно. Но давно уже сказано, что «нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ», и если г. Кіевлянинъ вполнѣ удовлетворилъ, переубѣдилъ и даже покаянія двери отверзъ кн. Мещерскому, то для меня, какъ тоже кіевлянина, въ приведенныхъ пророчествахъ совершенно ясно видны нѣкоторыя логическія и фактическія... прорѣхи, что ли. Для меня, напр., представляется не совсѣмъ очевидной связь между свободой украинскаго слова и привиллегіей на употребленіе этого слова исключительно «проповѣдниками штунды и соціалъ-демократическими агитаторами». Разумѣется, они могутъ воспользоваться всякимъ языкомъ, въ томъ числѣ и украинскимъ, какъ орудіемъ распространенія своихъ взглядовъ, и уже теперь, не смотря ни на какія запрещенія, этимъ орудіемъ пользуются, и поступая такъ, дѣйствуютъ несомнѣнно разумно и цѣлесообразно съ точки зрѣнія практическаго удобства. Но кто же при свободѣ печати помѣшаетъ тѣмъ же орудіемъ пользоваться, напр., и самому свѣдущему человѣку или его почтенному коллегѣ, бывшему исправнику, и проводить свои взгляды? Г. Кіевлянинъ убѣжденъ въ пагубности соціалъ-демократическихъ и иныхъ ученій; онъ, разумѣется, твердо вѣритъ, что истина на его сторонѣ—и прекрасно: онъ изобличитъ «проповѣдниковъ» и «агитаторовъ», онъ докажетъ народу пагубность ихъ ложныхъ ученій, онъ въ лоскъ ихъ, что называется, уложитъ и обнаружитъ нетускнѣющее сверканіе своей собственной истины, принужденной скрываться при настоящихъ условіяхъ подъ спудомъ. Только всего вѣдь и слѣдуетъ изъ свободы украинской, какъ и всякой иной, печати. А то теперь бывшему исправнику, скажемъ, даже обидно: «проповѣдники» и «агитаторы», употребляя терминологію г. Кіевлянина, пользуются украинскимъ языкомъ, а ему, исправнику,— руки связаны, хоть

какъ, можетъ быть, чешутся: не заводить же въ самомъ дѣлѣ ему, человѣку отмѣнной благонадежности, тайныхъ типографій или печатать «Дружескія Рѣчи» по украински за границей!.. Отстаивать привиллегію «проповѣдниковъ» и «агитаторовъ» и несправедливо, и не въ интересахъ защищаемаго свѣдущимъ человѣкомъ дѣла, и, наконецъ, едва ли входитъ въ его задачи: его миссія пока прорицать. Онъ впрочемъ, и прорицаетъ далѣе, что при свободѣ печати будетъ переиздана «вся эта литература» и даже усчитываетъ большое количество ея экземпляровъ и возможные фонды на покрытіе расходовъ по изданію. Не спорю—прорицаніе, быть можетъ, хотя отчасти вѣрно, но если бы нашъ прорицатель былъ въ самомъ дѣлѣ свѣдущимъ человѣкомъ, а не однимъ изъ старожиловъ, которые «не упомнятъ», и кромѣ того познакомился со «всей этой литературой», то онъ зналъ бы, что среди нея найдутся вещи, несомнѣнно его сердцу любезныя. Въ видѣ примѣра укажу хотя бы на изданную недавно въ Кіевѣ же брошюру «Якъ Богъ штунда вразумывъ», которая какъ разъ пригодилась бы ему въ качествѣ руководства и пособія противъ «проповѣдниковъ штунды». Я опять таки не согласенъ съ пророчествомъ свѣдущаго человѣка и думаю, что много всяческаго хлама останется не переизданнымъ при самой необузданной свободѣ печати, каковая свобода не влечетъ, конечно, необходимости реставрировать всякую печатную строку независимо отъ ея достоинствъ. Но не будемъ придираться къ словамъ и допустимъ на время, что «вся эта литература», появлявшаяся «частью *въ предѣлахъ Россіи*» дѣйствительно будетъ цѣликомъ переиздана,—я всетаки не понимаю, почему свѣдущій человѣкъ отъ этого приходитъ въ ужасъ. Или карантинъ содержался не крѣпко, или цензура не смотрѣла въ оба, или постановленія 1876 г. не существовало, что эта несчастная литература и подъ невыразимымъ гнетомъ ухитрилась таки сохранить какое то ужасное «духовное содержаніе»? Свѣдущій человѣкъ не настолько, конечно, наивенъ, чтобы серьезно думать это, онъ только—прорицаетъ, же лаясоздать извѣстное впечатлѣніе. Что это такъ, доказываютъ и его дальнѣйшія прорицанія на счетъ забастовокъ, которыя свѣдущій человѣкъ предвидитъ въ будущихъ

школахъ, а также относительно роли украинскаго перевода св. писанія въ дѣлѣ распространенія штунды: здѣсь уже не безпредметныя подмигиванія, а вполнѣ опредѣленныя указанія на «Гапоновъ и ихъ присныхъ» съ цѣлью загипнотизировать, кого нужно, страшными жупелами. Но оперируя послѣдними, г. Кіевлянинъ опять забываетъ выставленный имъ же въ поученіе другимъ хорошій принципъ—исходить изъ фактовъ и въ вопросѣ относительно, напр., св. писанія допускаетъ прежде всего фактическую невѣрность: свѣдущему человѣку, и при томъ прорицателю, стыдно не знать, что Украина въ эпоху борьбы за православіе читала св. писаніе именно на родномъ языкѣ. Что же касается школьныхъ забастовокъ, то онѣ связаны не съ возможностью употребленія украинскаго языка въ печати, а съ самой школой: если послѣдняя будетъ удовлетворять населеніе и на самомъ дѣлѣ учить его, а не проводить извѣстную политику и изможлать заучиваніемъ непонятныхъ словъ на чужомъ языкѣ, то забастовки, конечно, сдѣлаются немыслимыми. Но это, снова повторяю, дѣло школы, а не печати, и если бы стать на точку зрѣнія свѣдущаго человѣка, то для прекращенія нынѣшнихъ забастовокъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдовало бы немедленно изъять изъ употребленія всю русскую литературу и истребить всѣ органы періодической печати вплоть до «Гражданина». Но только зачѣмъ же тогда школы?—вотъ вопросъ и потому, опять становясь на точку зрѣнія свѣдущаго человѣка и оставаясь послѣдовательнымъ, я предложилъ бы пойти дальше и совершенно упразднить просвѣщеніе и даже простую грамотность. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда «проповѣдникамъ» и «агитаторамъ» уже не для кого будетъ печатать свои вредныя произведенія и пропаганда умретъ естественною смертью. Но вотъ бѣда: съ нею вмѣстѣ долженъ будетъ умереть и кн. Мещерскій со своими свѣдущими и несвѣдущими соратниками...

Съ характеромъ прорицаній свѣдущаго человѣка я уже познакомилъ читателя и перехожу, поэтому, къ его соображеніямъ на счетъ современности и вообще къ фактической подкладкѣ его прорицательской дѣятельности. Отмѣтивъ «рѣдкую послѣдовательность и необыкновенное упорство», съ которыми проводятся

нѣкоторыя идеи въ произведеніяхъ украинской литературы, свѣдущій человѣкъ для уясненія этихъ идей буквально набрасывается (иного выраженія не могу подобрать) на проф. Грушевскаго за извѣстную книгу послѣдняго «Очеркъ исторіи украинскаго народа». Въ этой книгѣ—начинаетъ уже въ неприличномъ тонѣ свѣдущій человѣкъ—

> г. Грушевскій, *разсчитывая на смутное время русскаго государства, съ чрезвычайною развязностью (!) и поразительнымъ нахальствомъ (!) высказываетъ самыя затаенныя (?) пожеланія дѣятелей украинофильства.* Прочитавъ книгу г. Грушевскаго, члены комитета министровъ врядъ-ли бы рѣшились высказать, что украинофильство—явленіе наносное, и что оно не представляетъ въ настоящее время сколько нибудь серьезной опасности. Но они, очевидно, книги не читали, а потому и позволили себѣ судить такъ легкомысленно. Между тѣмъ, Михаилъ Грушевскій является въ настоящее время почти общепризнаннымъ вождемъ всей украинофильской партіи въ Галиціи и въ Россіи, а потому его мнѣнія отнюдь не его личный взглядъ на дѣло, а выраженіе понятій, чувствъ и вѣрованій всей партіи. Посмотримъ же, что онъ думаетъ.

Читатель въ правѣ ожидать, что вслѣдъ за столь грознымъ и рѣшительнымъ «посмотримъ» послѣдуетъ что-нибудь дѣйствительно ужасное,—по крайней мѣрѣ самое недвусмысленное потрясеніе основъ,—но онъ можетъ успокоиться: гора всегда раждаетъ мышь... Грозное «посмотримъ» сопровождается пересказомъ нѣкоторыхъ «затаенныхъ пожеланій», высказанныхъ въ книгѣ проф. Грушевскаго,—пересказомъ, который если и не доказываетъ, что авторъ данную книгу читалъ, то о способности его къ подтасовкамъ и умѣньи передергивать несомнѣнно свидѣтельствуетъ. Я не буду подробно слѣдить за изложеніемъ свѣдущаго человѣка, такъ какъ это было бы весьма скучнымъ занятіемъ; замѣчу лишь, что признаніе исконнаго существованія двухъ народовъ—украинскаго и великорусскаго, или мнѣніе, что «такъ называемый русскій литературный языкъ есть языкъ только великорусскій»—если и принадлежатъ къ «затаеннымъ пожеланіямъ» (что, впрочемъ, сомни-

тельно), то во всякомъ случаѣ не такія ужъ ужасныя преступленія, чтобы за нихъ непремѣнно была положена смертная казнь. Все это свѣдущій человѣкъ могъ бы почерпнуть въ любомъ ученомъ сочиненіи на соотвѣтственную тему, вышедшемъ въ Россіи и принадлежащемъ вовсе не вождю «украинофильской партіи», а просто добросовѣстному ученому. Но самый сильный аргументъ противъ книги проф. Грушевскаго г. Кіевлянинъ приберегъ къ концу:

> Что касается политическихъ идеаловъ украинофильства, то о нихъ г. Грушевскій *не имѣлъ возможности распространяться* въ своей книгѣ, изданной въ Петербургѣ, хотя и въ эпоху „довѣрія", выраженнаго всѣмъ *врагамъ России* (курсивъ оригинала) княземъ Святополкъ-Мирскимъ.

Вотъ те и на! А что жъ съ «посмотримъ», коли, оказывается, и смотрѣть то нечего? Но свѣдущій человѣкъ, обладающій совѣстью во множественномъ числѣ и дѣйствительно чрезвычайною развязностью и т. д., этимъ ничуть не смущенъ: у Грушевскаго то, положимъ, не смотря на всѣ передержки, ничего ужаснаго не оказалось изъ этихъ «политическихъ идеаловъ украинофильства»,

> но они достаточно извѣстны по сочиненіямъ другого общепризнаннаго вождя современнаго украинофильства—Ивана Франка. Этотъ писатель, *соціалъ-демократъ (!) по убѣжденіямъ* желаетъ для украинскаго народа соціалъ-демократической республики и въ своихъ сочиненіяхъ подготовляетъ (зачѣмъ же такъ мало? С. Е.) умы къ революціи, которая должна привести Украйну къ такого рода политическому строю. Нѣкоторыя его сочиненія въ послѣднее время были переизданы въ Кіевѣ (слѣдуетъ ссылка на кіевское изданіе «Збирныка творивъ». С. Е.) и будутъ еще переиздаваться и проводиться въ широкія массы народа, какъ только съ малороссійскаго печатнаго слова будутъ сняты всѣ нынѣшнія ограниченія. *Фанатическая проповѣдь* Ивана Франка...

Довольно. Какъ вамъ понравится этотъ милый пріемъ: человѣкъ обвиняетъ проф. Грушевскаго въ чемъ-то съ его точки зрѣнія чрезвычайно ужасномъ, грозно потрясаетъ оружіемъ, и, нагородивъ кучу всевозможнаго вздора, преспокойно рѣшаетъ: «г. Грушевскій не имѣлъ возможности распространяться», но проповѣдуетъ инкриминированные ужасы кто-то другой, при чемъ слѣдуетъ даже ссылка на *подцензурное* изданіе беллетристическихъ произведеній этого другого лица. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, отвѣтственъ ли проф. Грушевскій за чужое, въ данномъ случаѣ г. Франка, мнѣніе (свѣдущій человѣкъ полагаетъ, что они связаны въ нѣкоторомъ родѣ круговой порукой!), отмѣчаю эту новую передержку свѣдущаго человѣка, который, очевидно, уже «Збирныка творивъ» не читалъ, ибо если бы онъ его читалъ, то зналъ бы, что не только фанатической, но и никакой проповѣди тамъ не содержится. И несомнѣнно, рыцарю сыска извѣстно, что никакихъ разрушительныхъ идей въ подцензурномъ изданіи быть не можетъ, но ему опять таки нужно создать извѣстное впечатлѣніе въ читателѣ, загипнотизировавъ его указаніями на какую то невѣдомую опасность, и онъ для этого ни предъ чѣмъ не останавливается. Но и сказаннаго мало: подготовивъ почву передержками и извращеніями, рыцарь сыска «съ чрезвычайною развязностью и поразительнымъ нахальствомъ», употребляя его собственную характеристику, обращается уже просто къ чтенію въ сердцахъ. Онъ прочиталъ въ сердцѣ «господина Ч.», который якобы доставилъ (?) на юбилей г. Левицкаго крестьянъ въ сельскихъ одеждахъ, что это было сдѣлано именно «для созданія извѣстнаго впечатлѣнія»; съ костюма г-жи Трыльовской онъ съ легкостью мотылька перепорхнулъ на «сичи» и охарактеризовавъ ихъ самыми «бунтарскими» чертами (со словъ, замѣтьте, *польской* газеты!), проникъ затѣмъ въ тайныя намѣренія «нашихъ украинофиловъ», которые «предвидятъ (?) уже возможность организаціи ихъ (січей) и въ нашихъ югозападныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ» и, наконецъ усмотрѣлъ даже, что «Кіевская Старина» плакала уже объ ихъ «злоключеніяхъ въ австрійской Галиціи» (слѣдуетъ ссылка, по обыкно-

венію извращенная). И затѣмъ этотъ благоуханный букетъ возмутительныхъ выдумокъ, передержекъ, доносовъ и сознательной лжи достойный соратникъ кн. Мещерскаго заключаетъ восклицаніемъ: «можно себѣ представить, что дѣлалось бы въ нашихъ деревняхъ, если бы затѣи украинофиловъ осуществились! Безъ ужаса и дрожи объ этомъ нельзя даже и подумать».

Кн. Мещерскій содрагается, свѣдущій человѣкъ ужасается и въ свою очередь тоже дрожитъ... И вотъ все время, пока я велъ рѣчь объ этихъ пріятныхъ собесѣдникахъ, предо мной неотступно стоялъ какой то знакомый образъ; не поддаваясь пока опредѣленной обрисовкѣ, онъ мало по малу выступалъ все рельефнѣе и рельефнѣе, и когда я написалъ послѣднія слова свѣдущаго, слишкомъ даже, какъ оказалось, свѣдущаго человѣка, этотъ не дававшійся вначалѣ образъ сталъ предо мною во весь ростъ. Помните, читатель, сценку изъ «Растеряевой улицы» Успенскаго: продувной Прохоръ Порфирычъ обдѣлываетъ дѣла въ кабакѣ, куда ежеминутно забѣгаютъ понедѣльничающіе мастеровые, но занимаясь дѣломъ, онъ находитъ и развлеченіе въ особѣ нѣкоторой дородной цѣловальничьей бабы, съ которой ведетъ слѣдующіе діалоги:

— Ну, Малань Иванна, а въ нашемъ городѣ что же вы—пужаетесь!

— Пужаюсь!

— Пужливы?

— Страсть, какъ пужлива... Сейчасъ вся задрожу!..

— Да, дда, да... Мѣсто новое...

— Да-и, признаться, все другое... все другое... За что ни возьмись... Опять народъ горластый... Народъ горластый и опять же, чуть мало-мало, сейчасъ драка! Наровитъ, какъ бы кого...

— Въ ухо!.. Это вѣрно!.. Потому вы нѣжныя!..—покашиваясь на мастерового, ласково произноситъ Прохоръ Порфирычъ.

— Нѣжная!..

(Спустя нѣкоторое время) Прохоръ Порфирычъ... садится на прежнее мѣсто и, дѣлая папиросу, говоритъ бабѣ:

— Такъ пужаетесь?

— Пужаюсь! Я все пужаюсь...

Настаетъ молчаніе.

Такъ вы, Малань Иванна, пужаетесь все?
Все пужаюсь. Мѣсто новое!
Это такъ! Опасно!..

Все это достопочтенная Малань Иванна, съ позволенія сказать, вретъ: ничего она не «пужается», такъ какъ хорошо знаетъ что «народъ горластый» съ животишками и семействами своими зажатъ въ сильныхъ дланяхъ кабатчика и ея собесѣдника и ничего опаснаго въ сущности не представляетъ. Это просто особый видъ кокетства съ собесѣдникомъ, который въ свою очередь ея словъ, конечно, за чистую монету не принимаетъ, а поддерживаетъ разговоръ единственно изъ галантной вѣжливости и отсутствія другихъ темъ. Приведенный діалогъ весьма напоминаетъ тоже въ своемъ родѣ діалогъ кн. Мещерскаго со свѣдущимъ г. Кіевляниномъ. Сіятельный публицистъ, подобно Прохору Порфирычу, освѣдомляется: «пужаетесь молъ?»—потому: «тлѣющая вулканическая почва» и даже «весь образованный міръ содрагается», а Малань Иванна, то бишь—свѣдущій г. Кіевлянинъ, жеманно улыбаясь, передергивая и выдумывая, сейчасъ же откликается: «страсть какъ пужлива! Сейчасъ вся задрожу».—«Потому вы нѣжныя», ласково продолжаетъ князь. «Нѣжная»—млѣя произноситъ Малань Иванна... Но ни галантность Прохора Порфирыча не мѣшаетъ ему въ паузахъ приведеннаго діалога объегоривать чувствующаго потребность опохмелиться мастерового, ни тѣмъ болѣе «пужливость» и нѣжность цѣловальничьей бабы—исполнять свое спеціальное назначеніе. То же самое съ кн. Мещерскимъ и своего рода Малань Иванной, написавшей письмо князю подъ псевдонимомъ Кіевлянина: на словахъ они то «страсть пужливы» и ужасно будто бы боятся «горластаго народа», но на самомъ дѣлѣ неуклонно гнутъ свою линію и лишь другихъ «пужаютъ» «горластымъ народомъ», справедливо полагая, что чѣмъ меньше ему воли будетъ отпущено, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ зажатъ въ ихъ благородной длани. Вѣдь «весь образованный міръ», который вставленъ кн. Мещерскимъ для красоты слога, давно уже предоставилъ «горластымъ народамъ» устраи-

ваться во всѣхъ отношеніяхъ, какъ имъ удобнѣе, и никакой особенной «драки» отъ этого не происходитъ и даже совершенно напротивъ: ея тамъ гораздо меньше, нежели у насъ, гдѣ «горластому народу» горло перехвачено туго-на-туго, гдѣ на каждомъ шагу улыбаются ему гостепріимныя объятія участка, гдѣ Малань Иванна «все пужается», а Прохоръ Порфирычъ, поддакивая, все дѣйствуетъ на счетъ «прижимки»... Но вѣдь и безконечное терпѣніе «горластаго народа» можетъ, наконецъ, истощиться, и что тогда будетъ и съ Прохоромъ Порфирычемъ, и съ пужливой бабой?..

Меня, впрочемъ, мало интересуетъ этотъ вопросъ о судьбѣ Прохоровъ Порфирычей съ ихъ Маланьями, но о сумбурной дѣятельности ихъ пока, къ сожалѣнію, говорить приходится. Вотъ и еще одна Малань Иванна, подъ именемъ Ѳ. Кругового, выскочила въ «Новомъ Времени», помѣстивъ здѣсь корреспонденцію изъ Полтавы, озаглавленную многозначительно: «Изъ нашихъ *праздныхъ* вопросовъ». Чтó «Новое Время» считаетъ праздными вопросами вообще—сказать довольно трудно, такъ какъ въ этомъ «парламентѣ мнѣній» по крайней мѣрѣ семь пятницъ на недѣлѣ и такая на счетъ праздности разноголосица существуетъ, что каждый можетъ понимать ее по своему. Но въ данномъ случаѣ «праздный вопросъ» указанъ совершенно опредѣленно—это вопросъ объ украинской печати и украинскомъ языкѣ въ народной школѣ. Ссылаясь на свой опытъ—тоже, значитъ, свѣдущій человѣкъ эта нововременская Маланья, любезно сообщающая что ей уже 32 года и изъ нихъ не менѣе 26-ти прожила на Украинѣ, гдѣ будто бы даже учительствовала въ народной школѣ—она рѣшительно говоритъ, что украинскаго языка въ школы допускать не нужно. И при этомъ раздѣлываетъ подъ орѣхъ полтавское губернское земское собраніе за его постановленіе допустить на конкурсъ сельско-хозяйственныхъ книгъ также и написанныя на украинскомъ языкѣ. Повліяла на такое рѣшеніе, по мнѣнію нововременской Малань Иванны,

> конечно, обстановка, а не истинное сознаніе потребности. Горячая рѣчь извѣстнаго въ Малороссіи литератора, аплодисменты

изъ публики—какъ тутъ не подняться за «малорусскій языкъ?» Это было бы такъ не либерально! А въ наше время прослыть нелиберальнымъ гораздо хуже, нежели прослыть похитителемъ... ну, хотя бы носовыхъ платковъ И вотъ, *въ виду этихъ чисто лакейскихъ соображеній, не поднялись только истинно мужественные радѣтели народнаго блага и выразители нужды народа, не считаясь съ симпатіями толпы* [1]).

Ахъ, Малань Иванна! А еще, говоритъ, въ народной школѣ учительствовала,—воображаю, какъ она тамъ просвѣщала, если, имѣя въ виду превознести «истинно мужественныхъ радѣтелей народнаго блага», не поднявшихся за «малорусскій языкъ», на самомъ дѣлѣ обругала ихъ, приписавъ имъ «лакейскія соображенія»!.. Нечаянно какъ то наоборотъ вышло!.. Мнѣ нѣтъ нужды защищать полтавскихъ земцевъ отъ нареканій нововременской Маланьи,—они и сами это сдѣлаютъ, если найдутъ нужнымъ. Я хотѣлъ только сказать нѣсколько словъ по общему вопросу, затронутому въ корреспонденціи «Новаго Времени». Со словъ учительствовавшей Маланьи выходитъ такъ, что и въ Великороссіи, и на Украинѣ «пониманіе настоящаго литературнаго русскаго языка учащимся, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, *недоступно*». Допустимъ, что это дѣйствительно такъ, что русскій языкъ одинаково недоступенъ и великороссу, и украинцу,—выводъ, логически отсюда вытекающій, будетъ тотъ, что и въ Великороссіи, и на Украинѣ нужно языкъ школы сдѣлать доступнымъ населенію. Но Малань Иванна «все нужается» и все наоборотъ понимаетъ, а потому умозаключаетъ: въ Великороссіи литературный русскій языкъ недоступенъ школьникамъ, такъ какой же резонъ, скажите пожалуйста, дѣлать школьный языкъ доступнымъ населенію на Украинѣ,—пусть и здѣсь обучаются на недоступномъ языкѣ. О, Малань Иванна! напрасно выползли вы изъ-за перегородки растеряевскаго заведенія: тамъ для исполненія надлежащихъ функцій логики не требовалось, а на широкомъ бѣломъ свѣтѣ, даже и для корреспон-

---

[1]) «Новое Время», 10426.

дированья въ «Новое Время», она очень и очень бы не помѣшала. Но, говоритъ Малань Иванна, задача школы въ томъ именно и состоитъ, чтобы сдѣлать недоступное доступнымъ (я думалъ доселѣ,—въ сообщеніи знаній) и вотъ —

> когда народная школа доводитъ своего питомца до пониманія общерусскаго литературнаго языка, питомцу этому предоставляется такъ или иначе въ распоряженіе такое огромное духовное богатство, какъ великорусская литература; но что же преподнесетъ «малорусская литература» питомцу украинской народной школы, въ случаѣ осуществленія выраженныхъ выше вожделѣній «малорусской интеллигенціи»? Къ какому духовному богатству вы пріобщите этого несчастнаго питомца? Вѣдь нельзя же назвать литературой жалкіе плоды того худосочнаго, подражательнаго сочинительства, какое мы видимъ въ области нынѣшняго литературничанья (!) по малорусски, доступнаго всякимъ безграмотнымъ плагіаторамъ, каковыми напримѣръ являются почти всѣ «малорусскіе драматурги» (что ни для кого уже и не секретъ)...

«*Когда народная школа доводитъ* своего питомца до пониманія общерусскаго литературнаго языка»—говорите вы, достопочтенная Малань Иванна,—получаются такія то и такія то выгоды. Въ томъ то и дѣло: *когда доводитъ*, ну, а *когда не доводитъ*, что тогда получится? Въ томъ вѣдь и вопросъ состоитъ: вамъ говорятъ, что *нé* доводитъ, объясняютъ почему это такъ, а вы произвольно берете гипотетическій случай и начинаете раздѣлывать «малорусскую» литературу, заключая это слово всякій разъ почему то въ ироническія ковычки. Пустивъ, опять таки неизвѣстно почему, шпильку по адресу украинскихъ драматурговъ, Малань Иванна изъ «Новаго Времени» полагаетъ далѣе, что только украинская литература доступна «всякимъ безграмотнымъ плагіаторамъ». Смѣю увѣрить ее, что это заблужденіе: убѣдиться она можетъ, не заглядывая даже на Никольскій рынокъ, а только внимательнѣе присмотрѣвшись къ своимъ товарищамъ по «Новому Времени», среди которыхъ красуется такая, напр., крупная въ этомъ отношеніи величина, какъ г. Энгельгардтъ... На счетъ же худосочія, жалкихъ

плодовъ и т. п. можно бы посовѣтовать нововременской Малань Иваннѣ, свести знакомство хотя бы со свѣдущимъ человѣкомъ изъ «Гражданина»: тотъ по крайней мѣрѣ въ рукахъ подержалъ нѣкоторыя изъ украинскихъ книгъ и могъ бы на худой конецъ ихъ заглавія для просвѣщенія своей нововременской союзницы привести.

И еще нѣсколько словъ по адресу этой союзницы. Во второй части своей корреспонденціи съ цѣлью доказать, что «всѣ ламентаціи друзей «малорусскаго языка» и малорусскаго народа неискренни и безпочвенны» она очень длинно излагаетъ совсѣмъ не интересный эпизодъ съ выпиской нашего журнала въ полтавскую общественную библіотеку. Эпизодъ, повторяю, ничего особеннаго не представляетъ, но и въ немъ Малань Иванна ухитрилась таки найти доводъ противъ свободы украинской печати. Дѣло выходитъ такъ, что «Кіевская Старина» является «единственнымъ пока въ Россіи органомъ на *«малороссійскомъ языкѣ»*, такъ какъ *«почти весь* заполняется повѣстями, разсказами, драмами и пр., написанными исключительно по-малорусски». Между тѣмъ, оказывается, въ Полтавѣ, «сердцѣ Малороссіи, колыбели малорусской интеллигенціи» «Кіевская Старина» очень мало читается. «Нужны ли къ этому еще какіе-либо комментаріи?» съ побѣдоноснымъ видомъ спрашиваетъ Малань Иванна. Безусловно нужны, достопочтенная!.. Я не буду говорить о томъ, заполняется ли вся или почти вся «Кіевская Старина» украинскими произведеніями,—это читатели и сами хорошо знаютъ и, вѣроятно, они согласятся, что Малань Иванна и въ рукахъ «Кіевской Старины» не держала; охотно соглашаюсь и съ тѣмъ, что «Кіевская Старина» не имѣетъ широкаго распространенія, и даже представлю нѣкоторыя «комментаріи» на этотъ счетъ. «Кіевская Старина» является прежде всего спеціальнымъ органомъ; беллетристика и вообще статьи по текущимъ вопросамъ, въ силу узкой спеціальной программы нашего журнала, находятъ въ немъ мѣсто лишь въ видѣ исключенія, а вовсе не заполняютъ его. Малань Иванна, въ качествѣ простой цѣловальничьей бабы, можетъ быть, удовлетворилась бы исключительно беллетристикой, но широкая публика требуетъ прежде всего и ши-

рокой общественной программы, какой при настоящихъ условіяхъ печатнаго слова въ Россіи не можетъ имѣть спеціальный журналъ. Въ наше время только такое изданіе (совершенно независимо отъ языка) можетъ разсчитывать на значительный успѣхъ, которое не лишено возможности быстро и своевременно реагировать на всѣ насущные вопросы, выдвигаемые жизнью. Въ этомъ отношеніи «единственный пока въ Россіи органъ на малороссійскомъ языкѣ», какъ угодно было назвать «Кіевскую Старину» нововременской Малань Иваннѣ, совершенно безсиленъ, и здѣсь то и лежитъ главнымъ образомъ причина того, что интересуется имъ сравнительно узкій кругъ читателей. Не «Кіевская Старина» и не публика въ этомъ повинны, а исключительно общія условія нашего существованія, заключившія насъ въ узкія рамки опредѣленной программы и изъ этихъ рамокъ не позволяющія выходить. «Кіевская Старина», какъ и всякое иное изданіе, могла бы разсчитывать на широкое распространеніе только въ томъ случаѣ, если бы она могла удовлетворять всѣ запросы своихъ читателей, а послѣднее въ свою очередь обусловлено возможностью касаться всѣхъ вопросовъ и вести весь журналъ на украинскомъ языкѣ; пока же этого нѣтъ, до тѣхъ поръ напрасны всѣ попытки возвести успѣхъ или неуспѣхъ «Кіевской Старины» на степень какого-то общаго правила или типическаго для всей украинской журналистики явленія. Когда будемъ имѣть украинскую журналистику, тогда и видно будетъ, на успѣхъ или неуспѣхъ она обречена,—о чемъ имѣю честь поставить въ извѣстность не нуждающуюся въ комментаріяхъ Малань Иванну.

Не ей, конечно, а людямъ, способнымъ мыслить логично и не торжествовать заранѣе, я рекомендовалъ бы прислушаться къ голосу писателя-*великоросса* въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» («еда и Саулъ во пророцѣхъ»? спроситъ, быть можетъ, читатель, помнящій прежнюю позицію этого органа въ украинскомъ вопросѣ). «Ржавыя цѣпи» называется этотъ голосъ и повѣствуетъ онъ о тѣхъ цѣпяхъ, которыя

до сихъ поръ тяготѣютъ надъ украинской литературой. До сихъ поръ, словно безсрочная каторжанка, украинская литература то-

мится подъ гнетомъ подозрѣнія и недовѣрія, вычеркнувшихъ ее оффиціально изъ списка живыхъ. Оффиціально она присуждена къ гражданской смерти въ Россіи.

Литература цѣлаго многомилліоннаго народа, цѣлый классъ писателей обречены на небытіе однимъ росчеркомъ казеннаго пера.

Обрубить вѣтви—не значитъ еще уничтожить корень. Корень живъ и поломанные побѣги, грубо обрубаемая завязь по сю сторону даетъ зелень и цвѣтъ по ту сторону—за рубежомъ.

Цѣпи и гнетъ надъ мыслью никогда не приносили желательныхъ для реакціонеровъ результатовъ. Цѣпи и гнетъ надъ языкомъ всегда были и будутъ безсильны задержать его развитіе. Если не здѣсь, то тамъ. Результаты только скажутся здѣсь, т. е. въ Россіи.

И они уже сказались на Украйнѣ.

Сказались въ безграмотности народа, сказались въ той малой успѣшности школъ, призванныхъ обучать населеніе не на родномъ ему языкѣ, въ равнодушіи къ этой школѣ, явившейся не близкой, родной, а холоднымъ, оффиціальнымъ учрежденіемъ.

Школа-школой, но внѣшкольное образованіе не менѣе необходимо для народа.

Можно-ли говорить о немъ, когда даже Библія на украинскомъ языкѣ еще нѣсколько дней назадъ считалась вреднымъ, запретнымъ чтеніемъ. Позоръ такой регламентаціи теперь смытъ.

Онъ сознанъ. Должно быть сознано также и другое великое зло, проведенное въ жизнь съ чисто средневѣковой жестокостью.

Это зло—смертный приговоръ, объявленный цѣлой литературѣ и замѣненный безсрочной каторгой и кандалами.

Можемъ-ли мы, русскіе писатели, хотя и поставленные сами въ положеніе поднадзорныхъ, спокойно и равнодушно смотрѣть на положеніе нашихъ братьевъ, не смѣющихъ выразить свою мысль и воплотить ее въ образы на родномъ языкѣ? Гоненія на мысль испытала русская литература въ полной мѣрѣ и вышла изъ всѣхъ гоненій побѣдительницею.

Она добивается теперь, вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, свободы своего слова. Но она не можетъ, не смѣетъ забывать ни на минуту, что тутъ же бокъ-о-бокъ съ ней томится въ не-

волѣ ея младшая сестра. Сестра по невзгодамъ, по несчастью, которая молчаливо страдаетъ и рвется тоже на волю. У нея отнято все: даже сложить пѣсню на родномъ языкѣ ей не дозволено, даже перевести Пушкина нельзя. Впрочемъ, иногда бываетъ и можно — все зависитъ отъ произвола. И тяготѣетъ онъ не только надъ мыслью, но и надъ языкомъ, надъ начертаніями буквъ.

Все подъ опекой: языкъ, слово, мысль, инициатива.

Украинская литература, давшая Шевченка, заявила предъ міромъ о своей жизнеспособности.

Украинская литература въ Галиціи выдвинула рядъ молодыхъ, яркихъ силъ. Вычеркнуть все это изъ списка живущихъ можетъ только близорукое самодовольство.

О литературномъ признаніи права на свое существованіе теперь украинской литературѣ уже не приходится хлопотать. Времена исполнились. Литературный споръ оконченъ.

Онъ былъ оконченъ именно тогда, когда выступило на сцену оффиціальное отрицаніе ея правъ на существованіе.

„Сепаратизмъ“, „польская интрига“ явились устрашающими жупелами. Дальновидные политики видѣли ихъ въ украинской литературѣ.

Литература взята была въ подозрѣніе. Инквизиція наряжала свое слѣдствіе, секретно ставила свои приговоры, отсѣкая молодые ростки, задерживая искуственно ихъ ростъ.

Въ законѣ нѣтъ и не было никакихъ ограниченій. Ихъ создали рядъ циркуляровъ и секретныхъ повелѣній. Создаются временныя мѣры. Временныя мѣры, какъ часто на Руси, обращаются въ постоянныя и около полувѣка являются единственными руководительницами ретивыхъ исполнителей закона, тайно сочиненнаго въ канцеляріяхъ.

Временныя политическія обстоятельства давно уже миновали.

Исчезли жупелы „сепаратизма“ и „интриги“, такъ смущавшіе сонную благодать петербургскихъ сановниковъ, но временныя мѣры остались во всей силѣ до сихъ поръ. Даже хуже.

Въ концѣ концовъ наслоеніе дошло до того, что сами малороссіяне „изъ засѣдавшихъ въ цензурномъ комитетѣ“ пришли

къ заключенію, что малороссійскій языкъ есть своего рода эсперанто, т. е. есть языкъ выдуманный и сочиненный нѣкоторыми малороссами и въ особенности поляками.

Драгоцѣнное лингвистическое разысканіе хотя и не нашло поддержки въ академіи наукъ, но было возведено на степень аксіомы. Оставалось ее запротоколить и сообщить къ свѣдѣнію и руководству. Министерству народнаго просвѣщенія съ краской стыда, хотя и съ весьма малымъ рвеніемъ, пришлось отпарировать невѣжественную аксіому, возводившуюся въ перлъ созданія, и заявить, что если гоненія на мысль еще допустимы, то гоненія на языкъ совсѣмъ уже не выдерживаютъ критики.

Валуевъ же находилъ „въ видахъ политическихъ", что все допустимо и всѣ прекрасны средства. Самое же распрекрасное—острастка. Она и начинается по всѣмъ флангамъ.

Съ измышленіемъ нѣкоторыхъ малороссовъ и поляковъ—„съ украинскимъ языкомъ церемониться нечего". На „измышленный языкъ" прямо преступно переводить священныя слова Библіи и вообще нельзя ничего переводить.

Такимъ образомъ, поставивъ во главу угла невѣжественное мнѣніе о происхожденіи украинскаго языка, утвердивъ его на пьедесталѣ непогрѣшимости, легко было „тащить и не пущать".

Ошибки всегда возможны.

Валуеву и Каткову нужно было сознательно завѣдомую ошибку возвести на степень истины. Сознательная грубая ошибка породила рядъ такихъ же печально грубыхъ слѣдствій. Они привели къ тому, что стерли по возможности всѣ проявленія жизни въ украинской литературѣ. Признавъ, что съ несамостоятельнымъ языкомъ нечего церемониться, начали безцеремонно обращаться и съ произведеніями языка. Произведенія на измышленномъ языкѣ были признаны ненужными. Но такъ какъ писателей не перевести разомъ, создавшуюся уже литературу не свести однимъ почеркомъ пера на нѣтъ, то были приняты мѣры измора.

Писателямъ нужна арена, аудиторія. Арена была уничтожена. Съ 1863 года до сихъ поръ не было разрѣшено ни одного журнала въ Россіи на украинскомъ языкѣ. Было запрещено и печатное изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ, за исключеніемъ беллетристики и историческихъ документ-

товъ. Кромѣ того, поставлено условіемъ при печати не допускать никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія. Академія наукъ, однако, нашла это запрещеніе вполнѣ не научнымъ и въ своихъ изданіяхъ при цитатахъ малороссійскаго языка не придерживается этого „ученаго" предписанія.

Повелѣніемъ 1876 года запрещенъ также ввозъ изъ-за границы всѣхъ книгъ на украинскомъ языкѣ, безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, запрещены сценическія представленія [1]) и даже печатаніе текста къ „музыкальнымъ нотамъ".

Цензура, дѣйствующая и пресѣкающая, пошла еще дальше и породила цѣлый рядъ произвольныхъ отклоненій, усиленій и ослабленій, въ зависимости отъ личныхъ лишь взглядовъ цензоровъ. Создалось нѣчто странное. Создался заколдованный кругъ. Въ центрѣ его дышащая на ладонъ, но не умирающая, мечтающая о лучшей долѣ литература, въ периферіи—сугубая стража, зорко слѣдящая за всякимъ проявленіемъ жизни и недоумѣнно вопрошающая: какъ быть съ преступницей, не умирающей, несмотря на всѣ плети, кандалы и скорпіоны, но всечасно подающей надежды на долгую жизнь?!

Бóльшихъ терзаній, какія выпали на долю украинской литературы, не измыслить. И пыткамъ, и жестокостямъ есть предѣлъ. Нѣтъ его только для жизни духа. Все передъ ней никнетъ, нѣмѣетъ. Идти дальше въ томъ же направленіи цѣпей и терзаній—некуда. Сорокъ лѣтъ создали сплошной кошмаръ и для опекаемыхъ, и для опекуновъ.

Нужно сдѣлать нѣчто въ другомъ направленіи. И это другое направленіе такъ ясно, такъ просто.

Частично вопросъ уже рѣшенъ дозволеніемъ перевода Священнаго Писанія. Необходимо покончить съ ложью, опутывавшей жизнь милліоновъ. Покончить же съ съ нею такъ просто и такъ легко: нужно раскаяться въ старомъ и начать жить по новому.

---

[1]) Разрѣшаемыя условно.

А это значитъ, въ данномъ случаѣ, только сдать въ архивъ „лингвистическія истины“ Валуева и замѣнить ихъ дѣйствительно научными.

Признать, что малорусскій языкъ не измышленіе нѣсколькихъ хохловъ и поляковъ, а живой языкъ чуждой сепаратизма народности.

Давленіе, а не свобода, пробуждало въ дѣйствительности сепаратистическія стремленія [1])...

«Ржавыя цѣпи» —это характеристика съ другой стороны тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя кн. Мещерскому представляются «не взбаламошными и не фанатичными, а разумными». На чьей сторонѣ правда—думаю, нечего распространяться. Вполнѣ ясно, конечно, что давленіе, а не свобода, возбуждаетъ всѣ эти проклятые, до сихъ поръ, не смотря на всю ихъ элементарную простоту—не рѣшенные вопросы, иначе у насъ никакихъ вопросовъ давно бы уже не существовало, ибо чѣмъ-чѣмъ, а избыткомъ свободы мы не избалованы и въ давленіи никогда недостатка не ощущали. А между тѣмъ не только не воцарился мертвый покой, какъ хотѣли бы того всевозможные Прохоры Порфирычи съ Малань Иваннами, но вопросы все растутъ и растутъ, надвигаются цѣлыми тучами, все усложняясь и грозя всю нашу жизнь, все существованіе цѣлой страны обратить въ одинъ сплошной, огромный вопросительный знакъ... Выходъ изъ этого положенія—и общій, и спеціальный для насъ, украинцевъ,—указанъ вполнѣ опредѣленно; подчеркиваетъ его и опубликованная въ «Сынѣ Отечества» записка кіевской интеллигенціи «О нуждахъ украинской печати», ставящая нашъ вопросъ на почву, общую всѣмъ вопросамъ.

Если положеніе печати въ Россіи,--говоритъ записка,--вообще тягостно, то положеніе печати украинской—совершенно невыносимо; если руская печать испытываетъ на себѣ всѣ послѣдствія безправія, административнаго произвола и вынужденнаго молчанія о самыхъ насущнѣйшихъ вопросахъ жизни, то украинская уже и вовсе

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, № 8715.

лишена возможности касаться какихъ бы-то ни было жизненныхъ вопросовъ. Она уже издавна ограничена въ правахъ на существованіе и съ 1863 г. обречена на искорененіе. Въ силу извѣстнаго распоряженія 18—30 мая 1876 г. текущая литература на украинскомъ языкѣ *воспрещена вовсе*, за исключеніемъ произведеній изящной словесности. Но лицамъ, призваннымъ вершить судьбы печатнаго слова въ Россіи, даже и эта узкая сфера дѣятельности показалась слишкомъ широкой для украинской печати, и цѣлымъ рядомъ канцелярскихъ распоряженій запрещено было изданіе всякихъ періодическихъ органовъ, печатаніе переводовъ, книгъ для дѣтскаго чтенія, хотя бы и беллетристическихъ; дѣлались даже распоряженія о запрещеніи всякой значительной по объему или отличающейся литературными достоинствами книги, хотя бы она относилась и къ изящной словесности. Всѣмъ этимъ украинскіе писатели поставлены были внѣ возможности работать у себя дома,—они вынуждены были перенести свою дѣятельность заграницу, въ тотъ уголокъ родной земли, который является составной частью сосѣдняго нѣмецкаго государства, предоставившаго необходимую свободу для развитія славянской литературы, изгнанной изъ государства славянскаго. Галицкія украинскія изданія заполнялись произведеніями, принадлежащими уроженцамъ россійской Украйны; галицкія украинскія учрежденія получали оттуда же матеріальную поддержку въ видѣ достигающихъ значительной суммы капиталовъ, въ разное время переданныхъ туда для развитія дѣятельности этихъ учрежденій въ пользу хотя небольшой части родного народа. Такимъ образомъ былъ созданъ новый культурный центръ украинской жизни во Львовѣ, куда ушли всѣ эти литературныя и научныя работы, всѣ эти капиталы, только потому, что они не могли найти приложенія у себя дома, гдѣ по условіямъ мѣста могли бы принести наибольшую пользу.

Конечно, работа хотя бы и для небольшого уголка родной земли, какимъ являются украинская Галиція и Буковина, даетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе украинскимъ дѣятелямъ; но оно ничтожно по сравненію съ тѣмъ чувствомъ невыразимой боли, которая охватываетъ ихъ при взглядѣ на положеніе родного народа здѣсь, дома. Они видѣли, что народъ лишенъ един-

ственно возможнаго для него средства просвѣщенія—школы и книги на родномъ языкѣ; они были свидѣтелями того безпощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе родной страны въ безпросвѣтный мракъ невѣжества. Духовныя творческія силы народа замирали; падала его культура; онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагопріятными соціальными и экономическими условіями, доводившими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста наглухо закрыты: у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди родного народа безправными изгнанниками, нѣмыми свидѣтелями совершающагося...

Не въ силахъ болѣе терпѣть этого порядка вещей, мы, возвышая свой голосъ въ защиту попранныхъ началъ правды, права и самой элементарной справедливости, требуемъ возвращенія намъ родины, отнятой у насъ. Полная отмѣна всякихъ ограниченій, спеціально созданныхъ для нашего родного слова, уравненіе украинской литературы въ правовомъ отношеніи съ литературами всѣхъ другихъ народовъ, возможность пользоваться роднымъ языкомъ во всѣхъ отрасляхъ литературы и науки, въ книгахъ и періодической прессѣ,—вотъ требованія, которыя настоятельно ждутъ своего осуществленія. Всякая частичная отмѣна дѣйствующихъ въ настоящее время ограниченій, всякія полумѣры въ этомъ направленіи не могутъ явиться удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ больного вопроса и будутъ приняты всѣмъ сознательнымъ украинскимъ обществомъ, какъ продолженіе той же политики, столь дорого оплачиваемой народомъ и столь долго вызывавшей и обострявшей недовольство и раздраженіе всѣхъ классовъ населенія. Твердо въ то же время вѣря, что лишь свободная печать можетъ выполнять съ успѣхомъ трудное и отвѣтственое дѣло служенія родной странѣ, мы присоединяемся къ тѣмъ пожеланіямъ, которыя достаточно ясно выражены уже общественнымъ мнѣніемъ всей мыслящей Россіи—къ пожеланіямъ освобожденія печатнаго слова, безъ различія языка, отъ гнета

предварительной цензуры и всякаго иного неправомѣрнаго вмѣшательства въ сферу духовной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что это соотвѣтствующее великимъ задачамъ и достоинству печатнаго слова положеніе можетъ быть обезпечено лишь созданіемъ такихъ условій общественнаго правопорядка, при которыхъ сдѣлается возможнымъ участіе свободно избранныхъ всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ народныхъ представителей въ осуществленіи законодательной власти [1]).

Кромѣ приведенныхъ— единичнаго и коллективнаго—заявленій, можно указать цѣлый рядъ подобнаго же рода статей, извѣстій и замѣтокъ [2]), которыя освѣщаютъ различныя стороны украинскаго вопроса и съ несомнѣнностью устанавливаютъ одно положеніе: пора уже прекратить прежнюю политику отношеній къ украинскому народу и его насущнымъ потребностямъ, создавъ при этомъ прочныя основы такого правопорядка, который бы гарантировалъ невозможность повторенія подобныхъ отношеній въ будущемъ. Къ сожалѣнію, и данный вопросъ не вышелъ еще изъ

---

[1]) «Сынъ Отечества», № 21 (перепеч. въ „Полтавщинѣ", № 84). Записка подписана свыше, чѣмъ 100 лицами, но сверхъ того почти каждый свѣжій номеръ „С. О." приноситъ все новыя и новыя подписи, общее число которыхъ въ настоящее время доходитъ до 1000.

[2]) «Краткій очеркъ изъ исторіи отношеній русскихъ цензурныхъ законовъ къ украинской литературѣ» Ник. Фабриканта, «Русская Мысль, кн. III»; «Малорусская цензура» проф. Сумцова, «Русскія Вѣдомости», № 73; «Къ украинскому вопросу» О. Крыжановскаго, «Сынъ Отечества», № 27; «О такъ называемомъ украинофильствѣ» И. Стешенка, «Кіевскіе Отклики», № 84; «Украинскій вопросъ въ освѣщеніи «Гражданина» И. Стешенка, „Кіевскіе Отклики", № 89; „Голосъ изъ села" Сельскаго священника, „Полтавщина", № 78 (перепечатка въ № 91 „Кіевскихъ Откликовъ" подъ заглавіемъ: „Къ характеристикѣ украинскаго села въ настоящее время"); „Къ вопросу о малороссійской печати" Н. Глинюка, „Елисаветградскія Новости", № 4444; „Странное мѣсто" Б. Гринченка, „Южныя Записки", № 12; „Украинофилы" И. Стешенка, „Южныя Записки", № 13 и др.

области пожеланій, заявленій и резолюцій, не вступилъ въ зону дѣла, не воплотился въ какія-либо мѣропріятія практическаго характера: все остается по-старому и ничего не измѣнилось, хотя кн. Мещерскій и «пужается» той «быстрой работы мысли», какую будто бы проявляють органы бюрократическаго управленія... Въ отношеніи неизмѣняемости положенія мы раздѣляемъ общую долю всей Россіи, безвозвратно утратившей уже всякое довѣріе къ заявленіямъ бюрократіи и всякую надежду на благополучное разрѣшенія вопіющихъ вопросовъ путемъ всевозможныхъ бюрократическихъ коммиссій, совѣщаній и т. п. Лучшимъ образцомъ «быстрой работы» бюрократической мысли служитъ обѣщанная въ рескриптѣ 18 февраля общая реформа, до сихъ поръ покрытая полною таинственностью и непроглянымъ мракомъ неизвѣсности.

Раскрѣпощеніе во всѣхъ отношеніяхъ многострадальнаго населенія Россіи продолжаетъ, слѣдовательно, оставаться вопросомъ, вокругъ котораго группируется все, что есть лучшаго въ странѣ. Но участвуя въ разрѣшеніи этого общаго вопроса, который, конечно, есть «всѣмъ вопросамъ вопросъ», невозможно забывать также о существованіи и другихъ вопросовъ, хотя имѣющихъ болѣе частное значеніе, но тѣмъ не менѣе охватывающихъ интересы громадныхъ группъ населенія и потому требующихъ немедленнаго рѣшенія,—таковы вопросы: рабочій, крестьянскій, національный и др. Возложить все упованіе свое на то, что «баринъ къ намъ пріѣдетъ, баринъ насъ разсудитъ»—было бы трудно поправимой въ будущемъ ошибкой, ибо и баре бываютъ разные: иной только и умѣетъ, что зуботычины во всѣ стороны раздавать, а какой же это, скажите пожалуйста, судъ--зуботычина?.. Чтобы устранить возможность появленія «барина» съ наклонностью къ зуботычинамъ въ какую бы то ни было сторону, должны быть поставлены одновременно и въ связи съ общимъ вопросомъ на разрѣшеніе и всѣ частные вопросы болѣе серьезнаго значенія, къ какимъ относится и вопросъ національный. Для всякаго вѣдь очевидно, что въ національномъ отношеніи Россія вовсе не представляетъ собой однороднаго тѣла, а напротивъ—

соединеніе многихъ національностей [1]), изъ которыхъ каждая обладаетъ собственной духовной организаціей, языкомъ, культурой

---

[1]) Привожу, кстати, по переписи 1897 г. («Русскія Вѣдомости», № 88, ст. «Къ вопросу дня») свѣдѣнія объ этнографическомъ составѣ населенія Россіи, располагая народы въ убывающемъ порядкѣ по ихъ численности.

	Число жителей обоего пола.		% къ общему числу населенія Россіи.
Великороссы . . .	55,667,469	или	44,30
Украинцы	*22,380,551*	„	*17,31*
Поляки.	7,931,307	„	6,31
Бѣлоруссы.	5,885,547	„	4,68
Евреи	5,063,156	„	4,03
Киргизъ-Кайсаки.	4,084,139	„	3,21
Татары	3,737,627	„	2,97
Нѣмцы	1,790,489	„	1,42
Башкиры и тептери	1,439,136	„	1,25
Латыши	1,435,937	„	1,14
Грузины, имеретинцы и мингрельцы	1,336,448	„	1,06
Литовцы.	1,210,510	„	0,96
Армяне	1,173,096	„	0,93
Молдав. и румыны	1,121,669	„	0,89
Мордва	1,023,841	„	0,81
Эсты	1,002,738	„	0,80

Каждая изъ остальныхъ народностей, которыхъ насчитывается по оффиціальнымъ даннымъ свыше 20, составляетъ группу менѣе, чѣмъ въ милліонъ человѣкъ обоего пола.

Данная для украинцевъ цыфра—22,380,551 едва ли показываетъ истинную численность нашего народа. Дѣло въ томъ, что національность по переписи 1897 г. опредѣляется на основаніи показаній о родномъ языкѣ, а въ этомъ послѣднемъ отношеніи было много вольной и невольной путаницы. Мнѣ лично, напр., извѣстны случаи, когда лица, завѣдывавшія переписными участками, заполняли соотвѣтственную рубрику совершенно произвольно. Я не говорю уже о нормальномъ приростѣ населенія въ періодъ, истекшій со времени послѣдней переписи;

и тому подобными особенностями, и въ зависимости отъ этого имѣетъ и собственные интересы и потребности. На громадномъ пространствѣ нынѣшней Россіи бокъ-о-бокъ живутъ народы, отличающіеся какъ отъ государственнаго великорусскаго племени, такъ и другъ отъ друга болѣе или менѣе значительными особенностями, въ настоящее время совершенно игнорируемыми централистической системой управленія. Естественно желать, чтобы такое игнорированіе отсутствовало въ будущей Россіи, государственное устройство которой должно поэтому основываться на совершенно иныхъ началахъ, не производя дѣленія гражданъ по народностямъ на «любимчиковъ» и «постылыхъ», какъ Щедринская мамаша, а одинаково участливо и заботливо относясь къ интересамъ и нуждамъ всѣхъ національностей. Оставить въ неприкосновенности или отстрочить рѣшеніе національнаго вопроса—значило бы въ значительной степени ослабить значеніе государственнаго переустройства и создать въ будущемъ возможность новой борьбы, которая въ конечномъ счетѣ привела бы къ тому же угнетенію слабѣйшихъ націй, которое составляетъ одну изъ язвъ современной Россіи. «Самая либеральная конституція для народа-хозяина,—справедливо замѣчаетъ «Восходъ»,—если ею обдѣлены будутъ прочія народности имперіи, не установитъ, конечно, мира и согласія. Этотъ миръ можетъ быть достигнутъ только признаніемъ всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ населенія имперіи, равноправными строителями русской земли, равноправными хозяевами ея» [1]). Что такое сознаніе не принадлежитъ исключительно заинтересованнымъ группамъ, а является общепризнаннымъ среди довольно широкихъ круговъ общества,—это доказывается хотя бы резолюціей, принятой предварительнымъ совѣщаніемъ столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, состоявшимся 3--4

этотъ приростъ г. М. Русовымъ (см. „Діло“, № 66) исчисляется въ 2,870,000, считая $1^1/_2\%$ въ годъ на 23,375,301,—цыфру, принимаемую упомянутымъ изслѣдователемъ за минимальное число украинцевъ въ Россіи.

[1]) Цит. по газетѣ „Сынъ Отечества“, № 38.

марта въ Петербургѣ. Пунктъ шестой этой резолюціи касается именно національнаго вопроса и предлагаетъ слѣдующую его формулировку:

> Собравшіеся представители печати считаютъ необходимымъ проводить въ сознаніе всего населенія принципъ полнаго гражданскаго равноправвія всѣхъ народностей и признанія за каждой изъ нихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе [1]).

Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ является то, что такая резолюція принята именно собраніемъ журналистовъ. Хотя «шестая великая держава»—печать у насъ и въ большомъ загонѣ, тѣмъ не менѣе она все-таки представляетъ сильное орудіе распространенія истины и справедливости. На обязанности дѣятелей печати лежитъ, поэтому, освѣщеніе и подробная разработка тѣхъ практическихъ выводовъ, которые могутъ и должны быть сдѣланы изъ приведенной—по необходимости слишкомъ общей, а потому и недостаточно опредѣленной — формулировки національнаго вопроса. Нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи, при томъ касающіяся непосредственно украинскаго вопроса, были уже сдѣланы въ печати за послѣднее время. Но о нихъ въ слѣдующій разъ.

Сергій Ефремовъ.

---

[1]) „Сынъ Отечества", № 20.

Кромѣ того, двухнедѣльная «Научная хроника» *(И. Брусиловскій)* и Библіографія.

Въ первыхъ вышедшихъ десяти книжкахъ за 1905 годъ были помѣщены прозведенія слѣдующихъ авторовъ: *И. Бѣлконскаго*, *Каз. Баранцевича*, *В. Брусянина*, *Ведребисели*, *Житецкаго*, *Вл. Короленко*, *С. Лисенко*, *Л. Личкова*, *М. Лучицкой*, *Лотоцкаго*, *М. Моргулиса*, *проф. Овсянико-Куликовскаго*, *Т. Осадчаго*, *А. Петрищева*, *С. Протопопова*, *А. Серафимовича*, *Слѣпцова*, *И. Стешенко*, *А. Федорова*, *Ф. Щербины*, *А. Черевковой*, *Александра Яблоновскаго* и мн. др.

Письма изъ Петербурга *Александра Яблоновскаго*, изъ Москвы *В. Массальскаго*, изъ Галиціи *П. Стояна*, объ одесскихъ городскихъ дѣлахъ *С. Лазаровича*.

Въ областномъ отдѣлѣ были напечатаны:

Кавказскія письма *Ф. Щербины*, Кіевскія письма *А. Петрищева*, *Ал. Саликовскаго*, Волынскія письма *Дм. Марковича*, Крымскія письма *А. Михайлова*, *Ал. Кондури*, письма изъ Закавказья и Кавказа *Г. Туманова*, *Ев. Баранова*, *Я. Генджіана*, *В. Герценштейна*, изъ Таврической губ. *М. Неручева*, *А. Ельяшевича*, изъ Полтавской губ. *М. Сосновскаго*, *М. Рклицкаго*, изъ Черниговской губ. *Ив. Соколовскаго*, *М. Могилянскаго*, *Н. Быховскаго*, изъ подольской губ. *О. Зновицкаго*, *Ал. С—каго*, изъ Екатеринославской губ. *С. Балабухи*, *И. Сокола*, письма изъ Бессарабіи *Сельскаго Жителя*, *Г. Ногачевскаго*, *М. Степанова*, изъ Пріазовья *П. Сурожскаго*, изъ Херсона *Гр. Сьогобочняго*, изъ Курска *Г. Звягинцева*, изъ Черноморской губ. *Н, П.*, изъ Николаева *Сав. Семеновичъ*, изъ Батума, Ялты, Симферополя. Екатеринодара и пр.

Условія подписки: На годъ—6 руб., полгода—3 руб., на три мѣсяца—1 руб. 50 коп. Народнымъ учителямъ, земскимъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за 4 руб. въ годъ, за 2 руб. въ полгода и за 1 руб. на три мѣсяца. Въ розничной продажѣ цѣна номера 15 коп.

Въ виду того, что разошлись есѣ номера за январь мѣсяцъ, подписка принимается только съ февраля (съ № 6).

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ“: *Одесса, Троицкая ул. № 26.*

ковой, пер. *М. Троповской*. III. Самъ по себѣ—*Н. И. Тишковскаго.* IV. Петръ Каменциндъ. *Гер. Гессе*. пер.—*Н. К.* оконч. V. „Герой“ убитъ.—*Л. Н. Тычино*. VI. Изъ послѣднихъ новеллъ Артура Шницлера. Слѣпой Іеронимо и его братъ—пер. *S. W.* VII. На родину.—*Г. Вилліама*. VIII. Стих.—*А. Тулубьева*. XI. Изъ муницип. жизни въ Германіи—*В. Я. Канеля*, прод. X. Записки о народ. чтеніяхъ—*Л. К.* XI. Персія и персид. вопросъ въ Англ. политикѣ—*М. К. П.* оконч. XII. На зарѣ свободы—*А. А. Кузеветтера*. XIII. Къ исторіи русской идейной поэзіи.—*Юр. Веселевскаго*. XIV. Книга въ деревнѣ.—*А. Смирнова*. XV. Литер. дебюты А. П. Чехова—*В. В. Каллаша*. XVI. Краткій очеркъ изъ исторіи отношеній рус. цензур. законовъ къ украин. литературѣ—*Ник. Фабриканта*. XVII. Потреб. общ. въ Бельгіи *В. Ѳ. Тотоміонца*. XVIII. Жур обозр. XIV. Внутр. обозр. XX. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XXI. Управ город. училищами въ Москвѣ—*М. П. Щепкина*. XXII. Библіогр. XXIII. Объявлен.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апр. 1 іюля, 1 окт. по 3 руб. при непосред. обращеніи въ к-ру или ея отд. Цѣна отд. нумера съ переу. 1 р. 30 к. книгопрод. дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго экземпляра. Подписка принимается въ Москвѣ въ к-рѣ журнала: Ваганьк. пер. д. Куманина. Въ СПБ. въ Варшавѣ, Вильнѣ въ кн. магаз. Карбасникова, въ Кіевѣ въ кн. магаз. Оглоблина.

Всѣ изданія ред. «Русской Мысли» находятся на складѣ при типогр. Кушнерова и К°.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина" будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ" на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина"**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины" (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883. 1884, 1885, 1887. 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.